

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2014

№ 4 (134)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2014

№4 (134)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

А. Ю. Цофнас (Одесса, Украина),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

Международные отношения

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

Психология

В. В. Макурова,
канд. филос. наук, доц.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

СОДЕРЖАНИЕ

<p>КОНФЕРЕНЦИЯ «К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОЙНА, СОЦИУМ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»</p> <p><i>Любин В. П.</i> Современная историография Первой мировой войны..... 6</p> <p><i>Сперанский А. В.</i> «Вторая Отечественная война»: мифы, реалии, исторические параллели..... 20</p> <p><i>Михайленко В. И.</i> «Побежденная в лагере победителей»: итальянская дипломатия после Первой мировой войны..... 26</p> <p><i>Валиахметова Г. Н.</i> Ближний Восток в нефтяной дипломатии великих держав в годы Первой мировой войны..... 35</p> <p><i>Фельдман М. А.</i> Военно-технический уровень армии России в годы Первой мировой войны в трудах В. В. Поликарпова..... 41</p> <p><i>Камынин В. Д.</i> Современные представления о степени готовности промышленности России к Первой мировой войне (на материалах Уральского региона)..... 48</p> <p style="text-align: center;">КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»</p> <p><i>Ковалев Ю. Ю.</i> Концепция устойчивого развития и ее реализации в Европейском союзе 54</p> <p><i>Нестеров А. Г.</i> Герцогство Буковина в интеграционной модели Австро-Венгерской монархии..... 66</p> <p><i>Нестерова Т. П.</i> Итальянская политика на Додеканесских островах в 1912–1943 гг. 72</p> <p><i>Лузикова М. О.</i> Стратегии концентуализации «суверенитета» в заявлениях США и Аргентины по вопросу о соответствии провозглашения независимости Косово международному праву..... 80</p> <p style="text-align: center;">КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР И ПСИХОЛОГОВ-ДОБРОВОЛЬЦЕВ ДЛЯ РАБОТЫ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ И ДРУГИХ СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ»</p> <p><i>Cherepanov E.</i> Community-Based Psychological Recovery in Complex Emergencies: Operational Guidelines..... 89</p> <p style="text-align: center;">КОНФЕРЕНЦИЯ «СТЫКИ МОДЕРНОСТИ: МОРАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ»</p> <p><i>Бринк ван ден Б.</i> Борьба за зримое присутствие: о моральной грамматике документальной фотографии..... 100</p>	<p><i>Сычев А. А.</i> Экологическая справедливость: распределение, признание, участие 113</p> <p><i>Чулаков Д. К.</i> Самореализация как моральный императив в обществах поздней модерности 124</p> <p style="text-align: center;">КОНФЕРЕНЦИЯ «uAnalytiCon-2014: ИНФОРМАЦИЯ — ЯЗЫКИ — ЗНАНИЯ»</p> <p><i>Анкин Д. В.</i> Понятие онтологических обязательств в философии языка Р. Карнапа и У. Куайна..... 132</p> <p><i>Копылова А. О.</i> Условия истинности модальных предложений в логике У. Оккама..... 144</p> <p><i>Хизанишвили Д. В.</i> Особенности когнитивного подхода к аргументации: аспекты моделирования..... 155</p> <p style="text-align: center;">КОНФЕРЕНЦИЯ «ОБУЧЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ — LIFE LONG LEARNING: АКТУАЛЬНЫЕ МИРОВЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»</p> <p><i>Гайнуллина Л. Ф., Яковлева Е. Л.</i> Инклюзия в системе непрерывного образования..... 164</p> <p><i>Черепанова Е. С., Батюта Е. А.</i> Социальные компетенции одаренных детей: мировые тенденции формирования..... 170</p> <p><i>Мельник Н. Б.</i> Экологическая культура в системе экологического образования..... 180</p> <p><i>Корчагин Е. А., Сафин Р. С., Вильданов И. Э.</i> Взаимосвязь с производством как основа непрерывного профессионального образования в образовательном кластере..... 188</p> <p style="text-align: center;">КОНФЕРЕНЦИЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»</p> <p><i>Грунт Е. В., Киммель Н. В.</i> Особенности формирования русскоязычной диаспоры на о. Бали..... 193</p> <p><i>Bokek-Cohen Y., Lissitsa S.</i> The impact of Social Networks on Spousal Influence Strategies during Couple Purchase Decisions 201</p> <p style="text-align: center;">***</p> <p><i>Вахрушева Е. А., Логинов А. В.</i> Что от нас ждут в зарубежных журналах? 221</p> <p>Авторы номера 237</p> <p>Summary 240</p>
--	--

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНВЕНТ
«МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВ
И МНОЖЕСТВЕННЫЕ МОДЕРНОСТИ»

В апреле 2014 г. в Институте социальных и политических наук нашего университета состоялся Второй международный конвент «Модернизация обществ и множественные модерности». В этом номере мы публикуем статьи, подготовленные авторами для журнала на основе их докладов на конференциях Конвента.

КОНФЕРЕНЦИЯ

«К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОЙНА, СОЦИУМ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

УДК 94(100)“1914/19” + 930

В. П. Любин

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются новейшие исследования по истории Первой мировой войны, появившиеся в связи со 100-летием со дня ее начала. Основное внимание уделяется анализу современной зарубежной историографии, которая традиционно обращается к проблеме виновников развязывания войны. На примере двух крупных монографий раскрываются основные тенденции развития мировой историографии Первой мировой войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, национальные историографии, ответственность за развязывание войны, цена войны.

Автору данной статьи давно приходится заниматься сюжетами историографии Первой мировой войны [1, 39–61]. История данной войны — неисчерпаемая тематика, забытая одно время по понятным причинам нашей отечественной историографией, но постоянно изучавшаяся за рубежом и в последнее время привлекающая большое внимание российских авторов. Хотелось бы обратить внимание на то новое, что сделали историки разных стран в самое последнее время в связи со столетием со дня ее начала, отмечавшимся в августе 2014 г.

Первая мировая война стала роковым событием XX в. и во многом определила его дальнейший ход. Учитывая колоссальную значимость войны для европейской и мировой истории, все так или иначе связанные с ее изучением профессиональные историки разных стран, приверженцы разных научных школ и различных политических взглядов, особенно ученые из стран-участниц, посвятили столетию ряд новых интересных трудов.

В ИНИОН РАН, призванном давать как можно более свежую информацию о том, что нового происходит в общественных науках в России и за рубежом, подготовлен сборник обзоров и рефератов по современной историографии Первой мировой войны [2], о содержании которого говорится в этой статье.

Труды исследователей представлены в виде обзоров и рефератов, предназначенных не только для профессиональных историков, но и для всех, кто

интересуется ставшими теперь очень популярными сюжетами истории Великой войны, как ее называют во многих странах Европы.

Сборник открывается обзором новейшей западной литературы, выполненным мною на материале двенадцати работ на английском, немецком и итальянском языках, изданных в 2013–2014 гг., включая специальный выпуск журнала «Восточная Европа» (*Osteuropa*). Далее представлен также мой сводный реферат на два российских сборника 2012 и 2014 гг., посвященных Первой мировой войне.

Составители уделили особое внимание традиционным и новым подходам национальных историографий. Рассмотрена немецкая историография Первой мировой войны. Представлены отраженные в новых изданиях новейшие тенденции этой же национальной историографии. Помещены реферат на историографическое исследование Х. Джонс «К столетию Первой мировой войны: Новые подходы в историографии»; очерк об острых дискуссиях в историографии в 1960–1970-е гг., которые проходили вокруг книги немецкого историка Ф. Фишера «Рывок к мировому господству», когда речь шла о роли Германии в развязывании Первой мировой войны: показано, как повлияли эти дискуссии на развитие исследований в различных странах Европы.

Детальный обзор современной итальянской историографии дал генуэзский историк М. Плувиано, участник французского Коллектива международных исследований Первой мировой войны. Представленный им материал интересен тем, что в нем отражены самые новые тенденции данной национальной историографии, а также ввиду того, что в международном научном сообществе роль Италии и итальянского фронта в истории Первой мировой войны обычно недооценивается.

В сборнике отражены крупные труды, нашедшие отражение в виде массы рецензий и отзывов в прессе. К числу фундаментальных трудов, изданных в последние годы, относятся, например, монография английского историка австралийского происхождения К. Кларка «Лунатики: Как Европа вступала в Первую мировую войну» и книга итальянского ученого Э. Джентиле «Два пистолетных выстрела, десять миллионов убитых, конец мира», она представляет собой иллюстрированную обзорную работу по различным аспектам истории Первой мировой войны, ее восприятию в нынешней Европе, и в первую очередь в Италии. Книга Кларка, впервые изданная в Великобритании в 2012 г., была затем переиздана в 2013 г. в США и выдержала тринадцать изданий в Германии в 2013–2014 гг. Рефераты обеих этих книг довелось сделать мне самому, причем, что касается книги Кларка, хотя под рукой у меня находились и английское, и немецкое издания, предпочтение было отдано последнему, так как в нем авторский текст оказался существенно доработанным.

В ряде публикаций анализируется важная проблематика. Так, В. В. Миронов в своей работе рассматривает историю участия Австро-Венгрии в Первой мировой войне. Книга американской исследовательницы С. М. Кингсбери посвящена пропаганде в тылу как одному из главных направлений развития пропаганды в США в годы войны. Польский взгляд на историю Первой мировой войны представлен в монографии А. Хвальбы «Самоубийство Европы». Положение немецких, австрийских и турецких военнопленных в России описывается в книге В. А. Пылькина. Во многих странах — Франции, Италии и др. — в настоящее время

созданы специальные комитеты и комиссии по подготовке к 100-летию Первой мировой войны, состоящие из известных исследователей-историков, литераторов, политиков. Мероприятия, запланированные во Франции в связи с этой датой, обсуждаются в сводном реферате кандидата исторических наук Т. М. Фадеевой; подготовленный ею другой обзор посвящен образам Первой мировой войны в сознании участников и в позднейшей исторической памяти.

Аналитический обзор по истории беженцев в Восточной Европе представила украинская коллега из Харькова, доктор исторических наук Л. Н. Жванко. Этой же проблеме посвящена и ее собственная монография «Беженцы Первой мировой войны: Украинская реальность (1914–1918 гг.)», реферат монографии помещен в сборнике. Завершает сборник реферат книги П. Энглунда «Восторг и боль сражения: первая мировая в 211 эпизодах», в которой атмосфера Первой мировой войны воссоздается по 211 фрагментам из дневников и воспоминаний девятнадцати ее участников из разных стран, сражавшихся на самых разных ее театрах, от Франции до России и от Италии до Юго-Восточной Африки.

Особый интерес представляют монографии К. Кларка [3] и Э. Джентиле [4], ибо они в определенной мере отражают общий мировой уровень нынешней историографии.

Монография Кристофера Кларка, специалиста по истории Пруссии, профессора Кембриджского университета, едва появившись, стала бестселлером в западной исторической литературе. В чем причина такой чрезвычайной популярности этой книги? Если посмотреть опубликованные в Интернете на разных языках многочисленные рецензии, то можно заключить, что в уже почти сто лет разрабатывающийся учеными разных стран детективный сюжет истории начала мировой войны 1914–1918 гг. этот английский (австралийский по происхождению) автор, в том, что касается виновников войны, много нового не вносит. Ну разве что Кларк считает, что виноваты в развязывании мировой войны *все* «главные герои», от которых зависело, быть или не быть войне.

Следует заметить, что подобное мнение было мейнстримом в мировой историографии начиная с 1920-х гг., историки стали его придерживаться с легкой руки бывшего английского премьер-министра Ллойд-Джорджа, заявившего о «вине всех» в своих мемуарах. После выхода книги Ф. Фишера «Рывок к мировому господству» европейские и американские историки, следуя за Фишером, стали возлагать вину за развязывание войны главным образом на Германию. Кларк признает, что хотя версия Фишера подверглась в последнее время острой критике, до сих пор в историографии «доминирует смягченная версия тезиса Фишера о пути Германии к войне». И, видимо, потому, что в его собственном подходе главная вина с Германии снимается или, по крайней мере, автор не идет вслед за Фишером, немецкие издания книги (к середине 2014 г. их было уже тринадцать) достигли общего тиража в 200 тыс. экз.

Монография Кларка в определенной мере отражает некие попытки, заметные в последнее время особенно в немецкоязычной литературе, произвести ревизию ранее устоявшихся концепций, навеянных упоминавшимся трудом Фишера, заявившим об особой виновности германских политиков и военных в развязывании Первой мировой войны. В отличие от многих других историков Кларк заостряет

внимание на последних предвоенных годах и роли пылающего очага, в который в тот период превратились Балканы. Вероятно, здесь, скорее не напрямую, а между строк, можно прочесть намерение автора — несмотря на его декларированное стремление к объективности, обусловленной взглядом историка на события лета 1914 г. со столетней высоты, и его мнение, что по сути виноваты все, — сделать чуть ли не главным виновником в развязывании этой войны Сербию (которую, как известно, поддерживала Россия). *Сербия для автора — «одно из темных пятен истории июльского кризиса» 1914 г. [3, 15].*

Это можно назвать новым историческим ревизионизмом. Автор признает, что многие десятилетия XX в. в европейской и мировой историографии главным виновником считалась Германия, без поддержки которой Австро-Венгрия не решилась бы предъявить Сербии приведший к войне ультиматум. Вопрос, является ли *Сербия жертвой или виновником войны*, ставится в историографии давно. Следует, однако, иметь в виду, что в те времена на Балканах выдвигались не только проекты Великой Сербии, которым противодействовал австро-германский блок, но и Великой Болгарии, Великой Греции и Великой Румынии. Эти устремления способствовали развязыванию сначала двух Балканских войн, а затем и называемой некоторыми историками «Третьей Балканской» войны, переросшей в мировую.

Один из центральных тезисов книги Кларка гласит, что кризис июля 1914 г. можно понять лишь тогда, когда выяснены пути, приводившие к главным решениям, воздействовавшим на развитие событий. В одном из последних исследований о войне, пишет Кларк, звучит мысль, что вплоть до ее начала война представлялась «невероятной». Отсюда следует, что конфликт стал результатом не долгосрочного ухудшения отношений, а краткосрочного потрясения международной системы. Такое предположение вносит в развитие событий элемент случайности, и это, безусловно, соответствует тому, что некоторые события, которые отражают подоплеку кризиса июля 1914 г., могли помочь избежать войны.

Автор базируется на широком круге источников из разных европейских стран, использует документы из архивов Парижа, Белграда, Москвы, Санкт-Петербурга, Лондона, Вены, Берлина, Штутгарта, Гааги, Гринвича. Одновременно автор не оставляет камня на камне от многотомных официальных публикаций документов о предшествующем войне периоде и о времени самой войны, вышедших в 1920–1930-х гг. в главных странах — участницах военных действий: Германии, Франции, Австрии, Англии, России/СССР и др. Всем им, по его мнению, присущи тенденциозность, попытки обелить поведение и действия собственной страны и обвинить во всех смертных грехах своих противников в прошедшей войне. Разумеется, так оно и есть, в соответствии с намерениями правительств стран — участниц войны обелить действия своих политиков, дипломатов и военных, приведшие к войне, и переложить вину за ее развязывание на противников. Здесь, собственно, Кларк тоже не открывает чего-то нового, об этом преподаватели университетских исторических факультетов говорят своим студентам еще на первых курсах обучения, показывая на примере «цветных книг» периода войны и многотомных изданий уже послевоенного времени, как во всех странах политика в XX в. тесно переплеталась с историей. Серьезной критике в монографии подвергаются и

мемуары политических деятелей, причастных к разработке политического курса в своих странах: Пуанкаре, Сазонова и т. п.

Автор начинает повествование с жестоких убийств 11 июня 1903 г. правителя Сербии из династии Обреновичей, его жены и адъютанта в их дворце, убийств в Белграде их родственников и сподвижников, совершенных заговорщиками, офицерами сербской армии. Этот путч стал началом нового этапа сербской истории, пишет Кларк. После этих убийств трон занял Петр, представитель династии Карагеоргиевичей, находившийся тогда в изгнании в Швейцарии. Кларк констатирует, что борьба этих двух родов во многом определяла историю Сербии в XIX в. и перешла в век XX [3, 25–44].

Кларк анализирует обстановку, сложившуюся в Европе в конце XIX — начале XX в. У французов, считает автор, несмотря на продемонстрированную накануне войны приверженность России русско-французскому союзу, не было уверенности в том, что Россия их поддержит в случае войны. «Пуанкаре, как и многие другие, принимавшие решения в ходе событий (июльского кризиса 1914 г. — *В. Л.*), чувствовал, что время работает против него» [Там же, 407]. Вместе с тем в ходе июльского кризиса многие политики, дипломаты и военные в европейских странах ставили вопрос ребром: «Теперь или никогда!».

Новым в интерпретации Кларка является обращение к сюжетам психологического свойства, на которые историки раньше мало обращали внимания. Это особенно проявляется в подразделе, названном «Кризис мужественности?». Кларк показывает, что никто из действующих лиц не хотел подвергнуться обвинению в недостатке мужественности. Следствием этого были принимаемые решения, которые привели к эскалации напряженности и в конечном итоге к началу войны в первые дни августа 1914 г. [Там же, 464–467].

Главы последнего раздела названы «Убийство в Сараево», «Кризис вовлекает в себя все большие силы», «Французы в Санкт-Петербурге», «Ультиматум», «Предупредительные выстрелы», «Последние дни». По мнению Кларка, после убийства Гаврило Принципом эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги у Австро-Венгрии все же были «отличные резоны отложить военную акцию против Сербии» [Там же, 518]. Автор указывает на неясность с временными планами мобилизации, отсутствие политического единства среди австро-венгерских элит, успешное продвижение расследования преступления в Сараево, неуверенность в гарантиях германской поддержки.

Показать, что кризис 1914 г. был чрезвычайно сложным явлением, составляло одно из главных намерений автора [Там же, 709]. Сравнивая то, что происходило тогда в Европе, с тем, что происходит в самые последние годы, когда он заканчивал эту книгу, Кларк замечает, что в данном случае «акторы 1914 г.» могут считаться «нашими современниками». Он снова обращает внимание на то, что происходившее на Балканском полуострове не случайно сыграло «центральную роль» в развязывании войны. Здесь важно иметь в виду «место убийства, которое вызвало тот кризис».

Автор обращает внимание на важные обстоятельства: 1) нельзя забывать, что Балканские войны заставили «заново пересмотреть отношения между великими и малыми державами», и в глазах австрийского и российского руководства борьба

за контроль над событиями на Балканах, особенно после кризиса зимы 1912/13 гг., приобрела «новое и опасное измерение»; 2) последствием этого стала «балканизация франко-русского союза», а Франция и Россия создавали «геополитический бикфордов шнур вдоль австро-венгерской границы» [3, 713]. «Россия и Франция соединили в этом отношении в чрезвычайно асимметричном виде судьбы двух великих держав с неопределенными действиями одного беспокойного и склонного время от времени прибегать к насильственным методам государства» [Там же, 713–714].

Для Австро-Венгрии региональные меры в обеспечении безопасности оказались сведены на нет Балканскими войнами. Убийство в Сараево не было поводом для применения существовавшего к тому времени плана вторжения или начала войны. С точки зрения тех, кто живет в начале XXI в., легко было бы сказать, что Вена могла бы прояснить всплывшие в связи с убийством вопросы путем спокойных двусторонних переговоров с Белградом. «Но в условиях 1914 г. это не стало бы заслуживающим доверия решением». Так же как и предложение британского министра иностранных дел Эдварда Грея о посредничестве между четырьмя великими державами.

«Речь не о том, что сербские власти не могли пресечь ирредентистскую деятельность, благодаря которой и было совершено данное убийство. Друзья Сербии не хотели, чтобы за Вену было признано право прибегнуть в своих требованиях к Белграду к средству, с помощью которого она могла бы контролировать ситуацию и осуществлять наблюдение в целях достижения послушания. Они отвергали подобные предложения, обосновывая их тем, что они окажутся несовместимыми с суверенитетом сербского государства» [Там же, 714]. Это заставляет Кларка провести параллель с дискуссией в Совете безопасности ООН в октябре 2011 г. по поводу предложения государств—членов НАТО ввести санкции против режима Асада в Сирии. Он напоминает, что предложение было отклонено представителем России под тем предлогом, что эта идея означает якобы типичный для западных держав «конфронтационный подход», и представителем Китая, выдвинувшим аргумент, что санкции несоразмерны и что они нарушают сирийский суверенитет [Там же, 714–715].

Кларк обращается к «вопросу вины», ставшему причиной нескончаемой полемики в историографии после того, как в статье 231 Версальского договора было сказано о моральной ответственности Германии и ее партнеров. «Доказательства вины, звучащие с разных сторон, никогда не теряли своей привлекательной силы».

Автор вновь обращается к не потерявшей, на его взгляд, «живучести» концепции Фрица Фишера, Имануэля Гайса и целой вереницы более молодых немецких историков, согласно которой «главную ответственность за войну несла Германия». Согласно такому подходу Германия не «соскользнула» к войне, а вполне сознательно ее планировала и заранее подготавливала в надежде вырваться из европейской изоляции и отважиться на знаменитый «Рывок к мировому господству» (название книги Ф. Фишера. — В. Л.). Хотя в последнее время, констатирует автор, концепция Фишера в ее узловых пунктах подвергается острой критике, «тем не менее смягченная версия тезисов Фишера еще и сегодня доминирует в исследованиях о пути Германии к войне».

Но является ли необходимым возлагать вину на одно-единственное государство или выстраивать целый их ряд, помещая в нем государства согласно степени их вины за начало войны, задается вопросом автор. Ссылаясь на соображения историка Пола Кеннеди, писавшего о «слабости» подобной постановки вопроса, автор считает, что ориентированная на поиск виновника модель исследования не проясняет многих проблем. «Было ли для Сербии неверным стремиться к объединению сербов? Была ли несправедливой Австро-Венгрия, когда настаивала на независимости Албании? Было ли здесь одно из требований более несправедливым, чем другое? На самом деле этот вопрос не имеет никакого значения», — считает автор [3, 715].

Начало войны 1914 г. — это не триллер Агаты Кристи, «в данной истории нет разыскиваемого орудия преступления как неоспоримого доказательства вины или, точнее, оно присутствует в руках, им обладает каждый отдельный важный актер». «Если смотреть с такого ракурса, то начало войны является трагедией, а не преступлением» [Там же, 716]. «Если мы это признаем, то это вовсе не означает, что мы принизим воинствующую и империалистическую паранойю австрийских и немецких политиков, к которой справедливо привлекли внимание Фишер и его историческая школа. Но немцы не были единственными империалистами, и не они одни оказались подвержены подобной паранойе. Кризис, который в 1914 г. привел к войне, был плодом общей политической культуры. Она была вместе с тем многополярной и на деле интерактивной, и именно это делает ее сверхсложным явлением эпохи модерна и именно поэтому дискуссия о причинах Первой мировой войны развивается дальше спустя сто лет после смертельных выстрелов Гаврило Принципа на улице Франца Иосифа» [Там же, 717].

«Единственное, что несомненно, — ни одно из дел, о которых спорили политики в 1914 г., не стоило того, чтобы пришла последующая катастрофа. Осознавали ли протагонисты вообще, о чем на самом деле шла речь?» Высказав неодобрительное мнение об их поведении, Кларк заключает: «Если исходить из этого, то протагонисты 1914 г. — это лунатики, бодрствующие, но слепые существа, мучимые кошмарами, неспособные предвидеть реальность ужасов, которые скоро охватят мир» [Там же, 717–718].

Известный итальянский историк Эмилио Джентиле, автор ряда фундаментальных монографий, посвятил книгу различным аспектам истории Первой мировой войны, ее последствиям, а также ее восприятию в нынешней Европе, и в первую очередь в Италии. 1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, пишет он во введении, названном «От памяти к истории». Возможно, этой войны никто не хотел, но никто не сумел ее избежать. Она не была фатально неизбежной, но и не возникла случайно, хотя случай здесь сыграл свою роль. Она была начата людьми, которым принадлежала власть и которые могли сделать выбор между миром и войной. И они выбрали войну.

Правители сделали это, не спрашивая мнения своих подданных. Однако ни в одном из воюющих государств мобилизованные люди, которые отправлялись на фронт, чтобы умирать или оказаться убитыми, не восстали против своих правителей. Здесь следовало бы поправить автора и добавить, что уставшие от войны солдатские массы в России (уточним: конкретно в лице Волынского полка

в Петрограде) восстали против царского режима и свергли его в феврале 1917 г. В Италии песня, которую распевали солдаты в окопах на фронте, заканчивалась призывом «сделать, как в России», и в 1919–1920 гг. страна переживала революционную ситуацию, грозившую закончиться таким же революционным взрывом, как в России.

Многие думали, продолжает Джентиле, что война закончится через несколько месяцев. Мало кто предвидел, что она продлится несколько лет. Великая война, как называют Первую мировую во Франции, Италии и многих других странах, длилась 53 месяца. В ней участвовали крупнейшие мировые державы и малые государства со всех континентов. Были мобилизованы около 70 млн человек. Последними из призывавшихся стали молодые люди 1899 и 1900 гг. рождения. Сражения этой войны закончились 11 ноября 1918 г.

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что теперь никого из солдат Великой войны не осталось в живых. Последний ее участник, итальянец, скончался 26 октября 2008 г. в возрасте 110 лет. В том же году 21 ноября умер в возрасте 109 лет последний ветеран французской армии, он был родом из Италии. Последний ветеран в США умер в возрасте 110 лет 27 февраля 2011 г., 5 мая следующего года ушел из жизни последний английский участник Великой войны, ему было 113 лет. «Смерть навсегда устранила возможность услышать голос выживших на войне, получить свидетельства их опыта участников Великой войны. На смену памяти окончательно пришла история» [4, VII].

Берлинский конгресс 1878 г. признал Сербию независимым королевством. В 1903 г. было совершено зверское убийство короля Александра и его жены. Александр принадлежал к династии Обреновичей, которая правила в стране с 1858 г. и лояльно относилась к Австрии. Убийство совершили националисты из военных кругов. На трон вступили представители конкурирующей династии Карагеоргиевичей. Новый король, Петр I, пытался подражать правителям из итальянской Савойской династии, объединившей в 1861 г. Италию. Главный печатный орган сербских националистов назывался «Пьемонт». Они намеревались изгнать Австрию с Балкан и объединить южных славян в Великую Сербию, имеющую выходы к Адриатическому морю через Далмацию или Албанию.

В 1908 г. Австро-Венгрия, пользуясь ослаблением Османской империи, аннексировала Боснию и Герцеговину, где более половины населения были сербами. Это способствовало подъему сербского национализма и укреплению союза Сербии с Россией, которая считалась защитницей славян. После 1908 г. в Сербии возникли антиавстрийские террористические организации, как, например, созданная в 1911 г. «Союз или смерть», известная и под другим названием — «Черная рука». Ее создал полковник Драгутин Димитриевич по прозвищу Апис, возглавлявший секретную службу сербского Генерального штаба.

Убийство Франца Фердинанда и его жены двумя выстрелами из браунинга было совершено группой сербских студентов-националистов из организации «Млада Босна», получивших оружие от сербских офицеров из «Черной руки». Австрия была полна решимости обуздать экспансионистские намерения Сербии. Она считала их опасными для своей многонациональной империи. Наследник престарелого императора Франца Иосифа Франц Фердинанд намеревался,

напоминает автор, развивать федералистские начала, предоставить большую автономию славянским землям империи, превратить ее из дуалистичной в триалистичную. Г. Принцип, состоявший в подпольной организации «Млада Босна», был сторонником создания единого южнославянского государства. Ответственность за убийство эрцгерцога правительство Австро-Венгрии возложило на Сербию.

Европейская пресса, разумеется уделившая внимание всем этим событиям, не была, однако, тревогу по поводу угрозы миру на континенте. Погибший эрцгерцог не вызывал больших симпатий. А убийства правящих лиц в ту эпоху не были чем-то новым. Ни одно из них не стало поводом для того, чтобы обратиться к оружию.

После Франко-прусской войны 1870 г. Европа переживала период длительного мира. Это давало надежду на то, что триумфальная модернизация европейской цивилизации, движимой верой в рациональность и прогресс, позволит избежать варварства войны. 14 апреля 1900 г. в Париже открылась крупнейшая всемирная выставка, главной темой на которой было электричество, новая энергия, открытая современным человеком. Она символизировала победу прогресса над темными силами и приход просвещенного и мирного человечества. За семь месяцев работы выставки 50 млн человек посетили экспозицию, ставшую наглядным символом Belle Époque («Прекрасная эпоха» — вошедшее в исторический лексикон название на французском языке периода расцвета европейской культуры 1870–1914 гг. — В. Л.). Тридцать лет спустя австрийский писатель Стефан Цвейг отметил, что это была «золотая эпоха безопасности». В 1909 г. большой успех во всем мире получила книга «Большая иллюзия» английского экономиста Норманна Энджела. Он доказывал, что всеобщая война теперь становится невозможной, потому что станет экономической катастрофой как для побежденных, так и для победителей.

Несмотря на подъем пацифистских настроений, в военных штабах Германии, Франции, России и других стран разрабатывались планы будущих военных операций. После визита в 1913 г. генерала Жоффра в Россию, с которой у Франции имелась договоренность о совместных действиях против потенциальных противников — Германии и Австрии, сложилось мнение, что если Германия сосредоточит основные силы против Франции, то, учитывая, что на восточном фронте у нее будет мало войск, русская армия должна будет сразу же перейти в наступление. Даже Англия не исключала того, что будет нарушен нейтралитет Бельгии, если начнутся боевые действия между Тройственным соглашением (Франция, Россия, Англия) и Тройственным союзом (Германия, Австрия, Италия). В случае войны, заявили в декабре 1912 г. министры Черчилль и Ллойд Джордж, «для Голландии и Бельгии станет невозможным оставаться нейтральными, и они должны будут стать или друзьями, или врагами» [4, 21].

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Она не предполагала, что это вызовет европейскую войну. Этого не предполагал и Николай II, объявивший в России всеобщую мобилизацию. Спровоцировать всеобщую войну не входило в намерения и других европейских правителей, и даже в намерения генеральных штабов. Тот же Мольтке-младший еще в 1905 г. предупреждал кайзера Вильгельма II о невозможности выиграть войну с Францией, о том, что война окажется долгой и изнурительной и станет разрушительной для европейской

цивилизации. Тем не менее через несколько дней главные европейские державы оказались в состоянии войны.

Вследствие нарушения бельгийского нейтралитета Англия 4 августа объявила войну Германии. Затем с 6 по 12 августа последовали объявления Австро-Венгрией войны России и Францией и Англией — Австро-Венгрии. Правительства британских доминионов проявили полную солидарность с метрополией. 23 августа Япония объявила войну Германии, намереваясь захватить находившиеся под ее властью территории в Китае, хотя потом ни один японский солдат не был отправлен сражаться в Европу. Наконец, 1 ноября 1914 г. Россия, за которой последовали Франция и Англия, объявила войну Османской империи, вставшей на сторону Германии. Фронт сражений распространился с европейской территории на земли Ближнего Востока и Аравийского полуострова. 14 ноября турецкий султанат объявил джихад — священную войну — против своих противников [4, 40].

Так в течение немногих недель «Третья Балканская война» (термин автора. — В. Л.) переросла в общеевропейскую. Поскольку начавшие ее великие державы владели колониями по всему миру, война с самого начала стала мировой. Несмотря на все заявления предыдущих лет и подготовку к такому развитию событий, которую великие державы осуществляли в предвоенный период, война стала неожиданностью для правителей и генеральных штабов, оказавшихся неподготовленными к ведению длительной войны и быстро исчерпавших накопленные ресурсы.

Великая война, пишет автор, стала неизбежной из-за цепи событий, в которые оказались вовлечены правители и генеральные штабы. Аккумуляция непредвиденных обстоятельств заставила их принимать решения, чреватые страшными последствиями. Здесь переплелись национальные и частные интересы, внешнеполитическая и внутривнутриполитическая ситуации, все чувствовали себя скорее подвергшимися агрессии, чем агрессорами. Никто из правителей, объявлявших войну, не хотел спровоцировать континентальный конфликт, но никто и не мог его остановить.

К концу 1914 г. немцы оккупировали около 10 % французской территории, занятая ими часть Франции имела особое значение в снабжении страны промышленной продукцией и полезными ископаемыми, замечает автор. Они крепко держали в своих руках Бельгию, где жестоко пресекали всякие попытки сопротивления. Сотни бельгийцев были расстреляны, многие сосланы в концентрационные лагеря в Германии.

В августе 1914 г. немцы в течение пяти дней разрушали старинный Лувен, сожгли университетскую библиотеку, в которой были собраны более 300 тыс. книг. Было расстреляно 248 мирных жителей, все 42-тысячное население города подверглось изгнанию, тысячи домов были разграблены. Всего в стране оказались убитыми более 6 тыс. гражданских лиц, 1,5 млн бельгийцев сделали беженцами под натиском немецкой армии. Преступления немцев в Бельгии сразу же стали материалом, широко используемым в антигерманской пропаганде в странах Антанты.

Всего в 1914 г., когда еще существовали иллюзии, что война будет короткой, были мобилизованы более 21 млн человек, из них 15 млн 220 тыс. в странах Антанты и 5 млн 800 тыс. в Центральных державах [4, 50]. После сражения при

Ипре и провала немецкого плана прорыва к морю на Западном фронте, простиравшемся на 700 км от Бельгии до границ Швейцарии, война из наступательной фазы перешла в позиционную. Иллюзия краткосрочной войны улетучилась. Окопная война, в которой противоборствующие стороны, чередуя наступления и контр наступления, продвигались всего лишь на сотни метров, продолжалась все последующие годы. Во втором сражении у Ипра, длившемся с 22 апреля по 25 мая 1915 г., германская армия впервые провела эксперимент с применением химического оружия. Оно использовалось и союзными армиями, впервые — англичанами на Западном фронте 25 сентября 1915 г. в сражении при Лоосе. Это оружие вызвало многочисленные жертвы с обеих сторон. Выжившие солдаты в письмах на родину отмечали, что после таких боев взору предстают «ужасные картины». Лишь применение противогазов позволило избежать гораздо больших жертв.

Несколько страниц автор посвящает сражениям 1914 г. на Восточном фронте, простиравшемся от Балтийского до Черного моря. Он упоминает окончившееся поражением русской армии сражение под Танненбергом в Восточной Пруссии и у Мазурских озер, которое выиграли немецкие военачальники Людендорф и Гинденбург. Русская армия, со своей стороны, провела успешное наступление против Австро-Венгрии, потерявшей 350 тыс. солдат, в результате этих сражений были взяты Львов и другие важные пункты. Лишь в марте 1915 г. войскам Центральных держав удалось изгнать русских из Галиции и занять Польшу и Литву. Но эти успехи не вынудили Россию заключить сепаратный мир.

Ввиду того что во Франции установилось равновесие и фронт не двигался долгое время, союзниками был открыт новый фронт: созданный по инициативе Черчилля англо-французский корпус с участием австралийцев и новозеландцев 25 апреля 1915 г. высадился в Галлиполи и вступил в борьбу за Дарданеллы, стремясь захватить Константинополь. Но турецкие войска, подготовленные немецкими инструкторами, оказали стойкое сопротивление. Окопная война, продлившаяся долгие месяцы, спровоцировала и здесь большое число жертв. В турецкой армии прославился молодой офицер Мустафа Кемаль. Другая операция союзников, начавшаяся 5 октября 1915 г. в Салониках в Греции и направленная на поддержку сербских войск, также была безуспешной: австрийцам удалось разгромить сербскую армию и занять Сербию и Черногорию. Вступившая в войну на стороне Центральных держав Болгария заняла Македонию. Насчитывавший полмиллиона военнослужащих экспедиционный корпус союзников не достиг поставленной цели продвинуться на север Балкан.

Немецкий фельдмаршал фон Гольц, отличившийся своей жестокостью в отношении гражданских лиц в Бельгии, написал после поражений англичан в Дарданеллах и Месопотамии, что «особенностью XX в. станет революция цветных рас против европейского колониального империализма» [4, 50]. В войсках союзников воевали десятки тысяч солдат — подданных английских и французских колоний. Война шла и в Африке, и на Дальнем Востоке. 14 августа 1917 г. Китай объявил войну Центральным державам, республиканское китайское правительство надеялось вернуть свои территории, занятые Германией.

В июне 1916 г. началась война арабов против турок на Аравийском полуострове, англичане пообещали арабским повстанцам свое содействие в создании

независимого государства. В июле 1917 г. арабы заняли порт Акаба на Красном море, 9 декабря 1917 г. английские войска вошли в Иерусалим.

Автор обращается к сюжету вступления Италии в войну, периоду нейтралитета 1914–1915 гг., началу боевых действий итальянской армии в мае 1915 г. Учитывая, что в целом 1915 г. стал негативным для Антанты, единственным позитивным для нее фактом, по мнению Джентиле, стало вступление в войну Италии на ее стороне.

В начале боевых действий на итало-австрийском фронте итальянская армия под командованием генерала Кадорны потеряла только в первых четырех сражениях против австрийцев на реке Изонцо в 1915 г. 66 тыс. убитыми и 180 тыс. ранеными без достижения сколько-нибудь значимого результата [Там же, 88]. Вторжение австрийских войск на итальянскую территорию в мае 1916 г. повлекло за собой отставку правительства Саландры. Итальянцам помогло июньское наступление русских войск под командованием Брусилова. В том же июне 1916 г. австрийцы впервые применили на итальянском фронте газовую атаку. От отравления погибли около 3 тыс. итальянцев [Там же, 90].

Джентиле уделяет внимание «войне машин», «войне материалов». Он считает, что произошла «демонизация противника, как в религиозной войне». «Бог с нами» (*Gott mit uns, God is with us*) стало лозунгом всех армий [Там же, 115]. Упоминаются кровопролитные сражения под Верденом и на Сомме 1916 г., успешное наступление русской армии под командованием Брусилова. Оно «деморализовало австро-венгерскую армию», потерявшую 600 тыс. военнослужащих, 400 тыс. сдались в плен. Но и потери русских оказались велики — 1 млн солдат. Смещенный с поста начальника Генштаба генерал Фалькенхайн успешно сражался на фронте против армии вступившей в войну на стороне Антанты Румынии и взял Бухарест. Румыны потеряли убитыми и сдавшимися в плен 350 тыс. человек [Там же, 119].

Усталость солдат от войны привела, например, к поражению итальянцев при Капоретто в октябре 1917 г. Они понесли тяжелые потери: 10 тыс. убитыми, 29 тыс. ранеными, 290 тыс. пленными. За десять дней итальянцы потеряли все территории, отвоеванные у австрийцев за два года войны, и австро-немецкие войска оказались в 50 км от Венеции. Тем не менее итальянцам удалось остановить эти атаки и впоследствии самим перейти в наступление.

Джентиле упоминает о революции в России 1917 г. и о вступлении в том же году в войну США, которые и раньше оказывали экономическую и финансовую помощь странам Антанты. Дана характеристика речи в американском конгрессе 8 января 1918 г. президента Вильсона, выдвинувшего 14 пунктов, на основе которых, по мнению американцев, должен быть заключен мир. Для них это была «война за демократию». Для Советской России речь шла о выходе из войны с Центральными державами, в самой стране началась гражданская война.

Окончание боевых действий в ноябре 1918 г., по мнению итальянского исследователя, не принесло «замирения». На мирную конференцию, начавшуюся 18 января 1919 г. в Париже и закончившуюся подписанием Версальского мира и других соглашений между воевавшими странами, не были допущены представители побежденных государств и даже Россия, потому что ни одна из «союзных и ассоциированных» держав не признала большевистского правительства [4, 157].

Характеризуя послевоенные революционные события в Германии, Джентиле замечает, что первое республиканское правительство должно было подписать мир с победителями. На Парижской мирной конференции речь шла о «новой Европе». Автор напоминает о жесткой критике Версальского договора европейскими интеллектуалами. Даются цифры понесенных в войне огромных людских потерь по разным странам.

В эпилоге под названием «Конец мира» Джентиле подчеркивает, что «два выстрела из пистолета, прозвучавшие 28 июня 1914 г., спровоцировали 10 млн убитых, и последствия этого означали настоящий “конец света”». В течение лишь немногих месяцев «прекрасная эпоха торжествующего модерна стала эпохой убийственного модерна» [Там же, 197].

«Разразившаяся в момент, когда европейская цивилизация находилась в апогее своей мировой гегемонии, Великая война показала, до какой жестокости способна пойти наиболее цивилизованная и прогрессивная часть человечества, которая не поколебалась использовать все ресурсы промышленного производства, достижения науки и техники, организационную эффективность государственного аппарата, интеллект, культуру и искусство для того, чтобы создать гигантскую человеческую бойню с целью достичь победы над обезчеловеченным, демонизированным и превращенным в зверя врагом» [Там же, 198].

Скептицизм и пессимизм стали преобладать в европейской культуре после этой войны. «Мир торжествующего модерна с его верой в разум и прогресс закончился». Памятники погибшим, воздвигнутые, чтобы смягчить боль миллионов семей и увековечить память о них в грядущих поколениях, стали «похоронным напоминанием об эпохе торжествующего модерна, покончившего самоубийством в Великой войне» [Там же, 204, 207].

Среди авторов работ о Первой мировой войне исследователем упомянуты немецкие историки Фриц Фишер и его оппонент Герхард Риттер, В. И. Ленин, французские историки Пьер Ренувен и Жан Батист Дюрозель, англичане А. Дж. П. Тэйлор, Джеймс Джолл, Хью Стрэчен, Джон Киган, американский историк Джордж Л. Моссе. В числе новых книг о войне Джентиле цитирует монографию Кристофера Кларка, отметившего, что «конфликт был следствием не длительной деградации, а травм, полученных незадолго до его начала и потрясших международную систему» [Там же, 220].

Признанный специалист по итальянскому фашизму, Джентиле характеризует установившиеся впоследствии три тоталитарных режима: «с одной стороны, большевистский тоталитаризм, с другой — фашистский и национал-социалистский тоталитаризмы» как вышедшие непосредственно из войн — большевистский из Гражданской войны в России, фашистский и национал-социалистский — из Первой мировой. Эти «три тоталитаризма выступали против либеральной и парламентской демократии, но в то же время существовал смертельный антагонизм между большевистским тоталитаризмом, с одной стороны, и фашистским и национал-социалистским, с другой» [4, 218].

«Несомненно, тоталитарные режимы использовали опыт Первой мировой войны для того, чтобы развить свои системы политики вооруженного насилия и введения палочной дисциплины в обществе под контролем единственной

партии, но тоталитаризмы не были неизбежным следствием Великой войны, как и “брутализации политики”... В таких странах, как Франция и Бельгия, которые с самого начала были глубоко вовлечены в войну и пережили brutальный военный опыт, тоталитарные режимы не возникли. В той же Германии после первых лет вооруженного политического насилия Веймарской республике удалось стабилизироваться. Национал-социалисты до 1928 г. оставались лишь небольшой партией, которая без “великого кризиса” 1929 г., возможно, никогда не пришла бы к власти» [Там же, 218–219].

1 сентября 1939 г. Европа вновь стала эпицентром континентальной войны, развязанной национал-социалистской Германией. Она стала Второй, самой большой мировой войной, число погибших в ней, среди которых было немало гражданских лиц, достигло 50 млн. Был совершен геноцид 6 млн евреев в европейских странах. Летом 1945 г. стало ясно, что эта новая бойня лишила Европу остатков ее прежнего «примата» в мире. Продолжавшееся развитие модерна и вступление человечества в третье тысячелетие прошли без того, чтобы к первым двум добавилась Третья мировая война.

Хотя после 1945 г. и происходили войны, акты геноцида, массовые убийства, продолжающиеся и в первые десятилетия XXI в., но за более чем 60 лет после Второй мировой войны наблюдался прогресс науки и технологий, сопровождавшийся заметным улучшением качества жизни, подобно тому как это происходило в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне. Война не является судьбой модерна, но при модерне она начинается, когда с ее помощью пытаются разрешить противоречия, которыми насыщена жизнь народов в эпоху постоянных и неизбежных перемен. Когда эти перемены не удается подчинить человеческой рациональности, тогда выход в виде войны может представляться наилучшим решением, заключает Джентиле [Там же, 219].

Таковы тезисы, выдвинутые авторами процитированных монографий. Обе они стали заметным явлением на фоне массы появившихся к столетней годовщине начала Первой мировой войны других трудов. Поток этих работ не прекращается и, очевидно, будет нарастать в ближайшие годы. Задача историков-профессионалов заключается в обобщении и тщательном анализе данной литературы, систематизации и оценке новых подходов, представленных в современной историографии Первой мировой войны.

1. Любин В. П. Проблемы историографии Первой мировой войны: новые работы 90-х годов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : реф. журн. Сер. 5 : История. М., 1999. № 3. С. 39–61.

2. Первая мировая война. Современная историография / отв. ред. В. П. Любин. М., 2014.

3. Clark Chr. Die Schlafwandler: Wie Europa in den Ersten Weltkrieg zog. Bonn, 2013.

4. Gentile E. Due colpi di pistola, dieci milioni di morti, la fine di un mondo: Storia illustrata della Grande Guerra. Roma ; Bari, 2014. XII.

УДК 94(100)“1939/45” + 94(100)“1914/19”

А. В. Сперанский

**«ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА»:
МИФЫ, РЕАЛИИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ***

В статье рассматриваются устойчивые стереотипы относительно характера Первой мировой войны, оценки хода военных действий, деятельности русских военачальников, руководства страной, поведения народных масс и т. п., сложившиеся в научной литературе, а также в публицистике и исторической памяти за 100 лет, прошедших после ее начала. На основе исследования историографического процесса и фактического материала из военной истории автором проводятся исторические параллели, которые прослеживаются в общественном сознании россиян между Отечественной войной 1812 г., Первой мировой войной и Великой Отечественной войной.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, мифотворчество, исторические параллели, общественное сознание.

Война между странами Антанты и Центральными державами, начавшаяся 1 августа 1914 г. объявлением войны России со стороны Германии, продолжалась с 1914 по 1918 г. Она охватила пожаром военных действий территории Европы, Азии и Африки площадью около 4 млн квадратных километров. В орбиту этой чудовищной «мясорубки» было втянуто более 1,5 млн человек, что составляло примерно ¼ всего населения земного шара.

Война, получившая страшный статус мировой, привела к колоссальным разрушениям и жертвам, ранее не имевшим место в истории человеческой цивилизации. Практически каждый день в этой мировой бойне погибало людей в 9,5 раза больше, чем во Франко-прусской войне, в 23 раза больше, чем в Русско-японской, в 45 раз больше, чем в Крымской. Общие потери всех сторон, участвовавших в военных действиях, составили около 10 млн убитых и до 20 млн раненых. Печальным итогом Первой мировой войны стало падение рождаемости. За период мирового военного противостояния прирост населения оказался меньше на 21 млн человек в сравнении с предвоенным четырехлетием.

К сожалению, в советской истории события этой войны хоть и изучались, но, в силу известных причин, заслоненные коммунистическо-патриотическим пафосом Великой Отечественной войны, отодвинулись на второй план общественного сознания. Это обусловило формирование исторических штампов, базирующихся на идеологической и политической конъюнктуре; искусственное сохранение «белых пятен» при исследовании истории Первой мировой войны; порождение мифов при определении ее характера, оценке хода военных действий, деятельности русских военачальников, руководства страной, поведения народных масс и т. п. Практически не проводилось никаких исторических параллелей между Первой и Второй мировыми войнами, активным участником которых являлась Россия.

Между тем научная объективность, лежащая в основе исторической правды, настоятельно требует освобождения истории Первой мировой войны, впрочем

* Работа выполнена по бюджетной теме № 0120136 и программе ОИФН РАН № 12-Т-6-1003.

как и всей нашей истории, от конъюнктурного мифотворчества, требует реалистического отражения событий, проведения прямых исторических параллелей при характеристике состояния российского общества в экстремальных условиях войн XX в.

В отношении Первой мировой войны можно выделить несколько мифов, достаточно прочно утвердившихся в общественном сознании. Один из них заключается в определении ее империалистического статуса. Конечно, Россия, как великая держава, имела и должна была иметь свои геополитические интересы, направленные на расширение ее влияния в мире. Но думается, что не этот фактор (хотя и его не надо сбрасывать со счетов) являлся определяющим при ведении военных действий. Не надо забывать, что Россия оказалась страной, против которой 1 августа 1914 г. была осуществлена военная агрессия. Сделала это Германия, стремящаяся ликвидировать гегемонию Великобритании на морях, захватить ее колониальные владения и приобрести «жизненное пространство на Востоке», в первую очередь за счет территорий, принадлежавших России. Германское руководство целенаправленно и планомерно стремилось реализовать на практике прорыв «окружения Второго рейха кольцом враждебных государств» (Франция, Великобритания — с Запада, Россия — с Востока) и в результате их разгрома создать свою мировую империю с центром в Берлине. В новом миропорядке России отводилась роль вассала Второго рейха. Ее территория должна была сократиться до границ Московского царства XVII в., а император Николай II должен был утратить все свои властные полномочия.

Отсюда следует, что, вступая в военные действия, Россия в первую очередь защищала себя, спасала от агрессора свои земли, а это значит, ее война носила национально-освободительный характер. Именно в этом и заключается схожесть ситуации, возникшей в 1914 г., с событиями 1941–1945 гг., когда попавшее в опасность Отечество защищали всем народом, спасая его право на существование и развитие, отстаивая право иметь собственную государственность. Поэтому, делая правильный вывод, что в 1941–1945 гг. мы вели Отечественную войну, надо признать таковой и события 1914–1918 гг.

Россия не была инициатором начавшихся военных действий. Российский император Николай II до последнего стремился к бескровному разрешению возникающих проблем, опираясь на решения Гаагской мирной конференции (май — июль 1899 г.), инициатором которой он сам и являлся. Германскому императору Вильгельму II был сделан ряд конструктивных предложений по эффективному урегулированию спорных вопросов, отвергнутых немецкой стороной. В результате враг напал на Россию, и она вынуждена была защищаться. Поэтому вполне правомерно относиться к боевым действиям, проводимым Россией в 1914–1918 гг., как ко Второй Отечественной войне, памятуя о том, что Первая Отечественная — это военное противостояние с Наполеоном в 1812 г.

Проведенные Россией Отечественные войны 1812, 1914–1918, 1941–1945 гг. наряду с отличиями имеют и много общего. Страна всегда становилась объектом вероломного нападения, вела военные действия с коалицией враждебных государств. Важнейшими отличительными чертами этих войн было яркое проявление соборности, активного участия в войне не только армии, но и широких народных

масс, выражавшегося как в организации партизанского движения на территории, захваченной врагом, так и в патриотичности настроения мирного населения, его самоотверженным труде в тыловых районах.

Интерес представляют и прямые параллели, связывающие эти события. Особенно ярко они проявляются при сопоставлении «Второй Отечественной» (Первой мировой) и Великой Отечественной войн. Так, к малоизвестным фактам относится то, что всем известные по Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. военные конвои, осуществляемые нашими союзниками по антигитлеровской коалиции через северные моря и привозившие в Мурманск военно-техническую и продовольственную помощь, имели место и в годы Первой мировой войны.

После вступления в боевые действия Турции (конец октября 1914 г.) на стороне Германии черноморские проливы для России были закрыты, и она лишилась возможности получать вооружение и снаряжение от союзников наиболее коротким и удобным южным путем. В результате стали использовать северный путь через Архангельск и Романов-на-Мурмане, который специально для этого и был построен в 1916 г. (с 1917 г. — Мурманск). Как и в годы Великой Отечественной войны, этот путь проходил по морям, покрытым льдом, и находился под ударами немецких подводных лодок. В короткие сроки из Мурманска в европейскую часть России была построена железная дорога, осуществлявшая перевозки грузов, привезенных союзниками по Антанте.

Отметим также успешные совместные действия с русским флотом британских подводных лодок на Балтийском море. Англичане действовали очень эффективно, нанося разящие удары по военным и транспортным кораблям Германии. В частности, только в 1915 г. они уничтожили 3 военных корабля и 13 транспортов. Вершиной успехов английских субмарин на Балтике стало торпедирование крейсера «Принц Адальберт», одного из лучших военных кораблей германского флота [7].

Уже в годы Первой мировой войны сложилась боевая дружба российских и французских авиаторов, ставшая своего рода прообразом совместных действий советских летчиков и знаменитой французской эскадрильи «Нормандия — Неман» в период Великой Отечественной войны. Так, на румынском фронте совместно с русскими войсками, имевшими двенадцать авиаотрядов, действовали две французские эскадрильи. Имеющиеся исторические документы свидетельствуют, что капитан Поль д'Аргеефф был послан в 1917 г. в Россию в составе французской эскадрильи. Воюя на русско-германском фронте, он сбил шесть самолетов противника и был награжден орденами Св. Георгия и Св. Владимира [10].

С успехом осуществлялись совместные действия русских и английских войск в борьбе против Османской империи. В этой связи особый интерес представляет практически не отмеченный в советской историографии Первой мировой войны «поход на Хамадан» экспедиционного корпуса генерала Н. Н. Баратова (Бараташвили), чьей задачей было противодействовать прогерманским силам в Персии. Совершив марш-бросок, приведший к разгрому неприятеля, Баратов встретился с британскими войсками недалеко от Багдада. «Багдадская встреча» союзников, напоминая «встречу на Эльбе», конечно, не являлась переломной в военных действиях Первой мировой войны. Но тем не менее она в значительной мере

способствовала изменению соотношения сил в этом регионе. Иран был поставлен под контроль Антанты и отрезан от турецкой Месопотамии [9].

Успешные действия корпуса Н. Н. Баратова на Кавказском фронте опровергают еще один устоявшийся в нашей истории миф — о том, что кроме знаменитого «Брусиловского прорыва» русская армия в ходе Первой мировой войны больше не одерживала крупных побед. Выделение этого сражения советской историографией вполне объяснимо. А. А. Брусилов, руководивший наступлением войск Юго-Западного фронта весной — летом 1916 г., признал советскую власть и стал одним из многих военных специалистов, активно участвовавших в формировании Рабоче-крестьянской Красной армии.

Но были русские генералы, не признавшие новые порядки и пытавшиеся противодействовать им в составе Белого движения. Их победы крайне скупо освещались советской историей, а то и просто намеренно замалчивались. Кроме упомянутого Н. Н. Баратова, представлявшего в годы Гражданской войны Добровольческую армию и Вооруженные силы Юга России генерала А. И. Деникина в Закавказье, «лишился» своих военных успехов его непосредственный начальник — лидер Белого движения на Северо-Западе России генерал от инфантерии Н. Н. Юденич. Будучи командующим Кавказским фронтом, он одержал блестящие победы над турками в Сарыкамышском сражении (декабрь 1914 — январь 1915 г.), в битвах под Эрзерумом и Трапезундом (1916) [8, 55–65].

В ходе Первой мировой войны замечательные образцы русского военного искусства были продемонстрированы русскими военачальниками и на других фронтах. Так, в Галицийском сражении (август — сентябрь 1914 г.), одном из крупнейших сражений Первой мировой войны, русские войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Н. И. Иванова разгромили четыре австро-венгерские армии и заняли почти всю Буковину и восточную Галицию [6, 11].

Успешно была проведена и последовавшая сразу же за этой победой Варшавско-Ивангородская операция (сентябрь — ноябрь 1914 г.). Как стратегическая операция двух фронтов (Юго-Западного и Северо-Западного), она представляла новое явление в военном искусстве. Ее значение в кампании 1914 г. состояло в срыве планов германского командования на Восточном фронте и ослаблении сил Германии на Западном [5].

Продолжая аналогии с Великой Отечественной войной, отметим героизм русской «Брестской крепости» периода Первой мировой войны — крепости Осовец. Эта цитадель, расположенная на территории современной Польши, закрывала тогда путь на Белосток, транспортный узел, открывавший немцам кратчайший путь в Россию. Крепость была осаждена и трижды атакована немецкими войсками, в том числе с применением химического оружия. Русский гарнизон крепости, руководимый генералом Н. А. Бржозовским, впоследствии участником Белого движения на юге и севере России, отразил все попытки штурма, выдержал осаду многократно превосходивших войск противника в течение 190 дней и отошел лишь по приказу командования после того, как стратегическая целесообразность дальнейшей обороны отпала. Русским защитникам Осовца удалось выстоять практически в тех же условиях, в которых в 1914 г. довольно быстро пали почти все бельгийские и французские крепости на Западном фронте. Причиной этого

являются хорошо организованная оборона выдвинутых позиций и более эффективный контрброс крепостной артиллерии, мужество и героизм русских воинов. Оборона Осовца сорвала планы германского командования на Белостокском направлении по прорыву в стык двух русских армий [4].

Перечисление успешных операций русской армии на фронтах Первой мировой войны можно продолжить. К когорте военачальников, одерживавших победы, также принадлежат М. В. Алексеев, В. А. Слюсаренко, Д. Г. Щербачев, П. А. Плеве, В. И. Гурко, М. И. Шишкин, В. Н. Братанов, К. Л. Гильчевский и многие другие. То есть русский генералитет Второй Отечественной войны не уронил воинской славы своих великих предшественников, разгромивших Наполеона, показал себя достойным преемником их блестящих побед.

Важно отметить, что Первая мировая война стала трамплином для развития военного таланта и замечательных полководцев Великой Отечественной войны. На Юго-Западном фронте в звании унтер-офицеров воевали кавалеристы Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, артиллерист И. С. Конев, пулеметчик С. К. Тимошенко, прапорщик Ф. И. Толбухин. В составе русского экспедиционного корпуса сражался на Западном фронте Р. Я. Малиновский. На Кавказском фронте воинскую службу проходили С. М. Буденный и И. Х. Баграмян.

Характерной чертой Отечественной войны всегда является высокий моральный дух и патриотический настрой населения ведущей ее страны. О том, что события 1914–1918 гг. во многом соответствовали этому определению, свидетельствуют многочисленные факты широко развернувшейся по всей стране благотворительной помощи, включавшей в себя медицинскую и социальную поддержку военнослужащих, членов их семей, раненых. В этом движении участвовали представители всех слоев российского общества — от членов императорской семьи до самых простых людей. Огромную работу и в действующей армии, и в тылу проводила Русская православная церковь. Помимо своей основной деятельности священники проводили реабилитационные беседы, занимались составлением и отправкой «похоронок», нередко шли в первых рядах наступающих войск.

Высокий уровень патриотизма имел место и в сознании военнослужащих. Он проявлялся при проведении боевых операций, способствовал отважным действиям русских частей и подразделений, порождал героизм их отдельных представителей. В анналы истории Первой мировой войны навечно занесено имя русского авиатора П. Н. Нестерова, совершившего еще в довоенный период первую в мире «мертвую петлю» и погибшего при первом в мире таране вражеского самолета 8 сентября 1914 г. Никогда не померкнет слава летчика А. А. Казакова, совершившего 18 марта 1915 г. первый в мире таран самолета с сохранением жизни атакующего пилота. После совершенного подвига герой продолжал активно участвовать в воздушных боях, лично сбив 17 вражеских аппаратов. Национальным героем стал донской казак К. Ф. Крючков, зарубивший в одном из боев 11 немецких солдат [1, 139–141; 2, 43–45; 3].

Подвиги, совершенные русскими воинами на полях брани Первой мировой войны, вне всякого сомнения, зиждились на беззаветной любви к своей Родине, стремлении во что бы то ни стало защитить ее от вражеских посягательств, желании победить неприятеля во имя мирной и счастливой жизни. Подвиги

Великой Отечественной войны, совершенные их легендарными преемниками В. В. Талалихиным, Н. Ф. Гастелло, А. М. Матросовым и другими героями, тоже основывались на этих жизнеутверждающих принципах, способствовали единению народа в борьбе за свободу и независимость своей Отчизны. В этом заключается еще одна историческая параллель между отечественными войнами, имевшими место в истории России.

Таким образом, война которую вела Россия в 1914–1918 гг., по своей сущности была в первую очередь национально-освободительной. Она велась против центральных держав (Германии и Австро-Венгрии), стремившихся к разгрому и расчленению России. Это ставит ее на один уровень с другими отечественными войнами, имевшими место в истории нашей страны, делает чрезвычайно значимой при оценке исторических процессов, способствовавших сохранению и развитию российской государственности.

Не империалистическая, а Вторая Отечественная война, так же как Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война 1941–1945 гг., играла важнейшую роль в сохранении исторической перспективы развития нашей страны и нашего народа. И это дает нам полное право гордиться ее героями, использовать их имена в патриотическом воспитании новых поколений, рассматривать их в виде символов современной национальной идеи.

-
1. Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. М., 2006.
 2. *Беликов Е.* Первый ас России // *Филокартия*. 2010. № 2 (17).
 3. *Бондаренко В. В.* Герои Первой мировой. М., 2013.
 4. *Воронов В.* Русские не сдаются // *Совершенно секретно*. 2009. № 8.
 5. *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб., 2000.
 6. *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 2006. Т. 3.
 7. *Козлов Д. Ю.* Британские подводные лодки в Балтийском море, 1914–1918 годы. СПб., 2006.
 8. *Мартиросян Д. Г.* Саракамышская операция (12–14 декабря 1914 г.) // *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Вып. 7. Саратов, 2006.
 9. *Пронин А.* Поход на Хамадан. Экспедиционный корпус генерала Баратова на персидском фронте // *Родина*. 2001. № 5.
 10. Российская армейская авиация в I мировой войне. Кампания 1917 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pobeda.ru/content/view/2517/10/> (дата обращения: 16.05.2014).
 11. *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 94(450) + 327(450)

В. И. Михайленко

«ПОБЕЖДЕННАЯ В ЛАГЕРЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ»: ИТАЛЬЯНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается влияние Первой мировой войны на Италию и прежде всего на приход к власти Муссолини. Основное внимание уделяется формированию важнейших ориентиров внешнеполитической программы фашистского правительства Италии и их реализации в 1920-е гг. Освещается дискурс среди исследователей итальянского фашизма по проблеме отличия и преемственности традиционной дофашистской внешней политики Италии и муссолиниевской внешней политики.

Ключевые слова: Первая мировая война, Италия, Муссолини, внешняя политика, отличие, преемственность, дискурс.

Италия вступила в Первую мировую войну в 1915 г., сделав в последний момент правильный выбор в сторону Антанты, и тем самым по ее окончании обеспечила себе место в лагере победителей. Италия получила значительные территориальные приращения по Сен-Жерменскому договору 1919 г., выгодное для нее соглашение с Югославией в Рапалло в 1920 г., расширение колониальных владений в Африке. Однако Италия не добилась гегемонии в Адриатике и преобладания в Средиземноморье, потерпела военное поражение в Албании и дипломатическое в Юго-Восточной Европе в связи с созданием ориентированной на Францию Малой Антанты (политический блок в составе Чехословакии, Румынии и Югославии) [6]. Значительная часть итальянского общества и политических сил Италии, от либералов до фашистов, рассматривала итоги Парижских мирных соглашений как *vittoria mutilata* (урезанная победа) [4, 5].

Многие политические силы стремились использовать недовольство итогами версальского передела мира в своих интересах. Не последнее место среди них занимало фашистское движение.

Муссолини рано перевернулся на сторону тех, кто поддерживал вступление Италии в мировую войну, за что и был исключен из социалистической партии 24 ноября 1914 г. и соответственно снят с должности директора партийной газеты социалистов «*Avanti!*».

К моменту прихода фашистов к власти в 1922 г. были определены важнейшие ориентиры их внешнеполитической программы в отношении Парижских мирных соглашений 1919 г., сформулированы общие цели экспансионистской политики. Это неудивительно, поскольку устойчивые связи между Муссолини и новой влиятельной финансовой и промышленной группировкой, которая добилась вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты, установились практически с момента его выхода из социалистической партии в 1914 г.

В общем хоре антигерманского интервенционизма звучал голос новой газеты Муссолини «*Il Popolo d'Italia*», финансирование которой осуществлялось группами *Edison*, *Ansaldo*, оружейными заводами *Parodi*, союзом сахарозаводчиков, крупнейшими банками *Banca italiana di sconto* и *Banca di Roma*.

В преддверии Парижской мирной конференции в 1919 г. фашистская «*Il Popolo d'Italia*» развернула яростную антиславянскую кампанию в связи с образованием государства южных славян. В этой связи звучали мотивы расового превосходства над славянами, претензии на полное господство в Адриатике и на территории соседних государств. В целом внешнеполитические устремления — итальянская экспансия в ее различных формах и создание империи — постоянно подогревались фашистской печатью. К примеру, на страницах «*Il Popolo d'Italia*» Муссолини утверждал 1 января 1919 г., что империализм является «вечным и неизменным законом жизни, он, в сущности, не что иное, как потребность и воля к экспансии, которую каждый индивидуум, каждый живущий народ содержит в себе». Фашисты провели ряд манифестаций в поддержку итальянских требований, выдвинутых на мирной конференции.

Для правящих политических и экономических элит путь империалистической экспансии являлся не единственным из рассматриваемых ими вариантов послевоенного развития Европы. В связи с этим обращает на себя внимание статья главы *FIAT* Дж. Аньелли «Европейская федерация или Лига наций?», опубликованная в преддверии Парижской мирной конференции. В ней отмечалось: «Если действительно существует намерение сделать невозможным возврат к войне, то остается открытым один путь: федерация европейских государств под руководством центральной власти, которая управляет ими и правительствами». И далее Дж. Аньелли заключал: «Европейская федерация сможет нам предоставить осуществление самого экономического разделения труда с устранением всех таможенных барьеров... И гигантская трансформация национального рынка в континентальный рынок откроет перед промышленниками такую емкость рынка, промышленность получит такой гигантский импульс, которые сопоставимы с горизонтами, открывшимися перед американской индустрией после войны за независимость» [14, 133].

В связи с визитом президента США В. Вильсона в Италию «*Il Popolo d'Italia*» писала в 1919 г., что основание Лиги наций должно предполагать в качестве определенного и предварительного условия «урегулирование национальных проблем», что подразумевало «ясные и законные права, которыми Италия не может жертвовать». 16 февраля 1919 г. Муссолини разъяснял, что члены Лиги наций должны находиться в положении «экономического и юридического равенства». Если останутся «буржуазные» и «пролетарские» нации, то никто не сможет гарантировать длительный мир между ними. Здесь необходимо заметить, что требование «равенства» между нациями не следует понимать буквально. Имелось в виду равенство только между нациями, достигшими самого высокого уровня цивилизации.

В другом случае Муссолини высказывался в пользу «союза между пятью господствующими в мире нациями», имея в виду США, Англию, Францию, Италию и Японию [19, 191].

Американский историк Дж. Миллер считает, что США отводили Италии важную, если не основную, роль в усилиях по созданию «стабильного» международного порядка. В период своей поездки в Италию Вильсон стремился убедить правительство данной страны принять американские условия «справедливого мира».

Поскольку Вильсону не удалось достичь этого, отмечает Миллер, он решился на конфронтацию с Италией на Парижской мирной конференции, не поддержав ее притязания в полном объеме [12, 751–752].

Для оказания нажима на Италию США использовали проблему военных долгов. К моменту перемирия военные долги Италии Соединенным Штатам составили 1 млрд 31 млн долл., Великобритании — 1 млрд 855 млн, Франции — 75 млн долл. [3, 5]. До мировой войны доля США в итальянском импорте равнялась 13–15 %, в 1916–1919 гг. она возросла примерно до 40 %. США превратились в основного поставщика оружия и зерновых в Италию [14, 246–247].

Вопрос об уплате Италией военных долгов правительство США поставило тотчас после прекращения военных действий. Уточнению могли подлежать лишь вопросы о сроках окончательного погашения долгов. На предоставляемые займы были установлены довольно высокие проценты, и условиями регламентировалось их погашение золотом, а не товарами [1, 31]. Отказ Великобритании в феврале 1919 г. и спустя пять месяцев США в предоставлении кредитов Италии усугубил ее тяжелое экономическое положение [10, 225–226].

Республиканская администрация У. Гардинга, пришедшая в США к власти в 1921 г., разделяла многие из целей Вильсона в отношении Европы, однако намеревалась достичь их иными средствами. Она отвергла Лигу наций в качестве инструмента международного порядка. Основная ставка, по мнению Дж. Миллера, была сделана на создание международного валютно-финансового сообщества под эгидой американских банков. Сущность политики стабилизации заключалась в предоставлении американских кредитов иностранным государствам на условиях выплаты ими военных долгов, приведения национальных валют к золотому стандарту, установления согласованных таможенных тарифов, благоприятствующих устойчивому международному торговому обмену [12, 752–753].

Дж. Мигоне приводит сведения о том, что в апреле 1922 г. посол США в Риме докладывал в госдепартамент о готовности деятелей либерально-демократического толка Ф. Нитти и Л. Стурцо взять власть в свои руки в Италии при условии финансовой помощи США. Итальянский историк пишет, что эта инициатива была оставлена без внимания. Американские банки предпочитали дожидаться стабилизации политической обстановки в Италии, чтобы не подвергать риску свои капиталовложения.

Когда выяснилось, что Италия не занимает в Версальской системе того места, на которое рассчитывала, фашисты не скрывали своего разочарования. «Я всегда верил в то, что Лига наций станет предприятием, в котором все будет общим: колонии, сырье, вооружение, деньги. Однако, вопреки ожиданиям, — отмечал Муссолини, — она предусматривает выгоду лишь немногим» [19, 20]. Фашистская печать провоцировала антиверсальские настроения, недоверие к международным институтам, обвиняла бывших союзников в «эгоизме», утверждала, что полагаться следует только на собственную силу и что именно фашизм ставит своей целью укрепление военного потенциала. «Корабль войны, — писала 26 июля 1919 г. *«Il Popolo d'Italia»*, — это лучший инструмент внешней политики...» В феврале 1920 г. *«Il Popolo d'Italia»* выдвинула требования пересмотра Версальской системы. «Слово “ликвидация” договоров нам не нравится, — писала газета, — мы

предпочитаем говорить о “ревизии” и добавляем, что двумя основными пунктами ревизии являются компенсации и колонии».

Фашистские экспансионистские планы были озвучены Муссолини в его речи 20 сентября 1920 г. в местечке Пола. В ней район Средиземного моря был назван центром итальянской экспансии. На Италию, по замыслу Муссолини, возлагалась роль связующего «моста между Западом и Востоком». Речь Муссолини была пронизана расистскими антиславянскими выпадами, в ней содержались угрозы в адрес Югославии и претензии на территорию Далмации. В заключение Муссолини призвал вооружаться [13, 197–202].

Приход фашистов к власти в октябре 1922 г. произошел прежде всего потому, что в политической ситуации паралича власти традиционных партий и угрозы прихода коммунистов к власти фашисты были наиболее подготовлены к отстаиванию интересов итальянского империализма на международной арене и широкого круга политических и экономических сил внутри страны. Идеология и политика фашистского режима были эклектичными. Единственное, о чем можно говорить уверенно, они всегда были антилиберальными и антимарксистскими [2, 8].

Оценивая внешнюю политику фашистского правительства в 1920-е гг., П. Тольятти обращал внимание на предопределенность столкновения Италии с другими государствами на почве передела мира. Иного решения, кроме как попытаться разорвать сложившуюся систему международных отношений, у фашистской Италии не было. «Вот почему, — писал Тольятти, — в ее внешней политике не прослеживается единой линии, а она руководствуется директивами, изыскивающими самые разнообразные пути для использования противоречий и соперничества в капиталистической Европе, играет на тех или иных противоречиях, чтобы создать благоприятную обстановку для осуществления притязаний итальянского империализма» [20, 142–147]. Тольятти не исключал использование фашистским руководством иных, кроме военных, форм и методов достижения внешнеполитических целей.

Важное значение для понимания фашистской внешней политики имеет то обстоятельство, что период «освоения» фашистами управления внешней политикой занял достаточно продолжительное время. В связи с этим исследователь и карьерный дипломат Ф. Дж. Орсини ставит вопрос о том, какое определение было бы правильнее использовать — «фашистская дипломатия» или «итальянская дипломатия в эпоху фашизма»? По его мнению, ответы на эти вопросы не являются легкими и в любом случае их надо разводить во времени. Кроме того, он предлагает уточнить, о каких исполнителях может идти речь: о карьерных дипломатах, находившихся на дипломатической службе, или о лицах и структурах, которые участвовали в формировании внешней политики, но принадлежали, например, к иным государственным органам или к фашистской партии. Наряду с партийной дипломатией Муссолини поддерживал активные связи с европейскими лидерами посредством «тайной дипломатии» через доверенных лиц. С приходом фашистов к власти увеличилось количество акторов итальянской внешней политики [15].

Ф. Дж. Орсини выделяет несколько этапов фашизации итальянской дипломатии в 1922–1943 гг. Первый этап — с 1922 по 1929 г., когда происходила

«умеренная» фашизация МИДа Италии. Второй — с 1929 по 1936 г., когда должность министра иностранных дел занимал Д. Гранди, а затем пост был передан Муссолини. Третий — с июня 1936 по февраль 1943 г., когда должность занимал зять Муссолини граф Г. Чиано. Четвертый — от отставки Чиано в феврале до отставки Муссолини 25 июля 1943 г. [15].

Вплоть до 1926 г. важную роль в формировании и исполнении итальянской внешней политики играл генеральный секретарь МИДа Италии С. Контарини, который обеспечивал преемственность между дофашистской и новой фашистской дипломатией. С. Контарини и его ближайшие сподвижники в МИДе Италии опирались на поддержку итальянских националистов [16]. На наш взгляд, точку в дискуссии относительно взаимоотношений между «старой» и «новой» итальянской дипломатией и о персональной роли Контарини в переходный период поставил один из руководителей комиссии по публикации итальянских дипломатических документов Дж. Кароччи. Он пишет, что итальянские дипломатические документы не позволяют с точностью отнести все то, что было положительным во внешней политике, к заслугам Контарини, а все отрицательное «повесить» на Муссолини. На самом деле С. Контарини вел «свою» внешнюю политику в строгом согласии с Муссолини, который в этот период совмещал пост министра иностранных дел. Можно с уверенностью говорить о том, что по поручению Муссолини генеральный секретарь вплоть до 1925 г. был сконцентрирован на отношениях с Дунайской и Балканской Европой, Турцией и Советской Россией.

В первые месяцы 1924 г. Италия признала новый советский режим и заключила два соглашения с Югославией и Чехословакией. Как результат в политических кругах Италии стали поговаривать об оси Рим — Белград — Москва, пересекающейся с другой осью: Рим — Прага — Москва. Целью той политики являлось не только использование СССР в качестве противовеса Великобритании, но и усиление итальянских позиций в отношении Франции, инициировавшей Малую Антанту. С целью достижения своих ревизионистских целей Италия стремилась втянуть СССР в европейские дела [5, 10–11; 11, 19]. Отношение советского руководства к Версальским соглашениям в этот период было, как известно, отрицательным. С конца 1925 г. Муссолини отводил СССР важную роль в своей политике пересмотра Версальских договоров [17, 504].

Дж. Кароччи обращает внимание на колебания во внешней политике Италии. В частности, он объясняет высадку итальянских войск на Корфу в 1923 г. как результатами антигреческой враждебности, так и попытками принудить Югославию к соглашению с Италией. В январе 1924 г. был подписан Римский пакт между Италией и Югославией.

К 1925 г., считает Дж. Кароччи, происходит обострение разногласий между Муссолини и Контарини. Он не исключает, что последний, вопреки личным убеждениям, под угрозой отставки исполнял указания Муссолини по нагнетанию отношений с Турцией [11, 22–24]. В этот период внешняя политика Италии проводилась скорее по ситуации, что являлось результатом реализации продуманного стратегического плана. Полпред СССР в Италии К. К. Юренев в донесении в Народный комиссариат иностранных дел предупредил, что «политика Италии глубоко конъюнктурна» [5, 26].

Сегодня точка зрения авторитетного исследователя дипломатической школы М. Тоскано об «импровизационном» характере фашистской внешней политики, обусловленном непредсказуемой деятельностью только «одного человека», не находит в историографии большого числа поклонников [21, 8–9]. К примеру, авторитетный исследователь и известный дипломат С. Романо считает, что внешняя политика Муссолини отражала «национальные интересы», а не была обусловлена «достижением престижных целей» и не была подчинена внутренней политике, как ранее утверждали некоторые историки. Внешняя политика, продолжает Романо, была «одновременно националистической и воспитательной». Основной целью фашистской внутренней и внешней политики являлось воспитание «нового человека». «Динамизм и энергия во внешней политике должны были убедить итальянцев в том, что они являются реалистичным народом, свободным от каких-либо предрассудков, а если станет необходимо, то и способным использовать насилие в сорелевском значении этого слова» [18, XV].

Основное отличие традиционной дофашистской внешней политики от муссолиниевской Романо видит не в ее содержании, а в стиле. «Будучи националистической, она (традиционная. — В. М.) не преследовала воспитательных целей, не исходила из того, что внешняя политика должна способствовать воспитанию нового человека» [Там же]. Напротив, в дипломатической практике Муссолини общественное мнение использовалось для того, чтобы делать внешнюю политику, а внешняя политика — чтобы формировать общественное мнение. Муссолини не только стремился побеждать, для него главным было всегда выглядеть победителем.

К элементам преемственности во внешней политике Италии Романо относит ее подчинение более могущественному союзнику, что проявлялось на протяжении всей истории страны. «Неудобная» международная позиция «просителя» определила выбор дипломатической тактики фашистской Италии — тактики «песо детерминанте» (решающего веса) [Там же, XVIII].

Понятие «песо детерминанте» было введено в политический оборот фашистскими дипломатами Д. Гранди и Р. Гуарилья. В 1973 г. автор многотомного исследования итальянского фашизма Р. Де Феличе ввел его в научный оборот. Отправным пунктом оценки Де Феличе внешней политики фашистского режима является утверждение, что поскольку Муссолини не писал трудов, подобных гитлеровской «Майн кампф», то у дуче не было какой-либо внешнеполитической программы как к моменту прихода к власти, так и в дальнейшем. Исследователь выделяет два периода во внешней политике фашистской Италии. Первый — когда доминировали «национальные интересы», и второй период — когда возобладали идеологические интересы. Рубеж между ними он датирует концом 1920-х — началом 1930-х гг. В первый период, по мнению Де Феличе, изменения коснулись лишь «стиля» внешней политики. В дальнейшем во внешней политике фашизма проявлялись ревизионистские тенденции, однако Муссолини «всегда исключал возможность конфликта в Европе» [7, 63]. Он пишет о стремлении Муссолини сохранить связи с Версальской системой и придать Италии роль великой державы, ответственной и заинтересованной в поддержании порядка [8, 413–414].

Италия, по его мнению, не являясь великой державой, для достижения подлинного успеха во внешней политике должна была либо опираться на помощь подлинно великой державы либо использовать противоречия между великими державами. Первый вариант Муссолини не мог принять в силу «престижных соображений», а второй он реализовал в рамках политики «песо детерминанте». С точки зрения Де Феличе, внешняя политика Италии основывалась на поддержании европейского равновесия, на равноудаленности Рима от Лондона и Берлина, на равной заинтересованности Италии в укреплении отношений с Англией, Францией и Германией. Под этим углом он рассматривает становление итало-германского сотрудничества после прихода нацистов к власти, которым отводится важное место в обеспечении «восстановления» за Германией роли второго полюса, без которого Италия не смогла бы выполнить свою роль в политике «песо детерминанте» [7, 65].

Освещению колониальной политики фашизма Р. Де Феличе отводит важное место в своих работах. В книге, написанной совместно с Л. Голиа, он утверждает, что «фашистский колониальный империализм является не второстепенной стороной общего развития фашизма и его истории, не просто приложением к внешней, военной или экономической политике, но определяющим элементом империалистической политики и силы фашистского государства в его автономной форме, которая находилась в соответствии с эволюцией самой колониальной реальности» [9, XXVII].

Де Феличе выделяет четыре периода колониальной политики фашистской Италии. В первый, «переходный» (1922–1926) период фашисты не имели определенной программы в этой области, колониальной политикой занимались националисты. В этом он видит причину преемственности между «традиционным и фашистским империализмом». Отличие подхода либералов к колониальной политике от подхода фашистов, по мнению Р. Де Феличе, состоит в том, что первые делали ставку на силу, а вторые стремились «только к восстановлению власти метрополии над коренным населением колонии» [8, XIV]. Второй период (1927–1936) он определяет как время становления фашистской колониальной политики. Основным средством достижения колониальных целей на этом этапе являлся «мирный ревизионизм». Третий период, по его мнению, время «апогея и вызревания» колониальной политики (1936–1940), характеризуется ее окончательным оформлением и началом реализации. Наконец, четвертый период — «войны и поражения в Африке» (1940–1943) — Де Феличе рассматривает под углом изучения организации колониального мира по фашистской схеме или утверждения «нового колониального порядка» [Там же, XV, XX–XXV].

В мае 1925 г. заместителем Муссолини в МИДе Италии был назначен соратник Муссолини по фашистской партии Д. Гранди. По мнению Дж. Кароччи, назначение Д. Гранди способствовало дальнейшей фашизации МИДа Италии, выдавливанию из него дипломатов старой школы. Одной из первых жертв изменения кадровой политики стал сам С. Контарини, которого не спасла поддержка Д. Гранди. 21 апреля 1926 г. он был отправлен в отставку. Де Феличе не без оснований отмечает, что «как во времена Контарини, так и, в еще более акцентированной форме, в последующем в Палаццо Киджи господствовала единственная воля — это воля самого Муссолини» [11, 23].

Спустя два года после начала деятельности в МИДе Италии Д. Гранди докладывал Муссолини, что внешнеполитическое ведомство стало одним из наиболее фашизированных государственных институтов. Это касалось не только рекрутирования членов фашистской партии в МИД, но и придания этому государственному органу новой роли во внутренней и внешней политике фашистской Италии. Как любил подчеркивать Д. Гранди, МИД учитывал «смысл современного мира». Исходя из этого подхода, перед МИДом ставилась задача активного вовлечения Италии в главные мировые проблемы [11, 25].

Под новые задачи изменялась структура МИДа, появились новые структуры, и среди них Генеральная дирекция Восточной Европы и Африки, которую возглавил Р. Гуарилья. В сферу ее интересов вошла вся зона Средиземноморья вплоть до Красного моря и Эфиопии. Одновременно осуществлялись попытки поглощения Министерством иностранных дел другого государственного института — Министерства колоний, а итальянские дипломатические представительства за рубежом получили задание активизировать профашистскую деятельность местных итальянских землячеств. Колониальная политика фашистской Италии рассматривалась как составная часть ее общей международной и, в частности, средиземноморской политики. Проблема национальной безопасности рассматривалась в контексте с итальянской экспансией в Восточном Средиземноморье. С точки зрения преемственности эта политика являлась продолжением традиций внешнеполитического курса А. Сан Джулиано (занимал пост министра иностранных дел в 1905–1906 и 1910–1914 гг.), предусматривавшего итальянскую экспансию в направлении Африки, в Средиземноморье, Адриатике и на Балканах.

Дж. Кароччи отмечает различие между традиционной экспансионистской политикой Италии и фашистской экспансией. Первая вписывалась в схемы традиционной колониальной политики, которая опиралась на относительную европейскую солидарность и многостороннюю ориентацию итальянской внешней политики. Вторая была направлена на разрыв европейской солидарности с целью достижения территориальных притязаний [8, 26]. Хронологическая граница между ними, на наш взгляд, проходила примерно в 1933 г. Предложение Муссолини о заключении «пакта четырех» стало переходной формой к новой внешнеполитической стратегии, которую можно определить как «параллельная стратегия». До вступления в войну в июне 1940 г. Муссолини стремился использовать динамичный баланс сил, который поддерживался сотрудничеством/соперничеством Великобритании, Франции и США. С 1933 г. важное место в «параллельной стратегии», осуществляемой Муссолини, начинает занимать нацистская Германия.

1. Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982.

2. Михайленко В. И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2013. № 1.

3. Репарационный вопрос и военные долги. М., 1933.

4. Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории, 1922–1935 гг. М., 1979.

5. Хормач И. А. СССР — Италия, 1924–1939 гг.: (Дипломатические и экономические отношения). М., 1995.

6. *Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике, 1918–1925 гг. М., 1974.
7. *De Felice R.* Alcune osservazioni sulla politica estera mussoliniana // *L'Italia fra tedeschi e alleati. La politica estera fascista e la seconda guerra mondiale.* Bologna, 1973.
8. *De Felice R.* Mussolini il duce. Torino, 1974. Vol. 1.
9. *De Felice R., Golia L.* Storia fotografica del fascismo. Roma, 1981.
10. *Candeloro G.* Storia dell'Italia contemporanea. Milano, 1978. Vol. 8; 1981. Vol. 9.
11. *Carocci G.* La politica estera dell'Italia fascista (1925–1928). Bari, 1969.
12. *Miller J. E.* Strategia della stabilizzazione: Gli Stati Uniti e l'Italia. 1917–1950 // *Storia contemporanea.* 1984. № 4.
13. *Mola A.* L'imperialismo italiano. Roma, 1980.
14. *Mori G.* Il capitalismo industriale in Italia. Roma, 1977.
15. *Orsini F. G.* La diplomazia fascista [Electronic resource]. URL: <http://www.dispi.unisi.it/sites/sito06/files/allegatiparagrafo/22-05-2013/wp19.pdf> (дата обращения: 31.07.2013).
16. *Orsini F. G.* La diplomazia italiana dagli «anni del consenso» al crollo del regime [Electronic resource]. URL: <http://www.assdiplar.it/documentprogr/diplomaziafascista.pdf> (дата обращения: 18.08.2011).
17. *Pizzigallo M.* Mussolini e il riconoscimento de jure dei U.R.S.S. // *Storia e politica.* 1977. № 3.
18. *Romano S.* [Prefazione] // *Pizzigallo M.* Mediterraneo e Russia nella Politica italiana, 1922–1924. Milano, 1983.
19. *Rumi G.* Alle origini della politica estera fascista: 1918–1923. Bari, 1968.
20. *Togliatti P.* Opere. Roma, 1979. Vol. 2.
21. *Toscano M.* Problemi particolari della storia della seconda guerra mondiale // *Rivista di studi politici internazionali.* Firenze. 1950. № 3.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 327(1-87) + 94(560)

Г. Н. Валиахметова

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В НЕФТЯНОЙ ДИПЛОМАТИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются слабо освещенные в научной литературе аспекты нефтяного соперничества великих держав на Ближнем Востоке в годы Первой мировой войны. Автор раскрывает нефтяную подоплеку тайных соглашений стран Антанты по разделу Османской империи и выявляет характерные черты нефтяной дипломатии, сформировавшиеся на ранних стадиях ее эволюции. Статья написана в традициях уральской школы историков-международников, основанной профессором И. Н. Чемпаловым (1913–2008).

К л ю ч е в ы е с л о в а: нефтяная дипломатия, Первая мировая война, великие державы, тайные соглашения, Ближний Восток, Османская империя.

В условиях глобализации тема энергетической безопасности выходит на первый план, роль энергетического фактора в международных отношениях и мировой политике устойчиво возрастает. На фоне дефицита энергоносителей и масштабных сдвигов в структуре мирового энергетического рынка усиливается конкуренция за доступ к энергоресурсам, уже получившая название «энергетической гонки». Нарастание конфликтности на международной арене вынуждает экспортеров и импортеров углеводородного сырья к поиску взаимоприемлемых форм и методов сотрудничества на долговременной основе. Пока этот процесс остается весьма напряженным и противоречивым. Одна из причин кроется в том, что хотя содержание и методы энергетической дипломатии многократно менялись, многие ее установки и принципы, которые сформировались на ранних этапах развития нефтяной индустрии, и сегодня действуют в полную силу. В процессе поиска мировым сообществом конструктивных путей устранения некоммерческих рисков с одновременным отстаиванием национальных интересов уроки прошлого приобретают особую актуальность.

Нефтяная дипломатия — сложный, многоплановый феномен, исследование которого требует привлечения методологического инструментария целого ряда гуманитарных дисциплин и объединения усилий специалистов в области истории, политических наук, экономики, социологии, юриспруденции, культурологии и т. д. Исторические исследования по нефтяной проблематике, выполненные в рамках междисциплинарного подхода и нового прочтения известных исторических источников с позиций актуальных проблем современности, позволяют раскрыть разнообразие задействованных в энергетической дипломатии факторов и сложное переплетение различных, порой взаимоисключающих, интересов, а также провести параллели с современной ситуацией на мировой энергетической арене. Учет исторического опыта, кроме того, выявляет историческую преемственность и специфику энергетической стратегии нынешних главных «игроков» на Большом Ближнем Востоке.

Нефтяной фактор начал выкристаллизовываться в мировой политике на рубеже XIX–XX вв. В силу своего военно-стратегического значения нефть стала

важным показателем национальной обороноспособности, что предопределило пристальный интерес великих держав к вопросам самообеспечения данным ресурсом. Организация нефтяных предприятий перестала быть делом только коммерческих компаний, ищущих прибыли, и вышла на острие внешней политики развитых стран, лишенных собственных источников нефти. На повестку дня встал вопрос свободного доступа к нефтяным ресурсам. Проблема заключалась в том, что к началу XX в. из восьми великих держав только две — США и Россия — имели собственные крупные месторождения. Остальные великие державы не могли получить прямой доступ и к другим известным к тому времени нефтяным источникам — в Румынии, Голландской Ост-Индии, Латинской Америке, поскольку последние были уже монополизированы частным капиталом. Неравномерность в географическом размещении основных баз мировой нефтедобычи порождала острое соперничество между державами, которое внешне проявлялось в международной борьбе за захват нефтяных источников и стремлении подчинить своему влиянию нефтеносные территории политически слабых государств и смежные с ними территории. Реалии развития индустриальной цивилизации породили новый феномен — нефтяную дипломатию, сфера деятельности которой в начале XX в. сфокусировалась на Ближнем Востоке.

«Нефтяная лихорадка» на Ближнем Востоке началась с обнаружения в Персии в 1908 г. крупных месторождений нефти (сразу же монополизированных англичанами) и благоприятных прогнозов геологов в отношении нефтяного потенциала соседней Месопотамии [17], находившейся под турецкой юрисдикцией. В борьбу за контроль над нефтяными ресурсами Османской империи активно включились правительства и крупный нефтяной капитал Великобритании, Франции, Германии и США. Восточный вопрос, в значительной степени определявший мировой политический климат с конца XVIII в., дополнился нефтяным аспектом. Конфликт нефтяных интересов великих держав на Ближнем Востоке органично вплетался в клубок нараставших международных противоречий, которые в итоге привели к Первой мировой войне.

К началу войны Англии и Германии совместными усилиями удалось потеснить своих нефтяных соперников. 28 июня 1914 г., в день убийства наследника австрийского престола в Сараево, англо-германская «Туркиш Петролеум Компани» заручилась обещанием турецких властей предоставить ей эксклюзивные нефтяные права в Месопотамии [16, 663; 19]. При этом и Лондон, и Берлин рассматривали подобное нефтяное сотрудничество лишь как временную меру. Обе державы в перспективе были нацелены на установление единоличной нефтяной монополии на Ближнем Востоке: Англия — путем раздела Османской империи [17], Германия — путем реализации проекта Срединной Европы [18].

Разразившаяся мировая война создавала благоприятные условия для реализации подобных планов. В ходе успешных военных кампаний англо-индийские войска к середине 1915 г. захватили всю Южную Месопотамию и надежно укрепились в зоне Персидского залива и р. Шатт-эль-Араб. Германия со своей стороны оказывала военную помощь турецким войскам, заранее оговорив свои условия: «Мы будем готовы принести в жертву во имя мирных переговоров наши интересы в другом месте, конечно, взамен определенных компенсаций в виде признания

нашего экономического приоритета в Месопотамии» [12, 86–93]. В 1916 г. в Мосульском вилайете начала работать германская геологоразведочная экспедиция, которая занималась организацией поставок жидкого топлива турецкой армии и проводила пробное бурение [5, 296–298]. (Данные, полученные немецкими специалистами, легли в основу изыскательских работ в Ираке в 1920-е гг.) Под давлением германского военного командования турецкие военачальники признали одной из приоритетных задачу удержания Мосула любыми средствами [4, 149].

В расчете на военную помощь арабов в деле разгрома Османской империи британская дипломатия разыграла карту арабского национализма. Ставка была сделана на шерифа Мекки и Медины Хусейна аль-Хашими, чей статус арабского лидера подкреплялся религиозным авторитетом. Англо-арабские переговоры велись с июля 1915 по март 1916 г. в форме переписки между шерифом Хусейном и британским Верховным комиссаром в Египте Г. Мак-Магоном. В итоге англичане дали Хусейну весьма туманные обещания создать Арабскую империю со столицей в Дамаске, а также в обмен на денежную компенсацию добились согласия шерифа на временную оккупацию Месопотамии [8]. В июле 1916 г. Хусейн дал сигнал к началу антитурецкого восстания, и арабы отвлекли на себя 65-тысячные турецкие войска.

Тайные переговоры Англии с арабами и ее военные успехи на Ближнем Востоке возбудили традиционную подозрительность Франции. Париж требовал сосредоточить усилия на Западном фронте, Лондон настаивал на значимости ближневосточного театра военных действий, но от французской военной помощи отказывался. Это давало Франции основания считать, что Великобритания экономит силы в Европе, чтобы единолично утвердиться на арабских территориях и не допустить свою союзницу по Антанте к разделу османского нефтяного «наследства» [11, 31–36]. Неожиданное успешное наступление русской армии на Кавказе и ее продвижение к Персидскому заливу зимой 1916 г. вынудили Англию поторопиться с точным разграничением сфер влияния на Ближнем Востоке. На Даунинг-стрит были убеждены, что если русские захватят Мосул, то уже не откажутся от нефти [9, 81]. Решение Лондона пойти на уступки Парижу в нефтяном вопросе также было продиктовано стремлением поощрить Францию за успехи на Западном фронте (в феврале 1916 г. французская армия сдержала напор германских войск под Верденом) и за поддержку на Парижской экономической конференции в апреле того же года.

Договор, получивший название «Соглашения Сайкс-Пико», был подписан в мае 1916 г. и заранее согласован с Россией, третьей участницей Антанты. Этот документ в корне противоречил обещаниям, данным Лондоном шерифу Хусейну, поскольку предусматривал раздел арабских провинций Османской империи на сферы влияния между Англией и Францией. Большая часть нефтеносного Мосульского вилайета отходила Франции, которая в качестве уступки согласилась с тем, что совместная разработка нефтяных ресурсов этого района будет осуществляться компанией с британским контрольным пакетом акций [10, 42–43]. В Лондоне возмущались тем «грубым невежеством», с которым были намечены линии границ. Лорд Керзон называл карту соглашения «фантастическим рисунком»: вместо того чтобы создать прочный барьер между Суэцким каналом и Персидским заливом, Англия

оставила нефтеносный Мосул и жизненно важные коммуникации в руках другой великой державы [7, 216]. По мнению авторитетной новозеландской исследовательницы Марион Кент, англичане пошли на уступки потому, что французские претензии на Мосул поддерживала Россия, предпочитавшая иметь буфер между русской и английской сферами влияния [13, 122–124]. Но британское правительство не собиралось отказываться от Мосула, надеясь, что ход войны изменит соотношение сил на Ближнем Востоке в пользу англичан и принудит союзников пересмотреть тайные договоры. «Нельзя допустить и мысли о том, что мирная конференция может собраться в момент, когда мы не закончили еще завоевания Ирака и Сирии», — писал Ллойд Джордж [6, 339].

Как и в случае с довоенным нефтяным сотрудничеством с Германией, договоренности с французами и арабами рассматривались на Даунинг-стрит лишь как временная мера, позволявшая выиграть время для окончательной оккупации арабских земель британскими войсками. Поэтому подписание «Соглашения Сайкс-Пико» не помешало Англии осенью 1917 г. начать наступление в Сирии и Палестине без участия Франции, а также развернуть на этих территориях антифранцузскую пропаганду, что привело к новому витку напряженности в отношениях между двумя державами. Обязательства перед арабами вновь были нарушены в ноябре 1917 г., когда в расчете на помощь еврейских банкиров Антанте британское правительство через министра иностранных дел А. Бальфура заверило дом Ротшильдов в своей готовности создать «национальный еврейский очаг» в Палестине.

К этому времени в торг вокруг арабских провинций Османской империи включились Италия и США. Февральская революция 1917 г. и рост пацифистских настроений в России поставили союзников перед реальной угрозой выхода России из войны, что означало бы крах «турецкого проекта». Поэтому Англия и Франция решили заручиться дипломатической поддержкой Италии, допустив ее к тайному дележу османского «наследства». В апреле 1917 г. Рим одобрил основные положения «Соглашения Сайкс-Пико» в обмен на гарантии Лондона и Парижа передать в итальянскую сферу влияния ряд турецких территорий в Европе и Малой Азии. Италия была «слабым звеном» Антанты и не могла всерьез претендовать на участие не только в разработке арабских нефтяных ресурсов, но и в решении Восточного вопроса в целом. Поэтому впоследствии Англия и Франция без труда уклонились от выполнения данных ей обещаний, мотивируя это тем, что они не были одобрены Россией — участницей предыдущих соглашений о разделе Османской империи [1, 59].

Действовать такими же методами в отношении США Антанты не могла, поскольку с осени 1917 г. британский флот и французские сухопутные войска оказались в жесткой зависимости от поставок американской нефти. Уже в первые годы войны прибыльность зарубежных операций компаний рокфеллеровской группы «Стандард Ойл» настолько превзошла самые оптимистические прогнозы, что встал вопрос о целесообразности переноса центра деятельности американского нефтяного капитала в восточное полушарие. Эта идея нефтяных магнатов получила горячую поддержку в Белом доме и, по сути, легла в основу новой нефтяной политики США. Последняя, в отличие от периода довоенного времени,

ориентировалась на внешнюю экспансию и установление американского контроля не только над рынками сбыта нефтепродуктов, но и над крупнейшими месторождениями мира, а также предусматривала тесное сотрудничество нефтяных монополий и государства [14, 14]. Ближний Восток попал в поле американских нефтяных интересов еще в конце XIX в., однако первый реальный исторический шанс закрепиться на этих землях представился США после вступления в мировую войну в апреле 1917 г.

Учитывая роль США в борьбе с Германией, Антанта не могла проигнорировать американские интересы в Восточном вопросе. В мае 1917 г. Лондон решил прозондировать почву в Вашингтоне, известив Белый дом о том, что арабские провинции Османской империи «если не будут аннексированы, то, возможно, станут в большей или меньшей степени доминионами стран Антанты». В ответ президент В. Вильсон заявил, что «ни один народ не должен принуждаться с помощью насилия к нахождению под суверенитетом, под которым он не желает находиться» [2, 95]. США искали повод аннулировать невыгодные для себя тайные соглашения стран Антанты и предотвратить установление монополии европейских держав в арабских землях. Октябрьская революция 1917 г. и выход России из войны побудили американцев перейти к открытому дипломатическому наступлению. В декабре 1917 г. Вашингтон предложил поделить Османскую империю и передать ее части под опеку «цивилизованных наций». Чтобы Антанта не смогла проигнорировать интересы США в Восточном вопросе, американцы попытались связать его решение с германской проблемой, предложив аннулировать военные долги Турции перед Германией, ликвидировать германские сферы влияния и промышленные предприятия на Ближнем Востоке, а также передать нефтеносные земли Месопотамии под опеку США [3, 221–222].

Апологеты теории «американской исключительности» утверждают, что либеральные принципы — «открытые двери», равные возможности, право наций на самоопределение — всегда являлись основополагающими во внешней политике Вашингтона. «Вильсоновская “политика морали” могла бы быть очень убедительной, если бы за ее спиной не поблескивала нефть», — отмечает американский историк С. Ленс [15, 230]. Применительно к Ближнему Востоку расхождения между американскими словом и делом проявились уже к концу Первой мировой войны. Американская формула «открытых дверей», позволявшая США использовать экономические преимущества и создавать свою неформальную империю по всему миру, распространилась на нефтяную сферу и Ближний Восток, войдя в жесткое противоречие с практикой преференций и рестрикций, традиционной для колониальной политики европейских держав. Поэтому Лондон и Париж отвергли американский план. Однако в связи с опубликованием большевиками в декабре 1917 г. тайных соглашений царского правительства России с державами Антанты о разделе Османской империи Англия и Франция были вынуждены принять американские условия послевоенного устройства, изложенные в «14 пунктах» Вудро Вильсона, за основу выработки мирных соглашений на Парижской мирной конференции 1919 г.

30 октября 1918 г. Турция сдалась на милость победителей. В день подписания Мудросского перемирия, формально ознаменовавшего прекращение войны

на Ближнем Востоке, британские войска стояли в 60 км южнее г. Мосул. Однако уже на следующий день английское командование отдало приказ оккупировать весь вилайет. К началу ноября 1918 г. Англия достигла своей цели, получив под контроль нефтеносные районы Османской империи, где был установлен британский оккупационный режим.

По итогам Первой мировой войны Германия выбыла из числа претендентов на ближневосточную нефть, а Великобритания получила благоприятные возможности для установления своего контроля над нефтеносными провинциями побежденной Турции. Однако появление нового сильного конкурента в лице США, а также необходимость выполнять противоречивые обязательства, взятые на себя британским правительством в годы войны по отношению к французам, арабам и сионистам, предопределили особенности дальнейшего развития ближневосточной нефтяной проблемы. Активная поддержка Вашингтоном претензий американского капитала на ближневосточную нефть привела к конфликту с Антантой. Однако в конечном итоге США сумели предотвратить установление англо-французской нефтяной монополии в арабских странах, преодолели британское противодействие проникновению американских нефтяных компаний в зону Персидского залива и при этом избежали каких-либо политических или военных обязательств по поддержанию послевоенного мира и порядка на Ближнем Востоке.

Таким образом, история взаимоотношений великих держав в нефтяной сфере в годы Первой мировой войны свидетельствует о том, что «игра наций» никогда не сводилась исключительно к конфронтации, но осуществлялась в рамках парадигмы «соперничество — сотрудничество». В дальнейшем предметное поле и состав участников нефтяной дипломатии постоянно расширялись, но неизменными оставались ее характерные черты, сформировавшиеся на заре нефтяного империализма, — дипломатическое маневрирование, политические интриги, двойные стандарты, тесное взаимодействие государства и крупного нефтяного капитала.

-
1. *Альдранди-Марескотти Л.* Дипломатическая война. М., 1944.
 2. Архив полковника Хауза. М., 1939. Т. 3.
 3. Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. 4.
 4. Записки Джемаль-паши, 1913–1919. Тифлис, 1923.
 5. *Клингшпор В.* Месопотамские месторождения // Нефтяное хозяйство. 1926. № 2.
 6. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. 3.
 7. *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1956. Т. 2.
 8. Переписка Мак-Магон — Хусейн // Документальная история арабо-израильского конфликта. Нижний Новгород, 1991.
 9. Раздел Азиатской Турции (по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел России). М., 1924.
 10. Соглашение Сайкс-Пико, 9–16 мая 1916 г. // Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1927. Ч. 2.
 11. *Тардые А.* Мир. М., 1943.
 12. *Шульце Э.* Борьба за персидско-месопотамскую нефть. М., 1924.
 13. *Kent M.* Oil and Empire: British Policy and Mesopotamian Oil, 1900–1920. L., 1986.
 14. *Kokxhoorn N.* Oil and Politics: The Domestic Roots of US Expansion in the Middle East. Frankfurt a/M., 1977.

15. *Lens S.* The Forging of American Empire. The History of American Imperialism from Revolution to Vietnam. N. Y., 1974.
16. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. 2. Washington, 1936.
17. Public Record Office. Foreign Office 371.17831. E 4540/487/25.
18. *Trumpener U.* Germany and the End of Ottoman Empire // The Great Powers and the End of Ottoman Empire. L., 1996.
19. Turkish Petroleum Company. Foreign Office Agreement. 1914, March // Kent M. Oil and Empire. L., 1986.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 355.123 + 355.48(100)“1914/19”

М. А. Фельдман

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ АРМИИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ТРУДАХ В. В. ПОЛИКАРПОВА

В статье дается анализ концепции видного российского историка, известного специалиста по истории военной промышленности России начала XX в. В. В. Поликарпова об уровне военно-технической подготовки армии России к Первой мировой войне. Суть концепции В. В. Поликарпова заключается в том, что ни вооружение русской армии, ни потенциал военной промышленности России, ни уровень руководства страной не соответствовали требованиям современной войны, каковой для начала XX в. являлась Первая мировая.

Ключевые слова: В. В. Поликарпов, русская армия, военно-техническая подготовка, Первая мировая война.

Одним из наиболее основательных трудов уровня военно-технической подготовки армии России к Первой мировой войне является книга известного российского историка В. В. Поликарпова «От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века» [1], представляющая собой своеобразный итог четырех десятилетий исследований автора. В. В. Поликарпов на основе глубокого и всестороннего изучения источников вносит новое понимание состояния военной промышленности и вооруженных сил России.

Суть проблемы в первые десятилетия XX в., с горечью отмечает автор, один из крупнейших специалистов по военной истории, заключалась в весьма прозаичном факте: стране среднеразвитого капитализма, с далеко не высокоразвитыми монополиями, было не под силу создать могущественные армию и флот, не уступающие германским. Так, планы сооружения новейших броненосцев — дредноутов — выявили глубину технического отставания России: отсутствие заводов с расширенными стапелями, производства мощных турбинных двигателей, брони повышенной прочности [Там же, 265].

Следуя буквально указаниям высочайшего рескрипта, морской министр А. А. Бирилев докладывал царю в октябре 1906 г.: мы должны строить эскадренные

броненосцы, но этому препятствует состояние судостроительных, бронепрокатных и артиллерийских заводов [1, 273].

Пессимистический взгляд на перспективы Военно-морского флота отличал и предпринимателей, действующих в судостроении России, признававших, что «за отсутствием опыта и надлежащих технических сил русские заводы не могут дать проектов и детальных чертежей судов», что заводы России не успели создать современные конструкторские бюро. Таким образом «негде было взять ни чертежей, ни исполнителей для создания дредноутов» [Там же].

Планы создания флота, способного господствовать на море, наталкивались и на финансовую слабость России. По мнению министра финансов В. Н. Коковцева (март 1905 г.), в условиях, когда страна бедна, обнищала, в ней «смуты», нельзя создавать флот вне понимания наличия денежных и технических возможностей. Между тем попытки тратить на флот средства, равные хотя бы 50 % от аналогичных английских расходов, остались несбыточной мечтой [Там же, 268]. Даже «при полном напряжении всех наших ресурсов и самом широком использовании кредитов, заявлял В. Н. Коковцев, приходилось предпринимать судорожные усилия для того, чтобы где-то занять денег для продолжения военных действий с Японией» [Там же, 266].

Сказывалось и влияние высшей аристократии, по традиции руководившей флотом. О состоянии умов в морском министерстве, отмечает автор, говорит такой факт: в 1905 г. при обсуждении предложения Англии купить турбинные двигатели чиновники высказались за устаревшие цилиндрические механизмы под весьма своеобразным предлогом: «излишне высокая скорость» будет мешать кораблям российского флота [Там же, 274].

И все-таки главной проблемой, размышляет В. В. Поликарпов, являлось самодержавное устройство нашей страны, замкнутость решения сложнейших задач на одном человеке. Этим объясняется ряд легковесных суждений Николая II, вроде распоряжения в конце 1904 г. уверенного в победе над Японией царя об изыскании средств для возможного военного столкновения с Англией и США [Там же, 266]. Предпочтение, отданное дорогостоящему флоту, пишет В. В. Поликарпов, было решением в перспективе *нерациональным*, продиктованным переоценкой собственных сил. Примером может служить и идея овладения черноморскими проливами или постройки к 1930 г. боевых эскадр в трех океанах — вариант развития судостроительной программы ВМФ (1907), требующий расходов в размере двух годовых бюджетов [Там же, 278].

Техническая неподготовленность и недостаточность средств для развертывания производства вооружения, отвечающего масштабу стратегических задач, были признаны всеми высшими органами России, ведавшими военной экономикой [Там же, 280]. Тем не менее эти же государственные органы упорно требовали стремительного наращивания расходов на флот. Парадокс? Нет, отвечает автор. При неверности стратегических задач такое закономерно.

Гигантские просторы России, локально затронутые индустриализацией, относительно небольшое и преимущественно бедное население исключали саму возможность подготовки к мировой войне как важнейшей общенациональной задаче. Сделав обоснованный вывод о неготовности армии к войне,

а промышленности — к военно-техническому противоборству с Германией, автор отрицает допустимость любых внешнеполитических авантюр. В моем понимании, в историческую литературу В. В. Поликарповым внесен важный тезис, имеющий методологическое значение.

Вместе с тем оставалась оборонительная функция государства. В результате усилий правительства по «выращиванию» частной капиталистической промышленности — военной и обслуживающей военное производство — возникла расплывчатая сеть предприятий, в различной степени вовлеченных в выпуск продукции военного назначения, существенно уступающих по масштабам производства госсектору [1, 162]. Сосредоточение значительной части специализированных военных предприятий в собственности государства не составляло исключительной особенности самодержавной России. В той или иной степени ту же гарантию устойчивости и управляемости военного снабжения обеспечивали себе правительства всех крупных держав [Там же, 163]. *Специфика российских условий*, обращает внимание В. В. Поликарпов, заключалась в том, что курс власти на сохранение, упрочение и развитие казенных военных промышленных заведений получил здесь идеологически-политический смысл: в них усматривался необходимый противовес *социально чуждым частным предприятиям*. Но и предпринимательские организации неустанно добивались сокращения, а лучше — полной ликвидации казенной военной промышленности [Там же, 164].

Совет министров в 1909 г. мог проявить достаточную трезвость и заявить: «страна с многочисленной армией, но с расстроенными финансами столь же слаба в смысле государственной обороны, как и государство с неустроенной армией» [Там же, 171]. Однако в период до 1911 г. выход был один: сокращение расходов на нужды армии: «уменьшение норм снарядов, запаса винтовок, парка орудий» [Там же, 172–173].

Проблема заключалась и в том, что сбор и обработка статистических данных предприятий военной промышленности носили далеко не полный характер. В этом также сказывался полуфеодалный, нерыночный характер экономики и государственного устройства империи. Весьма условными оставались сведения о стоимости продукции, выпущенной казенными предприятиями. Ни заводоуправления, ни центральные органы не имели даже приблизительного понятия о том, во что обходится заводам производство вооружений [Там же, 196–198].

Секрет рентабельности казенных предприятий заключался, не без иронии отмечает В. В. Поликарпов, в доплате казной государственным предприятиям по 15 % от стоимости изделий по казенным заказам, какой бы она ни была [Там же, 221]. Сама постановка вопроса о прибылях казенной военной промышленности оказывалась искусственной. Изготавливаемый продукт оставался собственностью казны и, минуя сферу товарного обращения, поглощался самим же государственным аппаратом — армией и флотом [Там же, 230].

Российская казна была экономически не в состоянии поднять военную мощь до такого уровня, какой позволял бы выправить неблагоприятное для России соотношение сил с вероятными противниками из числа великих держав. Вопрос не сводился только к размеру средств, реально направляемых на изготовление вооружений. Слишком огромные средства (2,3 млрд руб.) были бесплодно

растрачены государственной властью на дальневосточную авантюру. Казна была полем криминальных действий крупных собственников из числа высших сановников [1, 175–177]. Помимо этого сами военные ведомства не проявили заинтересованности в разработке целостной программы развития. Раздел о военной промышленности не содержал окончательно выработанную программу, не предполагал средства на расширение военного производства [Там же, 177–179].

Во время Первой мировой войны в России приходилось в спешном порядке преодолевать последствия просчетов, допущенных при подготовке армии к этому испытанию. Одним из наиболее болезненных недостатков в развитии военной экономики России являлась неспособность отечественной промышленности обеспечить действующую армию артиллерийскими снарядами, ружейными патронами, взрывчаткой, порохом [3, 63].

Как отмечает В. В. Поликарпов, «правительство недоценило значимость давно выявленной проблемы с сырьем для нужд оборонной промышленности их изготовления, не просчитало возможные затруднения с получением селитры из Чили — основного поставщика этого главного сырья. Германия, также использовавшая до войны чилийскую селитру и теперь ее лишившаяся, почти не почувствовала этого удара, потому что немецкие химики сумели поставить в промышленном масштабе собственное производство, основанное на новой технологии получения связанного азота. В России разработки в этой области не дали ощутимого результата» [Там же].

Все усилия ученых и специалистов, направленные на приобщение России к новейшим технологиям военных производств, в данном случае — в использовании атмосферного азота, не привели к своевременному решению задачи. В. В. Поликарпов выделяет основную причину неудачи: нищенское обеспечение экспериментаторов денежными и техническими средствами, тормозившее исследование. «Эта особенность научно-технического прогресса в предвоенные годы (как свидетельствуют данные, относящиеся также, например, к военно-оптической или автомобильной технике) имела не случайный, а системный характер и составляет существенную черту историко-научного и историко-технического контекста» [Там же, 73].

Не лучшим было и положение с поставками в вооруженные силы биноклей, которые являлись «глазом армии». Производство биноклей в России началось на частном заводе в 1904 г. и на казенном производстве в 1906-м; при этом отечественные заводы обеспечивали только небольшую часть потребностей армии. Конкуренция, гибкое регулирование производства со стороны властных структур могли исправить положение. Однако в 1911 г. правительство, по сути, прекратило сотрудничество с частным предприятием. В результате потребности армии в биноклях удовлетворялись лишь на треть и в 1914–1917 гг. [2, 61–65]. Еще более сложным обстояло дело с оптическими дальномерами: при потребности армии в 25 тыс. штук их производство на отечественных предприятиях не превышало 200 [Там же, 68].

Актуальное значение спустя столетие после рубежного 1914 г. имеют следующие слова В. В. Поликарпова о своекорыстном поведении олигархов начала XX в., не торопившихся тратиться на устройство даже явно перспективных предприятий,

не заручившись гарантией прибылей со стороны казны. Вместо координации действий предпринимателей и государства столь же негативные последствия для подготовки армии к невиданным испытаниям имело враждебное отношение бюрократического аппарата империи к проявлениям частной инициативы, усвоенное даже наиболее прозорливыми и просвещенными деятелями военно-технической мысли и практики. Лишь припертая к стене, на пороге гибели, власть шла на такие шаги, как приглашение зарубежных фирм, в попытках ликвидировать отставание, расплачиваясь за это отставание не только людскими потерями на фронте, но также и материальными расходами, несопоставимыми с теми средствами, которые она уделяла отечественному образованию и науке» [2, 68].

Статья В. В. Поликарпова «Военная промышленность начала XX в. в историческом разрезе» (2014) [4] стала новой серьезной вехой в изучении истории и историографии Первой мировой войны. В этой работе автор дал подробный очерк отечественной и зарубежной историографии военного, экономического и политического участия России в мировой войне; четкое, фундированное обоснование неготовности военной промышленности России к мировой войне и неспособности обеспечить нужды российской армии в ходе драматических событий 1914–1917 гг.; обоснование преимущественно докапиталистического характера военной промышленности, государства и экономики в целом; империалистического характера войны со стороны Романовых.

Три составные части экономики России (рыночная, командная, частная натуральная) — столь резко различающиеся сферы хозяйства — не представляли однородной совокупности, допускающей эффективное регулирование; рыночная экономика являлась лишь одной из подсистем народного хозяйства [Там же, 183], и это не могло не сказаться негативным образом на положении промышленности, армии, общества в ходе мировой войны и революционном взрыве 1917 г.

Статья открывается определением роли военной промышленности в жизни страны: «военное производство, являясь средоточием высших технических достижений, отражает состояние и возможности общества в целом, его экономики и культуры» [Там же, 182]. В силу такой роли судьба военной промышленности России обусловила взаимосвязь экономических, политических и социально-структурных факторов в возникновении кризиса 1917 г.

Отсталость экономики России от передовых стран Европы, неразвитость финансового обращения и зависимость от внешних заимствований привели к тому, что реорганизации и расширению ведущих оборонных предприятий — Путиловскому и Невскому заводам — помешал отказ в финансировании со стороны французских партнеров в 1912–1914 гг. [Там же, 185], а труднотупность внутренних кредитов и сложные отношения с правительством привели к тому, что «даже после открытия военных действий, когда уже обнаружили признаки снарядного голода, частные заводчики не проявили готовности сами направить свои капиталы на развертывание артиллерийских производств, ограничиваясь преимущественно использованием авансов по заказам, казенных субсидий на постройки и приобретение оборудования, то есть тех самых внутренних накоплений бюджета» [Там же].

В такой ситуации уже 9 сентября 1914 г. военный министр, вызвав к себе представителей фирм и сообщив о катастрофической нехватке снарядов, заявил,

что в создавшихся обстоятельствах для правительства вопрос о цене военной продукции имеет второстепенное значение [4, 185]. Спустя девять дней, 18 сентября 1914 г., был сделан следующий шаг к созданию командной экономики — последовало требование верховного главнокомандующего к военному министру дать максимальный срочный заказ русским металлургическим заводам и привлечь частные заводы хотя бы *реквизиционным порядком*, к выделке снарядов [Там же].

Однако никакие командные меры не могли изменить объективные возможности военной промышленности России. «В реальности если кризис не обострялся, то не по причине мощной работы заводов, а лишь потому, что количество этого рода орудий было все время значительно меньше нужной для армии нормы. Число имевшихся на фронтах тяжелых 42-линейных пушек было столь ничтожным, что требовалось и ничтожное к ним количество выстрелов; орудия крупных калибров получали в 1916–1917 гг. десятую часть того, что им нужно был действительно». Немногим лучше было положение со снарядами для орудий других калибров. Даже потребность российской армии в винтовках отечественные заводы в 1916 г. удовлетворяли примерно лишь наполовину [Там же, 194–199].

О недостаточном развитии военного производства в России говорят многочисленные факты. Так, тяжелая артиллерия особого назначения к моменту летнего наступления 1917 г. располагала 632 орудиями и минометами, но лишь малая их часть поступила с русских заводов: 258 пушек и 56 минометов предоставили союзники в 1917 г., а до того — они же еще почти столько же. Всего за 1915–1917 гг. тяжелых и осадных орудий разных калибров русская артиллерия получила 1448 стволов, в том числе 602 было изготовлено в России и 846 у союзников (если же взять только полученные до 1917 г. 685 орудий, то 283 и 402 соответственно). Две трети бездымного пушечного пороха и более половины взрывателей к снарядам, поступивших на вооружение российской армии, были заграничного производства [Там же, 197].

Приведенные примеры, выдержки из донесений высших представителей армейского командования в ставку убедительно доказывают ненаучность заявлений историков, например Б. Н. Миронова, о том, что в 1916 г. «снабжение армии... наладилось, в частности снарядный голод был удовлетворен... В дальнейшем войска не ощущали недостатка в вооружении. 1917 год Россия встретила на вершине военного могущества» [Там же, 194].

В. В. Поликарпов в своем анализе военно-экономической политики проводит различие между общегосударственными интересами в понимании правящей бюрократической клики и реальными интересами большинства народа; поддерживает вывод К. Ф. Шацилло о том, что, «ввязываясь в войну, режим Николая II ставил перед собой невыполнимые задачи, противоречившие нуждам и состоянию России» [Там же, 193].

Таким образом, новейшие работы В. В. Поликарпова вносят весомый вклад в изучение важнейшей проблемы, которая вот уже на протяжении 100 лет волнует российских и зарубежных исследователей истории Первой мировой войны, — готовности российской армии к участию в сражениях с армиями передовых государств мира. Автор вполне убедительно доказывает, что ни вооружения русской армии, ни состояние потенциала военной промышленности России,

ни уровень руководства страной не соответствовали требованиям современной войны, каковой для начала XX в. являлась Первая мировая война. Эти работы не только подводят определенный итог изучению истории военной промышленности России на пороге мировой войны и в ходе военных батальи мировой войны, но и содержат ответы на многие вопросы российской истории.

Во-первых, причины Февральской революции 1917 г. связываются с перегрузками, возникшими в годы мировой войны, которые обрушились на полуфеодальные экономику, общество и государство России. Перегрузками существенно более высокими, чем у союзников и у основного противника — Германии.

Трудно найти документ, более ясно говорящий об этом, чем докладная записка ГАУ (Главного артиллерийского управления) в Ставку в конце 1914 г. В ней, в частности, говорилось: «Нельзя сравнивать наших условий развития этого рода промышленности с французской. Стоит только вспомнить наши огромные расстояния, бедную сеть железных дорог, необходимость подвоза сырых материалов за тысячи верст и из-за границы, недостаток подвижного состава... вековую зависимость в отношении станков и механизмов от заграницы, и прежде всего от Германии...» [4, 203].

Во-вторых, В. В. Поликарпов аргументированно показывает, что в ситуации, когда решение основных вопросов замкнуто на одном человеке, бессильны любые аналитические докладные записки, предостерегающие от неверных шагов; фиксирующие, например, в начале 1917 г. глубокое истощение производительных сил из-за роста специальных военных производств [Там же, 199].

В-третьих, принадлежность к великим державам определяется не размером военного бюджета, а опирается на высокий уровень «развития промышленности и торговли, на беспримерно широкое народное образование, на грандиозную научную культуру» [Там же, 200].

Работы В. В. Поликарпова предостерегают от повторения глобальной ошибки со стороны России лета 1914 г. — разрыва между внешнеполитическими запросами и реальным экономическим и военным потенциалом.

Наконец, они показывают, что кризисные явления в исторической науке не грозят тем историкам, которые не подвержены давлению идеологических кампаний и поветрий. Линия фундаментальных научных исследований изучения Первой мировой войны, идущая от А. Л. Сидорова и К. Ф. Шацилло, нашла достойное продолжение в трудах В. В. Поликарпова.

1. Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008.

2. Поликарпов В. В. Первые шаги российской оптической промышленности // Политическая история России XX века: К 80-летию профессора В. И. Старцева. СПб., 2011. С. 60–68.

3. Поликарпов В. В. Воздух как стратегическое сырье России начала XX века // Вопр. истории. 2013. № 9. С. 63–76.

4. Поликарпов В. В. Военная промышленность начала XX века в историческом разрезе // Политическая концептология. 2014. № 2. С. 182–213.

УДК 94(100)“1914/19” + 930 + 62(470,5)

В. Д. Камынин

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТЕПЕНИ ГОТОВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Статья посвящена анализу взглядов современных исследователей на степень готовности промышленности России и ее важнейших экономических регионов к Первой мировой войне и на влияние войны на развитие уральской промышленности. Выявлен дискурс, имеющий место в современной научной литературе по этому вопросу, объясняются причины появления в ней различных точек зрения; сопоставляются взгляды современных российских и зарубежных авторов по вопросу об экономической готовности России к мировой войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, уральская промышленность, российская и зарубежная историография, дискурс.

Вопрос о готовности России к Первой мировой войне на протяжении последних 100 лет постоянно привлекает внимание исследователей. Этот вопрос многоаспектен: он включает политическую, экономическую, социальную и военную составляющие, рассматривается на примере страны в целом и ее отдельных регионов. Нельзя не заметить, что исследователи зачастую полярны в своих оценках. Наиболее заметно разномыслие исследователей в оценке экономической составляющей готовности России и ее важнейших экономических регионов к войне.

История промышленного развития Урала накануне и в период Первой мировой войны на протяжении XX — начала XXI столетия находится в центре научного дискурса. Полярные точки зрения на уровень развития промышленности, который был достигнут в первые полтора десятилетия XX в., сложились в советское время. Объяснение причин разномыслия советских историков по этому вопросу в современной литературе дается разное. Большинство историографов сходятся в том, что основной причиной существования различных точек зрения было то, что исследователи по-разному оценивали степень готовности России к социалистической революции. Одна часть историков защищала тезис о том, что революция произошла в стране, экономически подготовленной к переходу к социализму, другая часть отрицала наличие в стране к концу войны объективных (в том числе экономических) предпосылок для социалистической революции [15, 15; 22, 57]. Любопытным представляется мнение Д. В. Гаврилова, который полагает, что советские историки 1950–1980-х гг. намеренно скрывали высокие темпы развития оборонных отраслей промышленности Урала, превратившейся в настоящую «кузницу оружия», по причине того, что этот факт «может затмить “трудовой подвиг Урала”, “опорного края державы”, ее “добытчика и кузнеца” в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [6, 446].

В литературе периода перестройки была сделана попытка примирить мнения, существовавшие в советской историографии. В академической «Истории Урала», увидевшей свет в 1990 г., отмечалось наличие в динамике уральской промышленности, особенно в годы войны, как положительных, так и отрицательных черт.

Ю. А. Буранов и Л. И. Легошин писали: «Развитие горнозаводской промышленности представляло в годы Первой мировой войны качественно новую ступень по сравнению с предыдущим периодом. Вместе с тем неравномерное развитие многоотраслевых хозяйств, кризисное состояние уральской экономики, отрицательное влияние войны вели к дальнейшим диспропорциям, основой которых являлись крепостнические пережиточные явления, реакционная политика крупной буржуазии. Их полное устранение возможно было только революционным путем» [13, 358].

Мнения исследователей, связанные с оценкой уровня развития промышленного производства Урала накануне и в годы Первой мировой войны, и поныне остаются крайне полярными. По нашим наблюдениям, это объясняется тем, что в настоящее время оценка итогов периода капиталистической модернизации Урала дается с различных методологических позиций.

Большая часть современных историков отстаивает мнение, получившее обоснование в предшествующей историографии, о том, что в результате Первой мировой войны, которая истощала ресурсы российской экономики, «уральская промышленность оказалась в критическом состоянии» [2, 5]. В. А. Ламин и А. И. Тимошенко пишут об угасании уральской промышленности к 1917 г. По их данным, в 1917 г. выпуск стали и железа на Урале по сравнению с 1916 г. сократился на 120 тыс. т. [17, 191]. А. В. Жук замечает: «Начиная с 1917 г. произошло катастрофическое падение производства в России, на первое место вышли проблемы социального характера, нашедшие отражение в революциях 1917 г.» [11, 116].

При этом данная часть историков расходится во мнениях о причинах кризисного состояния уральской промышленности. Многие исследователи указывают на негативное воздействие войны на горнозаводское хозяйство региона в целом. В. В. Запарий, поддерживая мнение советских историков о том, что в годы войны ведущая отрасль уральской промышленности — металлургия — не только не давала прироста производства, но и систематически снижала его, замечает, что «уральской металлургии в 1914–1918 гг. не приходилось преодолевать трудности, связанные с перестройкой производства на выпуск новых марок стали и профилей металла» [12, 133].

Другая часть исследователей традиционно возлагает ответственность за тяжелое положение в уральской промышленности на деятельность царского правительства и горнозаводчиков. Д. В. Гаврилов исходит из того, что «правительство и высшее военное руководство царской России полагали, что война не будет продолжительной, имевшегося мобилизационного запаса оружия и боеприпасов хватит на ее ведение. Война рассеяла эти иллюзии: заготовленных снарядов хватило лишь на первые месяцы войны» [7, 448]. А. П. Абрамовский пишет: «Уральские горнопромышленники за годы Первой мировой войны не обновляли оборудование металлургических предприятий, не ремонтировали доменные, мартеновские, пудлинговые печи и бессемеровские конвертеры». Автор считает, что в результате этого к 1917 г. из 106 металлургических предприятий 16 были закрыты, из 90 доменных печей 39 оказались потушенными, производство чугуна составило 84 % к уровню 1914 г. [1, 46]. В. В. Запарий поддерживает это мнение. По его словам, в результате бездействия горнозаводчиков «экономика горнозаводского

Урала находилась в катастрофическом положении. Из 106 металлургических предприятий 16 не работало вообще, а остальные из-за нехватки сырья, топлива и прекращения финансирования акционерными обществами давали продукцию с перебоями» [12, 138]. В. Е. Мусихин указывает на то, что еще в 1915–1916 гг. из-за нехватки топлива и сырья были остановлены 22 доменные печи, 11 печей работали с неполной загрузкой. В январе 1917 г. из 112 доменных печей стояли уже 55, с недогрузкой работали 20 [19, 221–223].

В то же время исследователи, отстаивающие традиционные представления о негативном влиянии деятельности царского правительства и горнозаводчиков на развитие уральской промышленности, не могут не признать, что подготовка к войне и участие России в ней положительно сказались на развитии оборонных отраслей. И. Д. Панькин пришел к выводу, что «оборонно-промышленный комплекс Урала в начале XX в. представлял собой развитую инфраструктуру» [21, 51]. По словам Д. В. Гаврилова, «в годы Первой мировой войны Урал превратился в сильно милитаризованный регион, “кузницу оружия”» [6, 446].

В современной историографии сложилось устойчивое мнение, высоко оценивающее достижения капиталистического этапа индустриализации Урала. Часть исследователей, придерживающихся либеральной интерпретации истории, пытаются таким образом обосновать, что большевики прервали развитие России, которая находилась на подъеме. А. В. Бакунин писал, что «промышленность края уже на начальном этапе индустриализации оказалась на уровне передовых предприятий» [4, 4]. По его оценке, «накануне Первой мировой войны Урал давал 21,6 % чугуна, 20,9 % стали, занимал первое место по производству кровельного железа, меди и другой продукции» [5, 225].

Говоря о влиянии Первой мировой войны на промышленность края, С. П. Постников и М. А. Фельдман указывают, что к осени 1917 г. ни один более или менее крупный металлургический или металлообрабатывающий завод Урала не был закрыт [22, 24]. Это мнение прямо противоречит данным источников, которые зафиксировали закрытие 16 металлургических заводов Урала в годы Первой мировой войны [8, 1–3]. Падение производства на уральских заводах в 1917 г. С. П. Постников и М. А. Фельдман не считают показателем кризиса [22, 24].

Часть исследователей либерального толка не могут отрицать наличия кризисных явлений в развитии уральской промышленности в военное время. И. В. Нарский пишет: «Под ударами войны устаревшая организация производства оказалась разбалансированной и стала рассыпаться, подобно карточному домику» [20, 79]. Эти историки высоко оценивают усилия царского правительства и местных органов управления промышленностью, созданных уральскими предпринимателями, по ликвидации кризисных явлений. А. В. Жук пишет об объективно позитивной роли Уральского заводского совещания по оказанию разносторонней помощи заводчикам в становлении единого планирования, разработке проектов промышленного развития, развертывании значительного числа военных предприятий [10, 170–183].

Говоря о причинах кризисного состояния уральской промышленности, Н. Н. Попов указывал, что к сокращению производства привели объективные трудности: «из-за транспортных затруднений нарушились связи с центром

и другими регионами, стала замирать работа промышленности, обострилась продовольственная проблема» [14, 36]. Ряд авторов усматривает причины кризиса прежде всего в большевистском перевороте. Н. С. Симонов пишет: «Октябрьская революция 1917 г. внесла в работу военно-промышленных предприятий хаос и дезорганизацию. Трудовая дисциплина упала. Военные заказы прекратились. Производство начало останавливаться. Десятки тысяч рабочих, а также представители инженерно-технического персонала, оставшись без зарплаты и работы, ушли с заводов» [23, 54].

Историки, разделяющие модернизационную интерпретацию истории, критикуют советскую историографию за недооценку развития капиталистической промышленности в Уральском регионе. Они исходят из того, что в конце XIX — начале XX в. войны являлись одним из факторов модернизации, так как они не только приводили к разрушающим последствиям, но и давали толчок созидющим процессам внутри конфликтующих государств. В период военных действий с увеличением государственного заказа на предметы вооружения, как правило, существующее производство значительно расширялось, усиливалась топливно-сырьевая база, внедрялись новые технологии [9, 341; 16, 75].

По словам С. А. Липиной, «в целом Первая мировая война означала качественно новую ступень в индустриальном развитии региона: в техносфере металлургической промышленности произошли глубокие изменения, являвшиеся следствием прежде всего масштабного освоения в сравнительно сжатые сроки высокотехнологичных, военных производств» [18, 158]. Е. Г. Анимича, Е. Б. Дворядкина пишут, что к началу советского периода «Урал оставался крупнейшим горнопромышленным районом России, хотя и уступал свои позиции Южному району по производству ряда важнейших видов продукции. Происходящее на протяжении конца XIX — начала XX в. расширение обрабатывающих производств не поколебало основного горнозаводского облика района» [3, 300].

Мнение большинства современных российских исследователей о кризисном состоянии российской промышленности накануне и в период Первой мировой войны в основном коррелируется со взглядами зарубежных авторов на эту проблему. Зарубежные исследователи рассматривали участие России в Первой мировой войне исключительно через призму втягивания ее в революционный кризис. По словам М. Малиа, «война породила Российскую революцию и захват власти большевиками» [26, 11].

Одной из причин этого они считали то, что в первые десятилетия XX в. промышленность России развивалась в экстремальных условиях. Иностранцы негативно оценивали влияние на промышленное развитие России таких событий, как мировой промышленный кризис, революции и Первая мировая война. Американский публицист Б. Рассел, посетивший Советскую Россию в 1920 г., писал, что дезорганизация русской промышленности «началась перед первой русской революцией и ширилась при Керенском» [27, 47]. На слабость российской экономики накануне и в период войны указывают и современные зарубежные авторы. Французский историк Н. Верт отмечает: «Российское правительство, как и другие воюющие стороны, надеялось на быстротечную войну. Военные запасы были рассчитаны на трехмесячную кампанию. Уже в конце 1914 г. многие части

испытывали недостаток патронов и снарядов» [25, 63]. Итальянский исследователь Д. Боффа пишет: «Роковое испытание войной выявило слабость российской экономики: не была решена проблема снабжения фронтов и города» [24, 26].

Одна из причин негативного воздействия войны на состояние промышленности России, по мнению Б. Рассела, заключалась в уходе из России иностранного капитала в годы войны [27, 47]. Современный английский исследователь П. Гэтрел указывает, что страны Антанты, учитывая экономическую слабость России, предлагали принять участие в модернизации ее оборонной промышленности иностранным фирмам. Русско-Азиатский банк совместно с французской фирмой «Шнейдер и Крезю» выступили с проектом переоборудовать Пермский пушечный завод и затем передать его в длительную аренду им для выпуска в Мотовилихе 14-дюймовых орудий [28, 212]. На невозможность реализации данного проекта указывал Н. Верг. По его словам, «блокада вынуждала страну опираться только на собственные силы» [25, 63].

По нашему мнению, рассмотрение проблемы уровня развития промышленности Урала к моменту начала и завершения Первой мировой войны нельзя считать исчерпывающим. Разброс суждений историков по этому вопросу слишком велик. Следование заданным методологическим постулатам мешает исследователям объективно разобраться в происходивших процессах. Зачастую это приводит к тому, что авторы для подтверждения своих выводов опираются не на полную совокупность фактов, а ссылаются только на те источники, которые подтверждают их версию событий. Между тем решение проблемы об уровне развития промышленности Урала к моменту начала и завершения Первой мировой войны позволит дать убедительное заключение о том, каковы были подлинные итоги капиталистической модернизации России.

1. *Абрамовский А. П.* Демилитаризация уральской горнозаводской промышленности: замыслы и осуществление // Вестн. Челяб. ун-та. 1993. № 2. Сер. 1 : История.

2. *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2008.

3. *Анимациа Е. Г., Дворядкина Е. Б.* Промышленная политика и модели регионального развития // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006.

4. *Бакунин А. В.* Актуальные проблемы исследования индустриализации Урала // Урал индустриальный, 1996. Екатеринбург, 1997.

5. *Бакунин А. В.* Индустриализация // Урал. ист. энцикл. Екатеринбург, 1998.

6. *Гаврилов Д. В.* Развитие военного производства на Урале в XVIII — начале XX в. // Гаврилов Д. В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: Избр. тр. Екатеринбург, 2005.

7. *Гаврилов Д. В.* Урал в геополитической стратегии Первой и Второй мировых войн // Там же.

8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 14. Д. 1079.

9. *Жук А. В.* Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы Первой мировой войны // Урал. ист. вестн. 2000. № 5–6.

10. *Жук А. В.* Металлургическая база военного производства на Урале накануне и в годы Первой мировой войны // Там же. 2003. № 9.

11. *Жук А. В.* Российская промышленность в 1900–1918 гг. // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. : материалы междунар. науч. конф., посвящен. 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург, 2006.

12. *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. 2-е изд. Екатеринбург, 2001.
13. История Урала в период капитализма. М., 1990.
14. История Урала: XX век. Екатеринбург, 1996. Кн. 2.
15. *Камынин В. Д.* Современная историография социально-экономических предпосылок революции 1917 г. на Урале // Революция 1917 г. в Зауралье (поиски и проблемы). Курган, 1997.
16. *Куликов К. И., Коростелева С. А.* Модернизация промышленности Удмуртии с 1912 по 1941 г. как основа создания военно-промышленного комплекса // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003.
17. *Ламин В. А., Тимошенко А. И.* Проекты транспортного обеспечения реализации программы Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010.
18. *Литина С. А.* Война и техническая модернизация: Омутнинский горный округ в годы Первой мировой войны // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. 2011. Вып. 47, № 23 (238).
19. *Мусихин В. Е.* Транспортный кризис и его влияние на состояние топливно-сырьевой базы уральской горнозаводской промышленности в 1914–1917 гг. // История и культура Волго-Вятского края: (К 90-летию ученой архивной комиссии) : тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф., Киров, 18–20 окт. 1994 г. Киров, 1994.
20. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
21. *Панькин И. Д.* Исследователи об особенностях политики правительства в отношении оборонной промышленности Урала в начале XX в. // Вестн. ЮУрГУ. 2013. Сер. : Социально-гуманитарные науки. Т. 13, № 1.
22. *Постников С. П., Фельдман М. А.* Власть и рабочие Урала в 1917 г.: Очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2011.
23. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
24. *Боффа Д.* История Советского Союза : в 2 т. Т. 1 : От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917–1941. 2-е изд. : пер. с ит. М., 1994.
25. *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991 : пер. с фр. М., 1992.
26. *Малия М.* Советская трагедия = The Soviet tragedy: История социализма в России, 1917–1991 : пер. с англ. М., 2002.
27. *Рассел Б.* Практика и теория большевизма : пер. с англ. М., 1991.
28. *Gatrell P.* Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914. The Last Argument of Tsarism. Cambridge University Press. L., 1994.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

УДК 339.923:061.1ЕС + 339.97

Ю. Ю. Ковалев

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В статье затрагиваются современные проблемы развития территориальных систем. Показана необходимость перехода от парадигмы «неустойчивости» к концепции устойчивого развития. Характеризуются основные положения интегральной концепции устойчивого развития и ее значение для будущей эволюции территорий. Анализируются основные факторы и причины глобальной экологической, экономической и социальной неустойчивости. Характеризуются особенности реализации концепции устойчивости в странах ЕС.

К л ю ч е в ы е с л о в а: развитие, экономический рост, устойчивое развитие, неустойчивость, стратегия устойчивости в ЕС.

Последнее десятилетие XX в. войдет в историю цивилизации не только как время краха социалистических систем в странах Восточной Европы и СССР, начало эры «конца истории», но и как десятилетие переосмысления целей, задач и путей дальнейшего развития человечества. В этот период делаются первые шаги по практической реализации основных положений разработанной комиссией Брундтланда концепции устойчивого развития, которая на сегодняшний день стала составной частью глобального политического дискурса развития. Значение концепции устойчивого развития в мире огромно. Российский мыслитель Ю. В. Яковец говорит о ней как об эпохальной инновации XXI в., которая по силе своего воздействия сравнима с аграрной и индустриальной революцией [2, 161]; немецкий исследователь И. Пуффе пишет о смене парадигмы развития [7]. Концепция устойчивого развития стала «руководством к действию» для многих планетарных и региональных проектов. Ее основные положения включены в Цели развития тысячелетия ООН и Декларацию по развитию и окружающей среде. Концепция устойчивости стала «путеводной звездой» в общественном развитии большинства стран мира, хотя внедрение ее принципов сталкивается

с огромными трудностями из-за сопротивления консервативных политических и экономических структур.

Суть концепции устойчивого развития (устойчивости) — поиск баланса, равновесия между когерентными, эволюционирующими структурами территориальной системы¹ — экономикой, обществом, природой, политикой, культурой. Лишь на основе сбалансированного, мягкого развития, учета всей комплексности взаимосвязей и взаимодействий структур территориальных систем возможно удовлетворение потребностей и нужд как ныне живущих, так и будущих поколений, как в глобальном, так и в региональном масштабе. Концепция устойчивого развития — «последний шанс» (по девизу конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г.) для человечества сохранить нашу планету в таком виде, в котором она будет пригодна для жизни и деятельности человека.

Реализация целей устойчивого развития — пространственно дифференцированный и циклический процесс. В одних странах движение к устойчивости осуществляется быстрее, чем в других. Во многих развитых и развивающихся государствах приняты политические программы по устойчивому развитию, ратифицированы международные договоры, приняты обязательства. В других понятие «устойчивое развитие» — абстракция, отдаленная от реальной жизни людей. Особое место в реализации стратегий устойчивого развития занимает ЕС. Здесь уже в 1970-х гг. были выработаны основные положения общей европейской политики в области защиты окружающей среды, генерирующие импульсы для качественных изменений в экономике, экологии и социуме. Договор в Амстердаме (1999), Лиссабонские соглашения (2001), Договор о ЕС (2007) содержат главные направления политики устойчивости макрорегиона. Европейский союз позиционирует себя в глобальном масштабе как флагман политики устойчивого развития, создатель масштабов для других государств мира.

Однако среди стран ЕС нет консенсуса по вопросам устойчивого развития. Это демонстрируют трудности поиска компромиссов при формулировке целей устойчивости среди 28 стран. Если в одних странах утверждены амбициозные программы по трансформации энергетического сектора, экономики, социальной сферы в сторону устойчивости, то в других сделаны лишь малые шаги в этом направлении. Лоббистские структуры в экономике и политике, высокая концентрация власти в руках Европейской комиссии создают серьезную преграду на пути реализации целей устойчивого развития. Но, несмотря на это, Европа остается для всего мира пространством «большого эксперимента», в том числе и в области устойчивого развития.

Экономический рост и развитие

Хотя термин «устойчивое развитие» существует уже более 300 лет, вплоть до 1970-х гг. он не употреблялся в социально-экономическом, политическом дискурсе

¹ Территориальная система — пространственная категория различного иерархического уровня общественно-природных систем, границы которых определяются возможностью управления и реализации политической воли проживающих в них людей.

стран мира. Развитость территорий, обществ определялась прежде всего уровнем их экономического и технологического развития, концентрацией капитала. А под развитием понимался прежде всего экономический рост, а он по определению не мог быть устойчивым [6]. Экономический рост *per se* считался благом для общества. Природа и человек были лишь факторами, обеспечивающими рост капитала. Их потенциал казался неисчерпаемым, границы — беспредельными. Однако уже первые десятилетия торжества индустриальной революции в Европе выявили явный антагонизм между ростом капитала (промышленным производством), обществом и природой. Как отмечал Ф. Энгельс, в Англии уже в первой половине XIX в. «воняло до небес», положение отдельных социальных групп (рабочего класса) было катастрофично, а индустриальные города уподоблялись «зловонным клоакам», где ведется «открытая социальная война, война всех против всех» [1].

Несмотря на это, непоколебимая вера людей западного общества в наступление «лучшей» жизни на основе экономического роста и научно-технологического прогресса становилась доминирующей парадигмой развития современной техногенной цивилизации. Европа постепенно превращается в мировой центр экономических, политических и социальных инноваций, «экспортируя» свои представления о «развитии» в другие регионы мира. Как замечает австрийский исследователь К. Фишер, «развитие связано с экономической, социальной и культурной динамикой, которая исходила и исходит из европейского капитализма» [3, 43].

Действительно, внешняя динамика технологических укладов, рост материального обеспечения населения с начала индустриальной революции придают нам чувство уверенности, что мир движется в правильном направлении, что жизнь для среднего человека становится лучше, легче и интереснее. Это подтверждает статистика, которая говорит, что современный человек находится на пике своего материального благосостояния, измеряемого доходом на душу населения. Но что такое богатство и есть ли оно цель развития? Если включить в понятие богатства природный капитал, то мы увидим, что он на протяжении всей истории человечества постоянно сокращался. Это выразилось в исчезновении биологических видов, исчерпании ресурсов, загрязнении окружающей среды, изменении экологического равновесия в территориальных системах. Социальный капитал также демонстрирует в истории свою циклическую динамику: в одни периоды он возрастает, в другие — резко сокращается. Также хорошо известно, что экономический рост сопровождался непрерывными конфликтами между народами и социальными группами по его распределению и контролю.

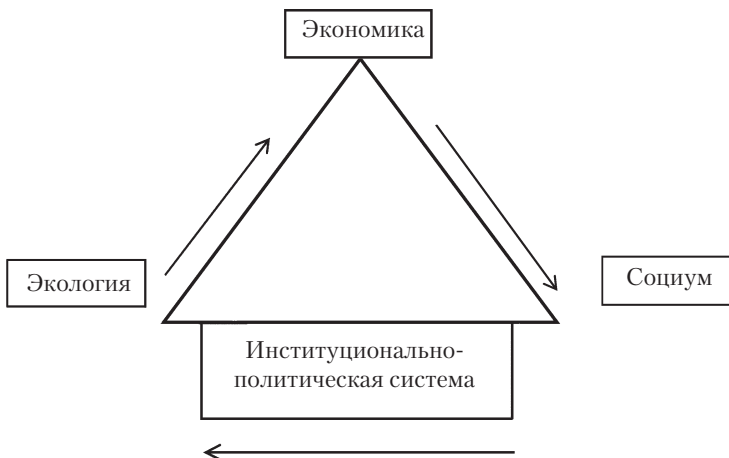
Последние 100 лет, характеризующиеся самой высокой динамикой роста ВВП за всю историю человечества, были также самыми кровавыми в его истории, а степень изменения природы со стороны человека не имела аналогов по своей мощи за прошедшие 10 тыс. лет его эволюции [7]. Таким образом, понимание «развития» как процесса материального роста без учета сложных связей, взаимодействий с другими подсистемами (структурами) территориальных систем — обществом и природой — привело мир к состоянию глубокого экологического, социального и политического кризиса, требующего переосмысления путей развития общества.

Концепция устойчивого развития

По определению комиссии Брундтланда, устойчивое развитие — «это развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [10]. Из определения видно, что суть концепции устойчивого развития состоит в улучшении жизненной ситуации людей, живущих сейчас в различных регионах мира, и одновременно в сохранении шансов для полноценной жизнедеятельности для человечества будущего. Концепция нацелена на сбережение природных, экономических и социальных ресурсов общества. Из этого вытекает, что современное поколение несет ответственность за будущее, за условия существования и жизнь потомков. Кроме того, ответственность за всех ныне живущих людей на нашей планете. В этом заложена «революционная» идея современности — более справедливый мир, базирующийся на учете не только локальных, региональных или национальных интересов (особенно интересов политических элит развитых стран, что имеет сейчас, к сожалению, приоритет), но также принятие во внимание проблем, забот, потребностей и желаний всех людей нашей планеты, независимо от места их проживания, цвета кожи, национальности, уровня модернизации общества, в котором они живут. Это требует реформирования современной политической системы мира, создания глобального политического, экономического и социального равноправия.

Потребности людей многообразны. Они охватывают как материальные, так и духовные стороны жизни людей. Особенно важно удовлетворение базисных потребностей людей (пища, одежда, кров, безопасное окружение). Недовольные потребности наносят ущерб физическому и психическому состоянию человека. Для нормальной жизнедеятельности человека также необходима здоровая окружающая природная среда. Удовлетворение этих потребностей возможно лишь на основе равновесного, сбалансированного развития трех важнейших структур территориальных систем — экономики, природы, социума. Они тесно взаимосвязаны друг с другом, интенсивно взаимодействуют и находятся под взаимным влиянием. При изменении одного компонента системы происходят «сбои» в других. Взаимодействие и взаимовлияние этих структур настолько огромно, что говорит о коэволюции систем территории.

Концепция устойчивого развития видит в коэволюции систем территорий возможность улучшения социально-экономической, экологической ситуации за счет целенаправленного изменения отношений между экономическим ростом, социумом и природой. Важнейшими задачами устойчивого развития являются сохранение окружающей среды, которая является базисом для жизни и экономической деятельности человека; создание условий для развития экономики и тем самым для производства необходимых населению товаров и услуг; формирование общества, основанного на мирном решении конфликтов, поиске консенсуса, социальном равенстве, солидарности, справедливом распределении ресурсов и защите прав человека. Тем самым концепция устойчивого развития концентрирует свое внимание на взаимодействии и взаимосвязи структур в треугольнике «Экология — Экономика — Социум» (см. рисунок).

Треугольник «устойчивого развития»

Источник: составлено автором по [4, 7].

Если рассматривать каждую подсистему территории с точки зрения устойчивости, то здесь можно выделить также три категории устойчивости — экологическую, экономическую и социальную. К этому добавляется еще политико-институциональная устойчивость как важнейший фактор развития.

Экологическая устойчивость. Требуется новых отношений к природным ресурсам. Как показывают исследования, на протяжении всей истории человечества нагрузка на экосистемы постоянно возрастала. Особенно за последние 100 лет влияние человека на природу заметно возросло. Волна индустриализации прошла по большинству стран мира. В результате этого наша планета сильно изменилась. Изменения затронули прежде всего экосистемы, чьей составной частью является человек. Качественные изменения в экосистемах выражались в сокращении биоразнообразия, нарушении циркуляции вещества и энергии, загрязнении экосистем отходами производства и жизнедеятельности людей. Да и сейчас, как мы видим, несмотря на широкое акцентирование концепции устойчивого развития государствами мира, экологическая устойчивость остается приоритетом для будущего, а не для современного поколения. Доминирующий тип экономики в мире, ее абсурдность с точки зрения рациональной хозяйственности (разбросанные по всему миру поставщики продукции), безграничное потребление находятся в полном антагонизме с целями экологической устойчивости.

Экономическая устойчивость. Хозяйственная деятельность человека — важнейший аспект устойчивого развития. Главные ее компоненты — сырье и энергию — она берет из природного окружения, в окружающую среду выбрасываются антропогенный мусор и отходы производства. Уровень развития производственных технологий, специализация хозяйственной деятельности определяют степень давления экономики на окружающую среду. Экономическая устойчивость подразумевает отход от традиционного, количественного роста и переход к качественному росту без разрушения естественной среды человека. Важнейшими ее целями является устранение антагонизмов между экономическим

ростом и экологией — развитие без ущерба для природного окружения. В рамках такого экологического роста особую популярность приобрел тезис «зеленой экономики» — перехода к производству и потреблению экологически чистых, энерго- и ресурсосберегающих товаров. Для этого необходимы экотехнологические, социальные и институциональные инновации.

Социальная устойчивость. Понимается как развитие социума без существенных социальных потрясений и конфликтов, как справедливое распределение социальных ресурсов и благ. К социальным благам можно отнести безопасную жизнь, здоровье, элементарное обеспечение продуктами питания, одеждой, жильем, политическими правами. Их наличие и справедливое распределение в обществе позволяют каждому индивидууму вести достойный образ жизни, раскрыть свой внутренний потенциал. Кроме того, сбережение и умножение социальных ресурсов является важнейшим фактором устойчивого развития общества. К социальным ресурсам общества относятся доверие между людьми, солидарность, толерантность, ориентация на общее благо, а не на эгоистические интересы, чувство справедливости, гражданская активность, миролюбие и т. д.

Институционально-политическая устойчивость. Концепция устойчивого развития неосуществима в обществе (территории) без политических решений. От характера политической системы и расстановки политических сил во многом зависят успехи или неудачи устойчивого развития. Приход к власти определенных политических сил может ускорить процессы устойчивого развития (например, приход к власти партии «зеленых» в федеральной земле Баден-Вюртемберг (ФРГ) в марте 2011 г.) или, наоборот, инициировать процессы неустойчивости (Австралия, июль 2014 г. — отмена консервативным правительством экологического налога). Также и на международном уровне без участия всех государств мира реализация проектов по устойчивому развитию (сохранение биоразнообразия, климата, лесов, океанов) представляется невозможной [2]. Особенно актуальным становится на сегодняшний день создание международных политических механизмов по предотвращению международных конфликтов, эскалации напряженности. Современные события в мире (Ирак, Сирия, Украина) показывают, что экономические, политические и прочие интересы отдельных государств, реализация их идеологий, за которыми стоит экономическая логика отдельных групп, превалируют над глобальными интересами мира и устойчивости. Пока мир рассматривается отдельными государствами как «великая шахматная доска», пока преобладающим политическим модусом является конкуренция за ресурсы и сферы влияния, не может быть и речи о глобальной политической устойчивости.

Глобальная неустойчивость

Анализ географических особенностей потребления глобальных ресурсов и загрязнения окружающей среды показывает огромные различия между главными группировками стран мира. Это отражается в так называемой «глобальной дилемме 20 : 80» — 20 % населения мира потребляют 80 % глобальных ресурсов и, наоборот, 80 % населения мира используют лишь 20 % имеющихся в мире ресурсов. Богатые страны (развитые) являются главными потребителями природных

ресурсов и главными источниками загрязнений. По данным исследовательской группы Climate Mitigation Services, ответственность за 2/3 выбросов парниковых газов в атмосферу нашей планеты с 1751 по 2010 г. лежит на 90 крупных компаний мира. Большинство из них — ТНК США и ЕС. На один американский концерн «Шеврон» приходится 3,5 % всех выбросов, на «Шелл» — 3,2 % [8].

Разницу в потребляемых ресурсах и производстве отходов между богатыми и бедными странами ярко отражает показатель «экологический след» государства. «Экологический след» — условное понятие, показывающее потребление человечеством ресурсов биосферы. Он измеряется в площади биологически продуктивной территории или акватории, необходимой для производства используемых нами ресурсов в соответствии с нашим образом жизни, а также переработки наших отходов (основная единица его измерения — га/чел.).

По данным Living Planet Report 2008, экологический след индустриально развитых стран (6,7 га/чел.) превышал более чем в три раза экологический след развивающихся (2,2) и в 7 раз — наименее развитых (0,9) [13]. Огромные различия в нагрузке на глобальную экосистему между развитыми и развивающимися странами объясняются неодинаковым уровнем развития производственных структур (промышленности и сельского хозяйства), уровнем урбанизации, автомобилизации, развитием транспортной системы. Также доходы населения играют в этом важную роль. Чем выше доходы населения, тем больше потребление ресурсов, товаров, продуктов питания. Чрезмерное потребление населением товаров и услуг негативно влияет на экологический след государств.

Главными потребителями биоресурсов и загрязнителями глобальной окружающей среды являются страны Персидского залива, США, Дания, Австралия, Новая Зеландия [Там же]. Их вклад в глобальную неустойчивость огромен. Особенно это касается США, Австралии и Дании. Например, для обеспечения современного жизненного уровня жителя США необходима площадь продуктивной территории размером практически в 10 га. Это значит, что для обеспечения биоресурсами всех граждан США необходима площадь плодородных земель размером в 31,7 млн км². Это в три раза превышает размеры территории США и сравнимо с размерами территории всей Африки вместе с ее островами (30,2 млн км²). Таким образом, население США и ряда других «богатых» стран живет за счет использования ресурсов всего мира, загрязняя отходами своей жизнедеятельности всю глобальную экосистему. При «американском» образе жизни всего человечества необходимо было бы иметь площадь пяти таких планет, как наша Земля. Поэтому одной из стратегий устойчивого развития является стратегия достаточности (суффициенции), которая требует отхода от расточительного образа жизни, умеренности в потреблении и использовании ресурсов. Эти мысли уже были высказаны в 1974 г. на конференции ООН по развитию в мексиканском городе Кокойок. На ней впервые на высоком политическом уровне подвергся критике тезис о примате экономического роста над экологией и социумом, обличалось беспредельное потребление Запада как источника глобальных проблем [4].

Другим полюсом глобального экологического воздействия являются наименее развитые страны. Они характеризуются низкими доходами населения, которое в основном занято в сельском хозяйстве; слабой развитостью промышленного

производства; низким уровнем мобильности населения. Малый экологический след не отражает действительную экологическую ситуацию в этих государствах. Стараясь приспособиться к условиям глобального рынка, страны интенсифицируют развитие плантационного, экспортного хозяйства, ищут возможности разработки имеющихся на их территории природных ресурсов. В результате сокращается биологическое разнообразие, исчезают леса, происходит разрушение экосистем. Бедность стимулирует экономический рост, но в результате этого страдает окружающая среда. Поэтому один экономический рост не может решить проблемы социальной устойчивости, нужны действующие политические институты, способные реализовать в этих странах концепцию устойчивого развития на всех уровнях.

Кроме того, несмотря на свою бедность, едва заметный экологический след в мире, наименее развитые страны более всего страдают от дисбаланса, неравновесия в глобальной экономической системе, причиной которого являются богатые страны. Засухи, наводнения, ураганы, биологические стихийные бедствия происходят главным образом в странах Юга. По данным Е. Лаурента, 98 % всех жертв природных катастроф в мире – жители развивающихся стран [5]. Численность жертв была бы намного меньше, если бы жители бедных стран имели технические, институциональные и прочие возможности защиты населения от природных катастроф. Экологические проблемы, таким образом, тесно взаимосвязаны с социальными, а те, в свою очередь, с политическими.

Таблица 1

**Взаимосвязь между ВВП, выбросами газов в атмосферу
и экологическим следом отдельных государств мира**

Страна	ВВП/чел, тыс. долл.	Выбросы в атмосферу CO ₂ , т/чел.	Экологический след, га/чел.
США	53	17	9,5
Дания	38	8	8,9
Австралия	43	18	7,9
Новая Зеландия	30,4	7	7,3
Россия	17,8	10,1	4,2
Бразилия	12,2	1,7	2,4
Китай	9,8	5,1	2,9
Эфиопия	1,3	0,1	0,6
Бангладеш	2	0,3	0,3
Д. Р. Конго	0,6	0,0	0,2

Источник: составлено автором по [13, 14].

Анализ табл. 1 демонстрирует определенную зависимость между доходами населения, выбросами CO₂ и экологическим следом страны. На выбросы в атмосферу огромное влияние оказывает отраслевая структура хозяйства страны. Высокая доля промышленного производства в структуре ВВП, особенно так называемых

старопромышленных отраслей (топливно-энергетический комплекс, металлургия), интенсивное сельское хозяйство прямо отражаются на уровне выбросов CO₂ и экологическом следе страны.

Европейские страны занимают высокие позиции в мире по потреблению глобальных ресурсов и загрязнению окружающей среды. Однако среди стран ЕС имеются существенные различия. Так, при среднем уровне экологического следа стран ЕС 4,7 га/чел. у 15 государств Европейского союза он был значительно выше. Особенно «большой» экологический след имели Дания, Эстония, Ирландия, Греция, Испания, Чехия. В этих государствах показатель превышал отметку 5,5 га/чел. Группу со средними показателями образуют страны с экологическим следом от 5,5 до 4,0 га/чел. К ним относятся Великобритания, Финляндия, Бельгия, Швеция, Германия, Польша, Нидерланды и др. И наконец, страны ЕС с низким экологическим отпечатком — Литва, Словения, Румыния, Латвия и Болгария — имеют показатель ниже 3,5 га/чел. [13].

Политика устойчивого развития в ЕС

Европейская политика устойчивого развития формировалась под влиянием глобальной концепции устойчивости. Заключение доклада комиссии Брундтланда (1987) и выводы Конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992) стали составной частью стратегии развития государств ЕС. На сегодняшний день практически ни у кого из политических классов Европы не возникает сомнения в правильности основных положений концепции, однако имеются огромные расхождения по времени, методам и масштабам их реализации. Общеизвестно, что экономическая деятельность имеет свои границы, за пределами которых дальнейшее хозяйствование и сама жизнь человека оказываются под угрозой. Будущее человека возможно лишь при сохранении естественных основ его жизни. Для этого необходимо регулирование, создание интегративной политики устойчивого развития, которая при постоянной корректировке и оптимизации будет поэтапно реализована национальными государствами, регионами, общинами.

Теме устойчивости отводится одно из главных мест в Договоре о Европейском союзе от 13 декабря 2007 г. Однако цели устойчивого развития ЕС включены в экономический раздел. Так, в пункте 3 статьи № 3, говорится: «Европейский союз создает внутренний рынок. Он старается обеспечить устойчивое развитие Европы на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, наличие в высокой степени конкурентноспособной социальной рыночной экономики, стремящейся к полной занятости и социальному прогрессу, а также высокий уровень охраны и улучшения качества окружающей среды. Он способствует научно-техническому прогрессу» [9].

Конкретные цели по устойчивому развитию были определены в Европейской стратегии устойчивости, принятой странами ЕС в Гетеборге в 2001 г. В документе отмечается, что экономический рост, защита окружающей среды и социальная интеграция должны развиваться в единстве и создавать баланс в обществе. В июле 2006 г. странами ЕС была утверждена обновленная стратегия устойчивости,

которая расширила тематику предыдущей стратегии. В ней были выделены семь главных целей устойчивого развития:

1. Изменение климата и внедрение чистых источников энергии (сокращение выбросов парников газов, энергоэкономия, рост доли возобновляемых источников энергии).

2. Устойчивая транспортная система (создание экономичных транспортных средств с низкими выбросами CO₂, снижение нагрузки на окружающую среду).

3. Устойчивое потребление и производство (единство экологических стандартов по всем странам ЕС, создание экологичных товаров и услуг, поддержание экологических инноваций).

4. Защита природных ресурсов (комплексная защита окружающей среды).

5. Общественное здоровье (улучшение условий жизни населения, чистый воздух, продовольствие, вода).

6. Международное сотрудничество и развитие (поддержка развивающихся стран в их усилиях по устойчивому развитию).

7. Социальная интеграция, демография и миграция (улучшение качества жизни всех слоев населения) [12].

Принятая странами ЕС стратегия устойчивого развития является основой для разработки национальных стратегий устойчивости в каждой из стран ЕС. В большинстве государств приняты национальные стратегии с высокими целям устойчивости. В таких странах, как Австрия, Дания и Нидерланды, планируется радикальное внедрение концепции устойчивости, что предъявляет высокие требования к экономике, обществу и экологии. Однако общая стратегия устойчивости ЕС носит для стран скорее рекомендательный, чем обязательный характер. Страны самостоятельно вносят поправки в национальную стратегию устойчивости в соответствии с изменениями в мировой экономической конъюнктуре, сменой политических сил, социальных настроений и т. д. В ЕС пока не создан наднациональный координирующий орган по устойчивому развитию по примеру существующих структур в Германии или Великобритании (green cabinet). Его функции частично выполняет Европейская комиссия, которая один раз в два года публикует доклад, где анализируются успехи и неудачи ЕС в достижении целей устойчивого развития. Кроме того, стратегия устойчивости корректируется на самом высоком уровне. Европейская комиссия проводила корректировку целей устойчивости в 2010 и 2012 гг. В октябре 2014 г. запланировано утверждение новых целей на саммите стран ЕС.

Реализации целей устойчивости в странах ЕС проходит в неравномерном темпе. В одних странах она прогрессирует, в других достижение всех целей устойчивости кажется проблематичным. В рамках небольшой статьи невозможно дать подробный анализ реализации государствами ЕС всего круга поставленных целей. Можно лишь остановиться на наиболее важной из них — защите климата Земли. Европейский союз уделяет этой проблеме особое внимание. Среди целей устойчивости она стоит на первом месте. Однако страны ЕС по-разному воспринимают данную проблему, что отражается на их программах по защите климата.

В табл. 2 показаны государства ЕС с наибольшими выбросами CO₂ на душу населения. Также необходимо обратить внимание на то, что, несмотря на общие

цели ЕС в сокращении выбросов парниковых газов, в отдельных странах их производство не только не уменьшилось по сравнению с 1990 г., но даже выросло. Наибольший рост наблюдался в Португалии (37 %), Испании (35 %), Ирландии (32 %), Греции (28,6 %), что было связано с процессами индустриализации, автомобилизации и ростом сельскохозяйственного производства.

Таблица 2

Страны ЕС с наибольшими душевыми выбросами CO₂ в атмосферу

Страна	Выбросы CO ₂ , т/чел.	Изменения 1990–2010 гг., %
Люксембург	20,1	– 4,4
Эстония	10,9	– 59,4
Нидерланды	10,7	+ 13
Чехия	10,5	– 29,2
Германия	9,2	– 21,1
Ирландия	8,8	+ 32
Греция	8,0	+ 28,6

Источник: [14].

Если сравнивать политику стран ЕС в области защиты климата (индекс защиты климата), то здесь можно выделить три группы государств. Во-первых, это страны, которые, по оценке неправительственной организации Germanwatch, проводят всеобъемлющие мероприятия по защите климата. В эту группу входят Швеция, Великобритания, Германия, Франция, Словакия, Дания, Бельгия, Португалия. Группу со средним уровнем мероприятий по защите климата образуют Литва, Ирландия, Венгрия, Мальта, Латвия, Румыния, Словения, Италия, Люксембург. Третья группа стран — государства с плохим индексом защиты климата. К ним относятся Испания, Кипр, Финляндия, Эстония, Нидерланды, Болгария, Чехия и Греция. Отдельное, и последнее, место в списке стран ЕС занимает Польша. Ее политика в области защиты климата оценивается неправительственной организацией как очень плохая [11].

Таким образом, несмотря на общие цели устойчивого развития ЕС в каждой стране имеются свои национальные стратегии, свои программы. Их гетерогенность связана с особенностями структуры хозяйств, экономической специализации, политической властью и влиянием лоббистских элементов. Даже в области экологической устойчивости существуют огромные дифференции между странами ЕС.

Что ожидает ЕС в плане устойчивого развития? По прогнозам Римского клуба, к 2050 г. Европейский союз реализует все поставленные задачи экологической устойчивости: сократит выбросы парниковых газов, уменьшит потребление энергоносителей, снизит ресурсоемкость экономики и потребление населением товаров и услуг [4]. Вместе с тем трудно предположить, что будет происходить с другими сферами устойчивого развития — обществом и экономикой. Цикличность экономических кризисов, рост населения Земли и новые волны миграции в Европу, связанные с глобальным изменением климата, бедностью,

вооруженными политическими и этническими конфликтами, представляют собой гигантские вызовы концепции устойчивости. Сможет ли европейское сообщество найти адекватные ответы, покажет время.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 9 т. М., 1985. Т. 2. С. 231–517.
2. Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. М., 2004.
3. Fischer K. Entwicklung und Unterentwicklung. Wien, 2004.
4. Grunwald A., Kopfmüller J. Nachhaltigkeit. Frankfurt a/M, 2012.
5. Laurent E. Demokratisch, gerecht, nachhaltig. Die Perspektive der Sozial-ökologie. Bern, 2012.
6. Nuscheler F. Entwicklungspolitik. Bonn, 2012.
7. Pufe I. Nachhaltigkeit. Konstanz ; München, 2012.
8. Solnit R. In Zeiten des Ernstfalls Warum wir Ölkonzernen und anderen Klimakillern den Geldhahn zudrehen müssen. Le Monde diplomatique Nr. 10405 vom 9.5.2014.
9. Договор о Европейском союзе [Электронный ресурс]. URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 12.07.2014).
10. Сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/development/sustainable/background.shtml> (дата обращения: 14.12.2012).
11. Der Klimaschutz-Index 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://germanwatch.org/de/ksi> (дата обращения: 16.07.2014).
12. EU-Nachhaltigkeitsstrategie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bmub.bund.de/themen/europa-international/europa-und-umwelt/eu-nachhaltigkeitsstrategie> (дата обращения: 17.07.2014).
13. Living Planet Report 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wwf.de/themen-projekte-living-planet-report> (дата обращения: 20.07.2014).
14. Statistisches Jahrbuch 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.destatis.de/DE/Publikationen/StatistischesJahrbuch/StatistischesJahrbuch.html> (дата обращения: 23.07.2014).

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

УДК 94(436) + 334(4-014)

А. Г. Нестеров

ГЕРЦОГСТВО БУКОВИНА В ИНТЕГРАЦИОННОЙ МОДЕЛИ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ

Статья посвящена урегулированию этнических, конфессиональных и национальных противоречий в герцогстве Буковина в конце XIX — начале XX в., в частности путем введения новой системы выборов в региональные органы власти в рамках «Буковинского соглашения» в 1910 г. Соглашение позволило создать в Буковине достаточно гармоничную систему межэтнических и социальных отношений, которая могла бы стать образцом для реализации модели интеграции Центральной Европы в рамках Австро-Венгерской монархии. До настоящего времени в отечественной науке вопрос о развитии герцогства Буковина в качестве структурного элемента Австро-Венгрии как интеграционной модели стран Центрально-Восточной Европы не рассматривался. В статье раскрыта сущность буковинских реформ, показаны условия их проведения и их результаты.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Буковина, Австро-Венгрия, Буковинское соглашение, ландтаг, интеграция, региональная идентичность.

История Буковины — одного из «трансграничных» европейских регионов, в настоящее время разделенного между Украиной и Румынией, — до настоящего времени в недостаточной степени рассматривалась в отечественной исторической науке. В то же время феномен Австро-Венгерской монархии в последние годы привлекает все большее внимание исследователей: вместо высмеиваемого публицистами начала XX в. образа «лоскутной монархии» формируется образ своеобразной интеграционной модели, реализованной, хотя и с большим количеством внутренних проблем и противоречий, для стран Центрально-Восточной Европы и сформировавшей, хотя и не в полной мере, собственную «австрийскую» наднациональную идентичность.

Вопрос об идентичности, ее сущности и содержании, желание сформировать такую новую наднациональную идентичность стали важнейшими идеологическими проблемами в рамках развития процесса европейской интеграции. Поиск сущности и стремление сформировать «европейскую идентичность» в начале XXI в. стали общим местом в документах интегрированной Европы. Вопрос о том, что есть и чем должен стать Европейский союз и составляющие его государства, что является приоритетом — национальные или общие интересы, — так до конца и не решен. Ярким примером такого столкновения идентичностей стал провал ратификации конституции для Европы в 2005 г., несмотря на то, что анализ документа показывает, что фактически конституция для Европы являлась международным договором, мало чем отличавшимся от вступившего в силу в 2009 г. Лиссабонского договора. Граждан Европы отпугнуло само слово «конституция», появление наднациональной конституции показалось им признаком ущемления национальных прав «бюрократами из Брюсселя».

Распад СССР, возвращение к демократии стран Центральной и Восточной Европы привели к новым, своеобразным тенденциям в развитии европейского

интеграционного процесса. Фактически можно говорить о формировании такого явления, как «новый национализм», отдаленно напоминающий «романтический», по определению Жана Плюмьена, национализм XIX в. В определенном смысле процессы, протекающие в странах Центральной и Восточной Европы, да и в Европе в целом, напоминают ситуацию, существовавшую в Австро-Венгрии на рубеже XIX и XX вв.: по мнению значительной части населения, особенно образованного, продолжение интеграции угрожает существованию наций как самостоятельных единиц. Особенно ярко это явление можно проследить у тех наций, самостоятельная государственность которых на протяжении достаточно продолжительного времени отсутствовала или независимость была ограничена внешней по отношению к данным нациям силой. Хотя следует подчеркнуть, что в рамках Австро-Венгерской монархии именно герцогство Буковина может считаться достойной внимания попыткой реализации европейской интеграционной модели, учитывая полиэтничный состав населения герцогства и особенности организации управления и представительных органов.

Буковина, бывшая в Средние века частью княжества Молдавия, вошла в состав державы Габсбургов в 1775 г., когда русские войска одержали очередную победу над Османской империей. По данным обследования края, проведенного австрийцами в 1770-х гг., население Буковины составляли около 55 тыс. румын, 21 тыс. украинцев (русинов и гуцулов) и около 5 тыс. представителей других этносов [4, 7]. Активная миграционная политика австрийского правительства привела к тому, что к 1910 г. в Буковине проживали 305 тыс. украинцев, 273 тыс. румын, 103 тыс. евреев, 65 тыс. немцев и 36 тыс. поляков, а также представителей других этносов (например, до нескольких десятков итальянцев) [3, 42, 46]. При этом необходимо учитывать фактор эмиграции. Так, из Буковины в начале XX в. в страны Америки (США, Канаду, Аргентину) эмигрировало свыше 35 тыс. человек, из которых 90 % составляли украинцы [Там же, 48]. При этом украинцы населяли в основном северную часть Буковины, румыны — южную.

Вплоть до середины XIX в. Буковина в системе империи Габсбургов не имела своего особого самостоятельного статуса. После перехода Буковины под власть Габсбургов в соответствии с Константинопольским соглашением от 12 мая 1776 г. вплоть до начала 1787 г. область находилась под австрийским военным управлением. 1 февраля 1787 г. в соответствии с указом императора Иосифа II Буковина была включена в состав Королевства Галиции и Лодомерии в качестве 19-го округа [4, 17]. Император Леопольд II в 1790 г. предоставил Буковине определенную автономию в рамках Королевства Галиции и Лодомерии, но буковинцев такой статус не устраивал: в первой половине XIX в. продолжалась борьба буковинцев за предоставление региону более самостоятельного статуса, в частности за отделение от Галиции. В итоге император Франц Иосиф I создал 4 апреля 1849 г. новую автономную коронную единицу Австрийской империи — герцогство Буковину [Там же, 21]. 8 октября 1850 г. был издан закон об организации политического управления Буковиной. Однако под давлением польской аристократии, игравшей ведущую роль в управлении Королевством Галиции и Лодомерии, автономный статус Буковины в апреле 1860 г. был упразднен и герцогство вновь было включено в состав королевства. Это решение вызвало активное противодействие

буковинцев, и 24 декабря 1860 г. императору было направлено прошение «от всех классов, наций, сословий и конфессий» Буковины с просьбой о восстановлении автономии края. Уже 26 февраля 1861 г. был опубликован «Регламент выборов в ландтаг герцогства Буковины», а 26 марта 1861 г. автономные права герцогства были подтверждены новым законом. 9 декабря 1862 г. герцогству Буковине был дарован герб с изображением головы тура. В соответствии с регламентом в состав сейма (ландтага) избиралось 30 делегатов. Делегаты избирались по куриям, причем если по курии крупных землевладельцев 1 депутат избирался от 14 человек, то по городской курии — 1 депутат от 35 тыс. человек, а по сельской курии — 1 депутат от 45 тыс. человек [5, 14]. В итоге представители крупных землевладельцев занимали более половины мест в ландтаге герцогства.

Можно отметить, что уже к середине XIX в. в Буковине сформировалась региональная идентичность, своего рода региональный патриотизм, противопоставлявший Буковину другим землям империи (впоследствии такой региональный патриотизм даже получил название «буковинизм»). Свидетелем возникновения такой региональной идентичности стал русский писатель и путешественник В. Кельсиев, который в 1866 г. был депортирован властями Королевства Галиции и Лодомерии через Буковину в Молдавию. В Черновцах В. Кельсиев пожаловался в местное полицейское управление, что при высылке из Галиции он был вынужден за свой счет оплачивать не только свою депортацию, но и полицейский конвой. В ответ черновицкий полицейский заявил: «В Галиции они все делают по-варварски; мы тут, слава Богу, в Буковине. Поверьте мне, что вы ни одной копейки не заплатите за ваш дальнейший проезд... Какие варвары! Так в Галичине всегда делается». К этому времени полиэтническая региональная идентичность буковинцев уже сформировалась [3, 50].

Как и в других землях Габсбургской монархии, региональный центр — город Черновиц (ныне Черновцы) — был перестроен в духе «маленькой Вены»: каждый регион желал иметь в своем центре воплощение имперского величия, связанного с имперской столицей. Открытие Буковинского университета, которому было дано имя императора Франца Иосифа, способствовало укреплению австрийского культурного влияния на дальнем северо-востоке монархии. Закон от 13 мая 1876 г. увеличил число делегатов ландтага до 31, введя в их состав по должности ректора университета имени Франца Иосифа в Черновцах.

После того как в австрийской части Австро-Венгрии в 1896 г. было введено всеобщее (хотя и не равное, так как курии сохранялись) избирательное право, вопрос о реформировании буковинского сейма на протяжении десяти лет стоял в повестке дня заседаний. В феврале 1897 г. по предложению депутатов Ротта, Смаль-Стоцкого и Цирхофера сейм Буковины принял постановление, в соответствии с которым создавалась комиссия для подготовки нового закона о выборах в региональный представительный орган [1].

Реальная работа над проектом реформы началась, однако, только в 1904 г. и особенно активизировалась в 1908–1909 гг. 15 октября 1909 г. на первом заседании 5-й сессии ландтага X созыва депутат Вольчинский от имени комиссии сейма объявил о готовности законопроекта реформы избирательной системы, который наконец получил одобрение от высших имперских властей. На заседании

16 октября 1909 г. ландтаг 23 голосами против 7 утвердил законопроект о реформировании политической и выборной системы герцогства Буковины. 26 мая 1910 г. император Франц Иосиф в качестве герцога Буковины подписал Буковинское соглашение (*Bukowinaer Ausgleich*), утвердившее новую систему регионального представительства (на основе всеобщего избирательного права) и форму управления, учитывавшую интересы всех этнических групп. Соглашение привело к стабилизации межэтнических отношений в Буковине и могло стать прообразом для урегулирования этнических конфликтов на всей территории Монархии.

Сущность Буковинского соглашения сводилась к существенным изменениям в системе выборов в сейм герцогства. Радикальные решения должны были касаться прежде всего неравенства куриального представительства, а также этнонациональных квот. Это было обусловлено таким фактом, что, например, украинское население, составлявшее в Буковине накануне реформы 38,88 % населения, имело только 16,6 % мандатов в сейме [1].

В основу нового выборного порядка была положена система представительства наций, существующих в герцогстве. Следует отметить, что в коронных землях Австрии такая идея уже была использована, она обсуждалась в Чехии, Истрии, Тироле, однако реально выборный порядок формирования регионального представительства на национально-этнической основе был реализован только в маркграфстве Моравия в 1905 г. В отличие от Буковины в Моравии речь шла о создании квотируемого представительства двух основных наций региона — немцев и чехов; население Буковины отличалось намного более сложным этническим составом. В то же время практически нет сомнений, что представители сейма Буковины были знакомы с моравским опытом, в частности, депутат Аурел Ончул, выпускник Венского университета, некоторое время занимал пост директора региональной страховой компании в Моравии.

Реформу планировали реализовать путем введения «национального кадастра». Так, депутат К. Гурмузаки заявлял, что либо национальный кадастр будет введен, либо реформа не состоится. В то же время министр внутренних дел Австрии барон Гердтль неодобрительно отнесся к идее создания отдельной курии для евреев, заявив, что во всех коронных землях Империи имеются еврейские выборщики, так как евреи не национальная, а религиозная общность, а выделение только пяти курий (для румын, украинцев, немцев, поляков и евреев, вместе составлявших в 1910 г. 99,05 % населения Буковины) приведет к протестам со стороны венгров, липован, армян, итальянцев и других этносов Буковины [Там же].

В итоге был найден компромисс, в результате которого для немцев и евреев была создана общая национальная курия, кроме того, евреи и немцы получили отдельные квоты в сельских и городских куриях. Венграм и липованам (своеобразной этнической группе русских старообрядцев, переселившихся в Буковину еще в XVII в.) было предложено присоединиться к любой национальной курии. Число депутатов ландтага было увеличено до 63. По должности места в ландтаге занимали православный митрополит Буковины и Далмации и ректор университета. Попытка депутата А. Скедя добиться такого же должностного места для главы католической консистории Буковины не нашла поддержки других депутатов [6, 67].

В итоге герцогство получило достаточно сложную выборную систему. Из 61 избираемого депутата 13 избиралось по курии крупных землевладельцев (данная курия делилась на шесть округов, не имевших территориального характера). Первый округ (1 депутат) составляли представители православной консистории и монастырей, второй округ (1 депутат) — румынское духовенство, третий округ (1 депутат) — украинское духовенство, четвертый округ (4 депутата) — румынские крупные землевладельцы, пятый округ (4 депутата) — польские крупные землевладельцы, шестой округ (2 депутата) — крупные землевладельцы иных национальностей. Двух депутатов избирала торгово-промышленная палата, составлявшая отдельную курию; в национальном отношении курия состояла из немцев и евреев. Курия сельских и городских обществ избирала 28 депутатов по 26 округам (10 румынских, 10 украинских, 5 немецко-еврейских и 1 округ, объединявший всю Буковину и избравший польского депутата). Общая курия, по которой избирались 18 депутатов, также делилась на национальные округа (шесть румынских, шесть украинских, четыре немецко-еврейских, один польский). Можно отметить, что выборы были неравными, хотя и всеобщими: например, в первом округе курии крупных землевладельцев было всего 10 избирателей [1].

Первые выборы по новому избирательному закону были проведены в 1911 г. В национальном отношении один депутатский мандат приходился на 7919 немцев, 9957 румын, 10 683 еврея, 17 517 украинцев. Тем не менее было очевидно, что новая избирательная система Буковины была существенно демократичнее, чем существовавшая прежде (среди прочих нововведений были прямые выборы от сельских обществ и система тайного голосования на выборах). Фактически новая выборная система привела к межнациональному компромиссу в герцогстве и стабилизировала социально-политическую обстановку. Решение вопроса о представительстве отдельных национальностей стало возможным только благодаря тому факту, что в Буковине сформировалась региональная идентичность, которая давала приоритет именно буковинской общности, отодвигая на задний план национальные и конфессиональные различия населения Буковины. Можно предположить, что успешное решение национального вопроса в герцогстве Буковине могло бы стать примером для других коронных земель Австро-Венгрии и способствовать успешной реализации Австро-Венгерского интеграционного проекта. Однако реально новая система просуществовала только четыре года — одну сессию ландтага (сейма) Буковины. Начавшаяся мировая война привела к прекращению парламентской деятельности в герцогстве в связи с тем, что Буковина оказалась прифронтовой территорией.

Как уже отмечалось, Австро-Венгрия как интеграционный проект так и осталась невозможностью в мире возможностей [2, 71]. Традиционно считается, что монархию Габсбургов разрушили волны национализма, но необходимо отметить еще один существенный фактор: Австро-Венгерская интеграция оказалась возможной только в мирных условиях, и особенно ярко это продемонстрировала реализация Буковинского соглашения, которое могло стать основой для развития интеграционного проекта в новом виде. Австро-Венгрия — «лоскутная монархия» — не была исключительно пережитком эпохи европейского феодализма и абсолютизма, и ее разрушение не было вполне естественным. Однако этнические

идентичности в конечном итоге одержали победу и над имперской идентичностью Австро-Венгрии, и над региональными идентичностями, что впоследствии привело к исчезновению территориального единства как империи Габсбургов в целом, так и такого территориального единства, как Буковина, разделенная в настоящее время между Украиной и Румынией.

1. *Никифорак М.* Правові засади Буковинської національної згади 1910 р. [Электронный ресурс]. URL: <http://radnuk.info/component/content/article/24637-----1910---c.html> (дата обращения: 21.03.2014).

2. *Нестеров А. Г.* Австро-Венгрия как интеграционный проект: опыт для Центрально-Восточной Европы XXI в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3 : Общественные науки. 2013. № 5 (122). С. 67–72.

3. *Чучко М.* «И възят Бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населения північних волостей Молдавського воеводства та австрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці, 2008.

4. *Bidermann H. J.* Die Bukowina unter Österreichischer Verwaltung, 1775–1875. Lemberg, 1876.

5. Gesetz- und Verordnungs-Blatt für das Herzogthum Bukowina. Jahrgang 1865. Czernowitz, 1866.

6. *Schar K.* Die Spätneuzeitliche Siedlungstätigkeit in der Bukowina unter österreichischer Herrschaft, 1774–1914: Formung einer Kulturlandschaft durch die Wechselwirkung zwieschen Siedlung und der Entstehen eines modernen Staates // Innsbrucker Bericht 2003–2007. Beiträge. Innsbruck, 2007. S. 60–77.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

УДК 94(450) + 327(450) + 327(495.86)

Т. П. Нестерова

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЛИТИКА НА ДОДЕКАНЕССКИХ ОСТРОВАХ В 1912–1943 гг.

Статья посвящена итальянской политике на островах Додеканесского архипелага, захваченного Италией в ходе войны с Турцией в 1911–1912 гг. Официально острова были признаны итальянским владением (Итальянские острова Эгейского моря) в соответствии с Лозаннским договором 1923 г. Вплоть до настоящего времени специальных исследований, посвященных итальянской политике на Додеканесских островах, в отечественной науке не проводилось.

Стремление Италии включить острова в сферу «итальянской цивилизации» привело к активной политике, направленной на развитие островов как в экономической, так и в социально-культурной сферах, однако политические изменения, связанные с изменениями итальянской внутренней и внешней политики во второй половине 1930-х гг., привели к нарушению сложившегося на островах социально-культурного равновесия.

Ключевые слова: Италия, история Италии, фашизм в Италии, архитектура Италии, культура Италии, внешняя политика Италии, колониальная политика Италии, Додеканесские острова.

Додеканесские острова, расположенные у побережья Турции, на протяжении многих лет воспринимались в Европе как один из оплотов европейской цивилизации против наступления Османской империи. Воспоминания об этом сохранялись и после того, как в начале XVI в. османы завоевали острова, а владевшие ими рыцари ордена св. Иоанна Иерусалимского перенесли свою резиденцию на Мальту. В ходе Ливийской (итало-турецкой) войны 1911–1912 гг. Италия предприняла попытку захватить эти острова, занимавшие исключительно выгодное стратегическое положение. В апреле — мае 1912 г. итальянцы оккупировали Додеканесские острова, но жесткая позиция других великих держав — Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Франции — не позволила Италии продолжить захват других островов Эгейского моря. По окончании войны формально Додеканесские острова оставались под суверенитетом Османской империи, Италия даже приняла обязательство эвакуировать с них свои войска [4, 166]. Тем не менее острова остались под контролем Италии, так как Балканские войны не позволили Османской империи активно требовать выполнения данных статей договора. В годы Первой мировой войны вопрос о Додеканесских островах поднимался неоднократно, в частности, Греция требовала передачи ей островов в качестве одного из условий вступления страны в войну. Столь же долго и сложно вопрос о Додеканесских островах обсуждался на Парижской мирной конференции 1919 г.; в Севрском договоре, подписанном державами-победительницами с Турцией, острова признавались владением Италии [3, 37]. Окончательно статус итальянского владения, получившего название «Итальянские острова Эгейского моря (Isole Italiane dell'Еgeo)», был закреплен за Додеканесскими островами Лозаннским договором 1923 г.

До 1923 г. Додеканесские острова оставались под военным управлением, формально носившим временный характер. Постоянно менявшиеся военные губернаторы островов (в период 1912–1923 гг. сменилось девять военных губернаторов) фактически не вмешивались во внутреннюю жизнь островов, считая необходимым прежде всего обеспечение итальянского военного присутствия в регионе. Положение изменилось после подписания Лозаннского договора в июле 1923 г., когда острова официально стали владением Италии и итальянцы развернули широкую деятельность, которая затронула все сферы жизни островов.

На островах было учреждено гражданское правительство, во главе которого встал Марио Лаго, занимавший должность губернатора Додеканесов вплоть до 1936 г. Режим Лаго, «формально фашистский, но патерналистский по сути» [12], был направлен на поддержание общественного мира на островах, чего особенно требовали полиэтничность и поликонфессиональность населения. Среди основных задач, поставленных перед губернатором на начальном этапе, были реорганизация административного аппарата, создание инфраструктуры владения, развитие туризма и сельского хозяйства, создание новых отраслей промышленности, в первую очередь текстильной и пищевой, изучение и сохранение богатого культурного наследия островов. Администрации Марио Лаго удалось достичь значительных успехов на всех направлениях. Не случайно период правления Марио Лаго вошел в историю Додеканесских островов как «золотые годы» [Там же].

Открытием двух новых воздушных маршрутов (Бриндизи — Афины — Родос и Родос — Афины — Стамбул) было модифицировано воздушное сообщение с Родосом (до этого существовал только маршрут из Родоса в Афины). Итальянцам удалось объединить воздушное сообщение Восточного Средиземноморья и построить единое сообщение между Родосом и Стамбулом, так как прямого морского сообщения между этими двумя важными центрами не существовало [7, 329]. Развитие инфраструктуры островов объяснялось главным образом желанием привлечь туристов на Додеканесы, в первую очередь на остров Родос. В этом направлении также удалось достичь успехов. Додеканесские острова превратились в один из пунктов посещения туристов, совершающих круизы по Средиземному морю. Среди туристов, прибывающих в итальянское владение, преобладали англичане [8, 281].

Под итальянским управлением Родос превратился в важнейший торговый центр Восточного Средиземноморья. Согласно данным итальянской печати за первые три месяца 1928 г. в порт Мандраки города Родос прибыли 135 пароходов и 434 парусника, на берег высадились 3054 пассажира и было выгружено 7402 т груза, из порта Родос было отправлено 3014 пассажиров и 2049 т груза соответственно [Там же]. Были завершены работы в новом порту Родоса; на пристани, кроме того, были построены транзитные и потребительские магазины.

Развитие коснулось и сельского хозяйства. На Родосе было организовано Общество садоводов с итальянским капиталом и специалистами, в задачи которого входили посадка растений, очистка вод, постройка дорог, домов переселенцев, а главное — интенсификация производства и экспорта свежих фруктов с островов [17]. Вообще, правительство Б. Муссолини активно содействовало переселению итальянских подданных на Додеканесы, предоставляя им всевозможные льготы.

В результате число итальянцев, проживавших на островах, выросло с 6 тыс. в 1931 г. до 16,5 тыс. в 1936 г. [19, 214]

В результате такой политики в 1928 г. годовое производство мандаринов на островах достигло 10 млн кг, апельсинов — 3 млн, лимонов — 1 млн [10, 120]. Мандарины составляли основной предмет экспорта, идущего в Центральную Европу, с которой острова были связаны посредством линий морского сообщения, идущих через крупнейшие торговые порты Триест и Фиуме. Большая часть мандаринов производилась на островах Калигнос, Родос, Кос. Производство всех видов фруктов, включая абрикосы и финики, находилось также на очень высоком уровне. Менялось и само направление экспорта: если раньше торговля островами была ориентирована на близлежащие страны, то в конце 1920-х гг. — на Центральную Европу, которая закупала практически всю продукцию Додеканесов, предлагая выгодные цены.

Итальянское правительство развернуло на островах активное строительство. Основной строительной площадкой Эгейских островов стал остров Родос [14, 27]. Был перестроен исторический центр города (амбициозная политика проведения археологических раскопок и реставрации в стиле средневековых памятников), возводились новые административные, а также общественные здания (религиозные, военные и образовательные учреждения, библиотеки, рынки). Среди наиболее значимых архитектурных проектов была реставрация дворца Великих Магистров, в результате которой крепость Родоса была украшена величественным, хотя и не вполне соответствовавшим историческому облику, зданием [Там же, 37].

Губернатор Марио Лаго разработал план действий по использованию ресурсов островов и сразу оценил их потенциал как туристического центра. Исторические здания реконструировались, строились новые, в древнем здании орденского госпиталя был открыт археологический музей.

Новые архитектурные постройки, локализованные главным образом за пределами крепостных стен, были задуманы в полном соответствии с историческим прошлым региона. В первый период итальянского господства в новой архитектуре Родоса преобладала умеренная эклектика в стиле XIX в., контрастировавшая с ранее построенными зданиями в турко-арабо-византийском, готическом, венецианском, неоклассическом стиле [Там же, 40]. Ведущим архитектором Родоса был Флорестано Ди Фаусто, работавший на островах в 1927–1932 гг. С его именем связаны возведение административного центра на набережной Родоса — зданий почты, дворца правительства, а также новые постройки на островах Кос и Патмос [Там же, 43–47]. В декоре построек Флорестано Ди Фаусто преобладали элементы ориентализированного рационалистического стиля, что особенно ярко было отражено в оформлении дворца администрации Додеканесских островов.

Флорестано Ди Фаусто проектировал здания по заказу итальянского правительства, одной из целей которого было привлечение туристов на Додеканесы. Гостиница «Альберго делле розе» (Albergo delle Rose) была построена на песчаном берегу в северной части острова. Такое название («Гостиница роз», возможен перевод «Гостиница Родоса»: в названии присутствует игра слов) было выбрано потому, что в рамках рекламной кампании по привлечению туристов заявлялось о цветении роз на острове в течение 10 месяцев в году, и сам Родос тоже подчас

называли «островом роз» [13]. Родос в то время был невероятно популярен среди богатых туристов из Европы, Египта и Ливана. Ди Фаусто спроектировал новый рынок, окруженный многочисленными кафе и заменивший старый базар. Дизайн был разработан специально для европейских туристов, путешествующих в поисках атмосферы «тысячи и одной ночи». Той же цели — привлечению туристов — способствовали и построенные по проекту Пьетро Ломбарди термы на горячих источниках в Каллитее [14, 51].

С начала 1930-х гг. в архитектуре Додеканесских островов появляется новый стиль, в котором сосуществовали до начала Второй мировой войны противоречивые культурные элементы: с одной стороны, радикальный рационализм, пропагандируемый так называемой «группой 7» [Там же, 14–15], с другой — так называемый «новый ликторский стиль», идеологом и ведущим архитектором которого был Марчелло Пьячентини [2, 205]. Идея «средиземноморскости» становится главным принципом, который идентифицировал архитектурный язык итальянских колоний.

Важным элементом реализации программы строительства на Додеканесских островах стала застройка города Портолагоса на Леросе. Основанный в 1932 г. как военно-морская база, он представлял собой наиболее интересный архитектурный опыт, реализованный фашистским режимом на Додеканесских островах: был построен классический «город в фашистском стиле», воплощение программы строительства «метафизических городов фашизма» [14, 66–71; 1, 119]. Символизм форм отразился во всех главных постройках: дворце местного самоуправления, метафизической башне рынка, кинотеатре, отеле «Рим», церкви св. Франциска и больнице, которые стали памятниками «говорящей архитектуры» итальянских колоний.

Строительная фирма Паттачини занялась возведением жилья и общественных зданий на Додеканесских островах. На Родосе было открыто ее отделение, которым управляли инженер Доменико Пеллици (общее и техническое управление) и Ферруччо Паттачини (административная часть), в то время как работами на стройплощадке руководили младшие братья Паттачини — Аркиеде, Джино, Дарио и Эрколе [16]. Первым крупным мероприятием фирмы стала постройка жилых домов на острове Кос, разрушенном землетрясением. На остров Кос приехала целая команда рабочих: плотников, столяров, сантехников, выбранных из числа лучших специалистов регионов Эмилии и Фриули. Они поселились на острове, однако после окончания Второй мировой войны были вынуждены вернуться в Италию, так как должны были выбирать между итальянским и греческим гражданством.

Кроме 240 домов, построенных за пять месяцев, — одноэтажных, с внутренними дворами, где росли оливковые деревья, на Косе были построены также здание регионального управления и гостиница в Линопотти, церковь, казарма карабинеров, дворец коммуны, военные склады в Терези, водохранилище в Гермете. На Родосе Паттачини возвели гостиницу в Термах Каллитеи, здание регионального отделения Национальной фашистской партии, казарму карабинеров, жилые постройки в Монте Пророга, виллу в Монте Сан Стефано, произвели работы по укреплению берега острова, по реконструкции крепостных стен и замка Родосских рыцарей и по расширению детского приюта [Там же].

После землетрясения на острове Кос (1933) там впервые были построены дороги. Все 47 деревень острова соединила сеть дорог, которая ускорила транспортировку сельскохозяйственных продуктов из деревень в центр, где появился общественный транспорт. Новые дома с кухней, залом, спальней, ванной, коридором и маленьким двориком пришли на смену старым, состоящим, как правило, из одной комнаты.

Бурная строительная деятельность требовала привлечения рабочей силы; таким образом, итальянцы создали для местных крестьян и моряков постоянные рабочие места, существовавшие на протяжении всего периода итальянского управления.

Вслед за экономическими реформами последовали преобразования в сфере образования и культуры. В 1926 г. началась реализация образовательной программы, которая запрещала вмешательство религиозных организаций в школьную деятельность, итальянский язык стал обязательным предметом, а также была учреждена магистратура. Еще в 1915 г. все христианские школы Родоса были объявлены королевскими, хотя и сохраняли автономную администрацию. Были открыты новые государственные школы также на островах Кос, Лерос, Калимос. В этих школах вводился как обязательный предмет итальянский язык. Были открыты и частные монастырские школы на Родосе: для мальчиков — управляемая салестианцами, для девочек — управляемая сестрами ордена Иврей.

Введение преподавания итальянского языка в систему образования происходило в разных школах с небольшими различиями: в еврейских школах оно было хорошо принято с того момента, когда стало финансироваться правительством, в мусульманских — также, с той лишь разницей, что там преподавали не учителя итальянского языка, а переводчики из военной администрации. В греческих школах обязательное преподавание итальянского языка было воспринято с недовольством. В соответствии с новыми программами итальянский язык стал основным предметом: ученики, не получавшие по нему минимум баллов, не допускались к дальнейшему обучению, даже если имели удовлетворительные оценки по всем остальным предметам.

Сама итальянская администрация островов очень настороженно относилась к попыткам вмешательства греческого правительства в систему образования на Додеканесских островах: правительству островов стало известно, что министр иностранных дел Греции посылал деньги на Родос для финансирования образования. От греческого консула деньги передавались православному митрополиту Родоса, который лично нанимал преподавателей и покупал необходимые дидактические материалы. Марио Лаго направил письмо с протестами в адрес греческого Министерства иностранных дел, а церкви было запрещено вмешиваться в образовательный процесс. Чтобы эффективнее управлять процессом образования, была учреждена должность суперинтенданта (эту должность всегда занимал этнический итальянец). Суперинтендант назначался напрямую губернатором, в его обязанности входили инспекция классов, прием на работу и увольнение преподавателей в том случае, если их поведение не соответствовало требованиям итальянского Министерства образования — с целью исключить всякую антиитальянскую пропаганду. Институт магистратуры давал возможность додеканесским студентам

получить диплом прямо на островах, по греческим образовательным программам высшего образования, из которых были удалены лишь аспекты, способствовавшие развитию греческого национального патриотизма.

В 1929 г. Министерство образования Италии выделило шесть стипендий для студентов или недавних выпускников с Додеканесских островов, которые намеревались продолжить обучение в каком-либо университете Королевства. Для этой цели правительством был выбран университет г. Пизы. Размер стипендий составил 4000 лир на человека [10, 406]. Для перелета Родос — Бриндизи для студентов университетов предусматривались сниженные тарифы. Кроме того, для додеканесских студентов предусматривались значительные скидки и на проезд поездом по маршруту Бриндизи — Пиза.

На островах архипелага были организованы масштабные археологические раскопки и реставрационные работы. Декретом губернатора М. Лаго от 4 ноября 1927 г. на о. Родосе был открыт Историко-археологический институт [15, 233]. 11–15 мая 1928 г. на Додеканесских островах состоялся Археологический конгресс, организованный Министерством образования Италии. В нем приняли участие представители науки и искусств одиннадцати стран: Италии, Германии, Франции, Англии, Испании, Польши, Бельгии, Швеции, Венгрии, Греции и США [Там же, 233–234]. Конгресс посвящался развитию Додеканесских островов в Древности и в Средние века. Кроме Родоса участники конгресса посетили острова Кос и Патмос с их знаменитыми монастырями [9, 121].

В 1934 г. губернатор Марио Лаго распорядился о создании Королевского института биологических исследований Родоса, строительство которого началось в северной части острова [5]. Итальянский архитектор Армандо Бернабити занялся разработкой этого проекта, завершив его в 1935 г. В его работе архитектурные элементы были наполнены морскими мотивами: плавными линиями, отверстиями в виде иллюминаторов, разными уровнями возвышения и центральной цилиндрической башней. Морская фауна вдохновила архитектора на декорацию главного входа здания [14, 102–103]. В нем был размещен огромный аквариум, украшенный изнутри пористыми породами и натуральными раковинами, напоминавшими подводную пещеру. Здание было построено за два года, и в 1937 г. Институт начал свою работу, занимаясь главным образом биологическими и гидрологическими исследованиями Эгейского моря, а также проблемами ловли губок, рыбной промышленности, сельскохозяйственной энтомологии [5].

Таким образом, практически все задачи, поставленные перед губернатором Марио Лаго, были решены. Итальянское правительство, оценив стратегическое значение Додеканесских островов и перспективы их экономического развития, вкладывало немалые средства в свою европейскую колонию. Период деятельности Марио Лаго вошел в историю Додеканесских островов как «золотые годы» [12].

Марио Лаго оставался губернатором Итальянских островов Эгейского моря вплоть до 1936 г. В этот период отношения колониального правительства с преобладающей по численности греческой общиной были относительно доброжелательными. Греческие дети изучали итальянский язык в школах, но в религиозных учебных учреждениях они могли изучать родной греческий. Цены в городах указывались на двух языках — итальянском и греческом. Марио Лаго благоприятствовал

и еврейской общине, численность которой на островах доходила до 5000 человек в 1930-е гг. Главным образом в общину входили торговцы, владельцы лавок. М. Лаго поспособствовал созданию Раввинского колледжа, а также изучению традиционной еврейской музыки и занятиям спортом [12].

Марио Лаго управлял колонией с огромным уважением к неитальянским этническим группам и оставил о себе прекрасную память. В 1925 г. жители Додеканесских островов, бывшие подданные Османской империи, получили итальянское гражданство. У них не было полных политических прав граждан Италии, они были освобождены от воинской службы, имея возможность, однако, записаться в армию добровольцами. Этот юридический статус был назван «малым гражданством». Полноценное итальянское гражданство мог получить любой гражданин Додеканесских островов моложе 32 лет при условиях принятия католической веры и последующей службы в итальянской армии [Там же].

В 1936 г. на посту губернатора М. Лаго сменил Чезаре Мария Де Векки, граф де Валь-Сисмон, один из руководителей фашистского «Марша на Рим» 1922 г., принадлежавший к числу высших иерархов Национальной фашистской партии, но во многом не принимавший те реформы, которые проводились в Италии. В политических условиях второй половины 1930-х гг. Марио Лаго сочли «слишком мягким» правителем [17]. Ч. М. Де Векки, один из самых влиятельных фашистских иерархов, член Большого фашистского совета, казался идеальной кандидатурой. С другой стороны, Муссолини стремился удалить Де Векки от реального формирования итальянской политики и в то же время был уверен, что новый губернатор будет полноценно реализовывать именно фашистскую политику по отношению к колонии. Назначение Ч. М. Де Векки губернатором Додеканесских островов было для него формой мягкой ссылки, вместе с тем граф получил возможность реализации своей программы действий без излишнего вмешательства сверху.

С 1936 г. начинается «фашизация» островов: автономия трех этнических общностей, греческой, турецкой и еврейской, которые до сих пор спокойно уживались с итальянцами, была ликвидирована, были запрещены греческие газеты, смешанные браки, были удалены от образовательной деятельности все преподаватели неитальянского происхождения, были упразднены выборность органов местного самоуправления, свобода проведения религиозных праздников, итальянский язык был объявлен «единственным официальным» [Там же]. Кроме того, под руководством Де Векки во второй половине 1930-х гг. проводилась милитаризация островов, которые рассматривались как один из важных стратегических пунктов в предполагаемой будущей войне.

Де Векки упразднил трибуналы по религиозным вопросам, которые еще по турецкой традиции способствовали разрешению межконфессиональных споров. Новому губернатору не понравился дизайн многих современных зданий, и он, в частности, приказал снять роскошные элементы оформления, созданные Ди Фаусто, с «Альберго делле розе». По его приказу на острове была построена новая резиденция губернатора (восстановленный дворец Великих магистров ордена св. Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты). Подразумевалось, что новое здание будет резиденцией короля, членов королевской фамилии и главы правительства

Италии во время их визитов на Додеканесские острова, но такие визиты так и не состоялись.

Де Векки управлял Додеканесскими островами с жесткостью, педантичным уважением к формальностям и принципам иерархии. Новый губернатор существенно ограничил права греческой, турецкой и еврейской этнических групп, к которым он не питал особого уважения. В 1937 г. Де Векки провел реформу школы в соответствии с действовавшими итальянскими образовательными правилами, в частности с подготовленной в 1937 г. «Школьной хартией» (окончательно введенной в действие в 1939 г.). Реформа вызвала ненависть большей части населения островов из-за включения в образовательные программы сильного фашистского идеологического компонента (официально подчеркивалось, что «Школьная хартия» должна была создать в школах «особый климат», формируя неразрывную связь школы с государством и его политикой [18, 202]. Преподавание отныне проводилось только на итальянском языке и по итальянским программам [6].

Однако в декабре 1940 г. после неудачных военных маневров против британского флота Де Векки был отправлен в отставку, и новым губернатором островов был назначен генерал Этторе Бастико, которого, в свою очередь, в июне 1941 г. сменил адмирал Иниго Кампиони (после назначения генерала Бастико главнокомандующим итальянскими силами в Северной Африке) [11]. Кампиони стал последним полновластным итальянским губернатором Додеканесских островов; его задачей стала защита островов от возможного британского нападения с моря.

Дальнейшая судьба островов была во многом обусловлена ходом военных действий. После капитуляции Италии в 1943 г. острова были оккупированы германскими войсками, затем — британскими войсками, а по Парижскому мирному договору 1947 г. вошли в состав Греции.

Естественно, что и в период итальянского колониального режима греки, составлявшие большинство населения островов, желали воссоединения с Грецией. Однако итальянский режим, сменивший турецкий, отличался толерантностью; многообразное в этническом и конфессиональном плане население Додеканесских островов не подвергалось какой-либо дискриминации. Италия вложила немалые средства в процветание и развитие эгейских колоний, постройку инфраструктуры, организацию экономической жизни, системы образования, развитие культуры островов. В целом за фактические тридцать пять лет итальянского присутствия Додеканесские острова совершили значительный рывок вперед во всех сферах жизни, что оказало благоприятное влияние на их дальнейшее развитие уже в составе греческого государства.

1. Нестерова Т. П. «Город в фашистском стиле»: архитектура в системе культуры фашистской Италии // Европа : международ. альм. Вып. 6. Тюмень, 2006. С. 117–124.

2. Нестерова Т. П. «Средиземноморская идентичность»: культура и архитектура Италии в странах Северной Африки в 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 2 (75). Екатеринбург, 2010. С. 199–210.

3. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / пер. с фр., вступ. ст. проф. Ю. В. Ключникова. М., 1927.

4. Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967.

5. L'acquario di Rodi [Electronic resource]. URL: <http://www.rhodian.com/acquario.htm> (accessed: 21.06.2014).
6. Cesare Maria De Vecchi [Electronic resource]. URL: <http://www.ilduce.net/cdevecchi.htm> (accessed: 11.06.2014).
7. Egeo // L'Oltremare. 1928. № 7. P. 329
8. Egeo // Ibid. 1929. № 1. P. 281–282.
9. Egeo // Ibid. 1929. № 2. P. 120–122.
10. Egeo // Ibid. 1929. № 9. P. 406.
11. Ettore Bastico [Electronic resource]. URL: <http://www.dodecaneso.org/vip6.htm> (accessed: 15.07.2014).
12. Gli anni dorati 1923–1936 [Electronic resource]. URL: <http://www.dodecaneso.org/2336a.htm> (accessed: 15.07.2014).
13. Italian architecture in Rhodes [Electronic resource]. URL: <http://romeartlover.tripod.com/Rodi5.html> (accessed: 15.07.2014).
14. Κολώνας Β. *Ιταλική Αρχιτεκτονική στα Δωδεκανήσα. 1912–1943. Αθήνα, 2002.*
15. Masi C. Dodecaneso // L'Oltremare. 1928. № 6. P. 233–237.
16. Pattacini: la storia [Electronic resource]. URL: http://www.pattacinicostruttori.it/index.php?option=com_content&task=view&id=5&Itemid=9 (accessed: 18.06.2014).
17. Personalità eccellenti [Electronic resource]. URL: <http://www.dodecaneso.org/vip5.htm> (accessed: 15.07.2014).
18. *Stepra M. Leva fascista e Scuola // Critica fascista. 1939. № 13. P. 201–202.*
19. *Τσιρπανλής Ζ. Ιταλοκρατία στα Δωδεκανήσα. 1912–1943. Ρόδος, 1998.*

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

УДК 341.231 + 341.211(497.115)

М. О. Гузикова

СТРАТЕГИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ «СУВЕРЕНИТЕТА» В ЗАЯВЛЕНИЯХ США И АРГЕНТИНЫ ПО ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ КОСОВО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

В статье анализируются варианты концептуализации понятия «суверенитет», представленные в ходе обсуждения Международным судом ООН вопроса о независимости Республики Косово в письменных заявлениях США и Аргентины. Методология анализа соответствует схеме, предложенной Майклом Фриденом для изучения политических идеологий. В статье делается вывод, что данная методология может быть с успехом применена при лингвистическом изучении идеологических текстов и изучении механизмов концептуализации политических понятий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: суверенитет, Косово, концептуальный анализ, концепт, Майкл Фриден.

Данная статья продолжает начатое ранее исследование [1] концептуализации понятия «суверенитет» в корпусе текстов, представляющих собой письменные заявления 37 стран — членов ООН в Международный суд ООН, сделанные ими в 2008 г. по вопросу о соответствии провозглашения Косово своей независимости

международному праву. Республика Косово объявила о своей независимости 17 февраля 2008 г., после чего Сербия, в состав которой Косово входило в качестве автономии, обратилась к Ассамблее ООН с просьбой рассмотреть вопрос о правомочности действий Косово. Ассамблея ООН направила соответствующий запрос в Международный суд ООН, который, в свою очередь, направил запрос о позиции по данному вопросу странам — членам Ассамблеи ООН. Государствам было предложено высказаться за или против провозглашения независимости Косово и аргументировать свою позицию. Тридцать семь государств направили в суд свои письменные заявления (все заявления, а также устные выступления представителей стран в ходе слушаний доступны на портале Международного суда [2]). Исследованные заявления представляют собой тексты на английском языке объемом от 1 до 372 страниц, от 375 до 575 838 знаков, в которых государства излагают свою позицию по заданному судом вопросу.

Понятие «суверенитет», одно из важнейших в международном праве, не имеет однозначного толкования. Почти все международные конфликты так или иначе затрагивают вопросы суверенитета. Жонглирование этим понятием — одна из примет международно-правовых дискуссий сегодняшнего дня. Стремление разных субъектов международного права по-разному трактовать определенные события вынуждает их по-разному интерпретировать и само понятие. У этого вопроса есть политологическая и юридическая составляющие, но есть и чисто лингвистическая: поскольку трактовка понятия множественна и эта множественность не зафиксирована ни в каком словаре, его реальная интерпретация может быть индуцирована из текстов. Так и для рассматриваемых в данной статье текстов концепт «суверенитет» является одним из ключевых, поскольку провозглашение независимого государства Косово де факто нарушило суверенитет Сербии. Как видно из табл. 1, 22 страны высказались по данному вопросу положительно, т. е. подтвердили, что провозглашение Косово своей независимости не противоречит международному праву, а 15 были против.

Таблица 1

Позиции стран по вопросу правомочности провозглашения Косово своей независимости и количество употреблений слова *sovereignty*

№ п/п	Страна	За/против	Количество употреблений слова <i>sovereignty</i>
1	Чешская Республика	За	11
2	Франция	За	5
3	Кипр	Против	46
4	Китай	Против	12
5	Швейцария	За	10
6	Румыния	Против	36
7	Албания	За	7
8	Австрия	За	1
9	Египет	Против	14
10	Германия	За	24

№ п/п	Страна	За/против	Количество употреблений слова <i>sovereignty</i>
11	Словакия	Против	3
12	Россия	Против	19
13	Финляндия	За	7
14	Польша	За	5
15	Люксембург	За	1
16	Ливия	Против	2
17	Великобритания	За	7
18	США	За	30
19	Сербия	Против	190
20	Испания	Против	126
21	Иран	Против	3
22	Эстония	За	2
23	Норвегия	За	4
24	Нидерланды	За	3
25	Словения	За	1
26	Латвия	За	0
27	Япония	За	0
28	Бразилия	Против	2
29	Ирландия	За	2
30	Дания	За	1
31	Аргентина	Против	22
32	Азербайджан	Против	6
33	Мальдивы	За	0
34	Сьерра-Леоне	За	0
35	Боливия	Против	0
36	Венесуэла	Против	6
37	Косово	За	63
	<i>Всего 37 стран</i>		671 употребление

Всего слово *sovereignty* употреблено в этом корпусе текстов 671 раз, в том числе странами, которые высказались в поддержку Косово, включая и само Косово, — 184; странами, высказавшимися против, — 487. На 100 тыс. слов в текстах стран, поддержавших Косово, слова *sovereignty* и *sovereign* встречаются 109,8 раза, а в текстах стран, которые высказались отрицательно, — 336 раз, т. е. в 3 раза чаще. Эта статистика может быть истолкована таким образом, что для стран, выступающих против провозглашения независимости Косово, суверенитет является более приоритетным, ключевым концептом, чем для стран, одобрявших данное событие. Если это так, то резонно предположить, что страны, выступающие против независимости Косово, толкуют концепт «суверенитет» иначе, чем государства, выступающие в поддержку Косово. Возможно также, что все тексты, где концепт «суверенитет» обсуждается, толкуют его в чем-то иначе. В данной статье на примере двух стран показаны варианты концептуализации «суверенитета». Для

примера выбраны США [3] и Аргентина [4]. Их позиции по вопросу появления независимого государства Косово противоположны, при этом в текстах их заявлений слово «суверенитет» употребляется примерно с одинаковой частотностью.

В качестве методологии использован концептуальный анализ, предложенный Майклом Фриденем для изучения политических идеологий [5, 6]. По Фридену, идеологии представляют собой комплексы или поля концептов, при этом есть концепты, находящиеся в центре поля, и есть периферийные концепты. Для понимания идеологии необходимо выделить центральные концепты и их содержание, а также взаимное влияние концептов внутри системы. Концепты в системе взаимосвязаны, они могут вступать в отношения подчинения, быть равноправными или соположенными. С другой стороны, любой концепт идеологизируется, т. е. помещается в систему концептов и в конкретном вербальном сообщении интерпретируется в зависимости от своих системных связей с ними.

Интерпретация происходит посредством помещения концепта в систему других концептов. Политический концепт — базовая единица политической мысли, как теории, так и идеологии. При этом одни концепты являются центральными для поля какого-то политического течения, а другие — подчиненными им или используемыми как подчиненные. Идеологии — это кластеры концептов, в которых концепты используются устойчивым, повторяющимся образом. Благодаря многозначности концепты могут быть кирпичиками в разных идеологических структурах. У концепта, таким образом, могут быть различные концепции. Что же происходит с полисемией концепта в идеологии? Одни семы легитимизируются, другие делегитимизируются.

Кроме того, помещая одни концепты в ряд с другими или ставя их в другие отношения между собой, можно уточнить значение концепта в данной идеологии. Концепты, с одной стороны, лишаются многозначности, что необходимо для принятия политических решений, а с другой стороны, что важно для маневра в политике, остаются многозначными. Также значение концепта уточняется прагматической пресуппозицией идеологического текста. Идеологии стремятся быть логически понятными и последовательными. Они соревнуются за контроль над политическим языком. Чья точка зрения преобладает, тот и победил в политической игре. В нашем случае эта точка зрения будет легитимизирована решением судебной инстанции. Победа одного политического языка над другим будет обозначать легитимацию одних политических практик и делегитимацию других.

В политической практике и в литературе, которая ее исследует [7], разработано большое количество моделей суверенитета. Рассмотрение различных моделей суверенитета не является задачей данной статьи, но для понимания различных концептуализаций суверенитета в рассматриваемых текстах необходимо в общем понимать, какие модели суверенитета в принципе существуют и что кладется в основу той или иной модели (свобода индивида, территориальная целостность), а также то, что считается нарушением суверенитета. Намеренно огрубляя, можно сказать, что суверенитет — это свойство государства, но государство создается путем волеизъявления граждан. Те государства, в которых политическая традиция и практика ставят в центр своей политической идеологии концепт индивидуума, исповедуют так называемый «народный суверенитет» (аналог в английском

языке — *popular sovereignty*). Принцип «народного суверенитета», основанный, в свою очередь, на идее индивидуальной автономии, восходящей к Джону Локку, лишает суверенитет его абсолютности, которая свойственна монархическому суверенитету и тем концептам государственности, в которых суверенитет не уравновешен в той же степени концептом индивидуальной автономии и управления с согласия тех, кем правят. Суверенитет может быть нарушен в случае реализации права народов на самоопределение и в случае зафиксированных международным сообществом наций серьезных нарушений прав человека. В первом случае суверенитет нарушен, так как страдает его база — происходит отторжение части территории; во втором случае нарушение суверенитета может принять форму вторжения во внутренние дела государства путем санкций, военной интервенции и пр.

В споре о законности провозглашения Косово своей независимости страны, поддерживающие Косово, за редким исключением, избегают упоминания концепта «суверенитет». Выстраивая свою аргументацию, они предлагают такую «систему смыслов» (термин Фридена), в которой концепт «суверенитет» не является центральным. По сути, они манипулируют смыслом текста в зависимости от своего комплексного видения ситуации, а также желаемого воздействия на реципиента текста. Именно такое манипулирование в «дискурсивной политологии» М. Фридена и называется политической идеологией. Сторонники независимости Косово уходят от столкновения концептов «самопровозглашение независимости» и «государственный суверенитет», так как это логически противоречивые концепты. Внутри самого концепта также происходит актуализация тех или других семантических компонентов в зависимости от цели продуцента текста. В одном случае помещение суверенитета в центр концептуального поля текста направлено на делегитимизацию практики самопровозглашения независимости, в другом случае помещение концепта «суверенитет» на периферию концептуального поля текста служит цели легитимизации самопровозглашения независимости Косово. В обоих случаях использование концепта идеологизировано, так как реализует политическую функцию.

Каждый текст, в котором частотность употребления слова *sovereignty* говорит о том, что данный концепт имеет значение (в нашем случае — частотен) для концептуального поля текста, концептуализирует суверенитет уникальным, неповторимым образом. Поэтому можно говорить о различных репрезентациях или, в терминологии Фридена, концептуализациях данного понятия. Понятно и то, что жанр текстов, а также их принадлежность перу государственных чиновников-юристов и дипломатов позволят выделить определенное сходство в семантике концептов в данных текстах. Также и культурная разнородность реципиентов данных текстов заставляет авторов оперировать в первую очередь общепонятными для международного права и дипломатии составляющими концепта «суверенитет», хотя главенствующие в том или ином государстве понимания суверенитета могут быть различными.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в текстах стран — сторонниц Косово, где частотность употребления концепта «суверенитет» достаточно высока, суверенитет является одним из периферийных концептов

и концептуализируется как не абсолютный¹. На примере письменного заявления США мы рассмотрим, какое место «суверенитет» занимает в концептуальном поле данного текста и как он концептуализируется.

Контексты употребления слова «суверенитет», которые даны ниже в порядке предъявления в тексте, позволяют увидеть выстраивание концепта и его помещение в концептуальное поле текста. В заявлении США суверенитет существует над страной (*over country*) и распространяется на всю ее территорию (*over territory*), придавая ей территориальную целостность и нерушимость (*territorial integrity*). Суверенитет неразрывно связан с территорией, и суверенитет делает территорию государством. Государство обладает (*possesses*) суверенитетом, это нечто, находящееся в его владении. Суверенитет может быть провозглашен (*declared*), подтвержден (*reaffirmed*); государства привержены принципу суверенитета (*committed to the principle of sovereignty*), суверенитет — это краеугольный камень (*linchpin*), суверенитет может быть принят или не принят во внимание (*taken into consideration*) при выходе территории из состава государства путем провозглашения независимости, суверенитет над страной можно защищать (*defend*). Провозглашение независимости ставит суверенитет под угрозу. Суверенитет — причина разногласий государств, фундаментальный вопрос (*fundamental question*), по которому Сербия и Косово не могли прийти к единому мнению. Сербия трактует выход Косово из состава Сербии как акт, угрожающий суверенитету Сербии. Сербия привержена понятию суверенитета как целостности, что выражается в постоянном соединении концепта «суверенитет» и концепта «территориальная целостность».

США оспаривают нерушимость суверенитета, ссылаясь на имеющиеся прецеденты «не-абсолютного» суверенитета, такие как Гонконг, федеративные модели распределенного суверенитета и пр. Для США международную гарантию нерушимости суверенитета Сербии, которую страны — противницы независимого Косово понимают как некий абсолют, не имеющий временных ограничений, нужно толковать в контексте сложившейся на тот момент ситуации. Ситуация же, по мнению США, может меняться, и нерушимость суверенитета может быть релятивирована — *needed to be viewed and understood in the totality of the circumstances surrounding the situation in Kosovo*. В тексте часто используются союзы «но» (*but*), «однако» (*however*), «в противовес» (*in contrast*), «иначе» (*otherwise*), т. е. союзы, значение которых позволяет сначала поставить концепт «суверенитет» в ряд других концептов, а затем снизить его значимость и приоритетность по отношению к другим концептам. Например: *The political provisions of Resolution 1244 were particularly complex. The preamble “reaffirm[ed] the commitment of all Member States to the sovereignty and territorial integrity of the Federal Republic of Yugoslavia and the other States of the region,” but added a qualifying reference to the Helsinki Final Act and to annex 2 of the resolution.* К другим концептам относятся, о чем ниже будет сказано более подробно, такие концепты, как «право наций на самоопределение» (*self-determination of peoples*), «права человека» (*human rights*) и пр.

¹ Один из основоположников теории суверенитета Т. Гоббс в «Левиафане» характеризует суверенитет как «абсолютный» и «неделимый».

США не оспаривают того, что суверенитет необходимо уважать, этот принцип аксиоматичен и закреплен в уставе ООН. Государство имеет право на уважение своего суверенитета (*entitlement to respect for its sovereignty*). Однако аксиоматичность принципа, как указывают США, не предотвращает появление других государств (*Like every other state, the SFRY was entitled to respect for its sovereignty and territorial integrity. But standing by itself, that entitlement no more meant that international law prohibited the emergence of new states on the territory of the SFRY in the early 1990s than it precluded the emergence of a new state on the territory of the FRY thereafter*). Появление государств, ранее бывших территориями другого государства, является нарушением суверенитета. Но принцип суверенитета не абсолютен, он один из многих принципов, которые следует принимать во внимание в ходе решения вопроса о Косово (*the principle of territorial integrity should be understood not as an absolute, but as one of among many considerations that were relevant in the approach to Kosovo*). Суверенитет не приоритетен по отношению к другим принципам, среди которых названы уважение к правам и свободам человека (*principles related to respect for human rights and fundamental freedoms*), равные права и права на самоопределение наций (*equal rights and self-determination of peoples*), а также принцип соблюдения суверенными государствами своих обязательств в рамках международного права (*commitments for states in exercising their sovereign rights to conform with their legal obligations under international law*). Принципы не расположены в порядке подчинения друг другу и взаимосвязаны (*There is no hierarchy of principles and they are all inter-linked*). В дальнейшем из текста становится понятно, что для США именно права человека являются центральным концептом, которому подчинены другие концепты, в том числе суверенитет. Этот принцип — «права человека» — представлен в последующих абзацах и снабжен маркерами приоритетности: *at the heart of Helsinki process, highlighted importance* и пр.

Таким образом, в тексте можно выделить три плана концептуализации суверенитета: первый план, в котором суверенитет концептуализирован в традиционном ключе как важнейшая норма международного права, его приоритетный принцип (*fundamental question*); второй план, где «суверенитет» помещен в ряд соположенных концептов, становится не главным, а одним из принципов международного права (*issue, put into a basket of other issues*); третий план, который устанавливает приоритет концепта «права человека» над концептом «суверенитет».

В тексте Аргентины, выступившей с мнением, что провозглашение независимости Косово противоречит международному праву, суверенитет должен быть принят всеми сторонами (*accepted by all parties*), уважение к суверенитету (*respect for sovereignty*) служит базой политических решений, это основа договоренностей между странами (*This arrangement was agreed upon by the State that has sovereignty over the territory*). Концепт «суверенитет» уравновешен с концептом «уважение прав этнических меньшинств». Для этого использован прием перечисления концептов (*firstly, secondly, ..., lastly*). Уважение к суверенитету как одна из обязанностей ООН поставлено в один ряд с поддержанием мира и стабильности, а также с проведением переговоров между конфликтующими сторонами: *What is at stake is the credibility of the binding decisions of the Security Council as the UN organ charged with the principal responsibility for the maintenance of international peace and security*;

the respect of the sovereignty and territorial integrity of a UN member State; and the capacity of the Organisation to conduct negotiations between the parties concerned in a manner by which these negotiations have real value and cannot be unilaterally brought to an end by one of the parties that attempts to impose its own views on the other party. ООН обязана поддерживать принцип суверенитета, другие структуры или организации не имеют права принимать решения о суверенитете, тем более способствовать провозглашению независимости. Поначалу, таким образом, суверенитет концептуализируется как один среди несколько равноправных концептов.

Затем суверенитет представлен уже как основной (*main*) принцип, на котором строится правовой режим Косово. Значимость концепта «суверенитет» в концептуальном поле текста усиливается: суверенитет — этаблированный, не подлежащий сомнению принцип, лежащий в основе международного права, которое регулирует отношения между суверенными единицами (*a well established principle of international law, without which the very existence of international law, as a corpus of rules governing primarily the relationship among sovereign entities, could not be envisaged*). Происходит дальнейшее усиление позиции концепта: суверенитет — основа международных отношений, не просто одно из оснований, но самое важнейшее из них (*essential foundation of international relations*). Суверенитет нерушим (*inviolable*), он наиважнейший элемент государства (*a quintessential element of a State*), его изменения могут совершаться только с согласия государства (*through the consent of the interested State*).

В конечном счете в тексте происходит закрепление центральной и приоритетной позиций концепта «суверенитет» за счет расширения круга акторов, которые подчиняются принципу суверенитета. Принцип суверенитета должен в полной мере и безоговорочно соблюдаться не только государствами и международными организациями, но и всеми сторонами конфликта: *Resolution 1203 (1998) addressed directly to the Kosovo Albanian part. After reaffirming the territorial integrity of the Federal Republic of Yugoslavia, it demanded that «the Kosovo Albanian leadership and all other elements of the Kosovo Albanian community comply fully and swiftly with resolutions 1160 (1998) and 1199 (1998)*. В качестве закрепления этого аргумента приводятся примеры резолюций Совбеза ООН по поводу грузино-абхазского конфликта, по вопросу об Эритрее и пр. Аргентина считает, что в рамках действующей конституции Сербия могла бы сохранить свой суверенитет и предоставить права широкой автономии Косово, таким образом приближая решение для Косово и суверенитет Сербии в концептуальном поле как непротиворечащие друг другу и взаимоприемлемые. А вот как раз акт провозглашения независимости Косово нарушает принцип уважения к суверенитету Сербии, закрепленный документами международного права, а значит противоречит международному праву.

Как видно из сказанного выше, в тексте Аргентины, как и в тексте США, можно выделить три плана концептуализации суверенитета: первый план, в котором суверенитет концептуализирован как один из равноправных концептов; второй план, где значимость концепта «суверенитет» по сравнению с другими концептами возрастает; и третий план, который устанавливает приоритет концепта «суверенитет» за счет расширения круга акторов, которые должны ему подчиняться.

Подводя итоги, необходимо отметить, что методология М. Фридена, несмотря на то что первоначально была разработана для изучения политических идеологий, может быть с успехом применена при лингвистическом изучении идеологических текстов и изучении механизмов концептуализации политических понятий.

1. *Нестеров А. Г., Гузикова М. О.* Обсуждение вопроса о Косово в Международном суде ООН (2008–1010): концепт термина «суверенитет» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2013. № 5 (122). С. 59–67.

2. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo (Request for Advisory Opinion) [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=4&k=21&case=141&code=kos&p3=0> (accessed: 30.07.2014).

3. US written statement [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15640.pdf> <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15640.pdf> (accessed: 30.07.2014).

4. Argentina written statement [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15666.pdf> (accessed: 30.07.2014).

5. *Freeden M.* Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford : Oxford UP, 1996.

6. *Freeden M.* Ideology: a Very Short Introduction. Oxford : Oxford UP, 2003.

7. *Krasner S. D.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton : Princeton UP, 1999.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
СИЛОВЫХ СТРУКТУР И ПСИХОЛОГОВ-
ДОБРОВОЛЬЦЕВ ДЛЯ РАБОТЫ В ЧРЕВЫЧАЙНЫХ
И ДРУГИХ СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ»

УДК 316.35 + 159.923 + 342.76

E. Cherepanov

**COMMUNITY-BASED PSYCHOLOGICAL RECOVERY IN COMPLEX
EMERGENCIES: OPERATIONAL GUIDELINES**

Expansion and diversification of field MH (mental health) programs transformed the landscape of relief work and underlined the need in conceptual framework and evidenced-based practices. Recognition of accomplishments offset by controversies surrounding understanding MH needs in complex emergencies. Incorporation of recovery-oriented paradigms shifts emphasis to community recovery, where the success of individual psychological recovery largely determined by quality of community supports providing secure sense of self, supportive relationships, empowerment, social inclusion, and meaning (SAMSHA, 2004). Proposed model of Community-Based Psychological Recovery in Complex Emergencies aims to facilitate the sustainable community-level impact by strengthening community supports and recovery resources and by sensitizing community to the needs of vulnerable groups.

Key words: Disaster, complex emergency, mental health systems, community trauma, psychological recovery, role of volunteers, sustainability.

Introduction

Over the past decade, many international aid agencies have come to realize the crucial importance of mental health relief work in reducing mortality and morbidity. “What do you do if there is enough food, but no one wants to eat?” Asked Kaz de Jong, mental health advisor to Doctors without Borders (MSF). “Sometimes people are unable to eat because they no longer want to live. They may have witnessed the killing of their family” [8]. Mental health programs that initially started as an emergency response in the aftermath of natural disaster and war quickly expanded to non-emergency settings, such as support treatment of chronic diseases (HIV, TB), and advocacy for victims of genocide, torture, and gender-based violence. Later, they also began educating health providers on how to recognize severe depression, trauma, serious mental illness or suicidal behavior in patients, and when to provide the appropriate supports and referrals. The expansion of mental health programs in the field transformed the landscape

of humanitarian work and highlighted the need in both conceptual frameworks and evidenced-based practices. Further developments in community mental health shifted the emphasis away from treatment, symptoms and functioning, to a recovery-oriented paradigm where the recovery is understood as a self-directed process of reclaiming meaning and purpose in life when an individual strives to reach full potential even in the most difficult circumstances [7]. The recovery-oriented paradigm prioritizes the significance of community supports that provide a secure sense of self, supportive relationships, empowerment, social inclusion, and meaning [11].

Role of the community

The *Community-Based Psychological Recovery in Complex Emergencies* model (CBPR) [2] is built on the assertion that a person can cope with almost anything if there is adequate personal and community support. A functional and resilient community facilitates and supports the psychological recovery of its members and provides support for those with special needs or in crisis. On the contrary, the incapacitated and demoralized community compromises individual recovery, and creates ground for violence and re-victimization.

The CBPR goal is to facilitate psychological recovery and create community-level changes by re-building or restoring the cultural, social and psychological systems of support that were rooted in the community but destroyed in a complex emergency. This can be achieved by assisting the community in identifying, reclaiming, and mobilizing psychological survivorship resources, including effective and self-directed problem solving, and compassionate care for its members, especially those with physical and mental disabilities. This model was first developed and implemented in Liberia in the summer of 2011 as part of a Tiyatien Health project established to assist communities with integrated health care in the aftermath of the Cote d'Ivoire refugee crisis. There it quickly became obvious that the community itself is in a unique position to address massive mental health. The project was aimed at increasing psychological competencies by engaging local community leaders, training health care providers and the community, identifying the most appropriate format for mutual supports based on the community and cultural traditions, and facilitation of sustainable support groups run by peers.

Mental health needs in complex emergencies

Complex emergencies are defined *as situations of disrupted livelihoods and threats to life produced by warfare, civil disturbance and large-scale movements of people, in which any emergency response has to be conducted in a difficult political and security environment* [13]. A complex emergency challenges the community's capacity to protect and care; it destroys the social and psychological infrastructure and results in higher mortality, population displacement, and infliction of individual and collective trauma. The complex emergency evokes a sense of hopelessness and helplessness; it disempowers the community and overwhelms its capacity to protect and care for its members. This increases the members' sense of vulnerability, which becomes a contributing factor to further victimization, marginalization of victims, and perpetuation of violence.

Mass trauma associated with complex emergency carries a systemic impact on the individual, family, and community life. Most trauma reactions are not pathological and are normally expected. The multitude of resultant psychological effects include: mood and behavioral changes, severe sleep problems, anxiety, depression, flashbacks, intrusive recollections, hyper vigilance, an increase in uncontrolled anger and violence, and a surge of psychosomatic complaints which overwhelm primary care [9]. Severe traumatization undermines help-seeking behavior and elicits hopelessness, helplessness, self-neglect and non-adherence to essential medical treatment; which in turn indirectly increases mortality and morbidity and contributes to substance abuse, violence and suicides.

On the other hand, effective coping with trauma can advance personal growth and enhance the ability to understand and help others. The mature community that collectively survived and overcame traumatic event becomes more resilient, caring and supportive to its members, and better equipped to handle future adversities.

Addressing mental health needs in relief work

Diversification of mental health programmatic modules revealed controversies in understanding psychological trauma, and highlighted the question of whether trauma reactions in complex emergencies are all pathological and require treatment, or if they are predominantly normal, expected responses to life adversities that require no psychological intervention. Another concern shared by many is that Western approaches to conceptualization of trauma (including the whole notion of PTSD and depression, its assessment and treatment) are being imposed upon different cultures with little consideration to their appropriateness and the natural course of coping [12]. Summerfield concluded that any external mental health interventions only serve those who craft said interventions. In addition, the pathologizing of suffering and overuse of psychotropic medications to treat normal stress can disempower and discourage individuals from taking responsibility for their own recovery, and fosters dependence on external assistance. De Jong & Kebler's [9] outlined the *psychosocial approach*, which proclaimed that psychological well-being can be achieved only when basic needs are met and that psychological and social needs must be addressed concurrently. High effectiveness have been demonstrated in integrated care models based on the idea of integrating of mental health into the primary care system. There are many advantages to this approach:

Many trauma survivors have medical conditions that must be addressed concurrently;

Primary care providers identify and make referrals for those with additional mental health needs: somatic complaints are often the initial reason for seeking treatment;

Mental health service carries a stigma, but seeking physiological medical services is more socially acceptable. Participation in standalone mental health programs may expose survivors just by virtue of seeking treatment and can be unsafe.

The integrated model allows for focus on those with more severe impairment and identification of "non-medical" sufferers, but also needs to be backed up by the development of an aftercare and health care referral system in order to ensure sustainability.

Community-based psychological recovery in complex emergency

The community-focused framework of psychological recovery aims at strengthening community supports to achieve sustainable community-level impact.

Within this framework, the success of recovery is determined by quality of community support which becomes the salient protective factor mitigating social ills. As such, the CBPR model prioritizes the importance of psychological recovery of the community. An important part of this work is mobilization of community's recovery potential and sensitizing the community to special mental health needs of vulnerable groups. The ultimate goal of this framework is to restore the community's capacity to independently support its members that was compromised by complex emergency. This goal can be achieved by concurrently addressing multiple levels of communal functioning, ranging from restoration and mobilization of pre-existing, traditional and culture-bound supports, psycho-education, and restoration or development of new life routines along with improving access to professional mental health services for those in need.

The *Community's Recovery Potential* is determined by psychological, social and logistic resources, community strength and resilience. This includes past experience of survivorship, problem solving tools and decision-making scripts, cultural healing and helping traditions (e.g., funeral rituals, supporting someone who experienced loss or was victimized), attitudes of key players in the community, and role models. Available support systems such as a council of elders, spiritual leaders and traditional healers, village or town forums, and similar resources also serve to solve collective problems and improve the well-being of a community. Often the functional community has systems in place to prevent victimization. In many traditional cultures, a battered woman can seek protection from older men in the community. In remote villages in East Liberia are expected to introduce newcomers to the community via the host family at the village gathering, where the host family also assumes full responsibility and pays fine if this person commits a crime [4, 6].

Complex emergencies accompanied by mass trauma carry the potential to interrupt social routines and trigger negative group dynamics: scapegoating, mass victimization, vigilantism, or perpetuating violent cycles. This can destroy the social and psychological fabric and structure of communal life and demoralize a dismantled community that is no longer able to provide protection to its members. The complex emergency or mass forced migration marginalizes the community and its members, weakens their sense of social inclusion and increases personal vulnerabilities, making members more susceptible to both victimization and becoming a victimizer. To counteract this and to re-claim the communal safety, the refugees in the camps at times resort to vigilantism: a group voluntarily takes charge of organizing self-defense and executing punishments. While vigilantism sometimes creates illusion of order, it can become problematic if it replaces legal structure and may result in additional victimization of voluntaristically designated "scapegoats" [1].

The well-functioning community, on the other hand, provides a sense of safety, security, social inclusion, and psychological comfort for its members. Cultural and social routines and traditions ensure smooth social functioning for the majority; they

often include protocols for crisis interventions and the format for conflict resolution (e.g., *Palava* – meaning organized talk or discussion – in West and East Africa). The community prescribes behavioral norms and contains scripts for enforcing them: For example, rape can result in expelling from the community not only the rapist, but also the rapist's family. In some instances, where physical survival depends on the community, this becomes the equivalent of a death sentence for the whole family. This being said, persons with disabilities are often still excluded from communal social life due to stigma and prejudice [3].

Effectiveness indicators

The effectiveness indicators for this CBPR model are yet to be determined, and this task boils down to how we identify a community that is functional and able to cope with adverse life challenges. While there is no clear definition of what constitutes a functional community, some parameters include the community's self-determination, support and referral system, conflict resolution and victim protection protocol, and demonstrated compassion toward vulnerable and special need groups. The functional community discourages violence, and enforces social norms; it offers supports for routine life events such as illness, death, and loss of property or violence. There is a respect of different cultures and subgroups: in North Caucasus, before the first Chechen war, there were over 65 ethnicities sharing the same small piece of land. According to one teacher from a small village in the region, the community identity carried more importance than even ethnic identity, or was at least equal to it. Growing up together in such a multi-cultural environment, the children looked forward to all the holy days - Christmas and Navruz just meant they would get double the treats [5]. Another facet of positive change in the community is the increased competence and knowledge about mental health and how a person with serious mental illness or severe trauma can be supported when there is no access to medications or specialists. The set of characteristics attributed to functional community are:

- Strong community identity;
- Mutual support;
- Respect for other cultures;
- Feelings of safety, support and protection within the community;
- Compassion for special need groups;
- Sharing social and logistic resources and knowledge;
- Conflict resolution protocol;
- Valuing of self-reliance.

Guiding principles

The CBPR framework is based on the following postulates:

- Most of the traumatic reactions during the complex emergency are normal, expected and do not need any treatment, interventions or even supports;
- Most of the traumatized individuals and communities possess enough strength, flexibility and resilience to recover if they receive support;

- Special needs groups, such as the disabled, elderly, children, those with severe trauma reactions, or serious mental illnesses, may need additional supports;
- A community strives to achieve recovery, stabilization, and self-reliance. A small change can have a systemic ripple impact and yield significant results;
- Every community has both formal and informal leaders who, in an emergency, will step up, take charge of recovery and inspire and carry on values of kindness, compassion, sharing, caring and helping others;
- Refugees bring with them the psychological prototype of their community. In a new place they tend to replicate the routines, traditions, social and psychological connections which include the collective survivorship experience, but also include myths and misconceptions;
- The sources of strength come from:
 - past survival experience;
 - community, social and cultural history, values and traditions;
 - concern on the part of key community players for the well-being of the community;
 - customs of self-reliance, mutual support, resource sharing, and trust;
- Any humanitarian aid (logistics, services, food, or medications) is temporary and may discontinue at any time without much notice;
- Any helping intervention or aid carries the potential to impinge upon community self-reliance by creating dependency on external sources.

Goals and Objectives

Goal: The Community-Based Psychological Recovery model of mental health assistance in complex emergencies prioritizes the restoration, or re-building of the community's capacity to support its members, and restoration or development of systems of prevention, referral and aftercare.

This goal can be achieved by mobilizing the community's own recovery potential and is broken down into the following objectives:

- Research of the community's past experiences of survivorship, identification of historical and present culturally-bound, community, family and individual strengths and coping skills, the hopes and the vision for the future;
- Strengthening the community's role in recovery by promoting its ownership, leadership, and responsibility for the well-being of its members;
- Active engagement in the recovery tasks through available support systems, community leaders, local specialists, and cadres;
- When possible and beneficial, collaborating with government and public health organizations, spiritual leaders, and traditional healers;
- Empowering, encouraging, and fostering compassion, care, and mutual support in the community;
- De-stigmatizing people with mental health problems. This involves educating the community and health care providers and challenging misconceptions (such as

myths about their perceived dangerousness, contagiousness of epilepsy and blaming people and their families for mental health problems);

- Increasing the psychological competencies in the community by training of local cadres;
- Designing a program that includes a strategy and plan for program termination to ensure the sustainability of the recovery process and reduce dependence and reliance on NGOs.

The objective can be achieved through:

- Concurrent multi-level psycho-education and skills-building to achieve practice consistency across the system. Different training modules can be developed for:
 - Officials and other community leaders;
 - Specialists and para-specialists: teachers, nurses and other direct health care and outreach workers;
 - Supervisors and peer volunteers;
 - Community members;
- A varied training curriculum primarily focused on psychological recovery, compassionate trauma-informed care, and recognizing and supporting persons with severe trauma or serious mental illness. The training should also be designed in a way that allows trainees to challenge the misconceptions and prejudices and further disseminate this knowledge to the public;
- Initial organizational support and promotion of grass-root initiatives contributing to the development of supportive community, such as:
 - General support groups, that offer a forum for regular meetings to network, discuss current issues, and share solutions, resources, and supports. In communities where such meetings have been traditionally employed to problem solve, the additional value is the psycho-education geared toward self-help and inclusion of persons with special needs and their family;
 - Focused support groups for victims of gender-based violence, persons with mental health issues, severe depression and trauma, and epilepsy, facilitated or co-facilitated by trained peers. This also includes expressive arts groups for children;
 - Intermediate care for those with greater mental health needs, such as individual counseling, integrated primary health care, special programs, aftercare and community outreach;
- Follow up. While there is an expectation of independent sustainability in the functioning of support groups, the ongoing support, supervision and re-trainings for the peer volunteers is very important;
- The availability of psychiatric care and medications for persons with severe mental health issues, and awareness on the part of community members as to how and when to refer. This is an essential component – when there is no feasible access to psychiatric services, the community still needs be educated on the nature and causes of mental illness, trained on how to support persons with serious mental illness and their overwhelmed families, and how to manage immediate risks. It is also important to unassumingly and realistically evaluate existing practices from the harm-reduction

point of view: in the absence of antipsychotic medications, in some instances persons with psychotic disorders have been kept physically restrained to prevent them from wandering away and being raped or even killed.

Operational guidelines

Operational guidance determines the scope of services, and defines and prioritizes tasks. It suggests the best practices and standards, bringing consistency in the approaches. In order to achieve community-level systemic sustainable recovery-oriented changes, it is important to consider the following steps and modalities in the CBPR-based program design:

- Examine pre-disaster community social and psychological functioning, their strengths and shortfalls;
- Detect recreational activities effective for strengthening community identity and cohesion. In many communities sports serve this function;
- Research the cultural and communal history of hardship and survivorship;
- Analyze traditional and presently functioning systems of support, both formal and informal;
- Identify vulnerable groups in the community and assess community attitudes toward them and the available supports;
- Identify key community players and leaders and map their social interactions and hierarchy;
- Identify and train leaders and peers interested in volunteering and providing support for vulnerable or victimized persons;
- Educate the community and service providers on the nature and effects of trauma, depression, and mental illness, as well as their natural course, coping and recovery;
- Support them in promoting community mutual support, de-stigmatization, and sensitization to the needs of the vulnerable groups i.e., persons with serious trauma, mental illnesses and other disabilities.

Conclusion

In the community mental health, community-based and trauma-informed support systems are one of the most important factors shaping psychological recovery. Psychological recovery is understood as the process of change through which individuals strive to improve their own health and wellbeing, live a self-directed life, and achieve their full potential. The community mitigates the success of individual recovery, to a great extent. Complex emergencies target the very core of recovery potential, destabilizing or destroying the community's social and psychological infrastructure, in turn shattering the routine of daily functioning. They overwhelm community resilience and coping capacities and heighten systemic vulnerabilities, which has significant implications for psychological and social recovery.

The community-based psychological recovery approach (CBPR) views an individual's trauma recovery as a sustainable process of changes within community support systems that can enhance coping with current and future challenges. Exclusive focus on

individual survivors without systemic and substantial changes in community supports carries a high potential for re-traumatization as the de-humanization and stigmatization of victims continues. The capacity building and self-sustainability of community-based psychological supports are achieved by enforcing the role of the community, where the community assumes ownership and accepts leadership in recovery. The CBPR model facilitates, assists and enhances the community's natural recovery process by offering education, engagement, and empowerment, capacity building and ongoing support [10].

1. *Cherepanov E.* (2012) Personal communication.
2. *Cherepanov E.* (2012) Community-Based Psychological Recovery: Focus on the Community. ISTSS Conference. Los Angeles. Full Text Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/258048764_Community-Based_Psychological_Recovery_in_Complex_Emergencies_Focus_on_the_Community
3. *Cherepanov E.* (April 13–15, 2008). Undocumented refugees with serious mental illnesses // Center for Psychiatric Rehabilitation: From Innovation to Practice.
4. *Cherepanov E.* (November 2011). Psychological impact of radio-nuclear disasters. Traumatic Stress Points. Publication of ISTSS. P. 3–4. Retrieved from: <http://www.istss.org/AM/Template.cfm?Section=TraumaticStressPoints1&Template=/CM/ContentDisplay.cfm&ContentID=4170>
5. *Cherepanov E.* Personal communication May 2013
6. *Cherepanov E., Ryan M.* (1996). Training of auxiliary mental health workers // The Frontline Counselor. Official Publications of the International Association of Trauma Counseling. P. 3.
7. *Deegan P. E.* (2005). Recovery as a journey of the heart. In L. Davidson, C Harding & L Spaniol (Eds.), Recovery from severe mental illnesses: Research Evidence and Implications, Center for Psychiatric Rehabilitation, Boston University : Boston MA. P. 57–68.
8. *Jong K. de* (1998). Mental health. Overview. Doctors without Borders Newsletter. Retrieved from <http://www.doctorswithoutborders.org/news/issue.cfm?id=2399>
9. *Jong K. de, Kleber R. J.* (2001). Early psychosocial interventions for war-affected populations. In Orner, R., & Schnyder, U. (Eds.), Early interventions. Oxford : Oxford University.
10. *Pearson A., Cherepanov E.* (2012) Building a disaster behavioral health response to a radiological nuclear disaster // JOURNAL OF EMERGENCY MANAGEMENT 11/2012; 10(6):413–424.
11. SAMHSA. National consensus statement on mental health recovery USA, 2004. Retrieved from <http://store.samhsa.gov/shin/content/SMA05-4129/SMA05-4129.pdf>
12. *Summerfield D.* (1999). A critique of seven assumptions behind psychological trauma programs in war-affected areas. Social Science and Medicine, 48, 1449–1462.
13. *Wisner B., Adams J.* (Eds.) (2002). Environmental health in emergencies and disasters: a practical guide. WHO: Geneva. Retrieved from (http://www.who.int/water_sanitation_health/hygiene/emergencies/em2002intro.pdf)

Рукопись поступила в редакцию 11 августа 2014 г.

Е. Черепанов

РЕСУРС СООБЩЕСТВА (МИКРОСОЦИУМА) В ДЕЛЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

В статье рассматривается роль микросоциума в процессе поддержания психологического благополучия конкретной личности, пережившей экстремальное или кризисное состояние. Автор анализирует элементы структуры общества, влияющие на психологическое восстановление после психотравм различного вида, и концентрирует их в модели (CBPR — the community-based psychological recovery approach), концептом которой является тезис о том, что человек может справиться практически с чем угодно, если есть соответствующие средства индивидуальной и общинной поддержки.

Ключевые слова: сообщество, психическое здоровье, сложные чрезвычайные ситуации, психологическая реабилитация, массовые травмы, восстановительный потенциал социума, кризисное состояние личности.

За последние десятилетия многие международные агентства по оказанию помощи пришли к пониманию важности психического здоровья. Количество людей с признаками психологического и психического неблагополучия, вызванного различного рода чрезвычайными и кризисными ситуациями, постоянно увеличивается. Гуманитарный ландшафт меняется и влечет за собой изменение подходов в оказании психологической помощи населению. Одной из современных тенденций в этом проблемном поле является переход от системы традиционного лечения к разработке и исследованию иных подходов, в том числе основанных на оптимизации ресурса сообщества.

Большинство травматических реакций не являются патологическими. Однако последствия, которые они влекут за собой, могут сильно осложнять жизнь. Это поведенческие изменения, серьезные проблемы со сном, тревожность, депрессия, галлюцинации, навязчивые воспоминания, сверхбдительность, увеличение неконтролируемого гнева и насилия, всплеск психосоматических жалоб и, как следствие, рост наркомании, насилия и самоубийств.

Модель CBPR (**the community-based psychological recovery approach**), концептом которой является тезис о том, что человек может справиться практически с чем угодно, если есть соответствующие средства индивидуальной и общинной поддержки, является одним из актуальных психологических подходов, направленных на решение вышеупомянутой проблемы.

Она может стать по-настоящему рабочей в случае, если психологам удастся построить эффективные каналы коммуникации с тем или иным сообществом, члены которого нуждаются в помощи специалистов. Опытом такой работы располагают сотрудники организации «Врачи без границ», их силами этот проект был реализован в Либерии и Кот-д'Ивуаре, переживавшим в разное время стихийные бедствия и глобальные социально-политические катаклизмы. В этих странах были реализованы мероприятия, нацеленные на повышение психологической компетентности населения путем вовлечения местного

сообщества лидеров, обучения медицинских работников, выявления наиболее подходящего формата для общения и т. д.

Зрелые сообщества, имеющие прошлый массовый травматический опыт, социальные и логистические ресурсы, устойчивые культурные традиции (например, похоронные ритуалы, традиции горевания), как правило, более «упруго», эффективно хранят своих членов. С одной стороны, это очевидно, а с другой, на сегодня в научной плоскости нет четких критериев эффективности данной модели, поскольку до конца не определено, что же собой представляет функциональная общность. В свою очередь, глобализация и повсеместный мультикультурализм усложняют эту задачу, сбивая устоявшиеся формы поведения общины, на которые можно опереться при анализе ресурса сообщества в деле психического восстановления его членов.

Однако полевая работа и многолетние наблюдения, проведенные в различных «горячих точках мира», позволяют обозначить алгоритм действий, необходимых для оптимизации ресурса сообщества. Прежде всего это изучение прошлого опыта выживания общины, ее история, опора на лидеров, сотрудничество с государственными и общественными организациями в области здравоохранения, духовных лидеров и народных целителей, поощрение и воспитание сострадания, заботы и взаимной поддержки в обществе, повышение психологической компетенции, обучение местных кадров. Отдельного акцента в этом перечне требует разработка специальной программы, которая включает в себя факторы обеспечения устойчивости процесса восстановления и уменьшение зависимости от психологов-волонтеров из различных некоммерческих организаций.

Таким образом, инфраструктура общины может стать сильнейшим восстановительным ресурсом для каждого конкретного человека, пострадавшего в той или иной чрезвычайной ситуации. Модель **CBPR (the community-based psychological recovery approach)** позволяет комплексно рассматривать эти ресурсы; принципы, заложенные в ней, усиливают естественный процесс восстановления общины посредством образования ее членов, расширения прав и возможностей на основе постоянной взаимной поддержки.

КОНФЕРЕНЦИЯ

«СТЫКИ МОДЕРНОСТИ: МОРАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ»

УДК 77.03 + 17 + 316.7

Берт ван ден Бринк

БОРЬБА ЗА ЗРИМОЕ ПРИСУТВИЕ: О МОРАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ

В статье представлены особенности политико-философского подхода, предлагаемого для исследования вопросов справедливости в документальной фотографии, которая, зримо предъявляя нам социальные проблемы и конфликты, пронизывающие современное общество, производит на нас сильное морально-эстетическое воздействие. С опорой на разработанную А. Хоннетом концепцию признания доказывается, что документальные фотографии дают нам такой тип зрительного доступа к социальным проблемам, который высвечивает конфликт и одновременно с этим выявляет спорность принятых в обществе социальных ожиданий, регулируемых стандартами признания и отвержения тех или иных идентичностей социальных акторов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: теория признания, А. Хоннет, документальная фотография, визуальность, справедливость, социальный конфликт, морально-эстетическое воздействие.

1. От Литтл Рок к документальной фотографии

К философскому анализу документальной фотографии мой интерес возник после прочтения книги Даниэль Аллен «Разговоры с незнакомцами» (2004) [1]. Две первые главы книги посвящены известным фотографиям, сделанным Уиллом Каунтсом, на которых запечатлена неудачная попытка Элизабет Экфорд приступить 4 сентября 1957 г. к занятиям в школе Сентрал Хай, расположенной в городе Литтл Рок штата Арканзас. Элизабет Экфорд — американка африканских корней, которая в соответствии с решением Верховного суда от 1954 г., признавшего незаконной сегрегацию в школе, и после новых законов, принятых в 1957 г. Конгрессом, решила воспользоваться своим законным правом учиться в школе. Но, как пишет Аллен, Элизабет «не смогла войти в школу из-за толпы горожан, требовавших ее линчевания». Одна из этих фотографий разошлась особенно широко. На ней мы видим Элизабет, преследуемую группой учеников и их

родителей, одна из учениц явно оскорбляет ее. Мы видим Элизабет, только что не допущенную в школу солдатами Национальной гвардии Арканзаса, преследуемую по пятам и осыпаемую бранью ученицей той же школы Хейзел Брайант. Элизабет возвращается на автобусную остановку¹. На первой фотографии² резким контрастом к опечаленной, но сохраняющей достоинство чернокожей девушке выступает перекошенное ненавистью лицо ее белой гонительницы. На втором фото особенно символично выглядит дорожный знак «СТОП».

Аллен также отмечает резко разграниченное пространство той ситуации, что изображена на фото. По воле толпы разгневанных родителей и учеников Элизабет находится именно там, где и заслуживает: под знаком «Стоп», на автобусной остановке, откуда ей полагается убраться с территории школы. Толпа окружает скамью, на которой сидит Элизабет, но держится на расстоянии. В пространстве же между толпой и скамьей расположились репортеры, белые, делающие заметки. Толпа им это позволяет, поскольку, по всей вероятности, не видит в них опасности. Как и в фотографии, сделавшем эти снимки, Уилле Каунтсе, белом местном фотожурналисте, бывшем ученике школы Централ Хай, работающем в местной газете «Арканзасский демократ». Не все присутствующие журналисты получили такую возможность: на третьем фото Каунтса белые мужчины нападают на чернокожего репортера Алекса Уилсона³.

В двух первых главах своей книги Аллен анализирует фотографии изгнания Элизабет Экфорд из школы и раскрывает силу этих фотографий, предьявляющих нам «жесткую структуру публичного пространства» и содержащиеся в ней моральные установки «принятия и отвержения». Аллен обнаруживает в изображениях «моральную грамматику социальных ситуаций», грамматику, т. е. совокупность структурных социальных ролей и ожиданий, зримо разделяющую общество на два класса граждан, которые Аллен распознает в отображенной жесткой структуре публичного пространства: один класс господствует, другой — вынужден смириться. В этой статье я обращаюсь к анализу моральной грамматики фотожурналистики и документальной фотографии, однако вижу свою задачу не в том, чтобы, используя фотографии социальных отношений, сделать философские выводы об обществе или предложить свою теорию фотографии; а в том, чтобы исследовать те морально-эстетические механизмы документальной фотографии социальных конфликтов, которые позволяют им задевать нас за живое.

Мой тезис заключается в том, что документальные фотографии дают нам такой *тип зрительного доступа* к социальным проблемам, который одновременно ставит под вопрос принятые в обществе социальные ожидания. Этот тип зрительного доступа связан с одним особенным эстетическим регистром — очевидным предьявлением проблематики справедливости. Хотя предьявление таких вопросов зрительными средствами является предметом эстетики, сами вопросы справедливости и нравственной жизни не могут быть объяснены в рамках эстетики. Я предлагаю осмыслить их с позиций теории признания,

¹ См.: <http://photos1.blogger.com/blogger/3454/1639/1600/LittleRock.57.Counts21.jpg>

² См.: <http://webapp1.dlib.indiana.edu/archivesphotos/results/item.do?itemId=P0026600>

³ <http://webapp1.dlib.indiana.edu/archivesphotos/results/item.do?itemId=P0026619> и здесь <http://www.nieman.harvard.edu/reports/article/100233/The-Civil-Rights-Struggle-and-the-Press.aspx>

которая исследует зависимость людей в формировании их личности — развитии их уверенности в себе, самоуважения и самооценки — от отношений любви, уважения и одобрения со стороны других. Для развития ценностного измерения в эстетике (*normative aesthetics*) фотографии это направление представляется многообещающим не столько потому, что теория признания является мощным инструментом для понимания вопросов справедливости, сколько потому, что в отличие от других аналитических категорий, применяемых к изучению справедливости — распределение, двусторонность, — признание больше связано со зрительным опытом. Я постараюсь показать, что и ценностная, и эстетическая грамматика документальной и журналистской фотографии могут быть осмыслены как грамматики признания.

К такому выводу я намереваюсь вас привести, но в то же время, я оговорюсь, мой вывод никоим образом не исключает другие возможные подходы. Как бы ни был плодотворен поиск социальной или эстетической грамматики человеческих взаимоотношений, в этом предприятии содержится ряд опасностей, на которые я надеюсь обратить ваше внимание. Опасность я связываю с неспособностью увидеть другие возможные грамматики оценивания и осмысления правил наших взаимоотношений. Несмотря на то что есть много преимуществ в интерпретации фотографии из Литтл Рок через призму моральной (*normative*) и эстетической грамматики признания и непризнания, в ней задействованы и другие грамматики. Мы могли бы, например, проанализировать эти фотографии и представленные в них ситуации через призму грамматики композиционных и технических правил черно-белой документальной фотографии. Подчеркну еще раз: как бы ни был плодотворен анализ социального конфликта, выявляющий конкретную грамматику, которая структурирует отображенную ситуацию или ее восприятие, мы не можем позволить себе игнорировать возможность взглянуть на эти ситуации под другим углом. Так, ограничивая себя предписаниями официальной грамматики национального языка, мы лишаем себя возможности оценить достоинства многих великих произведений поэзии, написанных на этом языке, а считая лишь одну грамматику основной для понимания социальных отношений, теории часто оказываются неспособны увидеть ограниченность своего анализа.

2. К идее моральной грамматики

В основе предлагаемого мною анализа лежит социальная философия признания. Наиболее известной она стала благодаря работам Акселя Хоннета, в частности его уже ставшей классической «Борьбе за признание» с подзаголовком «Моральная грамматика социальных конфликтов» [4]. Важно разъяснить, что же Хоннет понимает под «моральной грамматикой», поскольку сам он работает в рамках многообразной и богатой традиции философии признания, начало которой положил Гегель, а Хабермас в своих работах продолжил. Становление автономной индивидуальности предполагает формирование уверенности в себе, самоуважения и самооценки, т. е. трех типов практического отношения к себе как к личности, заслуживающей доверия, уважения и одобрения со стороны других. Отношение других к индивиду как к достойному доверия, уважения и одобрения

Хоннет и называет обобщенно признанием. Следовательно, самореализация в качестве автономной индивидуальности зависит от этих отношений признания. Поскольку все люди, в детстве особенно (**но также и будучи уже взрослыми**), зависимы в этом смысле от других, то взаимная забота и сотрудничество являются важнейшими аспектами отношений признания.

Здесь перед нами открывается институциональное измерение теории признания. Семейные и дружеские связи, система образования, нравственность, право, политика, экономика, организации гражданского общества каждое по-своему играет роль в поддержании или разрушении отношений взаимного признания, которые, в свою очередь, обеспечивают самореализацию индивидов. Как мы понимаем, ни эти институты, ни самопонимание индивидов не являются исторически неизменными. Действительно, в рамках данных институтов идет борьба за признание не только конкретных индивидуальных и групповых достижений, претендующих на уважение и одобрение, — в перечисленных институтах также устанавливаются и оспариваются критерии признания. Признание кого-то в качестве хорошего сына, дочери, родителя, судьи, прокурора, гражданина, работника, профессора, студента, политического лидера, художника и так далее подвержено историческим изменениям. И эти изменения, успехи или поражения борющихся за признание индивидов, как утверждает Хоннет, отражены в институтах, в писаных и неписаных правилах взаимного признания.

По мнению Хоннета, можно реконструировать моральную грамматику, структурирующую социальные конфликты и споры о легитимности закрепленных в конкретных институтах стандартов ожиданий и оценивания социальных акторов. К сожалению, Хоннет не раскрывает, что здесь, собственно, есть грамматика. В лингвистике под грамматикой понимается совокупность структурных правил, регулирующих построение предложений, фраз и слов в естественном языке. *Моральная* грамматика социальных конфликтов тогда может быть определена как совокупность структурных правил, регулирующих социальную борьбу за закрепление и легитимацию стандартов признания, т. е. социальных ожиданий и критериев оценивания акторов в конкретной социальной ситуации. Подобно различению в лингвистике описательной и предписывающей грамматики, моральная грамматика социальных конфликтов может быть дескриптивной и прескриптивной. Рационально реконструируя нравственные цели имевших место социальных конфликтов в виде неких структурных правил и схем, мы занимаемся описанием; ценностно осмысляя моральную легитимность этих нравственных целей, мы вступаем в сферу желательного и предписываемого с наших собственных моральных позиций.

Как уже сказано, *моральную* грамматику социальных конфликтов следует понимать как *совокупность структурных правил, регулирующих* социальную борьбу за *закрепление или оспаривание* неких стандартов взаимного признания, за легитимацию взаимных ожиданий акторов в конкретной социальной ситуации. Хоннет утверждает, что структура отношений признания *регулирует* наше трехмерное социальное бытие: в *первичных* — семейных и дружеских — *отношениях*, в *легальных отношениях* в системе права и морали, в *хозяйственных отношениях* (communal relations), т. е. в отношениях сотрудничества

в экономическом и социальном сообществе. Этот троичный строй социального мира стал результатом рационального процесса дифференциации современных жизненных миров в функциональные социальные системы. Обычно, хотя и не всегда, именно наше функционирование в рамках этих социальных систем обуславливает практическое отношение к себе и самопонимание личности. Формы неуважения⁴, такие как насилие, попрание прав, унижение, разрушают личность и могут вызвать сопротивление, побудить человека вступить в борьбу за признание, которая в современном мире в ходе истории приобрела определенное направление: универсализация и деформализация легальных и моральных прав, индивидуализация и уравнивание в моральных сообществах (*communities of value*), например экономических или культурных. Хоннет изменил свое прежнее мнение об отсутствии такой направленности в первичных отношениях, он ныне полагает, что в них также есть некая историческая тенденция: социально обусловленная индивидуализация в первичных отношениях нашей эпохи, вышедшей из культуры романтизма.

Моральная грамматика исходит из того, что основные структурные элементы личности и практическое отношение к себе зависят от взаимодействия с другими людьми, и в конфликтах социальных акторов за взаимное признание мы сможем выявить структуру современного общества. Выявляя значимость ценностных идеалов автономии и индивидуализации в современном обществе, мы оцениваем моральную легитимность соперничающих сторон в социальной борьбе по тому, насколько эти стороны способствуют большей реализации данных идеалов.

3. Сила документальной фотографии

Теперь, после прояснения теоретической основы моего рассмотрения — теории признания, следует сказать несколько слов о предмете — документальной фотографии.

3.1. Документальная фотография, обычно серия фотографий, освещающая некую социальную ситуацию, дает, во-первых, правдивое отображение реальности, которое, во-вторых, превосходит простое использование изображения в личных интересах. Таким образом, *carte de visite*, мгновенные фотографии (*snapshot*) и фотографии на документы исключаются из этой категории, но упомянутые типы фотографии могут быть сочтены историческим материалом, ибо такие фотографии являются документами и многие из них могут быть использованы с точки зрения их документальности. Однако это сложная проблема, в которую здесь нет смысла вдаваться.

Более привычный, обыденный смысл термина «документальная фотография», которого я и буду придерживаться, проистекает из главных установок сложившейся в двадцатом веке традиции документирования жизни современного общества посредством фотографирования. Документальная фотография отображает

⁴ *Missachtung* — немецкий термин, которым оперирует А. Хоннет, в английской академической литературе передается термином *Disrespect* — неуважение, однако встречается и перевод термина как *Misrecognition* — непризнание, ошибочное распознавание (*Прим. пер.*).

видимое и вызывает нравственную реакцию. Несмотря на различие в стилях и выборе материала, классики жанра — Якоб Риис, Льюис Хайн, Август Зандер, Уолкер Эванс, Доротея Ланж, Роберт Франк, Юджин Смит, Сюзан Мейселас, Себастьяно Сальгадо, Джоел Стернфелд, Мэри Эллен Марк и многие другие — следуют той задаче общественно значимой документальной фотографии, которую удачно сформулировал Льюис Хайн более века назад: «Для того чтобы сделать видимыми темные закоулки общественной жизни, необходим свет, но куда его направить и каким образом представить материал в кадре, зависит от творческих решений, именно они стали главным признаком такого типа фотографии, который способен одновременно информировать и задевать зрителя за живое» [6, 341].

Задача фотографии, обозначенная Хайном таким образом, содержит целый набор понятий и образов, имеющих свою собственную историю: «освещать тьму» — классическая метафора для привлечения общественного внимания к социальным проблемам, метафора эпохи Просвещения. Документальная фотография глубоко связана с социальной критикой, ибо она информирует, пробуждая чувства публики, и публика начинает осознавать и обсуждать вопросы общественной значимости, достигая некой зрелости в разрешении социальных проблем. Талант фотографа выражается в том, чтобы увидеть скрытое, незамеченное и предъявить его в эстетически завораживающей фотографии; цель фотографа заключается в том, чтобы одновременно информировать и пробуждать публику. В социальной документальной фотографии цели фотографа, стремящегося информировать и пробуждать публику, и творческий талант фотографа, выраженный в выборе предмета, способа и стиля съемки, сливаются в то, что можно назвать морально-эстетическим подходом к жизни современного общества. Информирование и пробуждение зрителя возможно благодаря тем чувствам, что вызывает фотография. Помещая в границы кадра зрительный образ некой социальной ситуации и представляя фотографии в прессе, научных или художественных институциях, документалист захватывает внимание зрителя, который раскрывается для особенного морально-эстетического переживания, производимого фотографией.

3.2. В дискуссиях о фотографии моральное измерение часто отделяется от эстетического. Действительно, критики говорят, что документальные фотографии не способны прояснить нам общественные причины запечатленных ситуаций, а потому, очаровывая зрителя эстетическим переживанием, красотой и погружая в созерцание, деполитизируют то, что на самом деле является проблемами человеческой свободы и справедливости. И так, вступая в спор с Хайном, такие критики утверждают, что даже если фотограф-документалист нацелен на информирование и пробуждение публики и верит в освободительную ценность своей работы, его произведения скорее воспринимаются как прекрасные и возвышенные явления творчества, а не как явные морально-политические заявления.

На первый взгляд, судя по наиболее популярным в работах о фотографии цитатам, в качестве классиков такой критики чаще всего фигурируют Вальтер Беньямин и Сьюзен Сонтаг. В «Краткой истории фотографии» В. Беньямин высказал мнение, что фотография «может придать любой консервной банке вселенское значение, но не в состоянии постичь ни одну из человеческих связей,

в которых та существует» [3, 526]. Сходным образом, перефразируя Бертольда Брехта, он заявил: «Меньше, чем когда-либо ранее, простое отражение реальности открывает для нас саму реальность. Фотография заводов Круппа или АЕГ почти ничего не говорит нам об этих учреждениях» [Там же]. Эти и другие подобные цитаты Беньямина, Брехта и прочих критиков ранней документальной фотографии повторяются *ad nauseam* критиками и искусствоведами, неустанно порицающими несовершенства фотографии. Рассуждения о том, что самое интересное в фотографии — это отношения власти, остающиеся *за кадром*, не подающиеся съемке, стали на сегодня неотъемлемым клише в каждой интеллектуальной беседе о медиа.

Сьюзен Сонтаг, как и Беньямин, высказывала такие претензии не для того, чтобы отбросить медиа, но чтобы понять, что можно, а чего нельзя достичь, используя медиа, а точнее, выяснить, в чем подлинная сила фотографии. Сонтаг дает великолепный ответ на этот вопрос: «Настоящая мудрость фотоизображения состоит в том, что нам говорится: “вот плоскость, теперь думай или, точнее, почувствуй, проникни вглубь, какой должна быть реальность, если она так выглядит”. Фотографии, ничего не объясняя, дают нам неистощимый источник для выводов, догадок, домыслов... Сама немота того, что мы можем предположительно разгадать в фотографии, захватывает и провоцирует нас» [7, 17].

Здесь перед нами предстает иной взгляд на фотографию, отличный от предложенного Льюисом Хайном. Хайн подчеркивает цели и технику фотографа, стремящегося информировать и пробуждать зрителя. Сонтаг скорее подходит к фотографии как к независимому документу, привлекающему внимание зрителя, провоцирующему и заставляющему задуматься о том, что изображено. Если Хайн, как фотограф, на первый план ставит *творчество и воображение фотографа*, то Сонтаг, как критик, подчеркивает *творчество и воображение зрителя*. Будучи морально-эстетическим документом, хорошая фотография является «посланием в бутылке», которое позволяет ее создателю и адресату вступить в общение и вместе обдумать нравственный смысл изображенной социальной ситуации. От зрителя документальной фотографии ожидается морально-эстетическая реакция на фотографию, пробуждение чувств и сознания. Такая реакция может быть результатом шока, произведенного фотографией, но чаще морально-эстетическая реакция определяется контекстом, в который помещена фотография: сопровождающими ее текстами или демонстрирующими ее институциями.

Вернемся к фотографиям Уилла Каунтса из Литтл Рок и посмотрим, являются ли они документами, имеющими сильное морально-эстетическое воздействие на зрителя. Будучи фотожурналистом, а не свободным фотохудожником-документалистом, Каунтс, возможно, имел преимущество, поскольку в отличие от классиков жанра его фотографии не были технически выполнены столь высокохудожественно и поданы как произведения искусства: они впервые появились в газетах, сопровождаемые текстом, и соответственно вне эстетизирующего контекста. Фотографии были опубликованы в «Арканзасском демократе» и были перепечатаны крупными национальными новостными компаниями, которые увидели, что в ситуации неугасающей борьбы против расизма за гражданские права они смогут задеть за живое простых граждан. Каунтс,

возможно, и не был признанным мастером жанра, но выказал замечательный талант, когда предъявил своим хорошо информированным, но политически разделенным зрителям картину тех общественных отношений, которые стали причиной борьбы.

Как указывает Д. Аллен в первой главе своей книги, некоторые фотографии поражают тем, насколько изображенные на них пространственные разделения легкопереносимы на социальные противостояния. Такой зрительный доступ к социальному миру своего времени производил сильнейший морально-эстетический эффект. Эти фотографии делали зримыми глубокий социальный конфликт и противостояние сторон в споре о том, что подразумевается под гражданством в обществе. Более того, они смогли показать, что одна из сторон является морально неправой и потерявшей связь с освободительными настроениями эпохи, а другая — обладает человеческим достоинством и стремится к образованию ради будущего, в котором не будет расовой сегрегации. Этого оказалось достаточно для некоторых зрителей, чтобы выбрать свою сторону в этом конфликте. Сила фотографий обуславливается тем типом зрительного доступа, который они способны дать благодаря умению и творческим решениям фотографа, но также воздействие фотографий обеспечивается тем институциональным или общественным контекстом, в котором они предстают перед зрителем. В результате производится сильный морально-эстетический эффект, который иммунен к эстетизации.

Однако так происходит не со всякой документальной фотографией. Обратимся к другому примеру — знаменитой фотографии Себастьяно Сальгадо «Голодающий ребенок в поисках еды. Район бывшего озера Фагибин, Мали, 1985»⁵. Фотография прекрасна, ее форма очаровывает, но ужасает своим содержанием, она вызывает к нам, требуя помочь ребенку и выяснить, что же стало причиной столь бедственного его положения. Свет, композиция, тона, глубина перспективы, все выполнено в совершенстве, чтобы представить нам голодающего ребенка, ищущего еду. Эта фотография — подлинный шедевр, явное произведение мастера. Именно за эстетизацию человеческого страдания некоторые критики и обрушились на работы Сальгадо. Вкратце, о его работах говорят, что они настолько прекрасны и совершенны по исполнению, что зрители скорее восхищаются ими благодаря их художественным достоинствам, чем задумываются о причинах изображенного человеческого страдания и его социальной обусловленности. Художественные достоинства и гипнотизирующая красота произведений Сальгадо подрывает их морально-эстетическое воздействие. С другой стороны, критики утверждают, что даже в той мере, в какой его работы обладают морально-эстетической силой, они подчеркивают скорее достоинство, проявляемое личностью в страдании, чем социальные условия, порождающие несправедливость. Итак, можно сказать, что работы Сальгадо облагораживают, эстетизируют, превращают в естественную неизбежность и тем самым деполитизируют страдания людей во время

⁵ См.: <http://cmdaleyphoto.files.wordpress.com/2013/03/imgsebastiacc83o-salgado1.jpg>; См. также: www.amazonasimages.com

голода, который можно было предотвратить или облегчить вмешательством неравнодушных людей.

Здесь я не намерен обсуждать этическую составляющую работ Сальгадо, но дискуссии, которые ее сопровождают, показательны для оценки эстетической динамики его стиля: образы Сальгадо выталкивают нас из повседневности и некой данности изображенного на фотографии благодаря тому, что различные эстетические регистры — прекрасного, возвышенного, нравственного, общественно-политического — сталкиваются в борьбе за преобладание в нашей интерпретации и оценке этих образов. Именно столкновение эстетических регистров делает эти фотографии произведениями искусства, а не фотожурналистикой. Будучи искусством, они заставляют нас задуматься о том, насколько по-разному можно видеть страдание, изображенное на одной и той же фотографии. С другой стороны, будучи также документальной фотографией, такие фотографии скорее передают боль и отчаяние, чем указывают на структурную обусловленность социальных проблем вне кадра. Другими словами, они повергают нас в состояние неспособности выявить причины той боли и отчаяния, что мы видим.

3.3. Существенная разница между фотографиями Каунтса и Сальгадо в том, что первый показывает нам всепроникающую роль правил взаимного признания, ожиданий и реакций акторов в социальном взаимодействии. В контексте конфликта за гражданские права он предъявляет зрителю борьбу за применимость формальных и неформальных правил взаимодействия ко всем, кто изображен на фото, и, в своем изначальном контексте, поскольку опубликован в массовой прессе, ко всем зрителям. Эти фотографии помогли сторонникам демократии представить их дело с большей убедительностью и ясностью. Можно утверждать, что это и есть одна из задач жанра документальной фотографии.

Принимая во внимание вездесущность визуального в культуре, в особенности документальной фотографии и фильмов, можно было бы ожидать, что множество исследований будет посвящено изучению функционирования ценностей в документальной фотографии (*normative theory of documentary photography*), подобно работам по теории справедливости, теории демократии, теории мультикультурализма, теории глобализации, теории прав человека. Возможно, из-за того, что я работаю в области практической философии, а не культурологии и искусствоведения, я не знаком с достойными исследованиями по этой теме. Важным исключением можно считать «Гражданский договор фотографии» («*Civil Contract of Photography*») Ариэллы Азулай [2]. А. Азулай разрабатывает радикальную теорию гражданства, независимого в своем основании от государственного суверенитета, где фотография рассматривается как один из способов подвергнуть сомнению и расшатать дисциплинирующую силу суверенной власти. По моему мнению, идея общественного долга — по модели «гражданского договора» — фотографии, которая должна бороться с государством за свободу, слишком радикальна, чтобы содействовать моим целям в осмыслении механизмов одновременного информирования и морально-эстетического пробуждения в документальной фотографии. Это связано прежде всего с тем, что Азулай сосредоточена на фотографии, существующей в условиях кризиса

и делегитимации государства. Ее подход теряет убедительность, когда во внимание принимаются концепции государства, гражданства, публичной сферы в менее делегитимированных политических режимах.

Я полагаю, что начинать социальную философию ценностного измерения документальной фотографии следует с менее политизированного подхода к социальным отношениям. Моральная грамматика документальной фотографии охватывает отношения, часто довольно сложные, между фотографом, предметом фотографии и зрителем. И я утверждаю, что здесь имеет место отношение признания. Будучи формой взаимозависимости в социальных отношениях, признание, можно сказать, есть бытие *ego* в восприятии *alter*, и наоборот. Согласно наиболее влиятельному и систематичному исследователю признания, А. Хоннету, теория признания исходит из установки, что в центре социальных отношений лежит эмпатическая связь между индивидами в качестве взаимозависимых, нуждающихся друг в друге субъектов, которые могут лично развиваться только при условии непрекращающейся поддержки конкретных окружающих и обобщенного другого, т. е. в институционализированных формах, вследствие базовых человеческих потребностей в любви, сочувствии, уважении и одобрении. Также из этой установки следует, что при системно обусловленном отсутствии эмпатической и поддерживающей связи с другими через любовь, сочувствие, уважение и одобрение развивается патологическое практическое отношение к себе и другим, искаженное самопонимание, ведущее к неспособности стать автономной личностью.

Если эту главную идею применить к документальной фотографии, мы неизбежно придем к выводу, что в качестве морально-эстетической практики документальная фотография предполагает эмпатию, сопереживание представленным на фотографиях людям в их зависимости и нужде в других и нацелена на то, чтобы выявить такую зависимость и сделать ее видимой. Нужда в других и зависимость от них могут здесь рассматриваться с двух сторон. Во-первых, как конкретные социальные нужды и насущная зависимость изображенных людей от признания другими, например зависимость Элизабет Экфорд или ребенка из Мали от признания другими. Хороший фотограф-документалист знает, как «считать» моральную грамматику ситуации, опознает такую зависимость от других, когда видит ее. Во-вторых, можно говорить о зависимости фотографируемого от фотографа, который способен сделать проблемную ситуацию зримой и тем самым обладает некой властью по отношению к своему предмету. Эти связи еще более усложняются с появлением зрителя. В той мере, в какой зритель реагирует на морально-эстетические вопросы изображенной на фотографии жизни, он также «входит в кадр» благодаря сопереживанию зримым или обнаруживаемым на фото нужде и зависимости от других.

Когда я говорил о том, что фотография обладает морально-эстетической силой, способной объединить фотографа, фотографируемого и зрителя, то здесь я подразумевал совместное сопереживание, возникающее в результате того, что изображенная ситуация активизирует наш опыт социальных отношений и пробуждает понимание чувств, испытываемых представленными в этих ситуациях людьми.

Фотографии Каунтса пробуждают в нас сопереживание несправедливо исключенным и подвергнутым насилию; работы Сальгадо раскрывают перед нами нужду и зависимость изображенного ребенка, возможно, приводят нас в отчаяние и смущение оттого, что мы не ведаем, как это можно исправить. Мы ранее пришли к выводу, что хорошая документальная фотография поражает нас благодаря как тому зрительному доступу, раскрывающему для нас некую общественную проблему, так и тому институциональному или общественному контексту, в котором этот конфликт осмысливается. Но этого недостаточно. Морально-эстетическая сила документальной фотографии проистекает из сопереживания фотографа и/или зрителя изображенным людям, обретающимся в трагических обстоятельствах, и осознания социальных отношений, эти обстоятельства порождающих. Без такого сопереживания фотография может восприниматься как прекрасная или уродливая, захватывающая или скучная, но не как общественно или этически значимая. Без такого сопереживания фотографии Каунтса не очень интересны, тогда как работы Сальгадо — подлинные шедевры черно-белой фотографии. Без такого сопереживания фотограф будет оставаться в лучшем случае художником, а социологический контекст фотографии останется вне поля зрения.

В принципе, сильные документальные фотографии вполне могут рассматриваться независимо от морально-эстетического подхода, исследующего фотографически структуры социальных отношений. Вуайеризм, поиск прекрасного, патологическая одержимость визуализировать страдание, даже бюрократическая задача администрирования и управления или просто денежный интерес могут стоять за съемкой великих документальных фотографий. Но и такие фотографии могут стать документами с морально-эстетическим смыслом благодаря эмпатическому сопереживанию зрителя тем, кто изображен в ситуации несправедливости. Известными примерами могут послужить фотографии заключенных из сталинской России [5] и кхмерской тюрьмы Тул Сленг⁶. Эти фотографии делались не из сопереживания судьбе врагов режима, которых ждали пытки и казнь. Но мы не можем смотреть на эти фотографии иначе, нежели сопереживая жертвам чудовищных режимов и признавая их человечность и достоинство, возможно, даже задаваясь вопросами о несправедливости общественной ситуации того времени. Именно поэтому я ранее заявил, что отношение признания между фотографом, фотографируемым и зрителем часто бывает сложным, неожиданным. Не обязательно должно присутствовать полное трехстороннее отношение взаимного признания для того, чтобы произвести моральный эффект.

3.4. Может показаться, что предшествовавшие размышления противоречат моему тезису о том, что моральная грамматика есть грамматика признания. Признание является симметричным (reciprocal) отношением. Уилл Каунтс фотографирует (takes photos) Элизабет Экфорд, но можно ли сказать, что она ему это позволяет (gives him hers)? Сальгадо делает снимки мальчика из Мали, но можно ли говорить о том, что тот ему в этом помогает? Маловероятно, что арестованные ожидали сочувствия от тех, кто фотографировал неугодных

⁶ См.: <http://photos1.blogger.com/blogger/3454/1639/1600/LittleRock.57.Counts21.jpg>

Сталину, и тех, кто делал снимки ожидающих смерти узников в Тул Сленг, или что их тюремщики испытывали к ним сочувствие во время фотографирования.

Неверно искать симметрии и взаимности в отношениях признания непосредственно на уровне контакта фотографа и фотографируемого. В той мере, в какой взаимность здесь играет роль, она проявляется в восприятии зрителя, задающего вопрос об отношениях признания на следующем уровне абстракции (*meta-recognitive*): какие отношения неуважения (*misrecognition*), какие асимметричные стандарты ожиданий сработали в изображенных ситуациях и в тех ситуациях, что стоят за ними? Чем обусловлены дискриминация, голод, подавление и уничтожение этих конкретных людей? Этот более абстрактный (*meta-recognitive*) вопрос о признании есть своего рода следствие того, что столь хорошо сформулировала Сонтаг: «Настоящая мудрость фотоизображения состоит в том, что нам говорится: “вот плоскость, теперь думай, или, точнее, прочувствуй, проникни вглубь, какой должна быть реальность, если она так выглядит”. Фотографии, сами ничего не объясняя, дают неистощимый источник для выводов, догадок, домыслов... Сама немота того, что гипотетически мы можем постичь в фотографии, захватывает и провоцирует нас» [7, 17]. Озадаченность вопросом о признании на более высоком уровне абстракции (*meta-recognitive*), т. е. вопросом об общественной обусловленности признания или о его отсутствии, и есть наш ответ на морально-эстетическую силу фотографии.

Я называю этот аспект документальной фотографии метарекогнитивным (*meta-recognitive*), поскольку в нем отражены ценностный статус и функция спорных или однозначно разрушительных стандартов признания, которые фотограф и/или зритель улавливают почти интуитивно в своем сопереживании. Далее, инстинктивный или физический шок от сопереживания, которое нас захватывает в образах с высокой выразительностью и которое побуждает нас задаться метарекогнитивными вопросами о причинах и условиях несправедливости, уступает дорогу моральному оцениванию причиненного зла и возможности его исправить. Итак, обнаружив сначала на уровне сопереживания, а затем на уровне метарекогнитивного (*meta-recognitive*) размышления, мы видим значимость признания третий раз уже на уровне теории справедливости, например, точнее, теории неприкосновенности личности. Мы завершаем анализ морально-эстетической практики первых двух уровней и обращаемся теперь к собственно философии.

Я полагаю, что на этом, третьем уровне теория признания менее важна, чем на двух, уже рассмотренных выше. Я бы не смог предложить более подходящего понятия для осмысления нашего сопереживания нужде или зависимости от других, чем концепт признания. На этом фоне то, что размышления о метарекогнитивных вопросах, касающихся справедливости и социальной обусловленности нашей жизни, могут пробудиться в результате морально-эстетического воздействия документальной фотографии, кажется вполне оправданным. Теория признания наиболее убедительна тогда, когда она сосредоточена на анализе личностно-центрированных моральных вопросов, личностной цельности и социального согласия (*integrity*), идентичности и ее формировании, общественном признании или, напротив, стигматизации в глазах других. Как показала Н. Фрейзер, как только моральные вопросы затрагивают системные характеристики общественной

жизни, которые менее связаны с идентичностью индивидов, понятие признания и теория признания существенно уступают другим теоретическим подходам.

Подводя итоги и говоря более привычным языком, можно сказать, что документальная фотография побуждает нас, во-первых, признать нужду в других и зависимость от них и, во-вторых, задаться вопросом о том, какие формы признания служат освобождению от зависимости, а какие формы неуважения, искаженного отношения к другим могут стать причиной патологических зависимостей. В-третьих, образы документальной фотографии побуждают к дальнейшему обдумыванию как моральных вопросов о сути справедливости и неизбежной зависимости нравственной жизни от социальных условий, так и их возможных теоретических и практических решений. **Документальные фотографии**, предъявляющие нам социальные конфликты и насилие, задевают нас, поскольку они запускают в нас эмпатическое сопереживание и озабоченность общественным миром и благополучием наиболее незащищенных и нуждающихся. Наилучшей аналитической теорией для понимания такой моральной грамматики, по моему мнению, является теория признания.

4. Борьба за зримое присутствие: к теории ценностей в документальной фотографии

Я изложил лишь пролегомены к более полной теории ценностей, которые мы можем исследовать благодаря документальной фотографии, именно ее я намереваюсь разрабатывать в дальнейшем. Она не будет ограничена трехсторонним отношением фотографа, фотографируемого и зрителя, но включит также институциональных акторов, например, пресс-агентства, сообщества фотографов, негосударственные организации, государства, политические партии и другие организации, которые глубоко заинтересованы в использовании фотографии в отображении социальных отношений. Такая теория потребовала бы обращения к интересным исследованиям в рамках истории и культурологии о том, что называют *Afterlife* или *Nachleben* (последующая жизнь. — *Прим. пер.*) документальной фотографии. Известность приобрели проекты изучения фотографий нацистских лагерей, врагов народа в сталинской России, фотографий узников в тюрьме красных кхмеров Тул Сленг и многие другие отображения жестокостей колониальных властей.

Теория ценностей в документальной фотографии, которая оперирует понятиями сопереживания людям, оказавшимся в несправедливых социальных обстоятельствах, и осознания зависимости людей от признания другими, могла бы содействовать философскому прояснению тех ценностных идеалов, которые часто являются идеалами гуманистическими, и раскрывать критический потенциал подобных фотографических проектов. Таким базовым ценностным идеалом, как я бы мог предположить, является в общем и целом идея уважения к личности; ирония заключается в том, что личность, чье достоинство действительно признано, уже не интересна для такого типа фотографии.

Перевод с английского А. С. Меньшикова

1. Allen D. Talking to Strangers: Anxieties of Citizenship since Brown v. Board of Education. Chicago, 2004.
2. Azoulay Ar. The Civil Contract of Photography. N. Y., 2008.
3. Benjamin W. Little History of Photography // Selected Writings. Boston, 1999. Vol. 2 : 1927–1934 (русский перевод: *Беньямин В.* Краткая история фотографии. М., 2013).
4. Honneth A. The Struggle for Recognition. The moral grammar of social conflicts. Boston, 1995.
5. King D. Ordinary Citizens: The Victims of Stalin. L., 2003.
6. Rosenblum N. World History of Photography. N. Y., 1997 (имеется электронная версия: URL: http://www.all-art.org/history658_photography8.html).
7. Sontag S. On Photography. N. Y., 2005 (русский перевод: *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013).

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2014 г.

УДК 177.9 + 172 + 316.752

А. А. Сычев

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРИЗНАНИЕ, УЧАСТИЕ*

Экологические риски («грязные» производства, захоронения токсичных отходов) сегодня концентрируются в районах проживания этнических меньшинств и людей с низким доходом. В этой связи актуальность приобретает проблема экологической справедливости, объединяющая вопросы социального равенства и охраны окружающей среды. В статье показывается, что ликвидация экологической несправедливости в рамках распределения благ является борьбой со следствиями. Предлагается бороться с причиной проблемы — структурной несправедливостью, обусловленной отсутствием признания.

Ключевые слова: экологическая справедливость, распределение, признание, участие, равенство.

В конце XX столетия в списке тем, вызывавших публичную озабоченность, на одно из первых мест выдвинулась проблема неравномерного распределения экологических благ и рисков среди различных групп населения. Реакцией общества на эту диспропорциональность стало формирование групп и организаций, провозгласивших в качестве своей основной цели борьбу за экологическую справедливость.

Движение сторонников экологической справедливости явилось духовным преемником двух наиболее влиятельных общественных движений XX столетия. Одним источником его идеологии стало природоохранное движение, ратующее за благоприятную окружающую среду, вторым — движение за социальную справедливость, выступающее против дискриминации по расовым, этническим, половым, классовым и прочим подобным признакам. До определенного времени

* Статья написана при поддержке РГНФ и Правительства РФ, грант № 14-13-13009а(р).

казалось, что два этих движения если и не противоположны друг другу, то по крайней мере имеют немного точек соприкосновения. Считалось само собой разумеющимся, что в ходе принятия стратегических решений о развитии природозащитники и сторонники социальной справедливости находятся по разные стороны баррикад, отстаивая взаимоисключающие интересы природы и социальных низов. Типичным примером этого являются ситуации со строительством крупных промышленных предприятий, которые, с одной стороны, загрязняют окружающую среду, а с другой, способствуют увеличению количества рабочих мест и росту производства продукции. Выбор между экономическим развитием и экологической устойчивостью — самая распространенная моральная дилемма, стоящая перед современной экологической этикой.

Однако при рассмотрении данных о качестве жизни в динамике выясняется, что в реальности в ходе форсированного экономического развития самые обездоленные не только не получают ожидаемых выгод, но все чаще оказываются потерпевшими от деградации окружающей среды. В тех районах, где проживают люди с низким доходом или представители национальных и расовых меньшинств, как правило, экологическая обстановка не просто оставляет желать лучшего: именно здесь наблюдаются самые высокие профессиональные риски, концентрируются «грязные» производства и свалки токсических отходов. Фактически социальные низы платят ухудшением своего здоровья и качества жизни за форсированное экономическое развитие и увеличение доходов отдельных представителей высших классов. С этой точки зрения меньшинства и люди с низким доходом являются такими же жертвами деградации окружающей среды, как вымирающие виды или исчезающие экосистемы. Это значит, что насущные вопросы социального равенства могут быть выражены на языке природоохраны, а взаимоотношения человека и окружающей среды — рассмотрены в рамках теории справедливости.

Справедливость в широком смысле совпадает с нравственностью, проецируемой на общественное взаимодействие, а в узком представляет собой «нравственно санкционированную соразмерность в распределении благ и зол (преимуществ и недостатков, выгод и потерь) совместной жизни людей» [4, 457–458]. Развитие идей экологической справедливости представляет собой движение от узкого (этико-юридического) ее понимания к широкому (морально-философскому).

Первоначально представления об экологической справедливости практически не выходили за рамки дистрибутивной справедливости. Такое понимание в основном вытекало из идей Дж. Ролза, высоко оценивавшего роль справедливости в поиске путей «подходящего разделения социальных преимуществ» [6, 25]. В этом контексте экологическая справедливость понималась как обеспечение равного доступа всех индивидов к благоприятной окружающей среде, в частности, к таким экологическим благам, как парковые и лесные зоны, природные места отдыха, чистый воздух, качественная питьевая вода и т. д.

Вопросы дистрибутивной справедливости применительно к окружающей среде были уточнены в работах У. Бека, который продемонстрировал, что в условиях позднего модерна речь следует вести о распределении не столько экологических благ, сколько экологических рисков. Нижние слои общества имеют больше шансов подвергнуться воздействию вредных веществ, поскольку у них нет финансовых

возможностей переехать из загрязненных зон, покупать экологически чистые продукты или регулярно выезжать на отдых. Они, как правило, не способны отказаться от «вредной» работы из-за угрозы потерять рабочее место; наконец, из-за низкого уровня образования и плохой информированности они знают чрезвычайно мало об экологических опасностях и способах их минимизации.

Фактически в условиях позднего модерна уже существующие социальные неравенства продолжают углубляться. Бек отмечает: «История распределения рисков показывает, что риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредоточиваются в верхних слоях, риски — в нижних. По всей видимости, риски не упраздняют, а усиливают классовое общество. К дефициту снабжения добавляются чувство неуверенности и избыток опасностей. Напротив, те, кто имеет высокие доходы, власть и образование, могут купить себе безопасность и свободу от риска. Этот “закон” специфически классового распределения рисков и тем самым обострения классовых противоречий из-за концентрации рисков на стороне бедных и слабых долгое время считался и считается до сих пор одним из центральных измерений риска» [3, 40–41].

Однако логика распределения рисков в обществе позднего модерна все же имеет важные отличия от классической «классовой» логики распределения благ и тягот. С усилением давления на природу отгородиться от грязной воды, парниковых газов или радиации становится все сложнее даже людям с высоким доходом. В определенный момент возникает «эффект бумеранга»: жертвами экологической деградации оказываются все социальные группы, независимо от дохода или степени участия в производстве рисков, включая и тех, кто ранее получал только дивиденды от эксплуатации природы. В долгосрочной перспективе умножение рисков производит уравнивающий эффект. Вопрос состоит лишь в характере итогового равенства: или общество вырабатывает механизмы, обеспечивающие равный доступ к благоприятной окружающей среде, или же все оказываются в равной степени незащищенными перед лицом экологической катастрофы. «Нужда иерархична, а смог демократичен», — замечает по этому поводу У. Бек [Там же, 42].

В рамках дистрибутивного подхода сложно говорить о конкретных мерах, к которым следует прибегнуть, чтобы добиться экологической справедливости. Идеальные схемы Ролза плохо переводятся на язык менеджмента рисков. Риски почти не поддаются измерению, их источники трудно идентифицировать, а об их возможных последствиях известно чрезвычайно мало. При «взвешивании» рисков общество вступает в область неопределенности и многозначности, где возможны противоположные оценки одних и тех же фактов и процессов. Так, в науке до сих пор нет единого мнения о допустимости использования инсектицидов, необходимости генной модификации сельскохозяйственных растений, роли человека в изменении климата и т. д. Соответственно, как показывает ряд моральных дилемм в экологической этике, остаются открытыми и вопросы о том, как нужно управлять рисками в этих сферах.

Помимо того, с усложнением технологического окружения у общества становится все меньше возможностей контролировать риски. Уже сегодня их перераспределение представляется трудновыполнимой, а в долгосрочной

перспективе — в условиях возможного системного экологического кризиса — и вовсе нереализуемой задачей. В такой ситуации необходимо говорить не столько о распределении, сколько о снижении рисков. Поскольку и в таком случае полностью избавиться от рисков нельзя, особое значение приобретает вопрос о справедливой компенсации жертвам рисков со стороны их виновников.

Критики экологической справедливости часто обращают внимание на то, что с точки зрения затрат и прибылей риски от проживания в непосредственной близости от свалки опасных отходов могут быть ниже рисков от жизни в условиях безработицы и нищеты. В качестве аргумента они приводят тот факт, что меньшинства и люди с низкими доходами часто сами выбирают для проживания загрязненные районы из-за льгот и дешевого жилья, и винить государство в сознательных дискриминационных действиях нельзя. Тем не менее, если рассматривать эти действия в более широкой перспективе, становится очевидным, что у низших классов нет никакого выбора: фактически их вынуждают выбирать из двух зол, и то, что одно из них может быть немного выгоднее другого, не меняет общей схемы дискриминации.

Утилитарные подсчеты выгод и потерь, как и вся практика снижения уровня несправедливости исключительно в рамках распределения благ и рисков, являются борьбой скорее со следствиями, чем с причинами. Как правило, после регулирования одних форм дискриминации высвечиваются или возникают новые ее формы, часто более изощренные и закамуфлированные. В рамках дистрибутивной справедливости основные усилия теоретиков справедливости направлены на постоянное выявление новых сфер, где дискриминируемые группы подвергаются рискам. По мнению Ч. Тейлора, А. М. Янг, Н. Фрейзер и некоторых других социальных исследователей, бороться необходимо со структурной, институциональной несправедливостью, которая лежит в основании неравного распределения и выражается в практике непризнания некоторых индивидов и групп.

А. Хоннет в своих работах предлагает развернутый анализ признания, доказывая, что именно оно является ключом для понимания социальной справедливости. Если последователи Ролза выводят справедливость из строго рациональных посылок гипотетического общественного договора, то Хоннет считает, что для понимания борьбы за признание нужно использовать не рациональные подсчеты, а нормативную «моральную грамматику». Движущей силой борьбы за справедливость в этом контексте становится не столько анализ выгод и лишений, сколько чувство оскорбленного достоинства и моральное негодование: «В отличие от утилитарных объяснительных моделей идея социальной борьбы предполагает позицию, согласно которой мотивы социального сопротивления и противодействия формируются в контексте морального опыта, являющегося следствием нарушения глубоко укорененных ожиданий, связанных с признанием» [10, 163].

Достижение самореализации и самоуважения индивида возможно только при условии его признания другими. Следовательно, признание можно рассматривать как жизненную необходимость личности, реализуемую лишь в условиях социального взаимодействия. Взаимное признание в таком понимании является необходимым, конституирующим основанием социальной жизни как таковой.

Признание, согласно Хоннету, проявляет себя в трех основных формах: эмоциональное признание (забота, любовь), правовое признание (признание равенства всех людей) и социальное признание (признание уникальной ценности каждого). Формам признания противостоят различные формы несправедливости, важнейшими из которых являются соответственно телесное унижение (пытки, рабство), нарушение прав человека и отказ в признании социальной ценности и образа жизни индивида или группы. Вся история общества есть борьба против несправедливости за признание. В процессе этой борьбы расширяется круг тех, кто обладает правами и за кем признается ценность, независимая от утилитарных выгод.

Р. Буллард писал: «Прорыв к экологическому равенству — это расширение движения за гражданские права, движения, в котором прямая конфронтация и политика протеста были и остаются основными орудиями» [8, 13]. История гражданских движений в целом вписывается в логику восхождения от эмоционального к социальному признанию. Это наглядно проявляется на примере важнейшей формы движения за социальную справедливость — борьбы против расовой дискриминации. Первая форма признания здесь соответствует этапу аболиционистской борьбы против рабства, символом которого можно назвать книгу Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», вызвавшую в свое время сильный эмоциональный отклик у читателей. О равных правах речь зашла только к середине XX столетия, когда начались массовые выступления против сегрегации: с тех пор количество областей, где проявлялась расовая дискриминация, постоянно сокращается. Однако сохраняющиеся неравенства, среди которых далеко не последнее место занимает неравномерное распределение экологических рисков, свидетельствуют о том, что, несмотря на серьезный прогресс в борьбе за гражданские права, дискриминация все же продолжается. Однако теперь она больше проявляется в тех сферах, которые ранее находились на периферии внимания защитников гражданских прав.

Эмпирические исследования показывают, что сегодня наиболее неблагоприятная обстановка фиксируется в тех районах, где компактно проживают расовые и национальные меньшинства, а основной угрозой для их жизни и здоровья является захоронение токсичных отходов [12, 35–71]. Соответственно ликвидация экологической несправедливости должна идти по двум основным направлениям: борьба против складирования опасных отходов и борьба против экологического расизма. При этом как несправедливость воспринимаются не только телесное унижение или нарушение гражданских прав, но и отказ в признании социальной ценности дискриминируемых групп: «Люди, которые оказываются безвинными жертвами токсического загрязнения, чувствуют, что кроме материального насилия в отношении их тел, постоянно оскорбляется их чувство справедливости как в экономическом, так и в нравственном плане. Это ощущение только усиливается, когда жертвы начинают понимать, что власти не могут или не хотят помочь им» [14, 85].

Очевидно, что для ликвидации глубинных форм дискриминации требуются не просто сопереживание окружающих и даже не технические мероприятия по перераспределению рисков, но кардинальные изменения ценностного характера,

предполагающие уважение всех людей, социальных групп, а также развитое чувство солидарности.

Говоря о признании как о важном условии справедливого общества, необходимо отметить серьезное отличие практики распределения благ и рисков от практики завоевания признания. Всякое распределение предлагает распределяющую или контролирующую распределение инстанцию, роль которой выполняет государство. Признание же невозможно распределять директивно: следовательно, фокус принятия решений переносится с государства на индивидов и ассоциации гражданского общества, т. е. на те сферы политического и морального взаимодействия, где роль государства сведена к минимуму.

В процессе развития экономики количество опасных отходов увеличивается, и все более актуальным становится вопрос о месте их захоронения. Сложно найти сообщества, которые согласились бы с тем, чтобы эти места находились в непосредственной близости от места их проживания. В условиях экологической угрозы каждое сообщество готово приложить все усилия, используя свои материальные возможности и политический вес для того, чтобы отходы оказались в другом месте. Предприятия и правительства, заинтересованные в захоронении отходов, обычно встречают меньше сопротивления со стороны сообществ с небольшим политическим весом, т. е. меньшинств и людей с низкими доходами. Эти группы обычно исключены из процесса принятия экологически значимых решений, например при городском планировании. В некоторых случаях согласие этих сообществ можно «купить» за относительно небольшие суммы компенсаций. В итоге отходы оказываются в районах проживания тех, чей голос в защиту своих прав не слышен или не принимается во внимание.

Если условием для справедливого распределения является всестороннее признание, то условием признания, в свою очередь, является гражданское участие. А. Янг пишет об этом так: «Идея справедливости в этом аспекте смещается к полюсу процедурных вопросов, связанных с участием в обсуждениях и процессе принятия решений. Для того чтобы норма была справедливой, каждый, кто следует ей, должен иметь принципиальный голос при ее обсуждении и обладать возможностью согласиться с ней без всякого принуждения» [15, 34]. Если голос какой-то из заинтересованных групп имеет меньше веса в процессе принятия решений, чем другие, эта группа окажется в крайне невыгодном положении.

Экологическая справедливость предполагает увеличение степени участия публики в политическом процессе, доступ меньшинств и населения с низким доходом к информации экологического характера, предоставление всем группам прав на самостоятельный выбор образа жизни и т. д. Для обеспечения широкого участия всех заинтересованных групп в решении экологических вопросов необходимы мероприятия, вовлекающие широкую публику в дискуссии по поводу окружающей среды. Это могут быть публичные обсуждения, этические и экологические экспертизы, просветительские инициативы, конференции и собрания.

Примером участия представителей расовых меньшинств в экологической политике стал Саммит экологического лидерства в Вашингтоне (1992), делегаты которого попытались донести до всего мира свои требования. Стоит отметить, что они не ограничились узким пониманием окружающей среды как природы.

С их точки зрения, окружающая среда включает в себя «всю целостность жизненных условий наших сообществ: воздух и воду, безопасную работу за достойное вознаграждение, жилье, образование, медицинское обслуживание, гуманную пенитенциарную систему, равенство и справедливость» [11, 24].

Исходя из такого широкого и многоаспектного понимания окружающей среды, участники сформулировали ряд рекомендаций государству и бизнесу, касающихся вопросов распределения и перераспределения экологических благ, а также вопросов признания. Итоговые принципы, несмотря на их недостаточную системность, могут считаться одной из наиболее заметных попыток дискриминируемых групп заявить о своем участии в процессе принятия решений, связанных с экологией. Их особенность состоит в том, что они сформулированы «снизу», исходя из реальных потребностей людей, а не положений философских доктрин.

Особое внимание на саммите было уделено вопросам, связанным с участием дискриминируемых групп в процессе принятия решений: «Экологическая справедливость требует, чтобы государственная политика была основана на всеобщем уважении и справедливом отношении ко всем народам и была свободна от дискриминации или предвзятости... требует права участия в качестве равных партнеров на каждом уровне принятия решений, включая оценку потребностей, планирование, внедрение, контроль и анализ результатов. Экологическая справедливость требует неукоснительного соблюдения принципов информированного согласия... призывает к такому образованию нынешних и будущих поколений, которое акцентирует внимание на социальных и экологических вопросах, основано на опыте и высокой оценке разнообразия культурных перспектив» [Там же].

Многие положения, касающиеся процессуальных аспектов экологической справедливости, отражены в конвенции Европейской экономической комиссии ООН «О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» 1998 г., иначе называемой Орхусской конвенцией.

В целом, как следует из этих и других подобных нормативных документов, проблема справедливого участия рассматривается в нескольких аспектах.

Информационный аспект связан со знанием проблемы и процедур ее решения. Все участники процесса принятия решения должны владеть полной информацией о проблеме: для этого необходимы свободный доступ ко всей необходимой информации, право получить информацию в доступной форме, возможность заказать независимую экспертизу, развитие экологического образования и просвещения на всех уровнях. Только владея всеми данными, можно приступать к решению проблемы и соглашаться или не соглашаться на действия, ухудшающие экологическую обстановку. Кроме того, все заинтересованные лица должны владеть информацией о процедурах принятия решений (например, общественных слушаниях), своих правах и возможностях участия в этих процедурах.

Не менее значимым является процессуальный аспект проблемы, связанный с процедурой принятия решений. Для того чтобы решение было справедливым, необходимо по меньшей мере обеспечить справедливые, т. е. прозрачные, открытые, понятные и честные процедуры его принятия. Это значит, что участники процесса на всех его этапах должны придерживаться одних и тех же четко определенных

правил, установленных заранее по обоюдному согласию и не изменяющихся по желанию какой-то одной стороны.

Необходимой предпосылкой для реализации экологической справедливости как в плане распределения рисков, так и в плане равного признания является равное участие всех заинтересованных сторон на всех этапах процедуры принятия решений. Каждый должен иметь шанс высказаться и оказать влияние на решение проблем на всех этапах — от момента постановки вопроса до момента подачи апелляции. При этом ко всем участникам процесса должно быть одинаковое отношение, свободное от каких бы то ни было предубеждений или пристрастности — все они должны рассматриваться как равноправные партнеры, и наличие материальных ресурсов и политического веса у какой-то из заинтересованных групп не должно служить преимуществом при распределении благ и рисков.

Н. Фрейзер полагает, что «справедливость лучше всего раскрывается как составное понятие, включающее в себя три измерения: распределение, признание и представительство» [9, 129]. Это в целом верно и по отношению к экологической справедливости, которую можно представить в виде сложной трехуровневой системы принципов и норм. В ее основании находится принцип участия, который касается процесса принятия решений и требует полного доступа ко всей релевантной информации, наличия прозрачных и открытых процедур и равного представительства всех заинтересованных сторон в этом процессе. Принцип признания последовательно раскрывается в нормах эмоционального признания, признания равных прав для всех людей и признания уникальной ценности каждого человека, социальной группы, культуры. Что касается распределения, то в этом контексте оно предполагает снижение возможных рисков, отсутствие дискриминации при доступе к экологическим благам и достойную компенсацию жертвам ухудшения экологической обстановки.

Принципы распределения, признания и участия как основные измерения экологической справедливости раскрывают соответственно экономический, культурный и политический ее аспекты. Однако они не ограничиваются этими аспектами, а в последнее время все активнее выходят за их пределы.

Дистрибутивная справедливость трансформируется, выходя за пределы классической экономики и анализа затрат и выгод. Экологический подход требует принять во внимание не только прибыли и убытки предпринимателей, но и прибыли и убытки для природы и будущих поколений. В таком ракурсе способы хозяйствования, которые в классической экономике считались рациональными и эффективными, оказываются убыточными: суммы ущерба от нынешней экономической деятельности многократно превышают все краткосрочные выгоды.

Вместе с краткосрочными прибылями экономика производит и долгосрочные риски, и с усилением технологической мощи человечества эти риски только увеличиваются. Наука рисует все более катастрофические прогнозы по поводу будущего. В этих условиях возможна ценностная трансформация, обратная той, которая произошла при переходе от традиционного общества к обществу модерна, и центральное место в системе ценностей вновь займет выживание, а не прибыль. Тогда рыночная экономика сменится «моральной экономикой», законы которой

будут диктоваться не особенностями спроса и предложения, а нравственными нормами и императивами избегания риска.

Особенности такой экономики в традиционном крестьянском обществе описал Дж. Скотт, показав, что при жизни на грани выживания правильной стратегией является отказ от рискованных технологий, какими бы многообещающими они не были [13]. С этой точки зрения основой для неклассической экологической экономики должна стать не максимизация прибылей, а минимизация рисков. Это означает, что принципу дистрибутивной справедливости должен быть предпослан принцип предосторожности: любое справедливое перераспределение благ возможно только в том случае, если были просчитаны и сведены до минимума все возможные риски. Такой подход явно не будет способствовать развитию экономики, однако если существование человечества оказывается под угрозой, реальных альтернатив ему не существует.

Не менее серьезной трансформации подвергается и принцип признания. Наблюдаются многочисленные попытки распространить его действие за пределы культурной сферы на область природы. Сегодня сложилось особое направление исследований, которое помимо применения принципов экологической справедливости по отношению к людям рассматривает возможность использования понятия «справедливость» и по отношению к животным [5, 303–328]. В англоязычной литературе существует традиция различного наименования этих видов справедливости. Если первый традиционно обозначается как *environmental justice*, то второй — как *ecological justice*.

Отношение к животным за последние десятилетия серьезно изменилось, и большое количество борцов за окружающую среду и экофилософов полагают, что животные должны иметь право на свою долю природных ресурсов. При этом можно найти несомненные параллели между борьбой за социальную справедливость и борьбой за права животных.

Первоначально, когда образ борца за окружающую среду ассоциировался с наблюдением за животными и восхищением дикой природой, речь шла лишь о прекращении жестокого обращения с животными. Только в 1970-е гг. серьезно заговорили об их правах. Философ П. Сингер писал о различиях эмоционального и правового подходов так: «Изображение тех, кто протестует против жестокости к животным, некими сентиментальными, эмоционально возвышенными чудаками, “любителями животных” создает в обществе нежелательный эффект, приводя к тому, что целый пласт общественно-нравственного бытия человечества — попираемые ногами животных нечеловеческой природы — выводится из серьезной политической и нравственной дискуссии... у нас нет особенной заинтересованности в животных. Мы не испытываем какой-то “любви” к животным. Мы просто хотим, чтобы с ними обращались как с независимыми существами, которыми они и являются, а не как с предметами целей человека» [7, 7]. Сегодня борьба за признание животных переходит в новую фазу: многие экофилософы предлагают признать внутреннюю ценность животных и видов, независимую от их пользы для человека.

Фактически в развитии борьбы за права и благополучие животных прослеживается та же нормативная логика (или «моральная грамматика»), которая

характерна для развития признания — от элементарных эмоциональных форм (забота, любовь) через правовое признание к признанию уникальной ценности каждого.

Идеи справедливого отношения к животным, в отличие от идей социальной справедливости, все еще остаются чересчур общими и абстрактными. Пока нет четкого понимания того, как соотносить интересы вида и индивида, различных видов, животных и человека, их внедрение в практику связано с серьезными сложностями. Однако общие тенденции развития теории морали позволяют говорить о том, что понятие справедливости не ограничится сообществом людей: «Нон-антропоцентризм кардинально расширяет предмет моральной ответственности, распространяя ее и на не относящиеся к человеческому роду особи, а также сообщества и системы живых организмов» [1, 25].

Конечно, борьба в защиту животных имеет серьезные отличия от борьбы за социальную справедливость. Прежде всего, животные, в отличие от меньшинств и людей с низким доходом, не способны оценивать свой статус и требовать признания. Однако определенные люди или группы могут выступать от имени животных, так же как опекуны выступают от имени несовершеннолетних детей или недееспособных взрослых. В таком контексте движение в защиту животных вполне можно рассматривать в терминах признания.

Серьезному переосмыслению сегодня подвергается и принцип участия, который первоначально касался политического представительства для решения проблем на местном уровне. Однако в ситуации с экологическими рисками отстоять права своей общины — значит сделать лишь первый шаг в решении проблемы. Пока производятся отходы, их необходимо подвергать захоронению. Если активисты добились того, чтобы их район был свободным от токсических отходов, то их ввезут в другой район. Наконец, если страна совсем запретит захоронение отходов, их примет другая страна. В любом случае жертвами экологической дискриминации окажутся люди с низкими доходами. В такой ситуации надо выходить за пределы локальной политической борьбы на глобальный уровень межгосударственных отношений.

Ужесточение законов, касавшихся хранения и захоронения токсических отходов в развитых странах, привело к тому, что их стали активно вывозить из богатых стран Северной Америки и Западной Европы в бедные страны Южной Америки, Африки и Восточной Европы. По причине отсутствия жестких экологических норм в этих странах захоронения отходов практически не контролировались.

Из-за ряда скандалов, связанных с загрязнением окружающей среды, болезнями и смертями людей, задержаниями судов с токсическими отходами в различных портах мира, начался процесс урегулирования трансграничной перевозки опасных отходов. Он проходил под эгидой ООН, и его результатом стала разработка Базельской конвенции «О контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением», принятой в 1989 г. Целью конвенции явилась защита здоровья людей, а задачами — сокращение производства отходов, ограничение и регулирование их перевозки.

Конвенция позволяет ввозить отходы в страну только в том случае, если имеется «предварительно обоснованное согласие» властей принимающей страны

на это. Отправка отходов без такого согласия считается преступлением. Кроме того, конвенция призвана обеспечить экологически обоснованные условия использования и захоронения отходов. Для этого она требует свести к минимуму количество отходов, обрабатывать их как можно ближе к месту производства и контролировать все процессы, связанные с оборотом отходов. Отходы не могут вывозиться за границу, если у страны есть технические возможности и условия их переработки [2].

У Базельской конвенции имеется множество критиков, доказывающих, что она косвенно тормозит развитие технических средств для переработки отходов в развитых странах (поскольку, имея такие средства, страны не смогут вывозить свои отходы за границу), а также утверждающих, что при стабильно высоком уровне коррупции в бедных странах получение «предварительно обоснованного согласия» зависит только от суммы взятки. Однако конвенция динамично изменяется, учитывая требования стран-участников. Как достаточно гибкий инструмент регулирования она способна если не окончательно решить, то наметить пути решения этих и других проблем.

Итак, экологическая справедливость — это сложная концепция, в которой тесно связываются, казалось бы, совершенно различные элементы: философская теория справедливости и практика коллективной политической борьбы; движение в защиту окружающей среды и движение за социальную справедливость; участие, признание и распределение. Экологическая справедливость реализуется на стыке трех разных сфер: политической, экономической и культурной и одновременно трансформирует сами эти сферы. При этом она не только предупреждает о вероятных опасностях, но и обрисовывает контуры будущего: моральной экономики, нонантропоцентрической культуры и глобальной политики.

-
1. *Апресян Р. Г.* Дилемма антропоцентризма и нонантропоцентризма в экологической этике // *Этика и экология*. Новгород, 2010.
 2. *Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением*. Шатлен, 2011.
 3. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.
 4. *Гусейнов А. А.* Справедливость // *Этика : энцикл. слов.* М., 2001.
 5. *Прокофьев А. В.* Воздавать каждому должное... Введение в теорию справедливости. М., 2013.
 6. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
 7. *Сингер П.* Освобождение животных. Киев, 2002.
 8. *Bullard R. D.* Unequal Protection: Environmental Justice and Communities of Color. San Francisco, 1994.
 9. *Fraser N.* Abnormal Justice // *Justice, Governance, Cosmopolitanism, and the Politics of Difference*. В., 2007.
 10. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, 1995.
 11. Principles of Environmental Justice, Proceedings, The First National People of Color Environmental Leadership Summit // *Environmental Justice : Law, Policy & Regulation*. Durham, 2009.
 12. *Rechtschaffen C., Gauna, E., O'Neill C. A.* Environmental Justice: Law, Policy & Regulation. Durham, 2009.

13. *Scott J. C.* The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia. Princeton, 1976.
14. *Szasz A.* Ecopopulism: Toxic Waste and the Movement for Environmental Justice. Minneapolis, 1999.
15. *Young I.* Justice and the Politics of Difference. Princeton, Princeton, 1990.

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2014 г.

УДК 101.1:316 + 101.9 + 7.038.6

Д. К. Чулаков

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ КАК МОРАЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ В ОБЩЕСТВАХ ПОЗДНЕЙ МОДЕРНОСТИ

В статье предлагается рассмотрение самореализации в контексте интеллектуальной и культурной истории понятия. Широкое распространение апелляций к самореализации истолковывается как проявление культуры самости, являющейся продуктом индивидуализации обществ поздней модерности. Обращение к теориям индивидуализации ставит вопрос об амбивалентности самореализации как общественного идеала и о принудительном и репрессивном характере императива самореализации в обществах институционализированного индивидуализма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: самореализация, индивидуализация, поздняя модерность.

Пристальность и пристрастность исследовательского взгляда часто находят свое выражение в том, что изучаемый феномен кажется повсеместным и вездесущим, однако в случае языкового бытования самореализации такая вездесущность не будет преувеличением.

Самореализация незаметно вошла в правовой, публицистический и политический тезаурусы. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» перечисляет «создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей» среди основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования [11]. К самореализации апеллируют в президентских поздравительных телеграммах (Общероссийская общественная организация «Союз женщин России» «успешно содействует творческой и профессиональной самореализации женщин» [13]), инаугурационных речах («считаю своей важнейшей задачей дальнейшее развитие гражданских и экономических свобод, создание новых, самых широких возможностей для самореализации граждан» [14]), на Прямой линии с президентом России («для нашего государства гораздо было бы интереснее и было бы правильнее создать условия для самореализации наших молодых людей и молодых ученых, студентов и школьников даже у себя на Родине» [15]) и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года («создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации путем совершенствования системы культурно-просветительной работы» [17]).

Самореализация — регулярный элемент психологического и педагогического дискурсов. Количество кандидатских диссертаций по психологии и особенно по педагогике с упоминанием самореализации в названии значительно превышает число философских и социологических исследований. Упоминание самореализации в экспертных оценках кажется обязательным, что иногда приводит к курьезным результатам. Так, согласно психолого-психиатрической экспертизе, озвученной во время суда над участницами группы **Pussy Riot**, **Надежда Толоконникова** имеет «смешанное расстройство личности в виде активной жизненной позиции, стремления к самореализации» [18].

К теме самореализации обращается и массовая культура. В 2009 г. группа **NRKTK**, работающая «на стыке синти-попа и абстрактного хип-хопа» [9] и сочетающая танцевальные ритмы с субверсивными панковскими текстами, записала песню «Жалкие людишки» с обсессивно-компульсивным припевом-призывом «Реализуй себя», иронически обыгрывая многозначность глагола «реализовать»: «Жалкие людишки, вы всего лишь мясо на рынке органов, друзья! // Жалкие людишки, вы всего лишь мясо, реализуй себя, // На рынке органов, реализуй себя!» [5].

Использование вычислительной техники и автоматизация обработки больших объемов данных открыли новые возможности для исследований лексики естественных языков методами корпусной лингвистики. База Национального корпуса русского языка позволяет, например, проанализировать распределение словоупотреблений «самореализации» в текстах авторов-мужчин и авторов-женщин. Мужчины гораздо чаще апеллируют к самореализации, чем женщины (14 вхождений против 2) [16]. В содержательном плане самореализация в текстах авторов-мужчин касается либо человека вообще, либо мужчины в сфере его профессиональной деятельности. Мужчина как будто обладает неотчуждаемым правом на самореализацию, а если наделен властью, то призван обеспечивать возможности для самореализации населения, граждан, молодежи, детей. В женской речи «самореализация» возникает в контексте противоречий между возможностями собственной жизненной траектории, как правило связанной с профессиональной деятельностью, и традиционными патриархатными биографическими сценариями: «моя профессия сама по себе какая-то заоблачная, даже хаотичная, в ней очень тяжело найти гармонию. А семья — это внутреннее удовлетворение, самореализация женского начала» [19]. Истолкование самореализации женщины как выбора в пользу карьеры и в ущерб семье становится мишенью для традиционалистской критики. «Молоху самореализации приносятся гигантские жертвы, — пишет А. Гальперина. — В России ежегодно делается 3 млн аборт, зачастую одна из причин абортов — это самореализация, соображения, что ребенок будет мешать профессиональной карьере» [4].

Статистические данные Национального корпуса русского языка позволяют судить о репертуаре типов текстов, в которых употребляется слово «самореализация». Это статья, диссертация, интервью, роман, блог, обзор, отчет, гороскоп, рассказ, учебное пособие, монография [16]. Тематика текстов охватывает бизнес, коммерцию, экономику и финансы; социологию; политику и общественную жизнь; частную жизнь; образование; психологию; философию; астрологию,

парапсихологию и эзотерику; искусство и культуру [16]. Тематический и типологический разброс текстов позволяет предположить, что «самореализация» утрачивает характер термина и превращается в «пластичное слово», семантика которого носит настолько обобщенный характер, что это открывает возможности для использования его в научных, политических и повседневных дискурсивных играх.

Пластичными словами немецкий лингвист Уве Перксен называет слой лексики, которую разговорный язык заимствует из языка науки. Несмотря на то что такие лексические единицы напоминают научные термины, им сложно дать четкую дефиницию. В разговорном языке эти «племянники науки» становятся стереотипами, «общим местом, фоновыми концептами нашего мышления» [25, 99]. Они не ограничены контекстами употребления, а их «универсалистские притязания» и крайняя степень обобщения приводят к обеднению содержания. Пластичные слова, по мнению Перксена, лишены истории, не связаны с конкретным временем и местом, создают эффект «ложного просвещения» и «иллюзию схватывания сути», обладают позитивной коннотацией и производят консенсус [Там же, 101–102]. Такие слова носят интернациональный характер, повышают социальный статус говорящего, несут отпечаток авторитета науки, «распоряжаются ресурсами и, в руках экспертов, сами становятся ресурсами», что позволяет экспертам «моделировать реальность» [Там же, 102–103].

Распространенность «самореализации» в текстах разной жанровой и типологической принадлежности маркирует присутствие значимых представлений в общественном воображении. Для дезактивации пластического и манипулятивного потенциала «самореализации» необходимо вернуть слову время и место, проследить интеллектуальные корни понятия и поместить рост его популярности в контекст социальной истории и теории.

В советское время самореализация не находит отражения ни в толковых, ни в специальных словарях, а «лексикографическую легитимацию» получает только в первом издании Большого толкового словаря русского языка, вышедшем в свет в 2000 г. Согласно словарной статье «самореализоваться» — значит «реализовывать свои возможности», «проявлять себя в какой-либо деятельности» [2, 1145]. Примеры словоупотребления («Писатель, художник самореализуется в творчестве. Этот человек самореализовался в жизни» [Там же]) указывают на связь самореализации с жизненным успехом и творчеством.

Смысловая связь самореализации с творчеством — устойчивый мотив современного отечественного обществознания. Как отмечает Р. А. Зобов, «творчество действительно является высшей формой самореализации человека» [7, 76]. В этом современное российское обществоведение наследует традиции позднесоветской марксистско-ленинской философии, где самореализация рассматривалась в контексте проблем освобожденного труда: в социалистическом обществе «...труд становится источником личного удовлетворения и делом чести трудящихся, формой реализации их способностей и творческих стремлений, проявления индивидуальности» [21, 101]. В исследовании коллектива ученых Института философии АН УССР под руководством Л. В. Сохань самореализация рассматривается в связи с житнетворчеством и ставится в один ряд с такими понятиями,

как самоопределение, самовыражение, самоосуществление, самоактуализация, жизнепроявление и реализация жизненной программы. Способность к самореализации предстает как родовая черта человека, а житнетворчество выступает способом самореализации личности [6].

В постсоветский период попытку актуализировать традицию советской психологии и обществоведения с опорой на философскую антропологию Маркса, но очистив ее от идеологической анахроничности, предпринял Д. А. Леонтьев, предложивший рассматривать самореализацию как реализацию сущностных сил человека, под которыми он понимал «универсально-деятельные способности, содержательно определенные и наполненные конкретно-историческим содержанием, или, что то же самое... конкретно-исторические общественные отношения, облеченные в форму деятельных способностей людей, реализующих эти отношения» [8, 161]. Он предлагал рассматривать самореализацию как опредмечивание сущностных сил в двух формах: как культурализацию, т. е. «предметно-преобразовательную деятельность, завершающуюся созданием объектов материальной и духовной культуры» [Там же, 164], и как персонализацию, т. е. «полагание себя в другом человеке», форму инобытия в другом, совокупность «личностных вкладов» [Там же, 165].

История отечественных исследований самореализации часто оказывается вытесненной вниманием к западной интеллектуальной и культурной традиции. Действительно, настоящий расцвет концепций, ставящих на первое место в структуре человеческой мотивации потребность реализовать себя, приходится на середину XX в., когда Абрахам Маслоу [10] и Карл Роджерс [12] формулируют основы гуманистической психологии как альтернативы бихевиоризму и классическому психоанализу. Концепции самореализации ассимилируются популярной психологией и превращаются в философско-мировоззренческую систему. Как отмечает Д. А. Леонтьев, самореализация в западных обществах становится «своего рода культурным стереотипом, нормой», и «любой уважающий себя человек обязан к этому стремиться. Не стремиться к самореализации — это дурной тон, почти за гранью приличий» [8, 157].

В книге «Новые правила: поиски самоосуществления в мире, перевернувшемся с ног на голову», опубликованной в начале 1980-х гг., социолог Дэниел Янkelович предположил, что Америка переживает вторую культурную революцию, движущей силой которой стало стремление к самореализации. Если результатом первой культурной революции была уверенность в том, что политическая свобода может сосуществовать с материальным благополучием и даже способствовать ему, то вторая культурная революция должна была обеспечить сосуществование личной свободы в организации собственной жизни с инструментализмом технологического общества. По мнению Янkelовича, в 1970-х гг. эксперименты в повседневной жизни стали своего рода воплощением критики индустриальной цивилизации, ранее озвученной левыми и правыми интеллектуалами, а также сторонниками движений за расовое и гендерное равноправие. Однако подобное биографическое экспериментирование не было идеологически ангажированным. Рядовые американцы хотели лишь переписать послевоенный общественный договор, поскольку считали, что жертвовать сакральной/экспрессивной стороной

своей жизни деструктивно, к тому же в этом нет никакой необходимости [26, 219–232]. Опираясь на традиционные американские ценности индивидуализма и самосовершенствования, находя поддержку в набиравших популярность экзистенциализме и постфрейдизме [Там же, 235], стремление к самореализации переросло в массовый феномен — «спонтанный взрыв миллионов новых экспериментов в попытке ответить на вопрос: что значит жить хорошей жизнью» [Там же, 219].

Признавая оправданность таких притязаний, Янкелович указывает на два изъяна в экспериментальных поисках самоосуществления — психологию изобилия и фиксацию на себе, которые получили распространение под влиянием гуманистической психологии. От Абрахама Маслоу поп-психология позаимствовала идею автономной, независимой от культуры самости, от Эриха Фромма — представление о сакральности собственного Я, от Карла Роджерса — идею долга перед самим собой по разблокированию собственных чувств и потенций, от Ролло Мэя — идею трансценденции, но не вовне, а вовнутрь [Там же, 235–237]. Янкелович завершает свою книгу призывом «сойти с эскалатора Маслоу» [Там же, 235] и противопоставить движению человеческого потенциала «этику обязательств». Он убеждает соотечественников: «Мы не наши собственные произведения искусства. Мы не создаем себя, как художник пишет картину, а писатель — роман» [Там же, 239].

Если в 1980-е гг. эстетически фундированное проживание собственной жизни — повод для морального порицания, то спустя десятилетие «всеобщая эстетизация экзистенции» [3, 92] — это социологический факт. Как пишет Ульрих Бек, разыгрывание себя в процессе эстетического созидания собственного образа жизни, представление о том, что «моя жизнь — это мое произведение искусства», — одна из характеристик «культуры самости» (или культуры собственной жизни), которая возникает на пересечении гражданского общества, потребительского общества, терапевтического общества и общества риска [22, 42–43]. Другими характеристиками культуры самости, по Беку, выступают практика свободы как интернализированное практико-ориентированное сознание свободы и самоорганизация как ориентированность на действия, выходящие за пределы простого участия в общественной жизни. К внешним, или демографическим, критериям, позволяющим идентифицировать культуру самости, Бек относит рост количества домохозяйств, управляемых в одиночку, рост ценности отдельного образа жизни (пространство для себя и время на себя), рост разводов и плюрализацию личных (интимных) отношений [Там же, 43].

Анализируя ряд разнородных социальных трансформаций, Ульрих Бек и Элизабет Бек-Гернсхайм утверждают, что «впервые в истории индивид становится базовой единицей социального воспроизводства», а «индивидуализация — социальной структурой второй модерности» [23, xxii]. При этом важно различать неолиберальную идеологию индивида свободного рынка и индивидуализацию как институционализированный индивидуализм. Если первая основывается на образе «автаркичной самости», где индивид выступает как «сам себе предприниматель», полностью управляющий своей жизнью и извлекающий ресурсы и способность к действию из самого себя, то социологическое понимание индивидуализации призвано демистифицировать подобную автаркию [Там же, xxi].

Нетрудно заметить, что культура самости и биографическое экспериментирование, оформляющееся как поиски самореализации, выступают продуктом процесса индивидуализации западных обществ. Зигмунт Бауман, еще один теоретик индивидуализированного общества, описывает сущность процесса индивидуализации в терминах «преобразования человеческой идентичности из данности в задачу и наделения действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия... Модернити заменяет *предопределенность* социального положения принудительным и обязательным *самоопределением*» [1, 181–182].

Принудительный и обязательный характер самоопределения, стандартизация образов жизни не могли не сказаться на формах и статусе идеала самореализации. На первый взгляд процесс индивидуализации должен способствовать росту свободы, но «...как же так получилось, что наша эпоха духовного гедонизма, когда целью жизни открыто объявляется счастье, сопровождается взрывом тревоги и депрессии?», задается вопросом в одной из своих свежих статей Славой Жижек [27]. О растущем чувстве внутренней пустоты, не востребоваемости и растерянности размышляет и Аксель Хоннет, замечая, что «процесс инверсии идеалов в принуждение и ожиданий в требования породил такие формы социальной неудовлетворенности и страданий, какие западные общества не знали в таком масштабе за всю свою историю» [24, 474]. По его мнению, индивидуализация превращает идеал самореализации в институциональный запрос, в идеологию и производительную силу дерегулированной экономической системы: «Притязания на индивидуальную самореализацию, стремительно множась в западных обществах на протяжении последних 30–40 лет, начиная с исторически уникального сцепления совершенно разнородных процессов индивидуализации, стали настолько очевидной особенностью институционализированных ожиданий, внутренне присущих социальному воспроизводству, что конкретные цели этих притязаний оказываются утраченными, а сами они превращаются в поддержку легитимности системы» [Там же, 467].

Прогноз Хоннета неутешительный: «Вполне возможно, что с инверсией идеала самореализации во внешнее принуждение мы достигли такого исторического порога, когда сознание внутренней пустоты становится опытом всевозрастающей части населения: индивидов со всех сторон понуждают демонстрировать открытость аутентичному самопознанию и его импульсам, и единственное, что им остается, — это выбирать между симуляцией аутентичности и погружением в тяжелую депрессию, стратегическим разыгрыванием личной оригинальности и патологическим уходом в себя» [Там же, 475].

К анализу самореализации можно обращаться, исходя из разных исследовательских традиций, программ, школ и перспектив, рассматривая феномен с точки зрения анализа дискурса и истории идей, с позиций качественной социологии и критики идеологии. В любом случае, как некогда заметил Мишель Фуко в курсе лекций о герменевтике субъекта, «возвращение к себе... это повторяющаяся тема в нашей культуре, в которой мы всегда стремимся восстановить этику и эстетику своего “Я”... В этой серии попыток восстановить этику своего “Я”, в этом движении, заставляющем нас беспрерывно к ней обращаться, не придавая ей никакого содержания, можно заподозрить невозможность создать [ее] на сегодняшний

момент, хотя это, возможно, задача важная, основная, политически необходимая, если только правда то, что нет иного основного и полезного очага сопротивления политической власти, кроме отношения своего “Я” к самому себе» [20, 306–307]. Поэтому, несмотря на пессимистические прогнозы и оценки, культурный проект самореализации — это, возможно, не тот проект, от которого следовало бы отказаться, так же как и ставить точку в исследовании данного феномена.

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
3. *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество. М., 2003.
4. *Гальперина А.* Самореализация вместо таланта // Православие.Ru. 14 мая 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/polemika/5769.htm> (дата обращения: 02.04.2014).
5. *Горбунов Е., Касай А.* Жалкие людишки [звукозапись] // NRКTK. Black EP. Released 09 Dec. 2009. МРЗ.
6. Жизнь как творчество / под ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. Киев, 1985.
7. *Зобов Р. А.* Самореализация и творчество // Философия о предмете и субъекте научного познания. СПб., 2002. С. 61–78.
8. *Леонтьев Д. А.* Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом. М., 1997. С. 156–176.
9. *Лисичкин Г.* Narkotiki // Rolling Stone. 15 апреля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rollingstone.ru/music/article/4925.html> (дата обращения: 10.05.2014).
10. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность. СПб., 1999.
11. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974> (дата обращения: 01.06.2014).
12. *Роджерс К. Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1998.
13. Российская Федерация. Президент (2008–2012, Д. А. Медведев). Общероссийской общественной организации «Союз женщин России»: телеграмма от 15 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/letters/9823> (дата обращения: 03.06.2014).
14. Российская Федерация. Президент (2008–2012, Д. А. Медведев). Выступление на церемонии вступления в должность Президента России 7 мая 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1> (дата обращения: 03.06.2014).
15. Российская Федерация. Президент (2004–2008, В. В. Путин). Стенограмма прямого теле- и радиоэфира (Прямая линия с Президентом России) 27 сентября 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/23190> (дата обращения: 03.06.2014).
16. Статистика по метаатрибутам «самореализация» // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://search.ruscorpora.ru/stat.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%E0%EC%EE%F0%E5%E0%EB%E8%E7%E0%F6%E8%FF&p=2 (дата обращения: 21.07.2014).
17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 13 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/ref_notes/424 (дата обращения: 03.06.2014).
18. Суд над Pussy Riot: эвакуация // Interfax. 2 авг. 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/258583> (дата обращения: 17.07.2014).
19. *Ткачева С.* Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100 % здоровья». 15 янв. 2003 // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%E0%EC%EE%F0%E5%E0%EB%E8%E7%E0%F6%E8%FF&docid=84169&sid=41 (дата обращения: 21.07.2014).

20. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки // Социо-Логос / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М., 1991. С. 284–311.
21. Ярошевский Т. М. Размышления о человеке. М., 1984.
22. Beck U. The Ambivalent Social Structure // Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. L., 2001. P. 42–53.
23. Beck U., Beck-Gernsheim E. Authors' Preface: Institutionalized Individualism // Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: institutionalized individualism and its social and political consequences. L., 2001. P. xxi–xxv.
24. Honneth A. Organized Self-Realization // European Journal of Social Theory. 2004. № 7 (4). P. 463–478.
25. Poerksen U. Plastic Words: The Tyranny of a Modular Language. University Park, 2004.
26. Yankelevich D. New Rules: Searching for Self-Fulfillment in a World Turned Upside Down. N. Y., 1981.
27. Žižek S. Fat-free Chocolate and Absolutely No Smoking: Why Our Guilt about Consumption is all-consuming // TheGuardian.com 21 May 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.theguardian.com/artanddesign/2014/may/21/prix-pictet-photography-prize-consumption-slavoj-zizek> (дата обращения: 01.06.2014).

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2014 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ
«uAnalytiCon-2014:
ИНФОРМАЦИЯ — ЯЗЫКИ — ЗНАНИЯ»

УДК 165.0 + 80 + 81:1

Д. В. Анкин

**ПОНЯТИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА Р. КАРНАПА И У. КУАЙНА**

В статье проводится сопоставление онтологических следствий философии языка Р. Карнапа и философии языка У. Куайна. Исследуется понятие онтологических обязательств, зависимость данного понятия как от общей методологии «лингвистического поворота», так и от индивидуальных особенностей трактовки семантики и онтологии у каждого из авторов. Показывается различное понимание отношений между наукой и философией. Делается попытка выявления преимуществ каждой из рассматриваемых философий языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лингвистический поворот, онтологические обязательства, философия языка, Р. Карнап, У. Куайн, референция, семантика, онтология.

В классической философии существование определялось через понятие *реальных свойств* вещей. Свойствам придавался статус онтологического конституирования всего существующего, так продолжалось вплоть до формулировки V основного закона Г. Фреге включительно. В данном законе утверждалось, что для всякого *свойства* математических объектов должен существовать соответствующий *класс* математических объектов, обладающих данным свойством. В дальнейшем Б. Рассел и последующие аналитики от закона Фреге отказались, так как он порождал противоречия в основаниях математики.

Существование — одна из центральных категорий онтологии. Нас интересует вопрос об онтологическом статусе предельно общих философских категорий. Можно ли считать философские категории свойствами, образующими классы вещей? На данный вопрос до настоящего времени нет удовлетворительного ответа. А как было в истории? Аристотель рассматривал категории как универсальные свойства *любых* объектов, которые только могут существовать (= обладать бытием). После Аристотеля некоторые философы рассматривали категории как реальные свойства любых существующих объектов, а некоторые отрицали

возможность понимать категории подобным образом и исключали их из числа реальных свойств. Например, И. Кант переносил категории из запрещаемой им в качестве особой дисциплины онтологии, которая начинается, по его мнению, в философии Аристотеля и продолжается вплоть до метафизики Х. Вольфа, в сферу *аналитики рассудка*.

Аналитическая философия также критикует претензии метафизики на независимое от опытных наук познание мира, критикует претензии онтологии как области метафизики на статус особой науки и т. д. Так, например, У. Куайн подобно Канту, который изображает чистый разум метафизиков в качестве «голубя», претендующего на полет в безвоздушном пространстве (т. е. в отрыве от опыта, от «физики»), иронично представляет метафизика как некоего «подводника», выставившего на наш физический мир свой перископ из неведомых метафизических глубин.

Начиная с теории дескрипций Б. Рассела, современная философия отходит от идеи реальных свойств. В своей теории дескрипций Рассел обращается от исследования свойств к исследованию значений переменных, входящих в обозначающие выражения. Под влиянием Рассела философы-аналитики обращаются к анализу обозначающих выражений средствами логики предикатов. В частности, Р. Карнап и У. Куайн отказываются от отмеченной нами выше классической модели исследования *свойств* сущего и переходят к исследованию квантифицируемых переменных наших высказываний о существующем.

Развитие аналитической философии детерминируется ее методом, а именно — *лингвистическим поворотом* в решении философских проблем. Смысл данного поворота в том, что философская проблема может анализироваться исключительно через ее лингвистическую форму. Тем самым мы получаем своеобразный квазифеноменализм, в чем-то аналогичный феноменализму кантианства, но отличающийся от последнего тем, что феномен конституируется не областью чувственности («эстетикой»), как было у Канта, а областью языка. Философия языка становится фундаментом всей философии.

Здесь необходимы пояснения и уточнения. Дело вовсе не в каких-то принципиально новых и перманентно умножающихся проблемах философии, — если бы было так, то нам с необходимостью рано или поздно пришлось бы (в силу накопившейся массы этих «новых» философских проблем) забыть Платона, Аристотеля, Канта и других философов прошлого. Более правдоподобно считать, что мы не забываем великих мыслителей прошлого именно потому, что нас волнуют не только новые, но и *те же самые* философские проблемы. Лингвистический поворот делает технику философского исследования более опосредованной и более формальной, включающей логический анализ. Таким образом, критика традиционной метафизики философами-аналитиками есть прежде всего критика устаревшей *техники* анализа и обоснования философских идей, но не непосредственно содержания самих этих идей. Это не столь много (как, например, обещают нам постмодернисты), но и не столь мало, — у нас имеются веские основания для *пересмотра* некоторых идей великих философов прошлого, но не для отбрасывания или произвольной замены их вопросов. Нам никуда не деться от решения *тех же* проблем.

Лингвистический подход к исследованию категорий онтологии можно усмотреть уже в теории дескрипций Б. Рассела, который показывает, как посредством логического парафразы можно исключить из рассмотрения излишние сущности, как можно *говорить* о сущем наиболее ясным с логической точки зрения способом. Рассел объяснил, как работает референция по отношению к существующим и к не существующим объектам.

Принятие методологии лингвистического поворота делает онтологию зависимой от *теории референции* (а у некоторых аналитиков и от теории значения). Если у нас есть какие-то обозначающие выражения, то только тогда есть основания для соответствующей им онтологии. Вопрос заключается лишь в том, *какие именно* обозначающие выражения могут и/или должны онтологию задавать. Должны ли мы сохранить имена (например, логические имена собственные в смысле Б. Рассела) в теории референции? Могут ли быть признаны обозначающими выражениями, имеющими референцию, предикатные знаки, выражающие отношения и свойства (на самом деле, достаточно только отношений, так как свойства можно трактовать как одноместные отношения), или же следует ограничиться исключительно значениями связанных переменных, как то предлагает У. Куайн?

Рассмотрим, что дает лингвистический поворот в истолковании онтологической категории существования (бытия). Во-первых, сама категория существования уже не может рассматриваться в качестве *содержательной* категории. Подобно тому как категории свойства, отношения и объекта не образуют предметных классов, категория существования (или бытия) также ничего не способна обозначать в реальном мире. Категории свойства, объекта, существования (бытия) являются абстрактными, не имеющими референции терминами. Общие абстрактные термины не будут обычными, «реальными» предикатами, они не обозначают свойства каких-то реальных вещей.

До аналитиков это уже хорошо понимал И. Кант, который толковал категорию бытия в качестве особого, не являющегося «реальным» предиката. В своих выводах аналитические философы согласны с Кантом в том, что бытие (существование) не является предикатом, но они отказываются искать основания этого в рассудке (средствами «аналитики рассудка», претендующей на синтетическое априорное знание). Вместо этого основанием становится логическая семантика как чисто формальная, построенная на аналитических высказываниях *философия языка*.

Р. Карнап доказывает бессмысленность вопроса об онтологии в безотносительном смысле, подобная онтология есть, по его мнению, метафизика. Всякий же научно обоснованный разговор о существовании тех или иных объектов необходимо релятивизировать к некоторому «языковому каркасу» [3]. Релятивизация онтологии к языку взаимодействует с принципами редукционизма и физикализма. Карнап принимает эмпиристский редукционизм, построенный на идее базисных протокольных высказываний, данный редукционизм достаточно близок к логическому атомизму. Отличие порядка конструирования мира Карнапом от атомизма Рассела видится в том, что Рассел начинал с существования объектов у *логических имен собственных* (обозначающий инструментарий области «знания-знакомства»), Карнап же начинает с истинности протокольных *высказываний*,

а существование объектов, которые соответствуют конститuentам высказывания, делает *производным от истинности* целого высказывания.

В области семантики Карнапом предлагается метод экстенционала и интенционала, идущий от трехуровневой семантики Г. Фреге и сохраняющий поэтому элементы платонизма в истолковании абстрактных сущностей. Наряду с терминами для обозначения индивидуальных сущностей Карнап признает термины для обозначения классов и других абстрактных объектов. Предикатные знаки в семантике Карнапа могут интерпретироваться как обозначающие выражения.

Следует заметить, что трехуровневые семантики и поныне сохраняют свою актуальность благодаря работам Р. Карнапа, К. И. Льюиса, Дж. Серля и ряда других авторов. Критику же трехуровневых семантик начинал Б. Рассел, а в дальнейшем она была развита в рамках «новой теории референции» С. Крипке, Х. Патнэма и др.

Обратимся более детально к идее релятивизации онтологии в рамках концепции языковых каркасов. Карнап разделяет «внешние» и «внутренние» вопросы языкового каркаса. При этом внешние вопросы не являются научными, так как не зависят от эмпирической науки. Например, не является научным вопрос о том, будем ли мы говорить о числах в рамках теории множеств или в рамках какой-то иной альтернативной системы, например мереологии С. Лесневского. Для науки безразличен метафизический спор между реалистами и номиналистами, он является попыткой ответа на внешние вопросы. Еще один пример внешних вопросов, который приводит Карнап, — это безразличие для науки нашего выбора физикалистского или феноменалистского языка.

Внутренние же вопросы научно осмыслены и решаются либо аналитическими методами, прежде всего в области формальных теорий, либо эмпирическими — в области теорий содержательных. Например, поиск числа с заданными свойствами в математике или поиск элемента с некоторыми характеристиками в химии должны быть отнесены к области внутренних вопросов.

Когда мы признаем вслед за Карнапом, что семантика — дело чисто конвенциональное, связанное с конструированием и принятием некоторых языков, то очевидно, что подобная конвенциональность семантики хорошо соответствует искусственным языкам науки. Особенно подходит конвенциональность для формальных наук, в области которых онтология действительно оказывается производной от принятой нами семантики (а не референции), и мы не имеем возможности говорить об онтологии безотносительно к семантике некоторого языкового каркаса.

Разграничение, предлагаемое Карнапом, чем-то напоминает разграничение ноуменального и феноменального в философии И. Канта. Область «возможного опыта» Канта превратилась у Карнапа в область возможного языкового выражения. Однако онтология оказывается *внутри* языкового каркаса, что расходится с традиционным толкованием онтологии как части метафизики в качестве предельно общей и фундаментальной науки, «внешней» по отношению к наукам конкретным. В области внешних вопросов семантика смещает и заменяет у Карнапа метафизику и традиционную онтологию. Языковые каркасы и «внешние вопросы» Р. Карнапа подобны по своей функции априорным основаниям И. Канта, но имеют характер *аналитических* истин, принимаемых по конвенции. Конвенции

же соответствуют прагматике научного исследования (прагматике в более узком толковании, чем у У. Куайна или Н. Гудмена).

У Куайна мы видим в чем-то еще более решительный отход от предшествовавшей онтологии логического атомизма в направлении холизма. При этом холизм Куайна сочетается с более номиналистической онтологией, чем у Рассела или Карнапа. Но это отнюдь не более последовательный, чем у Карнапа, отход от классической метафизики! Холизм Куайна соединен с номинализмом. Подчеркивая ценность принципа «бритвы Оккама», Куайн разделяет всех философов на два лагеря — «сторонников бороды Платона» и «сторонников бритвы Оккама», между которыми идет тысячелетняя борьба. И эта борьба, по мнению Куайна, не совсем безразлична для науки, ибо у нас могут иметься достаточно веские прагматические основания для предпочтения в отношении выбора той или иной онтологической позиции, что нарушает принципы чистой конвенциональности и толерантности Р. Карнапа в области решения внешних вопросов, связанных с выбором языка. Точнее, конвенциональность, согласно Куайну, допустима в несколько меньшем объеме, чем у Карнапа. Например, выбор между семантическими системами с различной степенью близости к платонизму или номинализму вполне допустим, как между интуиционизмом, формализмом и логицизмом в области философии математики. Однако выбор между атомистикой и пантеоном олимпийских богов — нет. Куайн пытается соорудить мост между теориями науки («физики») и философии.

Разграничение аналитических и синтетических высказываний теряет значение для Куайна не абсолютно, но только в своей содержательной, «лингвистической» составляющей. Мы не можем, согласно Куайну, отделить выбор некоторого языка от проблем, связанных с решением внутренних вопросов существования и истины. Однако было бы ошибочно утверждать, что для Куайна не существует чистого аналитического знания, таковое есть, и это логические тавтологии [4, 344]. Принимая, что логические тавтологии от мира независимы, Куайн нисколько не покушается на аналитические истины в данном отношении. Таким образом, область необходимых аналитических истин в концепции Куайна не совсем пуста, хоть и образует весьма скудный ландшафт. Никаких необходимых истин помимо логических тавтологий, которые и есть аналитическое в узком и строгом смысле слова, не существует. Можно сказать, что наряду с обоснованием неразрешимости сколько-нибудь интересного, содержательного толкования дихотомии аналитическое/синтетическое Куайн предлагает тривиализацию данной дихотомии.

Вследствие того что интересная интерпретация дихотомии аналитического и синтетического неразрешима для конкретных высказываний некоторого достаточно богатого языка, а узкая интерпретация тривиальна, возникает асимметрия между аналитическим и синтетическим. При наличии необходимо истинных аналитических высказываний чистой логики не существует необходимо истинных синтетических высказываний. Если все синтетическое опосредовано языковыми предпочтениями, детерминируется некоторой семантикой, то и всякая семантика, в свою очередь, содержательно наполнена некоторой онтологией. Граница между семантикой и онтологией условна. Семантическое восхождение как в области истины, так и в области существования не порывает с реальным миром. Поэтому

у онтологии всегда имеются чисто экстенциональные основания, которые следует изучать уже не в семантике, а в *теории референции*.

Благодаря Куайну, с его стремлением к экстенциональному обоснованию онтологии, понятие *онтологических обязательств* становится ключевой категорией онтологии. Если мыслить категорию онтологических обязательств в духе лингвистического поворота, то вопрос их принятия заключается вовсе не в обязательстве признать реальное существование (или несуществование) тех или иных сущностей, а в возможности правильного *разговора* (или *теории*) о их существовании; можно сказать — и правильного *описания* (вспомним теорию дескрипций Б. Рассела). Онтология есть онтология некоторой теории или языка, задающих «правильный разговор» о существующем.

Здесь возникает вопрос о соотношении научной теории и философии. Может ли языковой каркас оказаться системой *предельно общих* философских категорий? Или мы можем говорить об онтологии лишь для частных научных теорий, об онтологии в неметафизическом смысле, как у Карнапа? Заставляет ли нас переход, например, к языку химии принять *онтологические* обязательства в отношении существования молекул, валентностей и прочих сущностей как определенную онтологию? Согласно Куайну теории науки не могут быть отгорожены от области онтологии. Онтология растет из науки и отличается от последней лишь степенью общности. Границ между физикой как парадигмой всякой эмпирической научной теории и философской онтологией не существует. В то же время позиция Куайна в отношении теорий науки напоминает позицию Л. Витгенштейна в отношении языка, говорящего о нашей неспособности соотнести язык с реальностью в силу того, что мы не можем выйти за рамки языка.

Исследование онтологии некоторой теории методами Куайна требует осуществить реконструкцию данной теории в языке логики предикатов первого порядка, а затем обратиться к связанным переменным формализованной теории. Принцип данной реконструкции емко описан Е. Драгиной-Черной: «Интересуясь онтологией некоторой теории Т, мы должны формализовать ее и исследовать модели полученной формализованной теории Т-1. Множество объектов, входящих в универсум этих моделей (т. е. именно тех объектов, для которых в Т-1 при ее стандартной интерпретации имеются квантифицированные переменные), и полагается онтологией исходной теории. Можно показать, что понимаемая таким образом онтология релятивизирована относительно выбора того или иного способа формализации теории» [1, 128].

Второй важный момент связан с тем, что онтологические обязательства проблемно определимы только в случае стандартной, *объектной* интерпретации квантификации, а не подстановочной (квантификация по именам объектов не допускается). Может показаться, что когда Куайн говорит, что онтология решает вопрос о том, «что есть на самом деле», он отходит от принципов лингвистического поворота, согласно которому вместо обязательств в отношении самого сущего нам следует ограничиться лишь обязательствами в отношении *речи* о сущем (как мы и утверждали выше). Однако экстенционализм и объектная интерпретация кванторов еще не определяют то, что существует на самом деле

в силу *неопределенности референции*. Так вопрос о том, «что есть на самом деле», сталкивается с онтологической относительностью.

Не следует путать неопределенность референции *терминов* с неопределенностью перевода *предложений* — это совершенно разные вещи. Неопределенность перевода говорит о существовании нескольких правильных и грамматически корректных переводов некоторого высказывания (например, высказывания «Это гавагаи»), а неопределенность референции говорит о возможности того, что некоторый термин обозначает разные объекты (например, термин «гавагаи»). Онтологическая относительность эквивалентна неопределенности референции, но не неопределенности перевода. Высказывания могут сохранять истинностное значение даже в случае неопределенности референции входящих в них терминов (= обозначаемых этими терминами объектов). Получается, что непостижимость референции вместе с онтологической относительностью отличны от неопределенности перевода, которая имеет место на уровне семантики, а еще более важно, что они *менее фундаментальны*, чем недостаточная определенность всякой научной теории эмпирическими данными.

Неопределенность референции и онтологическую относительность хорошо поясняет пример Д. Дэвидсона [2, 313]. Мы можем интерпретировать одну и ту же физическую реальность и по температурной шкале Цельсия, и по температурной шкале Фаренгейта, получая различные числовые характеристики измеряемых объектов. Референция (= объекты) зависит от интерпретации. Дэвидсон не согласен с Куайном лишь в том, что мы способны говорить о неопределенности референции с одновременной фиксацией некоторой онтологии. Онтологическая относительность, *отождествляемая* по Дэвидсону с относительностью референции, не позволяет (в силу возникающей самопротиворечивости) получать какие-либо релятивистские следствия. Сделать релятивистские выводы из концепции Дэвидсона еще сложнее, чем из концепции Куайна.

Для Карнапа всякая попытка обоснования разграничения позиций физикализма и феноменализма должна быть отнесена к метафизике и рассматриваться как псевдопроблема. Для Куайна же это разграничение имеет некоторый научный смысл и должно детерминироваться общей прагматикой науки. Восхождение к предельно общим категориям онтологии от категорий физики аналогично у Куайна семантическому восхождению к таким универсальным категориям, как истина, логическое следование и т. д. Однако остается большим вопросом общий метод онтологического восхождения от реконструированного языка науки к языку философии.

Обратимся к неопределенности референции. Мы не можем, по Куайну, знать референцию терминов рассматриваемого языка (теории) без наличия какого-то *предпосылочного* языка (теории). Так «гавагаи» может обозначать как кролика, так и пространственно-временное дополнение кролика (пусть это и фантастично для нас). Тогда все предложения языка сохраняют свое истинностное значение, тождественное их значению в языке, в котором «гавагаи» обозначает кролика. Истинностное значение высказываний двух полученных языков тождественно, а задаваемая референцией терминов онтология различна! Таким образом, истинность еще не детерминирует референцию и онтологию, — здесь и скрывается

возможность различных онтологий в рамках одной и той же теории (равно языка, так как Куайн не определяет, в чем же состоит различие между языком и теорией). Это и есть источник онтологической относительности. «Таким образом, референция и онтология низводятся до статуса простого вспомогательного устройства. Истинные предложения — как предложения наблюдения, так и теоретические предложения — суть альфа и омега научного предприятия» [5, 58].

Поток стимульных реакций на высказывания некоторого языка, заставляющий их классифицировать на истинные (в случае согласия) и ложные (в случае несогласия), еще нуждается в дополнительном упорядочивании. Зная истинностные значения высказываний наших языков и теорий, мы еще не знаем те объекты, на которые следует расчленять факты реального мира. Как в философии Канта опыт нуждается в упорядочивающей деятельности рассудка, так и в философии Куайна материя фактов нуждается в структурировании и разделении на объекты посредством интерпретации референции.

Без предпосылочной теории мы имеем непостижимость референции и онтологии, с предпосылочной теорией — относительность онтологии и неопределенность референции. По-видимому, «предпосылочная теория» Куайна забирает некоторые функции внешних вопросов Карнапа. В то же время отделение семантики от онтологии, а также внешних вопросов от внутренних представляется в некотором отношении более нейтральной и конструктивной позицией, чем зависимость от постулируемых онтологических сущностей предпосылочных теорий.

Методологии лингвистического анализа больше соответствует движение от *истины к существованию*, а не наоборот. Мы должны начинать с анализа истинности и ложности наших высказываний о том, что есть, определяя границы возможного существования. То, что указанные категории до некоторой степени конвертируемы, достаточно очевидно: если мы утверждаем существование чего-то, мы обязаны признавать истинность высказывания, что это что-то существует. Однако обратное в рамках подхода Куайна оказывается не всегда верно: если мы признали истинность наших высказываний, это еще не детерминирует наше признание существования тех или иных объектов. Так получается вторая асимметрия концепции Куайна, — референция и существование оказываются более опосредованной категорией, чем истина.

У Карнапа истинность и ложность *зависят* от выбора языкового каркаса, от семантики языка, которая задается внешним образом. У Куайна истинность и ложность абсолютны, они от семантики языка ни в малейшей степени *не зависят*, не зависят ни тавтологии, ни стимульно принимаемые фактические высказывания. «Куайн является сторонником научного реализма, который можно охарактеризовать как “реализм истины”. В этом реализме признаются независимая от субъекта реальность и возможность ее познания, однако объекты, наделяемые статусом реально существующих, оказываются “постулатами” научных теорий, принимаемых научным сообществом в качестве истинных» [6, 112]. Истинность и ложность определяются, по Куайну, вовсе не референцией, а нашими стимульными реакциями принятия или непринятия некоторого фактического высказывания, совершенно безразлично к какому языку относящегося. Стимульные реакции на высказывания *предшествуют* референции, они более фундаментальны, чем

референция. Указанная особенность делает Куайна более последовательным в некоторых отношениях сторонником эмпиризма, чем Карнап.

Возвращаясь к релятивизации онтологии (в неметафизическом смысле) Р. Карнапом, на основе разграничения внешних (семантика) и внутренних (онтология) вопросов, можно заметить, что о мире в целом мы не способны ничего сказать, не впадая в метафизику. В этом может быть увидено прямое влияние И. Канта, для которого мир как целое лежит за пределами человеческого опыта. Онтология в ее традиционном смысле заменяется у Карнапа конвенциями чистой семантики, обусловленными научной целесообразностью принятого языка (вместо кантовского ригоризма в области ноуменального).

Множество всех формальных теорий совпадает с множеством таких языковых каркасов, в которых внутренние вопросы могут быть разрешены исключительно аналитическими методами, т. е. решения данных вопросов есть исключительно аналитические высказывания. Другим множеством является множество таких дедуктивных систем, в которых решения внутренних вопросов выражаются не в одних только аналитических, но и необходимо в синтетических высказываниях, данное множество охватывает всю область содержательных теорий. Тем самым онтология концепции Карнапа гораздо шире онтологии формальных теорий. Предлагаемое Карнапом решение отличается от классической философии тем, что онтология переносится *внутрь* языкового каркаса, а из области внешних вопросов онтология изгоняется вместе с метафизикой, тем самым область внешних вопросов всецело переходит под юрисдикцию логической семантики.

У. Куайн принимает классы как некоторые «метафизические» сущности, от которых мы не можем отказаться без существенных сложностей. Тем самым Куайн принимает некоторую метафизику абстрактных объектов, полагая ее чем-то более фундаментальным, чем категории конкретных наук, категории «физики». Принцип онтологических обязательств, действующий в сфере конкретных наук и теорий, дополняется не только метафизикой абстрактных объектов. Еще одна метафизическая категория — это категория мира как целого. И здесь Куайн существенно отдалается от Канта, полагавшего, что разговор о мире в целом есть чистая метафизика, которая не может иметь никакого научного (опытного) содержания.

В противоположность Карнапу, Куайн допускает возможность чисто прагматического решения вопроса об онтологии мира, считая такой вопрос осмысленным. По Куайну, мы можем (имеем право) ставить вопрос о том, что «есть на самом деле»: олимпийские боги или атомы и молекулы. Аналогичная двойственность может быть обнаружена у Б. Рассела, согласно которому мы имеем право на метафизическое познание мирового целого (что расходится с чисто «лингвистической» трактовкой теории дескрипций). Так же и для Куайна — философия отличается от физики всего лишь степенью общности используемых категорий.

Идею эквивалентности всякого интенционального языка некоторому экстенциональному языку выдвинул Р. Карнап, и до настоящего времени она остается недоказанным предположением. Карнап пытался реализовать данную идею в рамках редуccionистской программы. Однако подобная редуccionистская реализация идеи эквивалентности интенционального языка некоторому экстенциональному

языку не является единственной возможностью. Идею эквивалентности можно отстаивать независимо от идеи редукции к эмпирическим высказываниям.

Несмотря на то что Куайн отрешивается от редукционистского проекта, он развивает концепцию *логической реконструкции* всякого научного знания. Идея Куайна о возможности сведения предельно общих онтологических категорий интенционального типа к категориям позитивной науки опирается на идею Карнапа о сводимости всякого интенционального языка к языку чисто экстенциональному. Куайн следует методологии логического парафразы, предложенного уже в теории дескрипций Б. Рассела, распространяя его на область научных теорий. Идея состоит в поиске такой реконструкции теории, которая бы позволяла определить категорематические выражения, связанные с онтологическими обязательствами. В подобной реконструкции категорематическое значение сохранится за высказываниями с квантифицируемыми переменными.

Представляется, что идея языковых каркасов замечательна в области искусственных языков, теоретическое (априорно-аналитическое) конструирование которых может при этом быть перенесено в область чистой семантики, язык которой конвенционален. Если же дистинкция искусственных и естественных языков нам безразлична, что в некоторых контекстах вполне допустимо, то идея языковых каркасов становится проблематичной. В подобном случае необходим ригоризм некой универсальной логики, определяющей не только научные теории, но и семантику (например, логика предикатов первого порядка). В этом направлении развивается мысль Б. Рассела и У. Куайна.

Интересна идея В. А. Смирнова [7, 140–144], который пытается определить понятие онтологических обязательств применительно к внешним, а не к внутренним вопросам наших научных теорий. Очевидно, что позиция Смирнова в чем-то согласуется с точкой зрения Р. Карнапа, который разделял внешние и внутренние вопросы, а также, что не менее важно, ограничивал науку сферой вопросов внутренних. Внешние же вопросы, по Карнапу, должны решаться в области логической семантики, которая сменяет на данном поприще классическую метафизику. В то же время Р. Карнап считал всякую попытку научного ответа на внешние вопросы метафизикой, подлежащей устранению, а это уже расходится с намерениями В. А. Смирнова. Куайн же отрицал возможность последовательного разграничения между внешними и внутренними вопросами, между семантикой и онтологией, что также не согласуется с намерениями Смирнова.

В. А. Смирнов делает попытку обосновать связь онтологии с лингвистическим выбором через оригинальное толкование категории онтологических обязательств, опирающееся на некоторые идеи А. Черча. Проблематичность предлагаемого Смирновым обоснования лингвистической зависимости онтологии заключается в том, что онтологическая ангажированность языкового выбора становится фикцией в области семантического конструктивизма в духе Р. Карнапа с его четким разграничением внутренних и внешних вопросов. Карнап изгоняет *философскую онтологию*, которую вслед за Кантом стремится спасти Смирнов, но уже не в области кантовской «аналитики рассудка», а в области логической семантики. В области отграниченной от внутренних вопросов логической семантики от онтологии наших *содержательных теорий* просто-напросто ничего не остается. Смирнов

же желает спасти и разделение вопросов в духе Карнапа, и связь онтологии с содержательными теориями науки в духе Куайна.

Если же принять позицию Куайна в отношении онтологической ангажированности семантики, то *необходимо* отбросить разграничение внешних и внутренних вопросов, чего Смирнов делать не собирается. Совместить Карнапа с Куайном не легче, чем совместить теорию идей Платона с теорией идей Аристотеля. Онтологию классического типа (отличную от науки, не являющуюся формальной и т. д.), совместимую с анализом Карнапа и Куайна, вряд ли возможно построить. Связать семантику с онтологией, к чему и стремится Смирнов, можно, лишь уничтожив автономию семантики, как то и делает Куайн, отказавшись от чисто формального толкования «внешних» вопросов (в духе логической семантики Карнапа). Онтологические обязательства семантики могут быть куплены лишь слишком дорогой и неприемлемой для концепции Смирнова ценой — ценой уничтожения деления на «внешнее» и «внутреннее». У. Куайн направляется именно по данному пути, начиная с последовательного перехода от теории значения к теории референции.

Онтология Куайна вырастает из эмпирии наших научных теорий и не имеет собственного независимого пространства, как было в классической философии. Между онтологией и физикой не остается *никаких* границ. Поставляемые наукой истинные высказывания, сводимые к стимульным реакциям на основе чувственных данных, подвергаются дальнейшей обработке и членению на объекты. Об *объектах*, населяющих наш мир, имеет смысл говорить лишь после того, как опыт найдет выражение в высказываниях наших теорий. Онтология говорит о том же самом единственном и неповторимом физическом мире, что и науки.

Любое теоретическое высказывание реконструируемо в первопорядковом языке и представимо некоторой формулой с квантифицируемыми переменными. Подобная реконструкция и задает объекты, которые мы обязаны принять, если принимаем соответствующие теории. Быть (существовать) в качестве тех или иных объектов равнозначно тому, чтобы быть значением квантифицированных переменных теоретических высказываний (разумеется, *истинных* высказываний).

Интересно обстоит дело с релятивизмом. Карнап с его идеей языковых каркасов оказывается более последовательным релятивистом, чем Куайн с его онтологической относительностью. Для Карнапа истина оказывается относительной в силу конвенциональности семантики, для Куайна же истина абсолютна и от языка никак не зависит. Оказывается, что онтологическая относительность — никакой не релятивизм, а самый настоящий реализм! По крайней мере, в отношении фактического содержания мира — совокупности всех фактов, которые пересмотру не подлежат. Релятивизм возникает лишь на стадии членения данной совокупности фактов на объекты. Подобное членение можно проводить одинаково успешно альтернативными способами, получая различные составляющие мир объекты (например, волны или частицы в случае света).

Чтобы прояснить дополнительные аспекты различий в толковании категории существования Карнапом и Куайном, уместно вспомнить оригинальное разделение Я. Хинтиккой двух философских позиций в трактовке категории истины [8, 46–58]. Хинтикка разводит позицию универсалистов, толкующих язык как

«универсальный посредник», и позицию сторонников трактовки языка как «исчисления». По нашему мнению, данная дихотомия может быть перенесена в область трактовки категории существования и онтологических обязательств. Как мы отмечали выше, существование конвертируемо в истину, но истина конвертируема обратно в существование лишь в концепции Карнапа, но не в концепции Куайна (вторая из асимметрий).

Конструктивистский конвенционализм Карнапа, его «модельное» толкование «языка в качестве исчисления» сменяются у Куайна определенной абсолютизацией языка как «универсального посредника» (термины Я. Хинтикки). Онтологическая относительность может пониматься как одна из форм языкового абсолютизма, как форма представления языка в качестве универсального посредника между нами и миром, аналогично тому, как «лингвистическая относительность» (крайне неудачный термин) является другой формой языкового абсолютизма, который связан с релятивизацией всего иного — поведения, мышления, культуры. Куайн же полагает, что его концепция совместима с реализмом: «...я принял реалистический взгляд на природу, которого действительно придерживаюсь» [5, 269]. Реализм Куайна возможен за счет того, что недостаточная определенность естествознания противопоставляется неопределенности перевода: «Факты природы выходят за рамки наших теорий, так же как и всех возможных наблюдений, тогда как традиционная семантика не выходит за рамки фактов языка» [Там же]. Таким образом, семантическая неопределенность дополнительна ко всякой из истинных теорий, всегда недостаточно определенных эмпирическими данными.

Позиция Куайна в трактовке существования может быть названа лингвистическим *универсализмом*, который допускает релятивизм существования, но без релятивизма истины: всякая принимаемая на основе опыта теория *объективно* истинна. Язык рассматривается как универсальный посредник между нами и миром, однако это не мешает объективному познанию мира. В частности, потенциал лингвистических реконструкций Куайна существенным образом связан с абсолютизацией классической логики предикатов. Карнап более терпим к принятию произвольных логических систем, конструктивный потенциал его позиции в большей степени приложим в области неклассических логик. В частности, концепция Карнапа позволяет свободно принимать те или иные интенциональные объекты.

В области конструирования и задания онтологии искусственных языков науки подход Карнапа имеет, по нашему мнению, преимущества в виде большей гибкости и конструктивности, что обусловлено постулируемой свободой семантики от онтологии. В области же естественных языков и языков эмпирических наук методы У. Куайна могут оказаться более эффективными. Методы Куайна в большей степени соответствуют как онтологии естественных языков, так и классической философской традиции в области метафизики.

1. Драгалкина-Черная Е. Г. Онтологии для \forall беляра и Элоизы. М., 2012.

2. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003.

3. Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология // Значение и необходимость. М., 1959.

4. Куайн У. Две догмы эмпиризма // Слово и объект : пер. с англ. М., 2000.

5. Куайн У. Преследуя истину. М., 2014.
6. Макеева Л. Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011.
7. Смирнов В. А. Логические методы анализа научного знания. М., 2002.
8. Хинтиikka Я. Проблема истины в современной философии // Вопр. философии. 1996. № 9.

Рукопись поступила в редакцию 6 августа 2014 г.

УДК 164:811.124

А. О. Копылова

УСЛОВИЯ ИСТИННОСТИ МОДАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛОГИКЕ У. ОККАМА*

Статья посвящена реконструкции подхода средневекового схоласта У. Оккама к анализу условий истинности модальных предложений. В ней эксплицированы общие черты семантики модальных предложений в логике Оккама и выявлена их семантическая близость к высказываниям о будущем и прошлом, а также обоснован вывод о том, что сближение предложений *sine dicto* с *de re* нельзя считать корректным.

Ключевые слова: средневековая модальная логика, *sine dicto* и *cum dicto*, *de re* и *de dicto*, суппозиция, номинализм

Возрождение теоретического интереса к средневековой модальной логике принято маркировать приблизительно 50–60-ми гг. XX в. Создание семантик временных, эпистемических, многозначных и модальных логик, а также введение в язык последних дистинкций *de re/de dicto* в значительной степени инспирировано античным и средневековым наследием. Недостаточная изученность и по настоящий момент многих текстов средневековых авторов, необходимость их адекватной интерпретации, а также отсутствие аппарата формализации в рассматриваемых логических теориях ставят перед исследователем средневековой логики преимущественно две задачи:

1) историко-текстуального анализа, интерпретации и реконструкции аутентичных концепций;

2) формализации логических теорий с целью их прояснения и поиска возможных плодотворных подходов для развития неклассических логических систем.

Особенно успешным можно считать обращение логиков XX в. [8, 9, 18] к модальным теориям и временной логике Средних веков. Несмотря на то что понимание алетических модальностей в данную эпоху в значительной степени находится под влиянием теологического контекста (к примеру, оно связано с известной дискуссией о понимании границ божественного всемогущества), в 60-е и 70-е гг. оно вызывает интерес многих современных исследователей, далеких от интереса к теологическим вопросам. Во многом это обусловлено тем, что

* В данной работе использованы результаты проекта «Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г. Выражаю благодарность Е. Г. Драгалиной-Черной за помощь в работе над статьей.

в позднем Средневековье развивается идея модальности, принципиально отличная от античных подходов. Она, по замечанию финского классика медиевистики и истории логики С. Кнууттилы, привлекает внимание исследователей, поскольку семантики, которые создаются на ее основе, имеют множество схожих черт с семантикой возможных миров.

С. Кнууттила выделяет три фундаментальные парадигмы понимания модальности в Античности: а) статистическую интерпретацию модальности, б) модель возможности как потенции, в) модель диахронических модальностей [9–11]. Базовыми текстами ранней схоластической логики были переведенные Боэцием трактаты Аристотеля «Об истолковании» и «Категории», а также сочинения самого Боэция — его комментарии на данные труды, на «Топику» Цицерона и другие его логические работы («О категорических силлогизмах», «О гипотетических силлогизмах» и др.)¹. Однако источником принципиально новой идеи модальности, начинающей развиваться в логике XII в., согласно Кнууттиле, является теория «вечного выбора Бога», принадлежащая Августину. Модальность, понимаемая как «референциональное многообразие с учетом синхронических альтернатив» [9], наиболее репрезентативно представлена в интенциональных системах Дунса Скота и, на мой взгляд, Оккама и Буридана. Одним из оснований для реконструкции поздних средневековых модальных концепций в семантике возможных миров, по мнению Кнууттилы, и является близость значения модальных терминов к идее синхронических альтернатив [11].

Историко-логических исследований средневековой модальной силлогистики в целом на настоящий момент существует уже немало (особенно по сравнению с ситуацией, которая имела место пятьдесят лет назад²), но примечательно, что хотя среди других рассматриваемых схоластов так или иначе упоминается У. Оккам, рассмотрение его идей скорее находится на периферии внимания исследователей³. Целью данной статьи является реконструкция подхода У. Оккама к анализу условий истинности модальных предложений. В ее рамках будет показано различие между предложениями *cum dicto* и *sine dicto*, *sensu diviso* и *sensu composito*, а также неадекватность их сближения с *de re* и *de dicto*⁴. Будут эксплицированы общие черты семантики модальных предложений в логике Оккама и выявлена их семантическая близость к высказываниям о будущем и прошлом, а также обоснован вывод о том, что сближение предложений *sine dicto* с *de re* нельзя считать корректным.

¹ В свою очередь, в «новой логике» к ним добавляется оставшаяся часть «Органона» Аристотеля.

² К примеру, в известной книге «The Development of logic» авторства Уильяма и Марты Нил модальной логике практически не уделено внимания [7].

³ Это особенно характерно для работ С. Кнууттилы, С. Укельман и П. Тома; существенное внимание уделено Оккаму Х. Лагерлундом, но его основная цель — сравнить подход Оккама к модальной силлогистике с подходом его современника Кэмпзалла и выяснить основания существенных отличий между теориями схоластов [9, 12, 19]. Прицельно посвящена Оккаму статья К. Дьютил Новаеш, которая обращается главным образом к различию *sensu diviso* и *sensu composito* и их возможного соотношения с *de re* и *de dicto* [3]

⁴ Здесь мы следуем Дьютил Новаеш, которая обращает внимание на неадекватность сближения данных категорий в статье «A medieval reformulation of the *de dicto/de re* distinction», однако значительно радикализуем ее интенцию.

Базовые понятия

Условия истинности модальных предложений⁵ в логике У. Оккама тематизируются последним во второй книге трактата «*Summa Logicae*», а также в третьей части третьей книги. Вторая книга в целом посвящена анализу и описанию различных типов индикативных предложений и экспликации условий их истинности. Первая книга, в свою очередь, представляет собой исследование терминов и их свойств, в то время как третья обладает наиболее сложной структурой и состоит из четырех частей («*De syllogismo simpliciter*», «*De syllogismo demonstrative*», «*De consequentis*», «*De fallacies*»), в силу чего включает в себя наибольшее количество далеких друг от друга тем. Перед тем как перейти непосредственно к модальным предложениям, следует уточнить базовые понятия семантики Оккама и его общий подход к экспликации условий истинности предложений.

Оккам начинает с семантически наиболее простых видов предложений, а затем переходит к более сложным и проблематичным — от единичных предложений настоящего времени к универсальным, модальным, а также предложениям о будущем и прошлом. Наиболее общим делением индикативных предложений будет деление на категорические и гипотетические: первые являются простыми и состоят из субъектного термина, предикатного термина и копулы, в то время как вторые имеют составную структуру и включают в себя несколько категорических предложений. Важно отметить, что подход Оккама к установлению условий истинности предложений в значительной степени мотивирован его онтологическими интересами — признанием *реального* существования только единичных вещей⁶. Это характерно для его логической системы в целом; не будет преувеличением сказать, что она фундирована его номиналистической позицией, что проявляется как на уровне теории терминов и их свойств, так и на уровне предложений и силлогизмов.

Для прояснения особенности подхода Оккама к пониманию истинности предложений возьмем самый простой пример из его классификации предложений — единичное категорическое немодальное предложение. Таковым будет предложение, где субъектом является указательное местоимение (я буду далее называть его демонстративом) или собственное имя. То, что семантику предложений с субъектными терминами подобного рода Оккам расценивает как базовую и наиболее простую, может показаться не совсем очевидным современному читателю: экспликация адекватной семантики имен собственных и индексальных выражений продолжает считаться нетривиальной задачей, требующей значительного внимания исследователей. Однако для Оккама принципиальна онтологическая простота данных терминов: и собственное имя (например, «Сократ»), и демонстратив указывают на конкретный объект внешнего мира, являющийся единственным⁷. Итак, у нас есть предложение

⁵ Латинское *propositio* здесь намеренно переводится как «предложение», так как для Оккама важны грамматические особенности приводимых им латинских конструкций.

⁶ «Вещь» здесь будет употребляться как замена латинскому *res* во избежание возможных коннотаций слова «объект», которое иногда для схоластической мысли выступает как анахронизм.

⁷ Понятно, что иначе дело обстоит с общими терминами, к примеру с термином «собака». Для Оккама принципиально важно, что общий термин обозначает не некоторое отдельное качество или понятие, а дискретно и одновременно — различных индивидов.

(1) Ангела Меркель [есть] человек⁸.

В этом предложении имеется субъектный термин «Ангела Меркель», предикат «человек» и копула настоящего времени⁹. Для того чтобы предложение (1) было истинным, необходимо и достаточно, чтобы субъект и предикат суппонировали¹⁰ одну и ту же вещь [15, 86]. Оккам поясняет эту мысль¹¹: посредством подобного предложения не утверждается, что то, что субъект суппонирует (в данном случае — Ангела Меркель), обладает сущностью «человечность» или что данная сущность в нем содержится. Сущности, так же как роды и виды, согласно Оккаму, не обладают *реальным существованием*.

Как замечает медиевист и переводчик двух книг *Summa Logicae* на английский язык А. Фреддосо, во второй главе второй части «*Summa Logicae*» Оккам показывает, что теория предикации предполагает «реальное существование только индивидуальных субстанций и качеств» [6, 1]. По словам Фреддосо, здесь Оккам пытается противостоять позиции реалистов, которая заключается в том, что для истинности даже самой простой предикации необходимо постулировать существование сущностей, которые реально отличаются от тех *единичных вещей*, которые с ними связываются.

Важно, что теория истины, которая предлагается Оккамом, основана на понятии суппозиции. Эта особенность понимания истины зарождается в рамках терминистской логики XIII в. как оппозиция более раннему метафизическому подходу Фомы Аквинского, причем наиболее репрезентативным образом она представлена в системах У. Оккама и Ж. Буридана. Подобная концепция, по замечанию Дьютил Новаеш, является едва ли не лучшим примером в истории философии теории истины, которая основана не на идее корреспондентности [4].

Понятие суппозиции нельзя считать новацией Оккама, оно появляется уже в терминистской логике, однако только в XIV в. выходит на первый план среди других семантических свойств терминов. Особенность его использования Оккамом заключается в том, что данное свойство ставится им в зависимость от другого, базового для его системы понятия «сигнификация». Сигнификация (от лат. *significatio* — обозначать) в первую очередь является эпистемическим и психологическим отношением. Введение данного термина в словарь средневековой логики связывается с комментарием Боэция на трактат Аристотеля «Об истолковании», в котором акт сигнификации определяется как акт установления понимания. Однако экспликация более позднего значения данного понятия представляется проблематичной [14]: связь между эпистемическим характером сигнификации, а также ее семантической функцией и ее отношением к суппозиции не совсем очевидна и продолжает быть предметом исследований. Тем не

⁸ Для того чтобы использованное в указанном примере собственное имя принадлежало индивиду, живущему в настоящее время, я выбрала имя канцлера Германии.

⁹ В русском языке копула эксплицитно присутствует не во всех случаях, но для нашего анализа важно использовать ее, даже когда для благозвучия без нее можно было бы и обойтись.

¹⁰ Значение понятия «суппонировать» будет уточнено далее, но для ясности здесь следует отметить, что глагол *supponit* означает «предполагать», а суппонирование, в свою очередь, может пониматься как обозначение некоторого объекта, которое возможно только в пропозициональном контексте.

¹¹ Собственное имя здесь сознательно заменено на имя нашего современника, — для анализа условия истинности предложений подобного рода это существенно.

менее можно сказать, что для Оккама сигнификация в наиболее прямом смысле понимается как первичное по природе отношение между концептом и реальным единичным объектом. Термин может сигнифицировать объект в силу того, что имеет место акт схватывания данного объекта, в котором образуется концепт. Таким образом, точкой отсчета является когнитивный акт.

Следуя Боэцию, Оккам выделяет три типа языка — письменный, устный и ментальный. Первые два являются конвенциональными и подчиненными концепту, или интенции души, в то время как последний — единственный термин, который образуется по природе. Различение первичной и вторичной сигнификации связано с тем, какого типа термин сигнифицирует реальный объект (или, что тоже допускается, концепт). Идея сигнификации, которая является базовой для теории суппозиции, применяется к терминам только в рамках пропозиционального контекста. Оккам определяет суппозицию как то, что «означает как бы подстановку вместо другого, так что когда термин стоит в высказывании вместо чего-либо, то он подразумевает это, и все это истинно, по крайней мере, если он взят сигнификативно» [2, 28].

Особенностью использования теории суппозиции было то, что она была традиционно направлена на экзегезу различных двусмысленностей в текстах: в зависимости от вида суппозиции термин мог подразумевать не то, что он реально сигнифицирует (так, например, термин «человек» может суппонировать не индивида, а имя). Но в XIV в. суппозиция становится фундаментом для новой теории истины. В отличие от сигнификации, будучи свойством терминов только в пропозициональных контекстах, она позволяет указывать на то, что подразумевают и субъект, и предикат. Например, в предложении «Сократ есть живое существо» сказывается, что если оно истинно, то субъект суппонирует тот же объект, который суппонирует и предикат «живое существо». Хотя сигнифицируют два этих термина по-разному: «Сократ» сигнифицирует реального индивида, в то время как «живое существо» сигнифицирует дискретно все объекты, которые являются живыми существами (в том числе и Сократа).

Одной из особенностей исследования теории суппозиции во второй половине XX в., особенно в 80-е гг., было ее отождествление с теорией референции [1, 13, 17]. Тем не менее к настоящему моменту такое отождествление не может считаться общепринятым. Так, Дьютил Новаеш возражает против него, предлагая рассматривать теорию суппозиции скорее как теорию пропозиционального значения¹². Не останавливаясь подробно на реконструкции средневековой концепции в терминах современных теорий, далее мы будем следовать аутентичному схоластическому языку.

¹² Подробнее см. [5]. Несмотря на то что для экспликации условий истинности предложений в логике Оккама понятие суппозиции является базовым, его дальнейшее рассмотрение и концептуальное сближение с терминологическим аппаратом современной семантики здесь осуществляться не будет.

Модальные предложения

Центральным для модальной логики Оккама является понятие *dictum*. Именно наличие или отсутствие *dictum* является основным критерием для разделения двух базовых типов модальных предложений. Как замечает схоласт, «предложение иногда называется модальным, потому что *dictum* предложения взят с таким модусом» [15, 119]. Это самый частый и семантически простой вид модальных предложений. Примерами таковых будут следующие:

(2) То, что каждый человек является животным, необходимо.

(3) То, что каждый человек является бегущим, контингентно.

В переводе на русский язык предложения (2) и (3) вызывают сомнения в том, можно ли их подвести под общий род категорических предложений. Чисто синтаксически это представляется некорректным: в обоих случаях следует говорить скорее о сложноподчиненном, чем о простом категорическом предложении с одним субъектным термином, одним предикатным термином и одной копулой. При переводе на русский язык (как и на английский) не удастся сохранить структуру латинского *dictum*, которое преобразуется в придаточную конструкцию. Несмотря на то что значение данного термина не было устойчивым (Абеляр понимает его скорее как то, что утверждается посредством предложения [3]), к XIV в. под *dictum* имелась в виду лингвистическая конструкция *accusativus cum infinitivo*. Таким образом, для латинского языка совершенно корректно говорить о предложениях с *dictum* как о категорических. Приведу латинский оригинал предложения (2):

(4) *Omnem hominem esse animal est necessarium.*

Диктумом будет конструкция (4.1) — *hoc quod dicitur omnem hominem esse animal.*

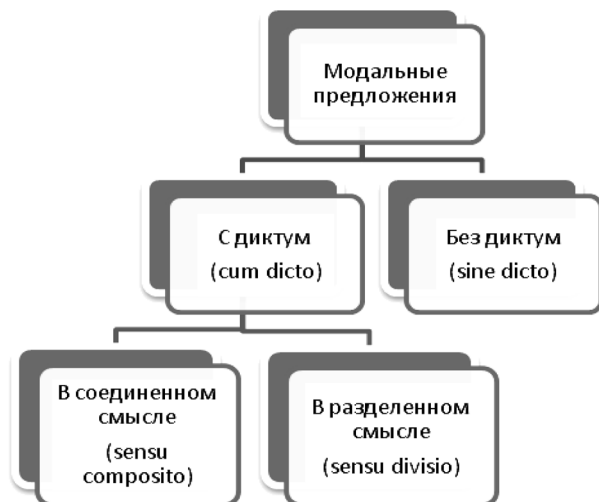
Другим видом модальных предложений Оккам называет те, в которых отсутствует *dictum*, например,

(5) Каждый человек необходимо является животным.

Это наиболее общее различие модальных предложений, которые у Оккама обозначены *cum dicto* и *sine dicto*, как легко заметить, пока носит чисто синтаксический характер. Важно, что подобная структура релевантна, согласно Оккаму, не только для алетических модальностей, но и для остальных видов модальностей — эпистемических, деонтических и др. Как замечает Оккам, Аристотель в своих сочинениях не затронул многие модусы [15], хотя нельзя сказать, что он их отрицал. Модус высказывания должен сказываться обо всем высказывании [Там же, 109] (!), а таковых может быть значительно больше, чем четыре: Оккам обращает внимание, что высказывания могут быть ложными, познанными, принятыми на веру, сомнительными и др. По замечанию Лагерлунда, Оккам является первым философом, который расширяет модальную силлогистику за пределы алетических модальностей [12]. Однако принципиально, что временные высказывания в состав модальных не включаются, а считаются самостоятельным видом и идентифицируются по наличию в них копулы будущего или прошедшего времени.

Помимо общего деления на предложения *sine dicto* и *cum dicto* Оккам предлагает более узкое деление предложения *cum dicto*. Он замечает, что их следует

различать с учетом смыслов *sensu compositio* и *sensu divisio*, т. е. соединенного и разъединенного смыслов, причем последний будет эквивалентен предложению *sine dicto*. Таким образом, получается, что синтаксическое различие предложений на те, в которых содержится диктум, и те, в которых он отсутствует, а затем дополнительное дробление первых с учетом разделенного и соединенного смыслов можно свести к разделению на два семантических типа (см. рисунок).

Деление модальных предложений

Различение *sensu compositio* и *sensu divisio* берет начало в трактатах Аристотеля «Софистические опровержения» и «Об истолковании», где оно понимается как один из паралогизмов. Оккам следует Аристотелю, выделяя данный паралогизм среди других в III-4 Summae Logicae «De fallacies», но в разделе, посвященном анализу модальных предложений, он не эксплицирует связь указанных смыслов с теорией паралогизмов. Однако, что примечательно, в наиболее общем виде (не применительно к Оккаму) это делает А. Прайор, который, различая сначала вслед за средневековыми схоластами модальные предложения *cum dicto* и *sine dicto*, а затем обращаясь к тексту «Софистических опровержений», выделяет паралогизмы соединения и разъединения. Прайор приводит пример, вдохновленный «Софистическими опровержениями» и «Summulae» Петра Испанского

(6) «Человек может¹³ писать, когда он не пишет» [18, 186].

Трактовка этого предложения зависит от группировки, иначе говоря, от области действия операторов, которая, в свою очередь, зависит от того смысла, в котором прочитывается предложение.

(6.1) *sensu composito*: Человек может писать-когда-он-не-пишет.

(6.2) *sensu divisio*: Человек может-писать, когда он не пишет.

¹³ В английском оригинале стоит словосочетание *is able*, которое выражает как возможность, так и природную способность человека.

Другими словами, первое предложение будет ложным, так как для человека невозможно обладать свойством *писать* и *не писать* одновременно, в то время как второе предложение может быть истинным, — имеется в виду, что даже когда человек не пишет, *он обладает способностью писать*.

Интересно, что окончательную интерпретацию этих примеров Прайор осуществляет через наличие в них диктума, что в конечном счете отождествляется со смыслами *de dicto* и *de re*. Таким образом, данные предложения могут быть переформулированы следующим образом:

(6.1) \Rightarrow (6.3) То, что человек пишет, когда он не пишет, возможно.

(6.2) \Rightarrow (6.4) Человек который не пишет, может писать¹⁴.

По мнению Прайора, «в первом смысле возможность предцирована *de dicto* диктуму» (6.3), в то время как во втором смысле она «предцирована *de re* индивиду» [18, 186]. Сначала Прайор говорит о возможности использования различия синтаксической формы *sine dicto* и *cum dicto* для выражения различия в смыслах. Однако затем, дополнив аппарат анализа паралогизмами соединения и разделения¹⁵, он уже на основании семантических причин указывает на наличие двух прочтений *de dicto* и *de re*. Таким образом, *sensu composito* отождествляется им с *de dicto*, а *sensu diviso* — с *de re*. Хотя в данном фрагменте Прайор прямо и не следует Оккаму (а скорее опирается на Петра Испанского и синкретический опыт других схоластов), он осуществляет анализ, который хорошо вписывается в рамки предложенных Оккамом дистинкций. Прайор стремится к интерпретации *sensu diviso* как *de re*; в данной статье я надеюсь показать, почему применительно к Оккаму этот шаг не может считаться корректным.

Вернемся к различению типов модальных предложений Оккамом. В соответствии с рисунком (он включает деление как по синтаксическим, так и по семантическим характеристикам, что соответствует интенции схоласта) остаются только две разновидности модальных предложений, которым соответствуют различные условия истинности, — обозначим их как предложения *sine dicto* и *cum dicto*.

Начнем с предложений *cum dicto* как наиболее простых для семантического анализа, согласно подходу Оккама. В составном смысле всегда утверждается, что модус предцирован предложению, которое соотносится с рассматриваемым диктумом.

Возьмем предложение

(2) То, что каждый человек, является животным, необходимо.

Оккам оценивает (2) как истинное. Соответственно модус «необходимо» истинно предцирован предложению, которое, в свою очередь, соотносится с диктумом «То, что каждый человек является животным». В главной конструкции диктум здесь будет выступать в качестве субъектного термина, в то время как модус — в качестве предиката.

Предложение *cum dicto* будет истинным, если и только если модус истинно предцирован соответствующему предложению.

¹⁴ Аналогом в английском языке конструкции «может писать» (*is able to write*), по мнению Прайора, будет *possibly-writing*.

¹⁵ Непосредственно он здесь явно опирается на различение Петром Испанским двух типов модальных предложений (соединенного и различенного).

Предложения *sine dicto* представляют бóльшую сложность для семантического анализа. Оккам делает важное замечание, что предложения *cum dicto* и *sine dicto* не являются взаимозаменяемыми и непереводаемы друг в друга. Одно может быть истинным, в то время как другое — ложным. Такова ситуация с известными примерами, которые схоласт заимствует у Аристотеля

(2) То, что каждый человек есть животное, необходимо.

(2.1) Каждый человек необходимо есть животное.

При этом предложение (2.1), согласно как Аристотелю, так и Оккаму, будет ложным.

Для истинности предложений *sine dicto*, пишет схоласт, «необходимо, чтобы модус, выраженный в данном предложении, был истинно предцирован немодальному предложению, в котором тот же самый предикат был предцирован тому, что субъект суппонирует» [15, 113]. Как замечает сам Оккам, дело обстоит таким же образом, как и в случае с предложениями настоящего и прошедшего времени. То, как им осуществляется данный анализ, лучше всего показать на авторском примере

(7) Каждая истина необходимо истинна.

(Оккам допускает в свою логическую систему самореферентность.)

Как поясняет философ, в данном случае «должно быть необходимо каждое предложение, в котором предикат предцирован ко всему, что субъект суппонирует» [Там же] (ср. с подходом к анализу универсальных предложений *cum dicto*). Таким образом, предложение (7), согласно Оккаму, будет истинно, если будут истинны следующие метапредложения:

(a) «Это» [есть] «истина».

(b) (Это [есть] истинно) [есть] «необходимо» при условии, что предикат подчиненного предложения «истинно» предцирован тому, что суппонирует субъект исходного предложения.

В данных предложениях роль субъектного термина исполняет указательное местоимение, в то время как роль предиката в (a) исполняет субъект изначального предложения (7), а в (b) — предикат изначального предложения (7).

Авторский пример представляется не самым удачным в силу наличия самореферентности, поэтому представим здесь общую форму.

Предложение

(8) «Субъект» [есть] (модальность, выраженная в форме наречия) «предикат» истинно, если будут истинны следующие предложения:

«Это» [есть] «субъект»,

(Это [есть] предикат) [есть] «модус» при условии, что предикат должен быть предцирован тому, что суппонирует субъект исходного предложения.

В предложении (a) субъект должен суппонировать то же, что суппонирует предикат в предложении (b), при условии, что (a) и (b) истинны. Таким образом, истинность предложения (8) требует истинности двух предложений, одно из которых является немодальным, а другое имеет форму *cum dicto*.

В исследовательской литературе, особенно в 80-е гг. XX в., было принято отождествлять *sensu diviso* модальных предложений *sine dicto* в системе Оккама с модальностью *de re* [9–11, 17]. Причем если какие-то возражения и высказывались,

то скорее относительно *de dicto* [17], в то время как первое отождествление не вызывало вопросов. Среди специалистов, не приветствовавших его, следует выделить Дьютил Новаеш, которая кратко излагает историю появления в современной модальной логике дистинкции *de re* и *de dicto* и показывает, что *sensu diviso* не следует понимать как *de re*, так как он все равно будет сведен к *de dicto* [3]. Хрестоматийное различие данных прочтений модальных предложений вводит фон Бригт [20], обращаясь к Фоме Аквинскому, для которого критерием различения как раз являлась роль диктума. В данной статье я следую Дьютил Новаеш [3], однако значительно радикализирую ее подход.

Границы действия модуса для предложений *cum dicto* и предложений *sine dicto* действительно разные: область действия модуса последнего ограничивается связкой, таким образом, модус не является предикатом всего предложения. Представляется, что рассматриваемый семантический тип, обозначенный нами как *sine dicto* (и который не сводится только к данной синтаксической структуре), не может быть отождествлен со смыслом *de re*. Анализ условий истинности модального предложения *sine dicto* реализуется Оккамом с помощью выделения двух более простых остенсивных метапредложений, истинность которых гарантирует истинность модального предложения. Таким образом, с уровня высказывания Оккам не уходит, и говорить (чисто технически), что в случае *sine dicto* модальность относится не к выражению, а к индивидуальному объекту, мы не можем, поскольку и во втором случае она также приписывается высказываниям.

С другой стороны, представляет интерес то, что, как указывает сам Оккам, анализ условий истинности предложений *sine dicto* осуществляется аналогично анализу условий истинности предложений о будущем и прошлом. Согласно реконструкции С. Кнууттилы для модальной семантики Оккама характерно понимание модальности как «референциального многообразия с учетом синхронических альтернатив» [9], в то время как некоторым предшествующим модальным теориям Средних веков было свойственно понимать алетические модальности темпорально и диахронически, например Боэцию. Тогда встает вопрос об основаниях сближения Оккамом анализа условий истинности модальных предложений и предложений о будущем и прошлом: если они не оцениваются в рамках общей диахронической перспективы, то чем обусловлен единообразный подход к экспликации семантики?

Можно предположить, что сближение условий истинности предложений о будущем и прошлом и модальных предложений проводится Оккамом в силу следующих причин. Во-первых, несмотря на то что временные предложения имеют дело скорее с диахронической перспективой, в то время как модальные — с синхронической, общий для анализа и тех и других аппарат суппозиции позволяет описывать их с помощью одного инструментария. Во-вторых, особенностью подхода Оккама, а за ним и другого номиналиста — Буридана, является введение простых метапредложений с демонстративами. Подобное решение, на мой взгляд, мотивировано в первую очередь онтологическими интересами, поэтому и распространяется на разные типы высказываний. Простые метапредложения с демонстративами по сути имеют остенсивный характер (к примеру, предложение «Это есть Сократ»), что делает их онтологически наиболее простыми, а семантически — базовыми

для Оккама. Указание на конкретный реальный объект и его суппонирующее не вызывает трудностей, связанных с универсалиями или абстрактными терминами, а потому модель введения оstenсивных метапредложений становится общей для семантики и модальных предложений и предложений о будущем или прошлом.

-
1. Лисанюк Е. Н. Теория суппозиции в Средние века // Verbum. СПб, 2000. № 2. С. 14–37.
 2. Оккам У. Избранное / пер. А. В. Апполонова, М. А. Гарнцева. М., 2010.
 3. Dutilh Novaes C. A medieval reformulation of the de dicto/de re distinction // LOGICA Yearbook. 2003. Prague, 2004. P. 111–124.
 4. Dutilh Novaes C. Medieval Theories of Truth // Lagerlund H. Encyclopedia of Medieval Philosophy. B. : Springer, 2011. P. 1340–1347.
 5. Dutilh Novaes C. Formalizing Medieval Logical Theories. Springer, 2007.
 6. Freddoso A. Introduction // Ockham W. Part II of the Summa Logicae. St. Augustine Press, 1998.
 7. Kneale M. and W. The Development of Logic. Clarendon Press, 1962.
 8. Kneale W. Modality de dicto and de re // Nagel E., P. Suppes & A. Tarski. Logic, Methodology and Philosophy of Science. Stanford University Press, Stanford, 1962.
 9. Knuuttila S. Modalities in medieval philosophy. L. ; N. Y., 1993.
 10. Knuuttila S. Modality // The Oxford Handbook of Medieval Philosophy. Oxford University Press, 2012. P. 312–341.
 11. Knuuttila S. Medieval modal theories and modal logic // Handbook of the history of logic. Vol. 2 : Medieval and renaissance logic. Amsterdam : North-Holland, 2008. P. 505–578.
 12. Lagerlund H. Modal Syllogistics in the Middle Ages. Brill, 2000.
 13. Moody Ernest A. Truth and consequence in Medieval logic // Dialectica. Vol. 8, Iss. 1.
 14. Normore C. G. Some aspects of Ockham's logic // The Cambridge Companion to Ockham. Cambridge University Press, 1999.
 15. Ockham W. Part II of the Summa Logicae. St. Augustine Press, 1998.
 16. Ockham. Summa Logicae St. Bonaventure ; N. Y., 1974.
 17. Priest G., Read S. Ockham's Rejection of Ampliation // Mind, New Series. Vol. 90, No. 358 (Apr., 1981). P. 274–279
 18. Prior A. Formal logic. Clarendon Press, 1962.
 19. Uckelman, Sara L. Modalities in Medieval Logic, Ph.D. dissertation, ILLC Dissertation Series, 2009.
 20. Wright G. H. von. An Essay in Modal logic. Amsterdam, 1951.

Рукопись поступила в редакцию 6 августа 2014 г.

УДК 111.1 + 164.1 + 17.021.2

Д. В. Хизанишвили

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К АРГУМЕНТАЦИИ: АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ*

В статье рассматриваются основные особенности когнитивного подхода к аргументации, в рамках которого аргументация понимается как умственная деятельность некоего лица или лиц. Делается вывод, что когнитивное понятие аргументации явно выражено только в двух концепциях — Д. Хэмпла и В. Н. Брюшинкина; выявляются сходства и различия данных концепций. Анализируется проблема моделирования аргументации в рамках когнитивного подхода В. Н. Брюшинкина. Предлагается способ построения модели аргументации на основе онтологии адресата убеждения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аргументация, когнитивный подход, Д. Хэмпл, В. Н. Брюшинкин, моделирование аргументации, онтология.

Когнитивный подход к аргументации

В современных исследованиях, в первую очередь западных, в области аргументации не существует единого мнения относительно того, что же, собственно, должна изучать дисциплина, именуемая теорией аргументации. Отчасти это связано с многозначностью самого термина «аргументация». Несмотря на то что русское слово «аргументация» не является прямым эквивалентом английского *argument* (см., например, [4, 10]), один из аспектов указанной многозначности присутствует в обоих языках и часто выражается посредством оппозиции «процесс — продукт». Аргументация как процесс — это определенный вид взаимодействия между двумя или более лицами. При этом цели и средства данного взаимодействия в разных концепциях аргументации могут варьироваться. Аргументация как продукт есть текст (письменный или устный), состоящий из совокупности аргументов, или доводов, в поддержку некоторого тезиса. Различные концепции изучают аргументацию либо как процесс, либо как продукт, в зависимости от того, в рамках какого подхода — логического, риторического или диалектического — та или иная концепция предложена.

До 60-х гг. XX в. доминирующим подходом к изучению аргументации был логический [1, 2; 18, 10]. Чтобы быть доступной для логического анализа, аргументация должна представлять собой некоторый текст, который необходимо «втиснуть», как в прокрустово ложе, в ту или иную заранее установленную логическую форму [18, 10]. С этой точки зрения аргументацию следует понимать как продукт, произведенный некоторым субъектом и доступный для логической реконструкции. При этом логика не учитывает ни то, как происходит производство этого продукта, ни то, для каких целей он производится, ни саму ситуацию, в которой он появляется как объект логического анализа. Поэтому, отмечает Венцель, точка зрения логики — «это ретроспективная точка зрения, которая активируется,

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 12-06-00285а «Место и роль онтологий в моделировании аргументации».

когда кто-то принимает критическую позицию и “разбирает” аргументацию для ее проверки и оценки» [18, 17]. Таким образом, логика становится средством критического анализа аргументации, ее оценки с точки зрения соответствия последней логическим стандартам правильности.

Еще в 1958 г. в классическом труде «The Uses of Argument» Стивен Тулмин показал, что формальная логика не дает адекватных инструментов для анализа и репрезентации естественных рассуждений, в том числе аргументации [15]. Таким образом, в 60-е гг. недостатки формально-логического похода к изучению аргументации были хорошо осознаны, что привело к появлению неформальной логики, с одной стороны, и альтернативных логических подходов, с другой. Одним из таких подходов стал риторический. В рамках неформальной логики, однако, аргументация все еще рассматривается как продукт, но средства ее анализа, одним из которых является модель Тулмина, изменяются.

Риторика традиционно понимается как искусство убеждения, а потому для нее важны любые аспекты коммуникации, от которых зависит убедительность речи оратора, — от особенностей самой речи до специфики аудитории, к которой она обращена. Если объектом логического анализа является текст, то объект анализа для риторики — ситуация. Риторическая ситуация — это ситуация убеждения, в которой стороны (или по крайней мере одна из сторон) пытаются изменить убеждения друг друга. Поэтому с точки зрения риторического подхода аргументация есть процесс, т. е. спор.

По мнению Венцеля, риторическая ситуация характеризуется тем, что она возникает в естественных условиях. От риторических ситуаций Венцель отличает диалектические ситуации, которые «сознательно планируются или создаются. Всякий раз, когда люди искали способ улучшить свою процедуру принятия решений... они находили полезным взять риторическое действие под определенного рода тщательно продуманный контроль» [18, 18]. Целью диалектического подхода к изучению аргументации, появившегося (наряду с риторическим) как альтернатива логическому, является разработка методов организации дискуссии, позволяющих добиться выбора лучшего из возможных решений. Диалектическая ситуация, таким образом, отличается от риторической тем, что она подразумевает наличие определенных правил, или регламента, оставаясь при этом процессом (спором). Следовательно, и с точки зрения диалектического подхода аргументация является первой альтернативой оппозиции «процесс — продукт»¹.

Активное обсуждение проблемы многозначности термина *argument* в среде исследователей аргументации было спровоцировано статьей Брокрида «Where is Argument?» [8] и реакцией на нее О'Кифи [13]. Брокрид выделяет шесть характеристик аргументации, которые, по его мнению, служат критериями того, является ли нечто аргументацией или нет. О'Кифи, однако, замечает, что в своем анализе Брокрид смешивает понятия аргументации как продукта и аргументации как процесса [13, 122]. Первое О'Кифи предлагает обозначать термином

¹ Заметим, что Венцель, описывая диалектический подход, говорит о понятии аргументации как о методе, или процедуре, ведения дискуссии. Тем не менее в рамках диалектических концепций, в том числе самой влиятельной в последние десятилетия прагматическо-диалектической концепции, аргументация все же определяется как процесс (см., например, [10, 1]).

«аргументация₁» (argument₁), второе — термином «аргументация₂» (argument₂). Хэмпл, рассматривая указанные выше статьи, утверждает, что их авторы, описывая два понятия аргументации (один явно, другой неявно), упускают из виду третье — понятие аргументации как умственной деятельности («аргументация₀»), что привело обоих к путанице в их анализе [11, 3].

В попытке определить понятие «аргументации₀» Хэмпл обращается к спору (arguing) как среде аргументации. Спор можно разделить на три фазы: (1) производство аргументации, или аргументативного (персуазивного) сообщения, (2) обмен сообщениями между участниками спора и (3) восприятие аргументации (ср. [12, 176] и [19, 310]). Вторая фаза спора представляет собой публичное измерение аргументации, в котором в качестве объекта изучения можно рассматривать либо процесс взаимодействия между субъектами, либо текстуальный продукт этого взаимодействия, т. е. сообщения. Согласно Хэмплу ограничение области изучения исследователями аргументации только двумя альтернативами — аргументацией как процессом и аргументацией как продуктом — является результатом фокусирования внимания исключительно на публичном измерении аргументации и игнорирования ее когнитивного измерения [11].

Не отрицая важности изучения публичной аргументации, Хэмпл утверждает, что для создания полноценной теории аргументации в нее следует включить, наряду с понятиями аргументации как процесса и продукта, когнитивное понятие аргументации — аргументации как умственной деятельности [Там же]. Когнитивное понятие аргументации, а точнее некоторые его аспекты, регулярно появляются в работах многих авторов. Тем не менее эти аспекты пробиваются через заранее принимаемый данными авторами диалогический подход, что не позволяет им сформулировать когнитивное понятие аргументации. Например, главный тезис Брокрида, который он приводит в упомянутой выше статье, — «аргументация не в предложениях, а в людях» [8, 3]. Понятие аргументации как умственной деятельности имплицитно встречается в работах и многих других авторов, на что обращает внимание Хэмпл [11, 3–12]. Однако именно Хэмпл стал первым, кто предложил когнитивное понятие аргументации и в дальнейшем последовательно его придерживался.

Когнитивное измерение аргументации, согласно Хэмплу, включает в себя первую и третью фазы спора, а именно производство аргументации и ее восприятие. Таким образом, теория аргументации должна изучать не только способы межличностного взаимодействия и текст аргументации, но и те когнитивные процессы, результатом которых являются первые два, а также когнитивные процессы, вызываемые ими. Такой подход, однако, оставляет место для определенного рода релятивизма. Например, сообщение, задуманное его автором как персуазивное, может быть воспринято слушателем как, например, просьба или шутка (и наоборот). Указание на такого рода релятивизм можно найти у Венцеля, который пишет, что «хотя многие... аргументы созданы авторами устного или письменного текста намеренно... [они] также могут быть сконструированы посредством интерпретации слушателей и читателей, даже если такого намерения не было» [18, 18]. Когнитивный подход к аргументации В. Н. Брюшинкина позволяет преодолеть подобный релятивизм.

В когнитивном подходе В. Н. Брюшинкина аргументацией называются «умственные действия субъекта убеждения, производимые на основе созданного им представления адресата и направленные на выработку системы аргументов, предъявление которых адресату призвано изменить систему убеждений последнего» [1, 11]. Поэтому, является ли нечто аргументацией, зависит исключительно от того, входит ли в намерения субъекта изменение системы убеждений адресата или нет. В рамках данного подхода аргументация уже не рассматривается как процесс или продукт диалога, а есть предварительный его (диалога) этап — план, или проект, одного лица, направленный на убеждение другого лица [Там же, 13]. Преобразование умственных действий субъекта убеждения в речевые называется убеждающим общением, которое также не есть диалог, а является результатом абстрагирования из него влияния «одной стороны на другую с целью изменения убеждений последней» [Там же, 8]. Аргументация, таким образом, получается путем ряда последовательных абстракций от реального диалога: первая абстракция — отвлечение от активности одной из сторон диалога, результатом чего является убеждение, или убеждающее общение; вторая абстракция — отвлечение от пассивной стороны диалога с последующей заменой на ее «образ» в уме субъекта [Там же, 9–11].

Представление об адресате важно постольку, поскольку субъект желает, чтобы убеждающее общение было успешным, т. е. в результате его адресат принял целевое убеждение субъекта. «Критерий выбора посылок, примеров, аналогий, авторитетов и статистики [в аргументативном дискурсе], — пишет Далиа, — в конечном счете сводится к вопросу “Примет ли это слушатель?”. Единственным реальным ориентиром убеждающего для оценки обоснованности его аргументов является та степень, с какой компоненты доказательства согласуются с совокупным полем predispositions слушателя» [9, 144]. Элементами представления об адресате (онтологии²) являются представления и каузальные связи между ними. Все представления относятся к двум подсистемам — дескриптивной, представляющей объектную сторону представления адресата о мире, и аксиологической, которая репрезентирует ценностные представления адресата (подробнее о структуре представления об адресате см. [1]). Таким образом, онтология характеризует адресата с точки зрения его представления о мире, а также о том, что в этом мире для него приемлемо, а что нет.

Моделирование аргументации

Одним из наиболее распространенных методов изучения и анализа аргументации является метод моделирования. Поскольку, как было отмечено выше, до 60-х гг. XX в. преобладающим подходом был логический, аргументация представлялась как некоторая логическая конструкция, такая как, например, силлогизм

² Здесь понятие онтологии заимствовано из области компьютерных наук, в которых она понимается как репрезентация некоторой предметной области, в данном случае аргументации. Поскольку предметной областью аргументации в когнитивном подходе В. Н. Брюшинкина является множество дескриптивных и ценностных представлений адресата о мире, то онтологию можно определить как ментальную репрезентацию этих представлений в уме субъекта, т. е. представление субъекта об адресате.

[18, 10]. Поэтому элементами анализа были высказывания, а средствами моделирования аргументации выступали различные логические системы. Во второй половине XX в. было хорошо осознано, что естественные рассуждения нельзя свести к формально логическим умозаключениям, а это, в свою очередь, привело к возникновению так называемой неформальной логики. Основными методами моделирования аргументации стали разного рода карты, или диаграммы, аргументации, среди которых можно упомянуть схему Тулмина, модель Уолтона («стандартную» модель), диаграммы Уигмора. Расхождения среди исследователей аргументации возникали по вопросам, связанным с тем, какой из подходов к моделированию наиболее адекватно позволяет отобразить существенные характеристики аргументации. Однако, поскольку аргументация все еще понималась в коммуникативном ключе, элементами анализа оставались высказывания.

С появлением когнитивного подхода проблемным стал не только вопрос о том, подходит ли та или иная диаграмма для моделирования аргументации, но и о том, *моделью чего* эта диаграмма должна быть. Уиллард, в частности, обсуждая пригодность схемы Тулмина для моделирования аргументации, пишет, что, в зависимости от того, как мы понимаем аргументацию, мы можем получить в качестве ее модели три различные диаграммы: «Первая [диаграмма] будет изображать процессы, происходящие в уме (mind) источника... Вторая будет изображать “передаваемое сообщение” (*message-in-channel*)... А третья будет изображать когнитивные процессы получателя...» [19, 310]. С точки зрения подхода Хэмпла анализ аргументации подразумевает построение всех трех видов моделей. Однако для «аргументации» необходимо построение только первой и третьей моделей — модели производства персуазивного сообщения и модели его восприятия.

Поскольку в подходе В. Н. Брюшинкина аргументация подразумевает исключительно *планирование* убеждающего общения субъектом убеждения, то анализ аргументации ограничивается построением одной модели — модели умственной деятельности субъекта. Для того чтобы понять, что должна представлять собой модель аргументации, понимаемой в таком ключе, необходимо ответить на следующие три вопроса:

1. Что является элементом анализа?
2. На чем основывается конкретная связь представлений, которая эксплицируется в модели?
3. Почему эксплицируемая связь представлений должна (с точки зрения субъекта) привести к принятию адресатом целевого убеждения?

Ответ на первый вопрос дает В. Н. Брюшинкин: если в коммуникативном подходе элементами анализа выступают пропозициональные структуры — высказывания, то в когнитивном подходе элементами анализа должны быть когнитивные структуры. В подходе В. Н. Брюшинкина ими являются представления — образы и понятия. Кроме того, в отличие от логического подхода, где связями между высказываниями являются отношения логического следования, в когнитивном подходе между представлениями устанавливаются причинно-следственные или, шире, каузальные связи.

Ответ на второй вопрос также можно найти в работах В. Н. Брюшинкина. Поскольку в рассматриваемом подходе субъект порождает набор аргументов

на основании собственного представления об адресате, связь представлений должна основываться на принимаемой адресатом (с точки зрения субъекта) онтологии. В большинстве случаев субъект не способен радикально изменить представление адресата о мире, поэтому ему следует так модифицировать имеющуюся у адресата онтологию, чтобы последний сам пришел к целевому убеждению. Эта особенность процесса убеждения напрямую вытекает из имеющейся у людей тенденции, на которую обращает внимание Делиа, сохранять согласованность собственных когнитивных структур. «Строя аргументацию внутри системы predisпозиций слушателя, — пишет Делиа, — убеждающий оборачивает в свою пользу естественные рациональные процессы поддержания согласованности и таким образом увеличивает вероятность того, что слушающий придет к желаемому заключению» [9, 145].

Третий вопрос в определенном смысле является уточнением предыдущего. Ответить на него позволит мысль, высказанная Брокридом, который, анализируя понятие аргументации, пишет, что одной из существенных его характеристик является «выбор между двумя или более конкурирующими вариантами» [8, 6]. В данном случае речь, очевидно, идет об адресате убеждения: именно адресат принимает решение о том, изменить ли ему систему убеждений, приняв целевое убеждение субъекта, или нет. Однако в свете подхода к аргументации как к умственной деятельности субъекта выбор адресата между альтернативными убеждениями не может входить в предметное поле теории аргументации. Тем не менее мы будем исходить из допущения, что этот выбор осуществляется *на рефлексивном уровне*: субъект в процессе порождения набора аргументов выстраивает гипотезу о том, как адресат производит выбор между исходным убеждением и убеждением, желаемым для субъекта. Субъект сочтет набор аргументов пригодным для его предъявления адресату только тогда, когда будет полагать, что в модифицированной с его помощью онтологии адресата целевое убеждение будет иметь больший вес³, чем исходное (или, в общем случае, конкурирующее).

В качестве инструмента моделирования аргументации В. Н. Брюшинкиным был предложен аппарат когнитивного картирования, который позволяет учесть все описанные выше характеристики модели. Во-первых, в узлах когнитивной карты располагаются представления, а грани (стрелки) выражают каузальные связи между ними. При стрелках ставятся знаки: «+» означает положительную каузацию, «-» — отрицательную каузацию, «0» — отсутствие каузальной связи. Узлы бывают двух типов — действующие факторы и условия действия факторов⁴. Сама когнитивная карта представляет собой «гипотезу субъекта о возможной связи представлений в уме адресата...» [3, 8]. Содержание этой гипотезы — ряд факторов, которые ведут к возникновению в уме адресата целевого убеждения, и само целевое убеждение.

Рассмотрим пример построения модели аргументации с помощью аппарата когнитивного картирования. В качестве объекта моделирования возьмем фрагмент текста из рассказа А. П. Чехова «Гость». Данный фрагмент уже анализировался

³ О понятии веса альтернативы см. [6, 104].

⁴ Подробнее о структуре когнитивной карты см. [3].

В. Н. Брюшинкиным в [2] и [3]. Здесь когнитивная карта будет модифицирована ввиду иной интерпретации текста, а также дополнена, чтобы отразить упомянутую выше существенную характеристику аргументации — выбор между двумя или более моделями ситуаций. Под *моделью ситуации* мы понимаем ментальную репрезентацию ситуации, к которой приведет принятие того или иного убеждения, в случае с практическим целевым убеждением, и ситуации, ведущей к некоторому убеждению, в случае с теоретическим целевым убеждением⁵.

Пример.

Измученный Зельтерский повалился на спинку дивана и, закрыв глаза, стал слушать...

«Все средства испробовал, — думал он. — Ни одна пуля не пробилла этого мастодонта. Теперь до четырех часов будет сидеть... Господи, сто целковых дал бы теперь, чтобы сию минуту завалиться дрыхнуть... Ба! Попрошу-ка у него денег займы! Прелестное средство...»

— Парфений Саввич! — перебил он полковника. — Я опять вас перебую. Хочется мне попросить вас об одном маленьком одолжении... Дело в том, что в последнее время, живя здесь, на даче, я ужасно истратился. Денег нет ни копейки, а между тем в конце августа мне предстоит получка.

— Однако... я у вас засиделся... — пропыхтел Перегарин, ища глазами фуражки. — Уж третий час... Так вы о чем же-с? [7, 96].

В данном фрагменте текста субъект (Зельтерский) пытается породить в уме адресата (Парфений Саввич) практическое убеждение: «Мне необходимо немедленно уйти». Попробуем реконструировать исходное представление субъекта об адресате:

Список факторов

Обозначения	Факторы
К	Компания Зельтерского
О	Общение
¬Р	Решение остаться
П	Просьба одолжить денег
С	Скупость
Н	Нежелание давать денег займы
В	Вежливость
Т	Невозможность отказать в просьбе
Р	Решение немедленно уйти

Убеждение, которое субъект хочет породить в уме адресата, можно изобразить с помощью следующей когнитивной карты (рис. 1).

Данная карта, однако, не является полной моделью аргументации, поскольку в ней не отражен выбор между альтернативами (моделями ситуаций). В связи

⁵ О разнице между теоретическими и практическими целевыми убеждениями см. [3].

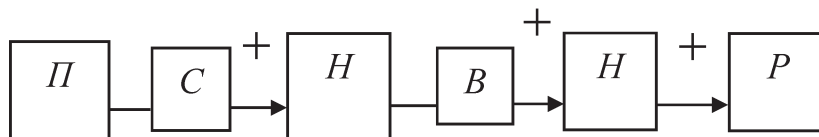

Рис. 1. Модель целевого убеждения

с этим модель должна быть дополнена еще одной картой, которая изображает модель ситуации, связанной с исходным убеждением адресата. Исходя из контекста, можно предположить, что нежелание адресата уходить, спровоцировавшее аргументативную ситуацию, обусловлено, с точки зрения субъекта, тем, что компания хозяина активирует у гостя интерес «общение», что и препятствует возникновению целевого убеждения. Модель ситуации, связанной с исходным убеждением адресата, можно представить с помощью такой карты (рис. 2):

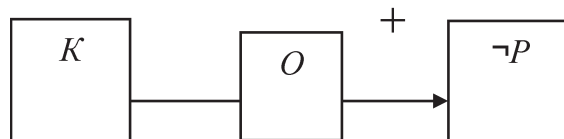

Рис. 2. Модель исходного убеждения

Полная модель аргументации, таким образом, должна состоять из последовательности двух или более когнитивных карт. Количество карт зависит от того, из скольких альтернативных ситуаций осуществляется выбор (в анализируемом примере имел место выбор между двумя альтернативами: «остаться в гостях» и «немедленно уйти»). Выбор той или иной альтернативы зависит от ее веса относительно других. Вопрос о том, каким образом определяются веса альтернатив, является предметом отдельного исследования. Сейчас заметим лишь, что ответ на него может быть дан посредством приписывания числовых значений различным представлениям, содержащимся в когнитивной карте (различным опорам убеждения, элементам модели мира), и связям между ними. Величина числа оценивается метасубъектом (субъектом моделирования) на основании контент-анализа текста и, таким образом, носит субъективный характер. Возможность приписывать элементам аргументации числовые значения обсуждалась, например, В. М. Сергеевым [5], Н. Решером [14], Д. Уолтоном [16, 17].

1. Брюшинкин В. Н. Когнитивный подход к аргументации // РАЦИО.ru. Калининград, 2009. № 2. С. 2–22.

2. Брюшинкин В. Н. О роли опор убеждений в аргументации // Философия познания. 2010. № 1. С. 264–277.

3. Брюшинкин В. Н. Когнитивные карты наборов аргументов // Модели рассуждений-4: Аргументация и риторика. Калининград, 2011. С. 161–181.

4. Важнейшие концепции аргументации. СПб., 2006.
5. *Сергеев В. М.* Структура политической аргументации в «Мелийском диалоге» Фукидида // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986. С. 49–63.
6. *Хизанишвили Д. В.* Построение модели представления об адресате убеждения в системной модели аргументации // РАЦИО.ru. Калининград, 2013. № 11. С. 95–108.
7. *Чехов А. П.* Гость: (Сценка) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1974–1983. Т. 4 : Рассказы, юморески, 1885–1886. М., 1976. С. 93–96.
8. *Brockriede W.* Where is Argument? [Электронный ресурс]. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED102638.pdf> (дата обращения: 12.06.2014).
9. *Delia J. G.* The logic fallacy, cognitive theory, and the enthymeme: A search for the foundations of reasoned discourse // *Quarterly Journal of Speech*. 56 (2). 1970. P. 140–148.
10. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach. Cambridge, 2003.
11. *Hampe D.* A Third Perspective on Argument // *Philosophy & Rhetoric*. 1985. 18 (1). P. 1–22.
12. *Hampe D.* The Arguers // *Informal Logic*. 2007. 27 (2). P. 163–178.
13. *O'Keefe D. J.* Two concepts of argument // *J. of the American Forensic Association*. XIII (3). 1977. P. 121–128.
14. *Rescher N.* Plausible Reasoning: An Introduction to the Theory and Practice of Plausible Inference. Assen/Amsterdam, 1976.
15. *Toulmin S.* The Uses of Argument. Cambridge, 2003.
16. *Walton D.* Rules for Plausible Reasoning // *Informal Logic*. 1992. XIV.1. P. 33–51.
17. *Walton D., Reed Ch.* Evaluating Corroborative Evidence // *Argumentation*. 2008. Vol. 22, № 4. P. 531–553.
18. *Wenzel J. W.* Three Perspectives on Argument // *Perspectives on argumentation: essays in honor of Wayne Brockriede*, 2006. P. 9–26.
19. *Willard Ch. A.* On the utility of descriptive diagrams for the analysis and criticism of arguments // *Communication Monographs*. 1976. 43 (4). P. 308–319.

Рукопись поступила в редакцию 6 августа 2014 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБУЧЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ —
LIFE LONG LEARNING:
АКТУАЛЬНЫЕ МИРОВЫЕ ПРАКТИКИ
В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ»

УДК 37.013.28:130.3 + 111

Л. Ф. Гайнуллина
Е. Л. Яковлева

ИНКЛЮЗИЯ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируется специфика инклюзивного образования как составной части системы непрерывного образования. Подчеркивается, что инклюзивное образование, сутью которого является совместное обучение и воспитание, не следует ограничивать только образованием инвалидов: к инклюзии наряду с инвалидами можно отнести и другие категории людей, так или иначе отличающихся от общепризнанной нормы, нетипичных, *Других*. Как подчеркивается в Саламанкской декларации 1994 г., разница между людьми — нормальное явление, и потому инклюзивное образование, учитывающее индивидуальность и ценность каждого человека, является самым эффективным способом борьбы с дискриминацией и построения общества, приемлемого для всех. Рекомендовано применение в инклюзивном образовании сочетания различных подходов: системного, командного, средового, кондуктивного, при этом приоритетным выступает индивидуальный подход с выраженным творческим началом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: непрерывное образование, инклюзивное образование, инклюзивный подход к бытию, проблема инвалидности, адаптация и интеграция инвалидов, индивидуальный подход как основа инклюзивного образования, понятие Другого/ нетипичного.

Современное общество нередко называют «обществом знания», опирающимся на информационно-коммуникативные технологии. Такой тип общества, по мнению Э. Аггаци, «необходим для того, чтобы быть конкурентоспособным и добиваться успеха в изменяющейся экономической и политической динамике современного мира. Оно означает общество высокообразованное и потому опирающееся на знания своих граждан для стимулирования инноваций, предпринимательства и динамизма экономики этого общества» [1, 6]. Необходимость приспособления человека к новым, быстроизменяющимся технологиям вызвала к жизни идею непрерывного образования. Однако ориентация системы непрерывного образования

на чисто прагматические задачи — «быстро отреагировать на запрос экономики — ставит систему непрерывного образования в положение вечного отставания» [2, 79]. Для эффективного решения экономических проблем необходимо переместить акценты: целью непрерывного образования должно быть непрерывное развитие человека. Только человек, имеющий внутреннюю потребность в саморазвитии, самосовершенствовании, будет иметь также и способность к освоению новых знаний с целью их применения в решении насущных задач экономики.

Концепция непрерывного образования в настоящее время является основой не только современной мировой педагогической мысли, но и всей европейской образовательной политики, что находит свое выражение в документах ЮНЕСКО, Европейской комиссии, Европейской ассоциации университетов и других международных институтов. Несмотря на общепризнанную значимость идеи непрерывного образования, до сих пор нет общепризнанной, однозначной трактовки данного понятия. Система непрерывного образования включает в себя различные уровни, составные части, структурные элементы. Мы выделим два аспекта непрерывного образования, которые условно обозначим как временной и пространственный. Временной аспект акцентирует пожизненный характер образования человека и отражается в таких синонимах непрерывного образования, как «образование в течение всей жизни», «продолжающееся образование», «непрерывное образование» и др. Второй аспект, еще раз подчеркнем, условно названный нами пространственным, предполагает необходимость получения дополнительного образования в качестве дополнительного элемента к базовому профессиональному образованию, а также в качестве альтернативного, нового профессионального образования. На наш взгляд, необходимо выделить еще один аспект непрерывности образования — охват субъектов образования, включенность в систему образования всех слоев и групп населения без ограничений, что находит свое выражение в понятии инклюзивного образования.

Под инклюзивным или включенным (от фр. *inclusif* — включающий в себя, от лат. *include* — заключаю, включаю) образованием чаще всего понимают совместное обучение детей с особыми потребностями в массовых общеобразовательных школах. Целью данного вида образования является создание безбарьерной среды в обучении и профессиональной подготовке инвалидов. По данным Всемирной организации здравоохранения, каждый десятый житель Земли имеет инвалидность. Ежегодно 20 млн человек получают увечья. По официальной статистике, в России сейчас свыше 13 млн инвалидов, что составляет 9,2 % от общей численности населения страны, а по оценке Агентства социальной информации — не меньше 15 млн. Тенденция увеличения доли инвалидов в структуре населения сохраняется во всем мире: численность инвалидов увеличивается примерно на 10 % в год. Поэтому проблема инвалидности во всех ее аспектах, включая образование, становится приоритетным направлением социальной политики развитых стран.

Развитая система образования и профессиональной подготовки инвалидов является фундаментом их социализации и адаптации, включения в полноценную общественную жизнь. На парламентских слушаниях на тему «Инклюзивное образование лиц с ограниченными возможностями здоровья в РФ: проблемы отрасли и общества», которые прошли в Государственной думе в 2012 г., было подчеркнуто,

что из 450 тыс. детей с ограниченными возможностями, обучающихся в школах, только 15 тыс. продолжают обучение в вузах [3]. Однако инклюзивное образование предполагает не простое расширение границ и возможностей получения образования инвалидами. Основной принцип инклюзивной школы, согласно Саламанкской декларации, заключается в том, что все дети должны обучаться совместно во всех случаях, когда это является возможным, несмотря ни на какие различия, существующие между ними. Инклюзия не просто «образ действия или выбор учреждения. Суть ее заключается в причастности к обществу – группе друзей, соседей, школьному сообществу» [4].

В современном обществе наблюдается рост *Других*/нетипичных людей, имеющих отклонения от нормы, в том числе в сторону патологии. Как правило, эти люди отличаются по своим культурным матрицам (мировоззренческим взглядам, вероисповеданию, метафизическим и телеологическим ценностям, поведенческим проявлениям) и/или психофизиологическому состоянию. Это влечет за собой определенные трудности их социализации, адаптации, коммуникации, получения знаний, трудоустройства и др. Таким людям необходимо приобрести устойчивость в бытии. В связи с этим в последнее время в научном, философском и педагогическом дискурсе активно обсуждаются концепции, связанные с внедрением и распространением инклюзии. Инклюзию и инклюзивное образование мы будем рассматривать в более широком контексте: к инклюзии наряду с инвалидами можно отнести людей, так или иначе отличающихся от общепризнанной нормы, нетипичных, *Других*: это люди нетрадиционной сексуальной ориентации, заключенные и отбывающие наказание в специальных учреждениях, маргинальные слои населения, трудовые мигранты и пр.

В современном обществе происходит изменение отношения к Другим/нетипичным. С одной стороны, увеличивается число «неформатных»/«специфических» людей. Заметим, некоторые из них успешно самоутверждаются и самореализуются в социуме. С другой стороны, все большее число людей признают их права на уникальность и уважение. Об этом свидетельствуют результаты первого широкомасштабного социологического исследования проблем инвалидности и реабилитации инвалидов, проведенного в России в 2008 г. Так, на вопрос «Согласны ли вы с тем, что необходимо что-то предпринимать, чтобы улучшить жизнь инвалидов?» положительно ответили 95 % опрошенных из числа неинвалидов. А с утверждением «Желательно, чтобы инвалиды часто не взаимодействовали с людьми без инвалидности» не согласились 65 % респондентов-неинвалидов [5]. После успешного проведения зимних Паралимпийских игр в Сочи в 2014 г. и их активной презентации в СМИ можно предположить, что эта цифра существенно увеличилась.

Подобная ситуация складывается благодаря распространению идеологии инклюзии, учитывающей природные задатки, интересы и способности Других/нетипичных. Не случайно инклюзивный подход, подразумевающий включенность всех членов социума в процесс развития культуры, можно считать одной из актуальных проблем современности, выступающей в качестве ценности [6].

Обращение к инклюзии обусловлено и тем обстоятельством, что традиционная система образования Других/нетипичных в специальных, нередко

закрытых, образовательных учреждениях не рождает «социальную ситуацию развития» (по Л. С. Выготскому). В таких условиях у Других/нетипичных не формируются коммуникативные, познавательные и профессиональные умения, они оказываются изолированными от широких социальных контактов, предъявляя иждивенческие требования к социуму. Это не способствует проявлению Другого/нетипичного как самостоятельной личности и сказывается в итоге на его крайне малой востребованности на рынке труда, отчужденности в обществе, дальнейшей безысходности своего бытия (крайними формами этого можно считать асоциальные проявления и суицидальные наклонности).

Благодаря инклюзии происходит снижение изоляции и отчуждения Других/нетипичных: они преодолевают свои экзистенциальные страхи, становятся более активными и самостоятельными, перестают чувствовать свою «особенность», органично вписываясь в социокультурное окружение. В целом инклюзивный подход представляет собой уникальный процесс включенности в ризомное развитие каждой личности: ликвидируются барьеры, связанные с непохожестью, и создаются условия для раскрытия потенциала, заложенного в человеке.

Для того чтобы инклюзивный подход был эффективным, необходимо менять ментальность всего общества и в первую очередь воспитателей и преподавателей. Внедряя в жизнь политику инклюзивного образования, они способствуют постепенному формированию инклюзивного подхода к бытию и его распространению в обществе. Именно личность преподавателя становится одной из ключевых внутри инклюзивного подхода к бытию. Педагог должен обладать высокой культурой, моральной устойчивостью и профессиональной компетентностью. В свою очередь, «выявление культуры в себе — это вечное учение, образование» [7, 307]. Здесь необходимо заметить, что в процессе внедрения инклюзивного образования происходит взаимообучение, т. е. преподаватель учит обучаемых, а те, в свою очередь, учат преподавателя, «и лучшим наставником оказывается именно тот, кто лучше всех учится сам» [Там же, 21]. Вспомним в связи с этим Конфуция, призывавшего «на молодежь смотреть с уважением» [Там же].

Именно от личности преподавателя и его гибкого стиля руководства зависит психоэмоциональная атмосфера внутри инклюзивной группы. Так создается доступная среда обучения, реализуются принципы благоприятной межкультурной коммуникации, партнерства и сотрудничества. Преподаватель, внедряя идеологию инклюзии, должен руководствоваться высокими моральными принципами. Он должен проявлять гуманность, толерантность, милосердие, доброту, благопристойность, терпение и уважение к Другому/нетипичному, не теряя чувства меры и самообладания. Педагог инклюзивной группы не должен забывать, что именно на нем лежит ответственность за будущее в целом, а также физическое, интеллектуальное, эмоциональное и духовное здоровье обучаемых, поэтому он содействует благоприятному микроклимату для получения различных знаний. Он должен быть беспристрастным, одинаково доброжелательным и благосклонным ко всем обучаемым, укрепляя их самоуважение и веру в свои силы, показывая им возможности совершенствования. Более того, преподаватель поощряет в своих воспитанниках развитие самостоятельности, желание сотрудничать и помогать Другим/нетипичным.

Оценивая достижения обучаемых, педагог стремится к объективности и справедливости, не завышая и не занижая оценки. Педагог должен обладать культурой речи и общения, не провоцировать скандалы и не оскорблять никого, даже если оппонент не всегда прав. Главная его задача выслушать и понять мнение Другого/нетипичного, выстраивая компромиссную модель поведения. В целом в рамках инклюзивного образования этический облик преподавателя как наставника, старшего товарища очень важен. Он должен сочетать в себе благородство в помыслах, словах и поступках, быть преданным своему делу и искренним с обучаемыми, являя собой и своим поведением «мужество Быть».

В рамках процесса инклюзивного образования для максимального принятия Другого/нетипичного преподавателю рекомендуется внедрять и сочетать различные подходы, в том числе системный, командный, средовой, кондуктивный, индивидуальный. Так, системный подход подразумевает преемственную, взаимосвязанную цепочку «инклюзивная школа – профессиональное образовательное учреждение – инклюзивная жизнедеятельность». Командный подход акцентирует внимание на взаимодействии специалистов с семейным окружением нетипичных обучаемых. Средовой подход предполагает анализ окружающей среды и ее влияния на то, чего достигает Другой/нетипичный в процессе обучения. Кондуктивный подход (от лат. «кондуктор» – проводник) привлекает семью и использует ее положительное, а также отрицательное влияние на степень включенности Другого/нетипичного в среду обучения.

Одним из главных подходов к инклюзивному обучению можно назвать индивидуальный подход к Другому/нетипичному, зависящий от личности преподавателя, выстраивающего методику и стратегию прогрессивного обучения. Индивидуальный подход к обучаемым исходит из учета их личностных характеристик и знания психологии. Применение этого подхода создает общность всей группы в процессе совместной социокультурной деятельности. Человек всегда решает труднейшую задачу – найти себя, стать и быть самим собой, тем самым осуществив свое «искусство быть». Осуществляя собственное творчество в виде «искусства быть», каждый человек проявляет умение продуктивного самознания, учится сохранять эмоциональную стабильность, поддерживая гармонию душевного и телесного, чувственного и рационального, морального и эстетического. Благодаря подобному творческому подходу каждый человек осуществит саморазвитие и сможет реализовать все свои потенциалы, став истинным и полноправным членом общества. И прежде всего сфера образования оказывается тем обширным и плодотворным полем, в рамках которого формируется личность.

Современные кризисы и риски социокультурного пространства, самого человеческого бытия требуют незамедлительного решения. Как нам кажется, одним из возможных способов разрешения непростых ситуаций ризомной современности является инклюзивный подход к бытию. Его постепенное распространение во многом зависит от внедрения в систему образования инклюзии, формирующей культуру соучастия/*со-участия* и включенное общество, где предоставляются каждому право на образование и самовыражение. Сама система инклюзивного образования является эффективной основой развития инклюзивного общества, ибо, как подчеркивал еще М. Шеллер, «образование есть категория бытия, а не

знания и переживания», это «отчужденная форма, образ совокупного человеческого бытия» [8].

-
1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопр. философии. 2012. № 10.
 2. Гребенникова В. М., Никитина Н. И. Непрерывное образование как культурно-историческая проблема // Там же. 2014. № 4.
 3. Дорожная карта инклюзивного образования [Электронный ресурс]. URL: http://www.akvobr.ru/dorozhnaja_karta_inkluzivnoogo_obrazovania.html (дата обращения: 25.07.2014).
 4. Сообщества несут пользу школам // Всемирная конференция по образованию лиц с особыми потребностями: доступность и качество. Саламанка, Испания, 7–10 июня 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rud.exdat.com/docs/index-827449.html?page=4#4116385> (дата обращения: 25.07.2014).
 5. Подведены итоги первого социологического исследования проблем инвалидов в России [Электронный ресурс]. URL: <http://saratov.gov.ru/news/events/detail.php?ID=31962> (дата обращения: 25.07.2014).
 6. Yakovleva E. L. Value inclusive approach to being // Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 5th International Academic Conference. Apr. 29–30, 2014. St. Louis, Missouri, USA. Publishing House Science and Innovation Center, Ltd., 2014. P. 263–268.
 7. Маслов А. Конфуций. Прогулки с мудрецом. Краснодар, 2010.
 8. Шелер М. Формы знания и образование: доклад // Избранные произведения. М., 1994 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289383> (дата обращения: 25.07.2014).

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2014 г.

УДК 376.5 + 371.13 + 316.27

**Е. С. Черепанова,
Е. А. Батюта****СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ:
МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ**

Обзор исследований формирования социальных компетенций у одаренных детей показывает, что обычно профессиональную ориентацию таких подростков осуществляют опытные взрослые. Авторы статьи считают такой подход недостаточным, поскольку он сужает перспективы и не учитывает возможности одаренных детей. Идеи философской и культурной антропологии используются авторами для обоснования предположения, что молодые педагоги в большей мере способны подсказать одаренному подростку успешную стратегию поведения и помочь выбрать жизненный путь. В статье проводится параллель между Школой успешного абитуриента в России и Академией школьников в Германии; оба проекта направлены на ведение образовательной и профориентационной работы с одаренными детьми и предоставляют им возможность формировать необходимые современному подростку социальные компетенции в процессе общения со студентами, магистрантами, аспирантами университетов и молодыми преподавателями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальные компетенции, одаренные дети, профессиональная ориентация, подросток, самоопределение психологическое и социальное.

Сегодня много говорится о трансформации «педагогике знаний» в «компетентностную педагогику», дополняющую материал, который должен знать обучающийся тем, что он должен уметь в рамках определенной предметной области. Безусловно, интерес в рамках этого подхода представляет исследование вопроса о формировании компетенций у одаренных детей, занимающих особое положение в образовательном учреждении. Эта обособленность сказывается не только на мотивации к обучению, но и на формировании навыков самооценки, самоопределения, общения и освоения толерантной культуры — на том, что принято считать зоной социальных компетенций.

Под компетенцией современные педагоги, в частности Э. Ф. Зеер, понимают «обобщенные способы действия, обеспечивающие продуктивное выполнение профессиональной деятельности» [2]. Ядром компетенции являются деятельностные способности — совокупность способов действий, а в структуру компетенций входят также мотивационная и эмоционально-волевая сферы [Там же].

Понимание компетенций, предложенное Э. Ф. Зеером, созвучно многим интерпретациям данного феномена в мировой педагогике одаренных детей. Например, Р. Дж. Стенберг и Дж. И. Дэвидсон в своей книге «Концепция одаренности» утверждают, что успешное поведение таких детей определяется балансом аналитических, критических и практических умений, и эти умения должны формироваться в комплексе, чтобы подросток чувствовал себя «своим» в конкретной социокультурной среде [14]. «Подходящее социальное окружение» для одаренных детей — фактор, формирующий социальные компетенции, которые, в свою очередь, поддерживают готовность к сотрудничеству, доброжелательное, успешное и социально приемлемое поведение. К. Х. Рубин, С. Бут, Л. Роуз-Красно и

Р. С. Л. Милз определяют социальные компетенции как способность достигать лично значимые цели в социальном взаимодействии, при этом поддерживая долговременные позитивные отношения с другими людьми в разных обстоятельствах. В то же время «демонстрация закрытости, неассертивные стратегии поведения в группе при работе над общими задачами, неудачи в делах и в общении в коллективе» рассматриваются этими исследователями как некомпетентность [14].

Предполагается, что социальные компетенции должны формироваться комплексно в ходе всего образовательного процесса. Дж. С. Ренцулли и С. М. Рейс из американского университета в штате Кентукки предложили так называемую модель «триады богатства личности», создающую важные качественные творческие условия для развития одаренных детей. Значимость социальных компетенций отражает третья ступень этой модели, предполагающая «предоставление возможностей для реализации интересов, получения знаний, воплощения творческих идей в сфере, которую ребенок выбирает сам» [12], и развитие навыков самостоятельного обучения в разных областях, а также «формирование умения решать задачи, уверенности и чувства творческого роста».

Предлагаемый к рассмотрению в этой статье опыт работы с одаренными детьми в летних лагерях с обучающей программой — в Академии школьников (Германия) и Школе успешного абитуриента (Россия) — ориентирован на восполнение недостатка навыков, не сформированных в ходе обучения в школе и влияющих в целом на формирование системы социальных компетенций одаренного школьника. Разработчики обоих проектов не ставили целью углубить знания или выявить будущий образовательный профиль школьников. Ключевой идеей стало понимание необходимости формировать у одаренных детей в первую очередь социальные компетенции, которые позволяют не только сделать впоследствии правильный профессиональный выбор, но и осознавать свои социальные перспективы, «видение себя» в социальной системе [8, 6]. Следует отметить, что богатый опыт формирования социальных компетенций школьников во время пребывания детей в летних лагерях есть и у американских педагогов из Ассоциации летних лагерей. Таким образом, эта работа находится в русле мировых тенденций.

Профессиональный выбор учащихся, в том числе и одаренных детей, происходит в настоящее время в более сложной информационной и социально-культурной ситуации. Ранее профессию своим детям выбирали родители, а прежняя система высшего образования в России, выдавая диплом специалиста с записью о квалификации, сразу нацеливала студента на определенное место работы.

Хотя активные перемены в стране в течение последних двух десятилетий привели к тому, что многие родители неоднократно меняли работу или по меньшей мере изменили коренным образом свои компетенции в рамках прежнего профессионального выбора, все-таки они успели «поработать по распределению». Механизм распределения требовал реализовать знания и навыки, полученные в процессе образования, в конкретной работе по специальности. Возможно, поэтому в представлении родителей образование неразрывно связано с профессиональной деятельностью; увлечения и внешкольные занятия ребенка, по их мнению, должны определять будущее образование и, следовательно, профессию [10].

В советское время перед школой и СМИ ставилась задача информировать молодежь о профессиях. И это вполне идеологически грамотно выстроенное профессиональное ориентирование облегчало вопрос выбора факультета или университета. Важным условием выбора был применимый и полезный опыт родителей, старших братьев и сестер. Иначе говоря, родители школьника того времени могли быть уверены в том, что в общем виде содержание образования старшего поколения может быть в полном объеме передано детям, поскольку стандарты содержания образовательных программ сохранялись. Общественное сознание и академическая среда ясно представляли себе «стандартную модель» выпускника и воспроизводили ее в процессе обучения. Даже возникновение моды на профессии не ослабило профориентационный компонент в образовательной культуре того времени, а, напротив, спровоцировало дискуссии о перспективности и применимости тех или иных знаний на разных уровнях.

Современная ситуация кардинально отличается тем, что родительский опыт образования оказывается невостребованным. Родители, желающие как-то помочь ребенку, понимают, что их учили совершенно иначе. Современные программы начальной и средней школы настолько изменились концептуально и содержательно, что сегодняшний родитель не понимает, чем он может быть полезен ребенку.

В современном мире появились сотни новых профессий и соответственно направлений и профилей в образовании, сфера применения которых может быть не очень понятной. Сегодняшний рынок образования справедливо называют «конкуренцией названий», и это соревнование обостряется, поскольку появилось платное образование. Коммерческие учебные заведения, руководствуясь перспективой повышения продаж, по-новому называют привычные специальности и профессии и охотно открывают новые направления подготовки.

Еще более усложняет многомерную и неоднозначную картину то, что высшее образование России перешло к системе уровневой подготовки. Теперь выпускники школ, становясь студентами, учатся не по специальности, а получают образование по направлению. Обучение по направлению завершается получением диплома бакалавра, по завершении второго уровня образования — дипломом магистра. Так что в России практически не осталось специальностей и, следовательно, более не будут выдаваться дипломы, в которых подтверждается квалификация. Диплом — всего лишь документ, отражающий содержание образования и его уровень.

Эта новая образовательная парадигма — результат присоединения России к Болонскому процессу, концепция которого предполагает, что человек не завершает свое образование университетским дипломом, но будет учиться в течение всей жизни. Получив образование по направлению, выпускник продолжает учиться на предприятии, на курсах повышения квалификации, т. е. получает свой уникальный перечень компетенций. Его квалификация — синтез опыта работы, самообразования и университетского обучения.

Можно отметить, что во многом похожая ситуация сложилась и в немецком образовательном пространстве. Хотя в Германии не выдавались дипломы с указанием квалификации, уровневое обучение в системе «бакалавр — магистр» также является новацией, результатом выполнения решений Болонского соглашения.

Как и в России, в Германии существенно изменился перечень направлений подготовки по сравнению с принятым ранее, особенно в технических университетах.

Учитывая все эти факторы, приходится оценивать технологии формирования профориентационной компетентности выпускника школы с совершенно новых позиций. Как справедливо указывает М. И. Лукьянова, «для старшего школьного возраста остается актуальной воспитательная задача предоставления молодым людям широкого поля деятельности, что поможет им адекватно осуществить жизненный выбор» [3].

Можно предположить, что в основе формирования социальных компетенций (в том числе и способности к профориентационному выбору) лежат процессы культурной трансмиссии, передачи опыта от поколения к поколению. Известный психолог и антрополог М. Мид еще в 60-е гг. XX в. указывала, что можно типологизировать конфигурации культур по характеру передачи социального опыта от старшего поколения к младшему. В соответствии с этой типологией в тех обществах, которые в социологии принято называть «традиционными», культура является либо «постфигуративной, где дети прежде всего учатся у своих предшественников, [либо] кофигуративной, где и дети, и взрослые учатся у сверстников» [4]. Культура, в которой сегодня передается социальный опыт, характеризуется отказом молодого поколения осваивать социальные компетенции старших. Значительную роль в возникновении этого явления сыграли цивилизационные изменения, такие как технологический прогресс и глобализация.

Этолог и философ К. Лоренц относил разрыв с традициями к одному из восьми грехов цивилизованного человечества. Он подчеркивал, что современное юношество относится к традициям своих родителей с противоестественной ненавистью, напоминающей межнациональную вражду — как будто старшее поколение принадлежит к чужой этнической группе. Принято считать, что всевозможные молодежные движения создаются с различными, в том числе и политическими целями. Однако биологический взгляд на них, к которому призывает Лоренц, обнаруживает единую причину всех этих разнородных течений — отношение к родителям как к чуждой этнической группе. Наглядное свидетельство тому — молодежная мода в одежде. Такое демонстративное подчеркивание своей «инаковости» среди представителей различных этнических групп можно наблюдать лишь в тех районах, где разные этнические группы вынуждены проживать вместе: «В Центральной Европе давно исчезли характерные для той или иной местности крестьянские костюмы, только в Венгрии они сохранились — там, где тесно соседствуют венгерские и словацкие деревни» [11].

Квазинационалистический характер ненависти, как подчеркивает Лоренц, проявляется сегодня и в том, что юношество не просто игнорирует родительские стереотипы поведения, но внимательно наблюдает за ними, чтобы выработать свои, зеркально противоположные. Лоренц сетует, что сегодня вместе с идеалами отцов уходят в прошлое обычаи, происходит забвение национальных корней. Взамен идет заимствование чуждых этнических символов, которые при этом утрачивают свой первоначальный смысл. Пример тому — обращение молодежи к африканской и латиноамериканской культуре, далеким от родительской культуры, как к образцам для подражания. Этот процесс находит выражение

в молодежной моде, музыке, представлениях об имидже. В результате утраты традиции наследовать культуру старшего поколения роль «отцов», «наставников» молодых людей играют кинозвезды, поп-идолы и т. п.

Что является причиной нарушения механизмов внутривидовой регуляции? По мнению Лоренца, это система технократического и потребительского общества, которая заставляет современного человека жить в погоне за деньгами. В результате отец для молодого человека остается лишь добытчиком средств к существованию. Авторитет его определяется исключительно заработком, раз уж ценность его как носителя традиций отвергнута. Поэтому миллионеры из числа артистов или эстрадных исполнителей кажутся гораздо «успешнее» собственных родителей. «Еще совсем недавно старшие могли говорить: “Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым”. Но сегодня молодые могут им ответить: “Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь”» [5].

Особенно ярко культурные различия отцов и детей и изменения механизмов культурной трансмиссии можно наблюдать в отношениях одаренных детей и их старших родственников. Способные подростки, как правило, не только более «продвинуты», чем их ровесники, но и в силу большей информированности и развитости чаще всего отказываются принимать опыт старших. Этот факт учитывают оба образовательных проекта для одаренных детей – и Академия школьников, и Школа успешного абитуриента. Они ориентируются на то, чтобы, говоря словами авторов немецкой концепции, «построить мост между школой и университетом» [8, 6], поэтому профориентационные компетенции предложено формировать молодым преподавателям, студентам и аспирантам.

Очень похожий подход мы можем видеть в Положении об Американской национальной ассоциации одаренных детей. Положение содержит рекомендации, специально разработанные для решения вопросов образования талантливых детей и студентов. Чтобы обучать таких детей «правильно», документ советует принимать во внимание когнитивные, социальные и эмоциональные характеристики и потребности этих детей, изучать проблемы, которые у них появляются. Преподаватели должны создать для таких школьников и студентов условия, в которых учащиеся могут познакомиться с передовыми современными идеями, получить доступ к информационным материалам. Наставники должны уметь ставить перед талантливыми учениками задачи повышенной сложности и обеспечивать максимально «безопасную» для психики одаренного человека среду, в которой тот мог бы проявить свои таланты и уникальность. С такими задачами лучше справляются молодые педагоги, – подчеркивается на сайте Ассоциации [8, 4].

Можно отметить еще один важный аспект: одаренные дети в старшем возрасте, как правило, имеют уже определенный багаж проблем социально-психологического порядка, которые накапливаются в течение всего периода обучения. Психологический дискомфорт талантливых подростков часто вызван тем, что школа не готова создать особые условия для реализации всего спектра способностей ребенка и уж тем более если выявлена одаренность в одном направлении. Сложно требовать от учителя, чтобы он постоянно «загружал» способного школьника дополнительными заданиями и контролировал качество освоения с учетом особенностей одаренного ученика. Поэтому большинство детей с высоким уровнем

одаренности в большинстве своем не имеют достаточных условий для развития интеллектуальных способностей.

Ряд подобных проблем диагностирует исследование социальных и эмоциональных трудностей одаренных детей, проведенное в Израиле. В ходе исследования сравнивались дети из нескольких обособленных групп, находящихся «на выезде», чтобы исключить возможность контакта между исследуемыми группами. Результаты показали, что одаренные дети набирают больше баллов по показателям «удовлетворенность», «эмпатия», «уверенность в себе во время учебы», но чувствуют недостаток внимания и заботы, возможностей самораскрытия, физического самосовершенствования [3].

Отсутствие возможностей для самооценки на основе сравнения себя с такими же одаренными детьми — еще одна серьезная проблема одаренного подростка в ординарной школе. Невозможность сравнить себя с партнером, равным по способностям, провоцирует снижение мотивации к самообразованию и, что гораздо опаснее, формирует полярные желания либо «не выделяться», либо «обособиться», что порождает искажения в поведении подростка. Подросток или не может оценить себя по достоинству, или, напротив, переоценивает настолько, что наделяет себя особыми «правами», переосмысливая нормы общения и поведения в пользу своей исключительности.

И наконец, можно отметить, что способные дети часто оказываются в изоляции. Желая дружить, общаться, некоторые вынуждены становиться «как все». Однако на такой личностный конформизм способен далеко не каждый школьник с высоким уровнем одаренности, большинство не может найти себе близких по уровню развития партнеров по общению.

Решать подобные проблемы призван образовательный проект — немецкая Академия школьников (Deutsche Schülerakademie). Это сетевой проект, реализуемый при поддержке Правительства Германии, а также при участии различных спонсорских организаций. Он направлен на работу прежде всего с одаренными детьми во внеучебное время и сегодня объединяет одновременно 11 выездных летних школ, которые проводятся по специально разработанной и апробированной программе.

Стоит отметить, что до 90-х гг., фактически до объединения Германии, ФРГ была ориентирована на разработку программ поддержки не одаренных детей, а, напротив, учеников, отстающих от своих сверстников. В то время как ГДР, во многом следуя опыту Советского Союза, уделяла огромное внимание именно поддержке способных детей. Соответственно после создания единой страны успешный опыт обеих Германий был осмыслен и превращен в педагогические технологии. Немаловажным стимулом послужило и то, что экономика требовала технологических прорывов, в соответствии с этими целями стали возникать проекты и программы, ориентированные на педагогическое и психологическое сопровождение и развитие одаренных детей. Еще одним фактором, детерминировавшим развитие проекта, стало соотнесение концепта школьного образования со стратегией развития высшего образования. Именно к 2000-м гг. сформировался общеевропейский подход к развитию высшей школы, отраженный в документах Болонского соглашения, и это потребовало перестройки работы средней школы.

Известно, что одаренные дети в значительной мере нацелены на получение университетского образования. Зачастую, что достаточно развито в Германии (а в России встречается крайне редко), они оказываются раньше в стенах университета, чем их ровесники. Поэтому авторы проекта особое внимание уделяли освоению детьми именно социальных компетенций, которые затем будут востребованы и развиты именно в университетской среде. Без этих навыков процесс самореализации одаренного «тинэйджера» в вузе будет осложнен, что в конечном итоге скажется на формировании личностных качеств.

Формируя стратегию развития образования, Совет Европы предложил учитывать важность развития социальных компетенций. Среди социальных компетенций важнейшими являются способность взять на себя ответственность, совместно выработать и принимать решение, реализовывать в проектной форме принятые решения, осознавать связи личных интересов с потребностями общества, производства. Следует упомянуть также значимость компетенций толерантности к различным этносам и конфессиям и готовности к демократической политической практике.

Особенностью немецкого проекта является система отбора участников летних академий. Школьников отбирают по всей стране, на основе заявок, которые подают ученики по рекомендации учителей, а также на основе списков победителей разных олимпиад. Так как такие летние образовательные лагеря (продолжительностью 16 дней) открываются по всей стране, то участники имеют возможность выбрать наиболее интересную для них программу.

В каждом отдельно взятом образовательном лагере — собственный перечень учебных курсов, которые осваиваются в формате проектной деятельности. То есть, например, содержательно программа академии Ростока будет отличаться от аналогичной в Нильдене. Руководство проекта привлекает молодых ученых — аспирантов и недавно защитивших докторские работы доцентов университетов — для того, чтобы они создавали обучающие курсы для старшеклассников.

Тему курса определяет сам молодой специалист, причем учебный курс Академии школьников ни в коей мере не заменяет и не продолжает школьную дисциплину. В перечне занятий академии были, например, такие, как «Растения в климатической системе», «Телесная коммуникация», «Почему война?», «Математическая анатомия универсума», «Мораль и справедливость в современном обществе», «Чужое и свое в документальном фильме».

Общий режим занятий, программа игр и творческих мероприятий одинаковые во всех образовательных лагерях Академии школьников и являются результатом длительной традиции такого рода мероприятий. Таким образом, создаются условия для проявления способностей детей и формируются установки на развитие социальных компетенций. Ребенок после участия в академии обретает круг друзей-единомышленников, открывает для себя горизонт личного развития и, что также очень важно, осваивает культуру университетского общения, которую привносят в проект молодые ученые.

Как указывают авторы проекта, одаренным детям необходимо показать возможность обучения без муштры, стимулируя самообразование, а школа не в состоянии воспроизводить университетский стиль общения и преподавания в силу иной институциональной природы.

Университетская культура предполагает такие важные для развития подростка принципы общения, как уважительное отношение к чужому мнению, корректная полемика, равенство возможностей, открытость, готовность содействовать реализации креативных идей, толерантность (понимаемая в самом широком смысле слова). Такая комфортная среда, которая воспроизводится в условиях образовательного проекта, демонстрирует подростку многомерность социальных обстоятельств самореализации.

Авторы немецкого проекта акцентируют внимание педагогов и психологов, занятых в реализации образовательной программы, на том, чтобы максимально создавать условия для проявления самостоятельности одаренных детей. Навыки самообразования относятся к числу ключевых в системе образования Германии, они позиционируются и интерпретируются в качестве базовых в формировании социальных компетенций.

Российский проект «Школа успешного абитуриента» по принципам и целям совпадает с германским «Академия школьников». Это молодежный образовательный лагерь, который реализуется в формате зимней и летней школ в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). Создание федерального университета, сегодня самого крупного в России (более 50 тыс. студентов), потребовало переосмысления проблемы качества абитуриентов.

В число студентов университета должны попадать не просто лучшие из выпускников, а лучшие из лучших, способные к научной работе, менеджменту в сфере образования и практического применения научных достижений. УрФУ заинтересован в наборе интеллектуально развитых, готовых к успешному обучению, предприимчивых, высококультурных и хорошо воспитанных абитуриентов. Ошибочно было бы полагать, что такие абитуриенты могут быть найдены «в готовом виде» в каких-либо средних образовательных учреждениях Уральского региона. Тогда было бы достаточно просто пригласить их в УрФУ, распространив необходимую информацию. Но специфика современной ситуации в среднем образовании такова, что подготовка абитуриентов для поступления в вуз никем специально не ведется. Педагоги школы прямо говорят, что не ставят своей целью подготовку своих выпускников к поступлению в вуз. Они не рассказывают старшеклассником о вузах, факультетах, студенческой жизни.

Реформа образования, появление федерального университета в Уральском регионе, полный переход на уровневую подготовку, возникновение новых структурных подразделений в университете, таких как институт и департамент, требуют выработки новых форм презентаций, использования новых коммуникативных технологий для популяризации происходящих перемен. Большинство родителей оканчивали факультеты и учились в институтах или университетах, поэтому для них оказывается неясным смысл «институтов в университете», более того, в обыденном сознании возникает негативное представление о том, что университет разделен на институты, т. е. его статус как бы снижается.

Таким образом, организаторам набора в УрФУ приходится решать триединую задачу: формировать в своих потенциальных абитуриентах мотивацию на получение именно высшего образования; осуществлять профессиональную ориентацию,

помогая выбрать будущую профессию, направление подготовки; развивать в потенциальных абитуриентах именно те черты, которые будут требоваться от студентов и выпускников УрФУ, — социальную активность, предприимчивость, общительность, стабильный интерес к культуре и самостоятельному творчеству и т. д. [6].

Эта сложная задача может решаться и в рамках молодежного лагеря УрФУ как принципиально новой формы работы. Молодежный лагерь УрФУ приобщает учащихся к ценностям высшего образования, корпоративной культуре УрФУ и развивает их личностный потенциал.

В предметно-содержательном плане в лагере осуществляются экспертиза и углубление знаний по основным предметным областям, подготовка к сдаче ЕГЭ, освоение основных интеллектуальных технологий, практическая подготовка к написанию рефератов.

Учебные занятия включают такие предметы, как университетоведение, психология, тест, русский язык, математика и другие дисциплины, практикум работы над рефератом, технология интеллектуального труда, этикет. Перечень дисциплин свидетельствует о том, что детям дается разносторонняя подготовка. По итогам они получают комментарии психолога и рекомендации профориентационного характера, а также заключение экспертов ЕГЭ о степени готовности к сдаче экзаменов.

«Технология интеллектуального труда» — дисциплина, ориентированная на развитие логического мышления и практики аргументации. По форме эти занятия представляют собой своего рода интеллектуальную «разгрузку» в виде решения логических задач, головоломок и т. п.

А вот «Практикум работы над рефератом» носит сугубо прикладной характер. Здесь ребята осваивают важное в студенческой жизни умение — подготовить письменную исследовательскую работу реферативного характера. Не секрет, что сегодня подготовка реферата, по мнению школьников и студентов, требует только «скучных» навыков пользователя Всемирной сети или других информационных ресурсов. Задача практикума показать, что этот вид учебной деятельности может быть интересен и по-настоящему увлекателен.

Университетоведение позиционируется как профориентационная дисциплина, направленная на то, чтобы помочь ребятам разобраться в системе высшего образования, в его истории, в структуре университета. Дело в том, что современные родители не могут компетентно ответить на вопрос об университете и поступлении, также несведущи в этом вопросе и ровесники, учителя. Поэтому важно, чтобы дети все узнали от организаторов вузовского образования. В числе преподавателей этого предмета директора институтов, заведующие кафедрами, проректоры. При этом приглашаются специалисты, обладающие навыками работы со школьниками, умеющие интересно рассказать об университете.

В культурном плане работа лагеря направлена на приобщение школьников к студенческому творчеству, к участию в самодеятельности в современных ее университетских формах, к самостоятельной организации и проведению культурных мероприятий в интенсивном режиме.

В этическом плане работа лагеря дает возможность школьникам познакомиться с ценностями высшего образования, моральными принципами, которым

принято следовать в университетской среде, не только в процессе занятий, но и в форме включенного наблюдения корпоративной университетской этики, проявляющейся в деятельности педагогического коллектива лагеря, который целиком состоит из преподавателей, сотрудников и студентов университета.

В профориентационном плане лагерь позволяет познакомиться с идеей университета, задачами и спецификой высшего образования, деятельностью институтов университета, получить представление об основных сферах человеческой деятельности (15–16 лет), о профессиях и направлениях подготовки в УрФУ (17–18 лет). В лагере предусматривается ежедневное проведение презентаций институтов УрФУ, которые предполагают рассказ об учебе, о судьбе выпускников, ответы на вопросы о студенческой жизни.

Программа для 13–14-летних еще не предусматривает профориентации в полном смысле этого слова. Вместо нее проводятся предпрофориентационные мероприятия, которые знакомят школьников с основными отраслями человеческой деятельности. При этом руководство школы считает, что проводить такое знакомство должны не только профессиональные педагоги, но и «успешные взрослые».

В настоящий момент молодежный лагерь УрФУ включает две ступени. Первая из них — Школа успешного школьника — предполагает работу с учащимися 7–8 классов, вторая — Школа успешного абитуриента — с учащимися 9–11 классов.

Одним из главных принципов университетского лагеря УрФУ является доступность участия в проекте детей из всей России и ближнего зарубежья. В текущем году в молодежный университетский лагерь приехали ребята из 12 регионов России. География представлена очень широко. Помимо учащихся из Свердловской области в проекте принимают участие школьники из Московской области, Чувашской Республики, Оренбургской области, Республики Башкортостан, Пермского края, Челябинской, Курганской, Тюменской, Омской областей, Ханты-Мансийского автономного округа, Чукотского автономного округа, Республики Казахстан.

Завершение хотелось бы подчеркнуть, что представление двух современных практик организации работы по развитию социальных компетенций одаренных детей свидетельствует об общности подходов, которая сформировалась совершенно независимо, базируясь на различных образовательных, ментальных и культурных основах, что подтверждает идею: приоритет формирования именно социальных компетенций у одаренных детей — общемировая тенденция. По всей видимости, в будущем можно рассчитывать на более обширное и углубленное исследование сложившихся форм и методов работы с талантливыми подростками. Однако в самом общем плане можно отметить очевидную трансформацию образовательных стратегий в сторону формирования нового типа одаренного студента, ученого, менеджера, которому сегодня следует быть не только «талантливым одиночкой», специалистом высокого класса в своей области, но и личностью, обладающей сформированным обширным комплексом социальных компетенций.

1. *Боженко Р.* Школа успешного абитуриента получила «пятерку» // Аргументы и факты. 2011. 9 марта [Электронный ресурс]. URL: www.ural.aif.ru/edu/edu_stud/816355 (дата обращения: 09.11.2013).

2. *Зеер Э. Ф.* Компетентностный подход в образовании // Образование и наука. 2005. № 3 (33). С. 31.
3. *Лукьянова М. И.* Психолого-педагогические показатели деятельности школы: Критерии и диагностика. М., 2004. С. 104.
4. *Мид М.* Культура и мир детства: избр. произв. М., 1988. С. 360.
5. Школа успешного абитуриента : официальный сайт. URL: www.shua.usu.ru/ (дата обращения: 09.11.2013).
6. *Brody S.* Teaching the skills that children need to succeed. *Camping Magazine*, September/October 2013 [Электронный ресурс]. URL: www.acacamps.org/campmag/1309.
7. Competencies needed by teachers of gifted and talented students [Электронный ресурс]. URL: www.nagc.org (дата обращения: 03.11.2013).
8. Deutsche Schülerakademie. Programm, 2012. Bonn. P. 4.
9. *Jones A.* Modernization and Education in the U.S.S.R. *Social Forces*. Vol. 57, № 2. Special Iss. (Dec. 1978). С. 522–546.
10. *Lorenz K.* Der Abbau des Menschheit. München : Zürich, 1983. P. 74.
11. *Renzulli J. S., Reis S. M.* The Schoolwide Enrichment Model. Mansfield : Creative Learning Press, 1997. P. 5–14 [Электронный ресурс]. URL: www.gifted.uconn.edu/sem/semexec.html (дата обращения: 10.09.2013).
12. *Rubin K. H., Booth C., Rose-Krasnor L. et al.* Family relationships, peer relationships and social development: Conceptual and empirical analyses. In *Close relationships and socio-emotional development*. Hillsdale, N. J. : Erlbaum, 1995. P. 63–94.
13. *Shechtman Z., Silektor A.* Social Competencies and Difficulties of Gifted Children Compared to Nongifted Peers. *Roeper Review*. 2012. Vol. 3, № 1. P. 63–72.
14. *Sternberg R.J., Davidson J. E.* Conceptions of Giftedness. Cambridge University Press, 2005. P. 246–279.

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2014 г.

УДК 37.013:574 + 378.046.4

Н. Б. Мельник

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается трансформация понимания цели экологического образования. Автор представляет экологическую культуру как наиболее перспективную цель экологического образования и анализирует потенциал дополнительного образования в развитии системы экологических ценностей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экологическое образование, экологическая культура, структура экологической культуры, механизмы становления экологических ценностей, дополнительное образование.

Современный мир динамичен и парадоксален, полон противоречий и проблем. Широко и бурно обсуждается современный кризис духовности, социально-экономический, политический, финансовый, демографический, энергетический и, наконец, экологический кризис.

Уже в 70-е гг. прошлого века и научная общественность, и политическая элита определили образование как магистральный путь выхода из экологического кризиса. Эта идея о приоритетности образования в ситуации экологического кризиса получила официальный статус как направление развития человечества на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1972 г. Такое решение потребовало разработки системы экологического образования не только на уровне социальных институтов, но и как полноценной педагогической системы. Это предполагает проработку всех элементов педагогического процесса в их функциональной, ценностной и информационной взаимосвязи [1].

Прежде всего встала задача определения цели современного экологического образования. В истории экологического образования можно наблюдать трансформацию этой цели. Первоначально в качестве цели экологического образования были приняты экологическая грамотность, экологическая просвещенность, экологическая обученность. В другой период желаемым результатом экологического образования стали считать развитие чувства природы, любовь к природе. Наконец, целью экологического образования была признана экологическая ответственность, а позже — экологическая компетентность.

Представляется, что в основе целеполагания в области экологического образования должно лежать понятие «экологическая культура (ЭК)» [2–4]. Экологическая культура выступает интегральной характеристикой как общества в целом, так и определенной социальной группы или конкретной личности. Такая немасштабность ЭК облегчает перевод широкой социальной проблемы взаимодействия общества и природы в профессионально-педагогическую плоскость.

В этом контексте проблема экологического кризиса представляется как проблема ЭК общества в конкретный период существования. Сущность ее заключается в неадекватности ЭК общества условиям окружающей среды и проявляется в неустойчивости господствующего типа антропоэкосистемы. Выход из экологического кризиса в этом случае может означать выработку в обществе иного (нового, более адекватного среде, т. е. адаптивного) уровня и характера экологической культуры. Задача образования — в формировании этого типа культуры, передаче ее новому поколению. Важно сформировать у представителей молодого поколения отдельные элементы знаний, умений и навыков, сохраняя при этом целостность личности. Это позволит осуществлять поддерживающее динамическое равновесие между природой и обществом, т. е. достичь экологической гармонии.

В прошлом тысячелетии понятие «экологическая культура» имело конкретно-историческое звучание: оно понималось как ожидаемая в перспективе стадия развития отношений между природой и обществом и определялась как высокая экологическая образованность, сознательное отношение к природе, практическое участие в улучшении природопользования. Часто экологическую культуру интерпретировали как использование окружающей природной среды на основе познания естественных законов развития природы с учетом ближайших и отдаленных последствий изменения природной среды под влиянием человеческой деятельности [5–7].

Эта точка зрения заставляет признать отсутствие ЭК у всех предыдущих поколений и считать ее лишь ожидаемым и желаемым состоянием культуры. Но

очевидное разнообразие типов и стилей взаимодействия с природой в различных культурах и в разные исторические периоды с необходимостью приводит к неочевидному, внеисторическому и внегеографическому толкованию ЭК. Экологическая культура как аспект общей культуры, отражающий характер взаимодействия субъекта (общества, социальной группы, индивида) с природой, можно наблюдать во всех исторических типах обществ, т. е. ЭК была, есть и будет у всех племен, народов, государств во все времена. Можно говорить об ЭК в архаическом обществе, в Древней Греции, равно как и описывать ЭК современного общества или прогнозировать ЭК общества будущего.

Уместно вспомнить точку зрения Шпенглера на культуру [8]. Культура, по Шпенглеру, это отличающее эпоху и создающее ее как целостность внутреннее единство форм мышления и творчества, некая единая стилистика, запечатленная в формах экономической, политической, духовной, религиозной, практической, художественной жизни. Шпенглер выделяет в развитии культурно-исторического индивидуума определенные фазы: мифосимволическую раннюю культуру, метафизико-религиозную высокую культуру и позднюю, окостеневшую культуру, переходящую в цивилизацию. Противоположность культуры и цивилизации — главная ось всех шпенглеровских размышлений. Культура, позитивно воспринимаемая Шпенглером, — это могущественное творчество созревающей души, расцвет высокого искусства, исполненного глубокой символической необходимостью, имманентное действие государственной идеи среди народов, объединенных единообразным мироощущением и единством жизненного стиля. В противоположность культуре цивилизация — это умирание созидующих энергий в душе, проблематизм мироощущения, замена вопросов метафизического характера вопросами жизненной практики, распад монументальных форм в искусстве, быстрая смена входящих в моду стилей, превращение народных организмов в заинтересованные массы и т. д. Цивилизация в концепции Шпенглера представляет собой неизбежную форму гибели каждой культуры. Судьбы культур аналогичны, но души культур бесконечно разнообразны и неповторимы.

Нам представляется возможным объединить оба аспекта конкретно-исторического существования человека — культурный и цивилизационный — в одном понятии «культура» и выделить в культуре несколько структурных составляющих и различные аспекты. В качестве аспектов уместно говорить об эстетической, валеологической, художественной, педагогической, экологической культуре и т. п.

Под экологической культурой мы понимаем способ и характер взаимодействия человека (общества) с окружающей природной средой, включающие конкретный уровень и характер экологических знаний, экологических ценностей и практику (технологии и принципы) природопользования.

Экологическая культура как способ взаимодействия человека (общества) и окружающей природной среды, способ природопользования включает следующие компоненты:

- 1) духовно-теоретический — совокупность представлений о взаимосвязях в системе «человек — природа» и в самой природе (экологическое знание); экологические знаки и символы;

2) духовно-практический — установки и ценностные ориентации, в свете которых воспринимается и оценивается природа (экологические ценности), а в результате конструируется поведение относительно природы; отношение к природе, обществу и человеку; нормативные запреты и предписания, регулирующие взаимодействие человека с природой;

3) материально-практический — совокупность реальных стратегий и технологий взаимодействия с природой, природопользования и природосбережения; обряды и обычаи, посредством которых оформляются соответствующие действия относительно природы; социальные институты, в рамках которых протекает и которыми регулируется взаимодействие в системе «человек — природа».

Такой подход к понятию «экологическая культура» позволяет рассматривать исторические типы ЭК — от экологической культуры психологической включенности и физической зависимости от природы в архаическую эпоху к антропоцентризму и природопокорительству Нового времени. Антропоцентрическая культура дала всплеск общественного развития, но к настоящему моменту исчерпала себя. Она не позволяет адаптироваться человечеству в новой реальности, им же самим и созданной. Необходимо создание новой ЭК, что предполагает выработку иной системы экологических ценностей. Становление нового типа ЭК — это процесс трансформации культуры индустриального прошлого в культуру глобалистики, становление нового измерения человеческого бытия. Но любой тип ЭК ориентирован на сохранение целостности в системе «общество — природа».

В рамках данного подхода можно говорить об ЭК общества в целом, экологической культуре каких-либо социальных групп и экологической культуре конкретной личности. Предложенная структура ЭК в индивидуально-личностном масштабе соотносима со структурой личности. Среди множества структурных элементов психологи обращают внимание на элементы интеллектуальной сферы, эмоционально-ценностной и поведенческой [9–11]. Это позволяет выделить в структуре ЭК личности следующие сферы:

- 1) информационно-интеллектуальную (экологические знания);
- 2) эмоционально-ценностную (экологические ценностные ориентации);
- 3) деятельностно-волевою (экологическая деятельность).

Такое соответствие структуры ЭК общества элементам ЭК личности закладывает основу эффективного педагогического воздействия при формировании экологической культуры и определяет структуру содержания экологического образования.

Формирование новой экологической культуры у подрастающего поколения является целью национальной экологической политики в сфере образования. В современной России решение этого комплекса проблем рассматривается через призму партнерства и сотрудничества власти, бизнеса и общества. Это отражено в содержании отраслей ведомственного права и, в частности, образовательного права.

Современное среднее образование, а также высшее профессиональное образование информационного общества ориентированы прежде всего на информационную составляющую. Ценностный и деятельностный компонент содержания образования по-прежнему не являются ведущими. Многочисленные попытки

модернизации образования, например переход на компетентностную модель, оставляют неизблемым приоритет знания как ведущего результата образования.

Однако, по мнению психологов, ведущим началом в структуре личности является система ценностей. Ценности, как системообразующий элемент структуры личности, влияют на приобретение знаний и приобщение к деятельности. Становясь своеобразным фильтром проникновения в информационно-интеллектуальную сферу личности предлагаемых обществом, в том числе образовательными структурами, знаний, ценности также стимулируют человека для участия лишь в той деятельности, которая соответствует его системе ценностей, является в этой системе позитивной.

Несмотря на важность и педагогическую значимость, ценностные ориентации личности трудно поддаются формированию, еще труднее – корректировке или изменению. Традиционно этот процесс относят к воспитанию личности. В отличие от обучения, где в основном результатом является получение знаний, умений и навыков, воспитание ориентировано на изменение мотивационной, эмоционально-ценностной сферы личности. В России сильны традиции неразрывности обучения и воспитания [12]. Воспитывающее обучение предполагает передачу ценностно окрашенной информации, использование в обучении приемов влияния на систему ценностей обучаемых.

Сегодня в педагогике используются следующие механизмы, позволяющие целенаправленно воздействовать на развитие у человека системы ценностей:

– внушение (провозглашение ценностей с демонстрацией уверенности в их неоспоримости и обязательности; использование в контексте образования пословиц и поговорок, утверждающих ту или иную ценность).

Экологические ценности природосбережения и природоохраны прививаются провозглашением лозунгов «Уходя, гаси свет!», «Люби и охраняй родную природу!», «Люби и изучай родной край!», «Береги лес от пожара!», «Не загрязняй окружающую среду!», «Заботься о братьях наших меньших!», «Сохраним нашу планету для будущих поколений!» и т. д. Пословицы и поговорки, хранящиеся сегодня не столько в народной памяти, сколько в специальных изданиях, отражают теоцентрическое мировоззрение их коллективного автора: «Господь повелел от земли кормиться», «Без хозяина земля круглая сирота», «Бог не даст, и земля не родит», «Бог народит, так и счастье наделит», «Земля – тарелка, что положишь, то и возьмешь», «Даст Бог дождь, уродится и рожь», «Мать Божья, подавай дождя на наш ячмень, на барский хмель», «Бог вымочит, Бог и высушит» (из словаря Даля);

– убеждение (использование аргументов, рациональное подтверждение той или иной ценностной установки).

Для привития отношения к живому как к уникальному на уроках биологии дети получают знание об изменчивости как имманентном свойстве живой материи. Именно изменчивость делает живые существа уникальными по определению. Самоценность живого аргументируется через понятие «экосистема», в рамках которой значимость живого определяется не его хозяйственным значением, а включенностью в общий круговорот природы и относительной незаменимостью. Зачастую природосберегающая деятельность аргументируется необходимостью,

простым хозяйским расчетом, именно поэтому экологически целесообразной признается рациональная деятельность («рациональное природопользование»);

— эмоциональное заражение (эмоциональное проявление отношения к определенным явлениям, эмоциональное выражение ценностной ориентации).

Эмоциональное состояние человека может быть очень заразительным. Эмоционально-позитивное отношение к одним объектам и явлениям (например, восхищение разнообразием и красотой жизни) и негативное — к другим (например, возмущение издевательствами над животными или засорением ландшафтов) индуцируется в других. Воспитанники начинают разделять переживаемые педагогом эмоции, подключаясь к его восхищению или возмущению;

— поощрение (позитивная оценка того, что соответствует определенной ценностной установке).

Поощряя какое-либо действие, педагог подтверждает, что оно находится в области допустимых и значимых, тем самым стимулируя и в дальнейшем поступать именно так;

— наказание (негативная действенная реакция педагога на то, что не соответствует определенной ценностной установке).

Наказывая ребенка за какой-либо поступок, педагог тем самым определяет границу допустимого, демонстрирует некую социальную норму, ограничивая ребенка в нежелательных для общества, социально неодобряемых действиях. Однако, как показали исследования, этот механизм влияния на систему ценностей ребенка гораздо менее эффективен, чем предыдущий;

— демонстрация (воплощение в деятельности той или иной ценности, проявление этой ценности через деятельность);

Демонстрация действия гораздо более действенна, чем призыв к нему еще и потому, что делает это действие доступным и понятным. Действовать по образцу намного проще. Когда педагог сам делает именно так, как требует от других, это имеет непосредственный педагогический эффект. Когда педагог заботится о растениях в своем кабинете, это является воплощением его отношения к живому, ранимому и уникальному, требующему заботы и внимания, радующему и волнующему, позволяющему человеку проявить умение и доброту, знание и волю;

— приобщение к деятельности (привлечение к деятельности, воплощающей в себе ту или иную ценность).

Совместная деятельность — древнейший и безотказный механизм передачи ценностей. Им пользовались еще древние люди, привлекая детей к разнообразным видам деятельности, в процессе которых усваивались не только технологии, не только передавались знания, но и складывалась система ценностей. Когда дети пересаживают цветы, а педагог отстраняется под каким-либо предлогом от этой деятельности, тем самым он проявляет отношение к этой деятельности как малоценной, оценивая такую работу как «грязную и нудную».

Современная система образования использует далеко не все механизмы педагогического воздействия на систему ценностей. Так, чаще всего педагогами общего образования востребованы внушение, убеждение. Поощрение и наказание используются достаточно ограниченно, в основном при обучении, т. е. направлены

на оценку познавательной деятельности в сфере экологии, а не экологической культуры в целом. Экологическая деятельность в среднем и высшем (не специальном экологическом) образовании минимальна или вовсе отсутствует. Поэтому и использовать поощрение и наказание, а также демонстрацию и приобщение к экологической деятельности как механизмы формирования ценностной сферы в области экологической культуры в основном образовании не представляется возможным.

Система же дополнительного образования (ДО) имеет гораздо больший потенциал в контексте формирования ценностной и деятельностной сферы личности. Это, во-первых, определено более широким, свободным и жестко не регламентированным содержанием образования. Речь не идет об анархии в содержании. Более свободное проектирование этого содержания может позволить ДО выполнять компенсаторную функцию (компенсировать проблемы личностного развития человека и компенсировать пробелы в выполнении социального заказа общества, например по созиданию новой системы экологических ценностей у растущего поколения).

Во-вторых, над ДО не довлеет традиция классно-урочной, лекционной, аудиторной формы проведения занятий. Именно это позволяет увеличить в содержании образования деятельностный компонент. Мы имеем в виду не деятельностный подход к обучению, в рамках которого обучение осуществляется через деятельность, а именно учебную деятельность. Дополнительное образование имеет возможность использовать и организовывать реальную деятельность, например экологического характера. Само участие в такой деятельности «заражает» ребенка определенной ценностью. Экологические проекты, реализуемые в системе дополнительного образования школьников Урала и России, «Чистая Чусовая», «Родники», «Малые реки России» привлекли множество участников, предоставив им возможность не только реального улучшения экологической обстановки, но и становления определенных экологических ценностей.

В-третьих, система ДО предполагает более свободный характер общения между педагогом и воспитанниками, преподавателем и слушателями. Совместное переживание — со-переживание, со-чувствование, со-общение, со-действие — дает возможность педагогу продемонстрировать собственное отношение, собственную систему ценностей и (при условии авторитета и доверительности отношений) использовать механизм эмоционального заражения для приобщения ребенка к собственным ценностям.

Так, в дополнительном экологическом образовании весьма эффективными являются достаточно традиционные формы организации образовательного процесса, такие как походы, содержание так называемых «живых уголков», экскурсии, экологические акции («Экоград», «Новогодняя елка»...). В них проявляется удивительное и педагогически оправданное сочетание осваиваемого участниками экологического знания, конкретной экологически целесообразной деятельности и глубоких и ярких переживаний [13]. Все это развивает субъектное отношение к живому как к уникальному и самоценному; к природе как к универсальной ценности; к человеку как к части природы и ответственному за ее дальнейшее развитие; к человеческой деятельности как к мощному инструменту преобразования

окружающей среды, который может привести и к экологической катастрофе, и к состоянию экологической гармонии.

Но эти потенциалы ДО открываются только при определенных условиях. Если педагог сам не обладает необходимыми экологическими ценностными ориентирами, но пытается передать их в педагогическом процессе, вряд ли его ждет успех. Сложность в том, что педагоги принадлежат тому поколению, чьи экологические ценности устарели. Значит, в ДО должны работать «перспективные» педагоги, т. е. «люди будущего». Но есть и другой выход. Педагоги могут проектировать себя в учебном процессе. Трудно не согласиться с утверждением, что воспитание — это прежде всего самовоспитание.

Другим условием раскрытия потенциала ДО в формировании экологической культуры будущего является высокий профессионализм педагогов, проявляющийся во владении особыми технологиями воспитания и обучения. Диалоговые технологии, приемы арт-образования, технологии педагогической фасилитации, безотметочное образование позволяют установить доверительные отношения между педагогом и ребенком (преподавателем и студентом, воспитателем и воспитуемым), создать основания для эмоционально-позитивного общения, что является необходимым для передачи системы ценностей, нравственного воспитания человека.

Следует признать, что система дополнительного образования имеет высокий потенциал в становлении экологической культуры будущего.

1. Образование в интересах устойчивого развития в международных документах и соглашениях. М., 2005.

2. Мельник Н. Б. Альтернативная экологическая философия: противоречие разума и чувства // Дополнительное образование: Путь к себе : тез. межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2000.

3. Мельник Н. Б. Экологическая культура // Система управления экологической безопасностью : сб. тр. Шестой заоч. междунард. науч.-практ. конф. : в 2 т. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 218–223.

4. Мельник Н. Б. Экологическая культура // Философский словарь по правам человека. 2-е изд., доп. и испр. Екатеринбург, 2007. С. 664–667.

5. Захлебный А. Н., Суравегина И. Т. Экологическое образование школьников во внеклассной работе : пособие для учителя. М., 1984.

6. Гирусов Э. В. Экологическое сознание как условие оптимального взаимодействия общества и природы // Философские проблемы глобальной экологии. М., 1983.

7. Глазачев С. Н., Козлова О. Н. Экологическая культура // Зеленый мир. 1998. № 15.

8. Шпенглер Э. Закат Европы. М., 1993.

9. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.

10. Бернс Р. Что такое Я-концепция // Психология самосознания : хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. Самара ; М., 2003. С. 333–393.

11. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д., 1996.

12. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. М., 1998. Т. 1.

13. Сикорская Г. П., Комов С. В. Экологическое образование: Уральский вариант. Екатеринбург, 2007.

УДК 377.3 + 37.018.44 + 378.662

Е. А. Корчагин
Р. С. Сафин
И. Э. Вильданов

ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПРОИЗВОДСТВОМ КАК ОСНОВА НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КЛАСТЕРЕ

В статье рассматривается взаимосвязь образовательного кластера как структуры непрерывного профессионального образования с производством. Выявлены направления взаимодействия учебных заведений и производства, входящих в образовательный кластер; установлены интегративные основания взаимодействия профессионального образования с производством в кластере; определены возможности создания образовательного кластера; определены функции кластера на основе учета социально-экономических, территориальных, национальных и поликультурных особенностей региона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: образовательный кластер, учебные заведения, производство, интеграция, непрерывное профессиональное образование.

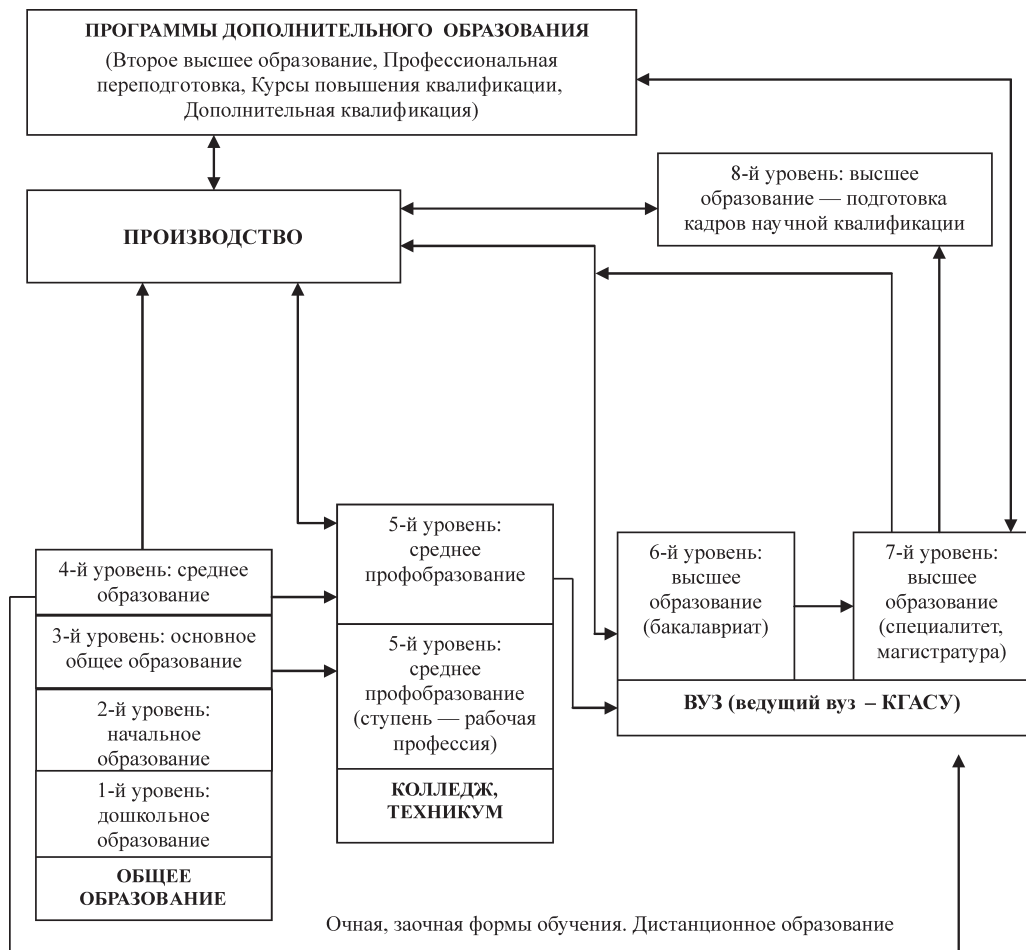
Имеющийся опыт развития новых форм интеграции образования и производства позволяет говорить о переориентации системы «образование — производство» на формирование компетентности специалиста, на развитие его профессионально значимых личностных качеств.

Требование развития человеческого, личностного фактора производства положено в основу создания системы непрерывного образования как стратегической цели формирования компетентных квалифицированных специалистов.

В качестве примера на рисунке показана структура системы непрерывного строительного образования (образовательного кластера) в Республике Татарстан.

Направления взаимодействия учебных заведений и производства, входящих в образовательный кластер, на наш взгляд, следующие [1]:

- целевая контрактная подготовка специалистов;
- организация учебных, производственных и преддипломных практик студентов;
- создание научных лабораторий и кафедр на производстве;
- опрос работодателей по выявлению потребности в специалистах;
- опрос работодателей для выявления и последующего формирования наиболее важных компетенций специалиста;
- дискуссии в рамках совместных мероприятий — научно-практических конференций, круглых столов, деловых встреч;
- встречи представителей предприятий и организаций различных форм хозяйственной деятельности со студентами и выпускниками;
- сбор и анализ отзывов работодателей на выпускников;
- проведение совместных исследований;
- выполнение договорных работ по заказам предприятий;

Перспективная структура системы непрерывного строительного образования (образовательного кластера) в Республике Татарстан

- реализация программ повышения квалификации и дополнительного профессионального образования;
- разработка вариантов технического решения проблем бизнеса, производства в рамках реального курсового и дипломного проектирования;
- участие представителей бизнеса, производства в работе государственных аттестационных комиссий;
- участие представителей бизнеса и производства в попечительских советах учебных заведений;
- участие работников бизнеса, организаций в проведении занятий в учебных заведениях;
- трудоустройство выпускников;
- стажировка преподавателей на передовых предприятиях, в организациях и фирмах.

Взаимодействие профессионального образования с производством в кластере осуществляется на следующих интегративных основаниях:

1. Общность целей. Действительно, общая цель профессионального образования и производства заключается в результатах обучения: в выпускниках учебного заведения — компетентных специалистах определенной квалификации с определенными социально-профессиональными характеристиками.

Целью любого предприятия, наряду с получением прибыли, является наличие высокопрофессиональных кадров, а целью учебного заведения — подготовка востребованных специалистов.

Такая цель позволяет выстраивать образовательный процесс «от результата», преодолевая тем самым традиционную когнитивную ориентированность образования.

Целями также являются построение целостной системы многоуровневой подготовки специалистов для предприятий на основе интеграции образовательных учреждений и предприятий-работодателей, обеспечивающей качество подготовки, оптимизацию сроков подготовки, закрепление выпускников на предприятиях, стимулирование проблемно-ориентированных, фундаментальных и прикладных научных исследований, создание гибкой системы повышения квалификации специалистов [2].

2. Общность содержания. Общность содержания образования и содержания производства обусловлена тем, что источником формирования содержания профессионального образования являются технологические процессы, оборудование, техника производства.

Содержание профессионального образования — знания, умения, навыки и формируемые на их основе базовые личностно-профессиональные компетенции — адекватно содержанию профессиональной деятельности специалиста на производстве. В учебном заведении осваиваются те же технологии, станки, оборудование и т. д., которые применяются на производстве.

3. Общность деятельности. Общность деятельности проявляется в процессе прохождения студентами производственных практик, при выполнении ими производственных заданий на оборудовании и в условиях предприятия в соответствии с принятым на предприятии технологическим регламентом.

4. Общность ценностей. Общность ценностей предполагает паритетность технико-технологических, социальных, гуманистических ценностей, без которых невозможен современный специалист.

Это ценности труда, производства, науки, техники, общества, личности. Паритетность предполагает их равнозначность, равноправность в процессе функционирования, когда ни одна из них не является частью другой.

Технико-технологические и гуманистические ценности могут быть классифицированы в соответствии с ролью, которую они играют в производстве и образовании, и положены в основание интегративных механизмов взаимодействия образования и производства.

Таким образом, взаимодействие профессионального образования и производства выступает важнейшим фактором модернизации подготовки компетентного, конкурентоспособного, востребованного производством специалиста.

Создание образовательного кластера позволяет:

- повысить конкурентоспособность всех участников кластера за счет внедрения новых технологий;
- снизить затраты и повысить качество соответствующих услуг;
- осуществить переход на качественно новый уровень внедрения инновационных образовательных и наукоемких технологий;
- разработать методику комплексной подготовки специалистов, обладающих профессиональными компетенциями и способными привносить инновации в деятельность коммерческих и государственных организаций федерального, регионального и муниципального уровней;
- внедрить двухуровневую систему подготовки бакалавров и магистров в области наукоемких инноваций;
- подготовить высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов с требуемыми работодателями уровнями информационно-коммуникационной компетенции;
- оптимизировать рост затрат при подготовке специалистов с компетенциями, отвечающими современным требованиям;
- расширить среду воспроизводства знаний, интеллектуальной собственности и эффективно вовлекать их в хозяйственный оборот;
- улучшить качественный состав руководителей и специалистов сельского хозяйства за счет программы формирования резерва;
- защищать интересы участников кластера в различных органах власти.

Кластер на основе учета социально-экономических, территориальных, национальных и поликультурных особенностей региона выполняет *функции*:

- объединения усилий всех структур, организаций, учреждений в деле формирования эффективного кадрового потенциала региона;
- расширения образовательного, научного и производственного пространства на уровне федерального округа;
- снижения уровня безработицы, увеличения количества рабочих мест для жителей региона;
- обеспечения притока молодых кадров в образование, науку и производственную сферу;
- урегулирования и повышения культуры национальных и межэтнических отношений в молодежной среде;
- обеспечения интеллектуальной, трудовой, научной, досуговой и других видов деятельности;
- повышения эффективности использования интеллектуальных, материальных и информационных ресурсов при подготовке специалистов и проведении научных исследований по приоритетным направлениям развития образования, науки, техники, культуры в интересах производства и социальной сферы;
- подготовки кадров и значительного повышения интеллектуального потенциала региона для инновационной деятельности в областях управления, образования, науки;
- внедрения наукоемких технологий и создания наукоемкой продукции;
- повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности на рынках товаров (услуг), капитала и труда каждого образовательного учреждения;

- создания условий для социального партнерства в профессиональной подготовке кадров;
- повышения уровня конкурентоспособности региональной экономики, обеспечения инновационного развития предприятий и региона в целом;
- обеспечения эффективного функционирования предприятий и организаций региона, улучшения их финансово-экономического положения за счет укрепления всех звеньев квалифицированными кадрами;
- укрепления взаимного доверия и отношений поставщиков и потребителей образовательных услуг (вузов и работодателей);
- повышения качества подготовки социально и профессионально мобильных высококвалифицированных специалистов;
- активизации подготовки кадров рабочих специальностей из числа сельских школьников в учреждениях среднего общего образования, способных реализовать в практической деятельности инновационные технологии.

Отметим, что образовательный кластер как часть системы непрерывного профессионального образования позволяет укреплять связи между образовательными учреждениями разного уровня, повышать качество практической подготовки студентов, внедрять в учебный процесс новые технологии обучения, ускорять процесс обучения за счет концентрации ресурсов, реализации принципа преемственности и интеграционных процессов в системе «профессиональное образование — производство».

Таким образом, непрерывность профессиональной подготовки как специфического вида человеческой деятельности, неразрывность ее теоретической и практической сторон, предоставляющих соответственно познание предыдущего обобщенного опыта и применение его в развитии для получения конкретного продукта деятельности, реализуется в образовательном кластере — интегративной образовательной структуре системы непрерывного профессионального образования.

Образовательный кластер определяет самостоятельность в выборе профессионально-образовательных программ, введение сквозных учебных планов, охватывающих основные направления и специальности подготовки кадров для региона. Диверсификация образования позволяет учитывать потребности регионального рынка труда, создавать условия для подготовки творческого многофункционального и высокопрофессионального специалиста. Выявление предпочтений в профессиональной сфере и правильная профориентация способны помочь в решении проблемы насыщения рынка труда профессионалами, получающими образование и работающими в одной и той же профессиональной сфере.

1. Сафин Р. С., Корчагин Е. А. Образовательный кластер: взаимодействие вуза и предприятий : моногр. Казань, 2012.

2. Смирнов А. В. Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе : моногр. Казань, 2010.

КОНФЕРЕНЦИЯ

«ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 314.74.53-054.72

Е. В. Грунт
Н. В. Киммель

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ НА о. БАЛИ

В статье рассматриваются концепции «диаспоры», имеющиеся в социальной науке, предлагаются критерии для ее анализа. Основное внимание уделяется вопросу формирования русскоязычной диаспоры на о. Бали. Авторы показывают, что процесс этот носит стихийный, незавершенный характер, дается анализ основных характеристик формирующейся русскоязычной диаспоры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: диаспора, русскоязычные эмигранты, критерии, диаспорное сознание, корпоративность, ассимиляция.

Сегодня на фоне все более интенсифицирующихся миграционных потоков немалое число россиян устремляется на постоянное место жительства в другие страны, выбирая такие популярные в этом плане направления, как Турция, Египет, Арабские Эмираты, Индонезия (Бали). Это преимущественно мусульманские страны. Так, в Турции проживает более 94 % мусульман, в Египте — более 90 %, в Арабских Эмиратах — около 70 %, а Индонезия является самой крупной по численности мусульман страной в мире [6]. В разных странах жизнедеятельность русскоязычной диаспоры осуществляется по-разному. В одних происходит ее формирование, например, в Египте, Индонезии, в других — распад и ослабление влияния на эмигрантов, например в Турции.

Прежде чем давать характеристику русскоязычной диаспоры в мусульманских странах, обратимся к понятию «диаспора».

В социальной и гуманитарной науке не существует однозначного мнения по вопросу о том, что такое диаспора. В связи с терминологической запутанностью, междисциплинарным и парадигмальным характером самого понятия «диаспора» выделение характерных признаков диаспор становится проблематичным. Каждый исследователь рассматривает диаспору с точки зрения предмета своей науки

и специфического подхода в исследовании, а каждый научный подход выделяет свои признаки и критерии, изучает разные аспекты рассматриваемого феномена, причины формирования и факторы влияния на общественные процессы, акцентируя внимание на более весомых и значимых характеристиках диаспоры. Однако стоит отметить, что междисциплинарные исследования не противоречат, а взаимно дополняют друг друга.

В настоящее время участились попытки исследовать любые перемещения людей, связанные с пересечением государственных границ с точки зрения процессов диаспоризации, что фактически привело к тому, что диаспорой стали называть любое этническое рассеяние, даже если оно не отвечает критериям классической диаспоры. В частности, диаспорами стали считаться все этнические группы, по каким-либо причинам (включая такие, как ведение бизнеса, трудовые контракты, туризм и т. д.) проживающие за пределами страны происхождения. В этой связи, чтобы избежать неопределенности, многие исследователи стали рассматривать сообщества трудовых мигрантов в качестве «классической» диаспоры. Однако, на наш взгляд, подобные сообщества соотносить с термином «диаспора» не совсем уместно, так как понятие «трудовые мигранты» — категория не постоянная. Приезжающие на заработки мигранты чаще всего через короткий промежуток времени покидают страну пребывания, и поэтому, по нашему мнению, рассматривать их как полноправных представителей диаспоры неправомерно. Рамки статьи не позволяют проанализировать все имеющиеся концепции диаспоры, рассмотрим лишь некоторые из них.

В настоящее время под диаспорой чаще всего подразумевается любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное (эндогамное) меньшинство, объединенное общим самосознанием, которое выражается в чувстве групповой солидарности [5, 65–68]. Мы полагаем, что данное определение существенно расширяет само понятие «диаспора» и не дает четких критериев ее анализа. Основной акцент при этом делается на решение проблемы существенных признаков эталонных, или модельных, общностей, в качестве которых рассматриваются исторические диаспоры, прежде всего еврейская.

Действительно, в первоначальном виде понятие «диаспора» описывало изгнание евреев с исторической родины и их разбросанность по многим странам. Подавляющее большинство исследователей диаспоры и сегодня признают, что само понятие должно опираться на модель еврейской диаспоры. Первородность еврейского рассеивания рассматривается чаще всего в качестве исторически сложившегося «идеального» прототипа, на основе которого делаются попытки классификации других подобных сообществ как соответствующих или не соответствующих критерию диаспоральности. Эта ситуация отражена в разнообразных зарубежных энциклопедиях и энциклопедических словарях. Практически все они отмечают, что понятие «диаспора» (греч. «рассеяние») возникло для обозначения и осмысления формы и способа многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди множества различных народов, культур и религий. В авторитетной «Британике» это понятие трактуется только через призму еврейской истории и относится лишь к жизни этого народа [6]. Другие энциклопедические словари и справочники

добавляют обычно, что со временем термин стал употребляться расширительно для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения, в новых для себя местах, нередко на положении национально-культурного меньшинства.

Так, рассматривая диаспору в ее классическом варианте, т. е. опираясь на историю еврейского рассеяния, американский историк У. Сафран выделяет шесть базовых характеристик классической диаспоры: рассеивание из единого центра, коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация, ощущение чужеродности принимающей стороны, стремление к репатриации, помощь исторической родине, идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности. Мы видим, что акцент в концепции У. Сафрана делается на отношении диаспоры к стране исхода, уделяется особое внимание связям по линии «страна исхода — принимающая сторона — диаспора». Эти отношения интерпретируются исследователями как «оперативный аспект» мифа о стране исхода и служат в качестве стабилизатора групповой идентичности» [4, 83–99]. Концепция классической диаспоры У. Сафрана вызвала ряд дискуссий в научных кругах и была подвергнута критике. В частности, Дж. Клиффорд указал на то, что большая часть еврейского исторического опыта не соответствует мифу о возвращении и стремлению евреев поддержать страну исхода. Возникновение еврейского государства не вызвало у значительной части евреев желания репатриации. Миф о возвращении является средством для повышения сплоченности и сохранения самосознания, когда религия уже не способна выполнять эту функцию, а также когда связи с общинами ослабевают и диаспора опасается дезинтеграции. Наличие чувства групповой солидарности также сомнительно, особенно когда речь идет о политических, экономических и прочих интересах народа [1, 302–382].

Другая концепция классической диаспоры была разработана А. Ашкенази и опирается на шесть основных характеристик или стратегий еврейской диаспоры:

1) подвижность (возможность смены принимающей стороны посредством переселения из одного государства в другое и перехода из одной общины в другую);

2) наличие сетей коммуникаций для обеспечения функционирования диаспоры, поддержания контактов, передачи ресурсов между общинами, оказания политического и экономического влияния на страны пребывания;

3) интуитивный коммуникативный код с собственной символикой, обеспечивающий общение членов диаспоры и передачу культурной информации, традиций, сохранение этнической идентичности;

4) политический конформизм, ограничение предмета взаимодействия с властями страны пребывания лишь интересами общин, проблемами и возможностью их беспрепятственного решения;

5) низкое демографическое представительство, не позволяющее диаспоре раствориться и укорениться, а также стать этнотерриториальной группой в принимающем обществе;

6) наличие интегрирующего мифа, выражающегося в сильном тяготении к стране исхода или стремлении туда вернуться [3, 18–19].

На наш взгляд, данная концепция более применима к различным диаспорам, так как ее характеристики более конкретизированы. Однако мы понимаем, что

не все диаспоры поддерживают идеологию репатриации, особенно новые, сформированные посредством добровольной миграции. К тому же многие из диаспор, считающиеся классическими (например, китайская), не соответствуют данному критерию.

Мы считаем, что диаспора — это устойчивая социально-этническая группа, характеризующаяся проживанием за пределами своей исторической родины при сохранении этнического самосознания и наличии социальных институтов для развития и функционирования данной общности. Нами выделены критерии для анализа диаспоры. К ним относятся:

- принадлежность к меньшинству населения. Низкое демографическое представительство не позволяет диаспоре раствориться и укорениться, а также стать этнотерриториальной группой в принимающем обществе;

- корпоративность, т. е. чувство принадлежности к единой группе, в которой индивиды имеют общие взгляды и убеждения;

- диаспорное сознание, т. е. этническое самосознание. Это осознание социокультурной общности со страной исхода — самоидентификация с определенным этносом, приверженность исторической традиции, духовной, материальной и языковой культуре страны исхода, а также стремление сохранить эту этническую самобытность;

- стремление противостоять ассимиляции путем организации органов самоуправления и заключения моноэтнических браков. Формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности, на эффективную социализацию.

Кроме того, необходимо отметить важные, по нашему мнению, характеристики диаспоры:

- диаспора — динамичное социальное явление. С целью самосохранения, в ответ на внутренние и внешние воздействия, диаспора вынуждена постоянно изменяться;

- диаспора формируется в определенных исторических условиях, под влиянием ряда политических, социально-экономических, социально-культурных факторов, влияющих на конкретный этнос. Таким образом, исторические причины формирования той или иной диаспоры оказывают существенное влияние на ее характерные черты [2, 32–43]. Исходя из этого, каждая диаспора, имеющая свою историю формирования, может обладать разными характеристиками. Поэтому приведенные выше характеристики не стоит рассматривать в качестве абсолютных.

Зимой 2011 г. авторами статьи было проведено социологическое исследование в Индонезии (о. Бали) по изучению русскоязычной диаспоры. Методами сбора первичной информации выступили анкетный опрос эмигрантов, глубинное интервью и включенное наблюдение. Методом анкетного опроса было опрошено 350 русскоязычных эмигрантов, методом глубинного интервью — 35 респондентов.

Анализ результатов исследования показал, что в составе опрошенных, проживающих в Индонезии, преобладают эмигранты мужского пола (53 %). Преобладание на о. Бали эмигрантов мужского пола мы связываем с причиной, которую указали отдельные респонденты, — занятие серфингом.

Что касается возраста респондентов, то подавляющее большинство опрошенных нами представителей русскоязычной диаспоры являются людьми относительно молодого возраста. Об этом говорят следующие показатели: возраст большинства респондентов 26–30 лет (79,0 %); 6 % опрошенных находятся в возрасте 21–25 лет, 19,9 % — в возрасте 31–40 лет, 3,3 % — в возрасте 41–50 лет. В составе населения о. Бали русскоязычные эмигранты составляют менее 5,0 % населения.

Большинство русскоязычных эмигрантов (86 %) на Бали из России; 13,2 % респондентов приехали в Индонезию из СССР. Большинство эмигрантов имеют высшее образование, полученное в стране исхода, небольшой процент опрошенных в Индонезии указали, что получили образование в другой стране.

Из рис. 1 видно, что в целом уровень образования представителей русскоязычной диаспоры высокий, что, на наш взгляд, помогает эмигрантам проще адаптироваться к новым условиям проживания и найти работу. Таким образом, что касается первого выделенного нами критерия: в принимающей культуре русскоязычные эмигранты составляют меньшинство населения, что не позволяет им стать этнотерриториальной группой в принимающем сообществе.

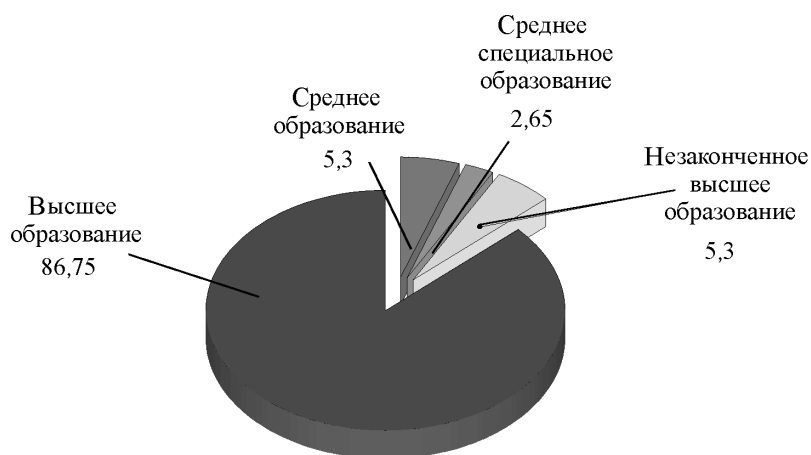

Рис. 1. Уровень образования русскоязычных эмигрантов, % к числу опрошенных в каждой группе

Анализ рис. 2 показывает, что русскоязычные эмигранты — это в основном работающее население. Так, полную занятость имеют 48 % опрошенных представителей русскоязычной диаспоры, а частичную — 28 %. Равный процент опрошенных (21 %) указали статус «не работаю и не учусь».

Таким образом, можно констатировать, что результаты исследования говорят о высоком уровне занятости эмигрантов. Что касается сферы занятости русскоязычных эмигрантов, то можно отметить, что она довольно разнообразная.

Анализ результатов проведенного исследования показывает, что большой процент опрошенных занят в туризме (27,2). Также большой процент опрошенных

Рис. 2. Уровень занятости русскоязычных эмигрантов в мусульманских странах, % к числу опрошенных в каждой группе

эмигрантов занят в сфере спорта (серфинг — 26,1; йога — 4) и бизнеса (16,2). Кроме того, 12 % опрошенных занимается программированием. Проанализировав данные исследования в сфере занятости русскоязычных эмигрантов в целом, можно сделать вывод о том, что, поскольку большинство русскоязычных эмигрантов — работающее население, кроме того, владеющее собственным бизнесом, то уровень материального достатка эмигрантов выше среднего. Эти данные коррелируют с данными об удовлетворенности эмигрантов своим материальным положением.

Исследование показало, что большинство эмигрантов довольно своим социальным статусом (85,4 % опрошенных). При этом 15,9 % опрошенных в Индонезии считают, что их статус повысился. Не удовлетворены собственным социальным статусом 7,3 % респондентов; 11,9 % опрошенных считают, что социальный статус понизился. Однако, по мнению большого количества респондентов, с переездом в другую страну их социальный статус остался без изменений (72,2 %).

Таким образом, мы охарактеризовали представителей русскоязычной диаспоры по социально-демографическим признакам. Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что в целом представители русскоязычной диаспоры на о. Бали — это разновозрастная группа эмигрантов (с преобладанием молодого поколения), различная по гендерному аспекту, с высоким уровнем образования и материального обеспечения, разнородная по сфере занятости и удовлетворенная своим социальным статусом.

Анализ периода проживания эмигрантов в принимающей культуре, зафиксировал, что меньшинство респондентов, т. е. 89,0 %, проживают на о. Бали более 10 лет. Это говорит о том, что русскоязычная диаспора начала формироваться здесь не так давно. Это связано в первую очередь с тем, что данное туристическое направление стало общедоступным для России сравнительно недавно (в начале XXI в.), когда на острове появились гостиничный сервис и авиасообщение. Кроме того, влиятельными причинами, способствующими интенсивному развитию

данного направления и, в частности, формированию здесь русскоязычной диаспоры, являются столь популярный сегодня во всех странах мира серфинг и возможность развития собственного бизнеса. Таким образом, Индонезия сегодня — это интенсивно развивающееся новое направление, с каждым годом привлекающее большое количество эмигрантов. Это подтверждают данные глубинного интервью: «Десять лет назад на о. Бали не была развита инфраструктура. Это был дикий экзотический остров, где не было ни отелей, ни ресторанов, ни шикарных вилл, ни супермаркетов» (Евгений, бизнесмен, 44 года).

Для нашего исследования большое значение имеет выявление проблем, возникших у эмигрантов при переезде в другую страну. Так, большой процент опрошенных указали на их наличие. Исследование выявило, что самой существенной проблемой, которую выделили больше половины респондентов, оказалось «возникновение чувства одиночества». Так считают 53,6 % респондентов, проживающих на о. Бали. И это, на наш взгляд, вполне естественно, так как, попадая в новую культуру, человек сталкивается с необычными для него условиями и ищет поддержку со стороны друзей или знакомых. На этом этапе существенную роль в адаптации играет диаспора.

На втором месте по значимости стоят взаимоотношения с местными жителями. Шестнадцать процентов респондентов, выбравших своим местом жительства о. Бали, отметили, что при переезде в другую страну ощутили на себе неприязнь местных жителей. Это объясняется тем, что отношение к русским эмигрантам в таких туристических странах, как Турция, Египет, Арабские Эмираты, негативное. Так, отрицательное отношение к русским эмигрантам в Турции и Египте объясняется бурным развитием туризма, доступного для широких масс населения, негативным поведением русских туристов на курортах, особенно русских женщин. Но в отношении Индонезии довольно сложно сказать о негативном отношении местного населения к русским, так как последние рассматриваются на Бали прежде всего как владельцы капитала: Индонезия — относительно новое туристическое направление, и позволить себе отдых там могут довольно состоятельные люди. Однако, несмотря на хорошее отношение к русским в Индонезии, 30,4 % опрошенных указали, что имеют место конфликты с местными жителями, но, на наш взгляд, эти суждения довольно субъективные: все респонденты, указавшие эту причину, занимаются серфингом, и в данном случае подобные конфликты могли возникать на почве спортивной конкуренции.

Кроме того, респонденты указали на наличие бытовых проблем (8,8 %). Мы полагаем, что это вполне закономерно, так как разница в менталитете и культуре, обычаях существенно влияет на бытовые условия. На трудности приобщения к другой культуре указали 7,1 % опрошенных русскоязычных эмигрантов в Индонезии. Сравнительно небольшой процент отмечает, что респондентам было довольно легко адаптироваться к новой культуре и, следовательно, приобрести новую культурную идентичность. Помимо этого 5,4 % опрошенных, проживающих в Индонезии, отметили еще одну проблему, возникшую при переезде в Индонезию, — «несовместимость религиозных убеждений». Вместе с тем низкий процент отметивших данную проблему указывает на то, что религиозные убеждения также не стали значительным препятствием для новоприбывших эмигрантов во

взаимодействии с новой социокультурной средой (группой). Такую проблему, как «сложность в общении из-за незнания языка», выделило 9 % опрошенных. Однако здесь необходимо отметить, что практически все взрослое население Индонезии владеет английским языком, чего нельзя сказать о русскоязычных эмигрантах. Помимо этого 18 % респондентов, проживающих в Индонезии, указали «на сложности с поисками работы». Мы полагаем, что это довольно субъективные суждения, так как на о. Бали функционирует значительное количество организаций, нуждающихся в сотрудниках, владеющих русским языком.

Исследование показало, что русскоязычные эмигранты проводят свой досуг в кругу семьи, русскоязычного населения. Сегодня на о. Бали открываются русскоязычные детские сады, школы, рестораны и магазины. Все это свидетельствует о наличии корпоративности у русскоязычных эмигрантов и об их стремлении противостоять ассимиляции в принимающей культуре.

Таким образом, проанализировав жизнедеятельность русскоязычных эмигрантов на о. Бали, можно сделать следующие выводы:

- общность русских эмигрантов, проживающих на острове, можно рассматривать как формирующуюся диаспору, так как для ее анализа применимы критерии, соответствующие анализу диаспоры;
- на Бали в настоящее время происходит процесс формирования русскоязычной диаспоры, который носит стихийный, незавершенный характер;
- в гендерном отношении русскоязычная диаспора представлена преимущественно мужским населением, в возрастном — в большей степени молодыми людьми с высоким уровнем образования.

1. Clifford J. Diasporas. *Cultural Anthropology*. 1994. 9(3). P. 302–382.

2. Грунт Е. В., Киммель Н. В. Особенности русскоязычной диаспоры в мусульманских странах // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и миграция в меняющемся мире» в рамках конвента «Модернизация обществ модерности». Екатеринбург, 2013. С. 34–42.

3. Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 18–19.

4. Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return*. *Diaspora*. 1991. Vol. 1, № 1. P. 83–99.

5. Стрельченко С. В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов // Энергия. 2006. № 7. С. 65–68.

6. Энциклопедия Британника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.britannica.com> (дата обращения: 15.08.2014).

Рукопись поступила в редакцию 31 августа 2014 г.

THE IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON SPOUSAL INFLUENCE STRATEGIES DURING COUPLE PURCHASE DECISIONS

The purpose of this study is to examine the impact of social network closeness on the use of spousal influence tactics among immigrants to Israel from the Former Soviet Union (FSU). A survey questionnaire was completed by 442 FSU immigrants, either married or cohabitating, who were asked to describe their social networks and to evaluate their own use of seven influence strategies during a dyadic purchase decision. Our findings shed light on the relationship between macro-level variables of the ecological environment of an individual and micro-level processes and phenomena that exist within his/her family nucleus, namely the marital dynamics and relationships; we also provide practical recommendations for family therapists and practitioners.

Key words: purchase decision, social network, couple decision making, influence strategies, power tactics, immigrants.

Introduction

In the increasingly mobile society that characterizes our industrial and post-industrial eras, relocation (within countries) and migration (between countries) constitute a frequent, almost normative, phenomenon that unavoidably entails a major disruption in the social niche of the individual [18, 2–4; 19, 359–364]. Our personal social network – that rather stable but continually evolving interpersonal fabric comprising close and distant family members, friends, work and study connections, and relationships that result from informal and formal participation in community organizations (religious, social, political, health-related, etc.) – constitutes a key depository of our identity, our history, and our well being [20]. Little is done in terms of public policies and practices and, unfortunately, not enough is done by therapists unless they are sensitized to these issues [18, 2–4; 19, 359–364].

The present study is the first to reveal and examine a hitherto unexplored aspect of immigrants' social networks, namely the impact of the social network on tendencies to employ spousal influence tactics during family purchase decisions. We base our study on the assumption that the social network has an indirect effect on family processes and dynamics. The present study focuses on a hitherto unexplored topic in the field of couple relationships, as well as the field of social networks, namely, the impact of the social network on spousal influence strategies used by marital partners during purchase decisions.

Social network and couple dynamics

As couples manage their conflicts, one should keep in mind that they do not live in a social vacuum; rather, they are embedded in social networks that may influence

their intimate relationships [5, 1259–1287]. In the early 1950s, Elizabeth Bott studied the connection between household social networks and the division of labor between husbands and wives. She defined a social network as a social relationship system in which some of one's friends and relatives know one another [1, 345–384; 2]. The level of connectedness of social networks varies considerably. A dispersed network is one with a small number of relationships between its components (individuals or families). A highly connected network is characterized by a large number of such relationships [Ibid.]. Felmlee [5, 1259–1287] found that social networks have a relatively large and multifaceted effect on the stability of intimate relationships. Family and friends may influence important decisions made by spouses, such as decisions regarding the number of children they plan to have [13]. Couples are embedded in social networks that also affect their relationships with others outside the marital relationship. Very little research has been undertaken to date regarding the role of the social network within the family nucleus. A landmark study was undertaken by Bott [2] which found that the level of density of the social network of married couples influences the degree of differentiation in gender roles within the household: the denser the network, the higher the degree of gender differentiation. This is due to the larger consensus between the spouses as well as the greater social control to conform to common norms. A dense network provides external assistance and support to the family nucleus. However, one cannot benefit from this support without being exposed to possible involvement and even direct intervention of third parties. For example, Greene [6, 226–254] has found that couples who undergo fertility treatments avoid sharing this information with their relatives and friends in order to protect themselves from mockery and gossip.

It is therefore reasonable to assume that the social network of a person is correlated to additional variables in the couple relationships. In this paper we propose that spousal influence attempts during purchase decisions may also be associated to each spouse's social network. We shall begin our paper with a brief review of the literature on the subject of spousal influence strategies, and then present our theoretical conceptualization of the social network.

Spousal Influence Strategies

Most couples tend to engage in joint discussion before purchasing a product for their shared use, such as electric appliances, furniture, financial investments, and so forth. In a study of recent purchasers of major durables, Spiro [21, 398–402] found that a surprising 88 percent of the married couples in her sample reported that they had encountered disagreements during the purchasing process. Each spouse will often try to persuade the other in various ways, employing a range of influence tactics, communication styles, and behaviors designed to help them secure their desired outcome [11, 407–414].

Six influence strategies are described by Raven, Centers, and Rodrigues [14]: Expert power, legitimate, reward, identification, coercion, and information management. **Expert** influence is reflected in the spouse's enumeration of specific information concerning the various alternatives. **Legitimate** influence deals with one spouse's attempts to draw upon the other's feelings of shared values concerning their role expectations.

Reward influence is based on the reward that the influencer can give the person being influenced. **Identification** is the feeling of oneness between the two individuals. **Coercion** is the punishment or unpleasant results and behavior that one spouse can employ. **Information management** includes the content of the persuasive attempts and careful and successful explanations or arguments, sometimes by attributing the influence attempt to external pressures beyond the influencer's control. Spiro [21, 398–402] also suggested the use of an **Emotional** strategy, which involves displaying some emotion-based reaction has called attention to the **Triangulation** strategy, in which one spouse enlists the assistance of a third person in order to have this person persuade his spouse.

We propose a distinction between 'negative' versus 'non-negative' tactics: negative tactics involve the use of a broad spectrum of behaviors that lead to negative consequences for the persuaded spouse, ranging from minor emotional inconvenience to illegitimate behaviors (such as lying, aggression etc.):

- "Coercion" strategy is considered negative because it involves implicit or explicit violence, either verbal or physical;
- "Information" strategy is considered negative because the persuader does not give accurate or true information;
- "Triangulation" strategy may cause feelings of anger or inconvenience when the persuader enlists a third figure to join the intimate space of the couple's relationship;
- "Emotional" strategy is based on causing the partner to feel insulted, guilty or fearful of abandonment.

Contrary to these negative tactics, non – negative tactics can lead to either positive or neutral consequences:

- "Reward" strategy involves offering the partner desired objects or activities; this kind of offer usually flatters and/or pleases the persuaded spouse;
- "Expert" strategy involves using professional and objective information relevant to the spousal decision; contrary to the "information" strategy, the persuader delivers reliable data obtained from independent sources such as internet websites, professional books or specialists.

"Legitimation" strategy draws upon common gender roles accepted by both spouses; when both spouses have a similar ethno-cultural background and are surrounded by relatives and friends that share the same gender ideology and roles, this strategy is expected to be effective.

The strategies described above relate to influence between partners without considering the potential effects of the social network within which they live (Except perhaps for "Triangulation" in some cases). An ecological perspective emphasizes the importance of the social context in understanding human behavior and interpersonal interactions. One of the pivotal ecological theories is the theory of human development [3, 4].

Bronfenbrenner's ecological theory

Bronfenbrenner's ecological theory is a useful framework for analyzing human behavior by addressing individual, social-cognitive, and contextual influences.

According to Bronfenbrenner [3] and Bronfenbrenner and Morris [4], the social environment within which people live is not a simple or unified context. Rather it is comprised of five hierarchical embedded ecological systems: the *microsystem*, the *mesosystem*, the *exosystem*, the *macrosystem*, and the *chronosystem*. An individual's relatives and friends constitute his or her ecological microsystem. The interpersonal interactions between these people, as well as the individual's interrelations with them, constitute the mesosystem. Exosystems are contexts in which people in one's microsystem participate; individuals are affected indirectly by these contexts during interactions with members of their microsystem. The social activities and interactions of each individual are formed and affected by social and cultural norms and beliefs. These ideological blueprints underlie every interpersonal interaction and constitute the macrosystem. Finally, the chronosystem refers to time and time-related variables that can potentially shed additional light on human behavior, such as intergenerational relationships, age differences and aging, and other issues that are affected by the time variable.

Ecological theory implies that each of these five systems will, in varying degrees, influence the tendency to prefer one persuasive tactic over the others. We will focus on the impact of the microsystem and mesosystem upon one of the common behaviors between marital partners, namely the strategies employed by partners in order to get their own way during the purchase decision processes. The microsystem and mesosystem comprise the social network of each individual. Whereas some network studies focus on the entire social structure of a population and explore the "complete" network, this project focuses on *egocentric networks* [12, 354–463]. An egocentric network is an individual's unique set of social contacts. Studies of egocentric networks do not provide an overall description of the social structure of a certain society; they are useful for understanding how a person's unique personal contacts relate to variables at the individual level of analysis, such as social support, power, advancement, perceptions, and attitudes [22, 71–98; 23, 1149–1160]. Egocentric social networks differ from each other in various aspects, such as density, cohesiveness, or closeness [7].

A social network is composed of one's nuclear and extended family members, as well as friends of various degrees of emotional closeness. We define a social network as 'close' when the individual interacts with a relatively larger number of members of his/her network on a regular basis, and when he/she is satisfied with these relationships. A person who lives in a very close network is assumed to gain expressive and/or instrumental support, as well as exposure to social sanctions and social control; he may feel lonely only rarely; that person may feel secure and assured that he will get assistance from his relatives in cases of crisis or distress.

The impact of the social network on family life in general, and especially on spousal influence strategies, is expected to be more complicated in immigrants' communities as compared to those of the natives. That is why we have chosen to deal with the wave of immigration from the Former Soviet Union to Israel which began in 1989 and continues to this day. We will discuss the relevance of this study population later on p. 11–12. Obviously, one's family size influences one's social network, it is therefore necessary to examine the main characteristics of the FSU family patterns.

The family patterns of FSU population

The Jewish population that lived in various republics of FSU for centuries is characterized by patterns similar to the non-Jewish Russian population. The main family patterns include a low marriage rate and high divorce rate. Familial instability, together with the participation of women in the workforce, also led to low fertility levels in the FSU. In 1997, the birthrate was 1.23 in Russia, 1.4 in Ukraine, and 1.3 in Belarus. Although Communist ideology was displaced twenty three years ago, Russian culture is still dominated by a collectivist orientation. It is therefore reasonable to assume that the social networks of immigrants from these countries will have greater impact on spousal relationships and behaviors, including implicit or overt social control of influence tactics.

Social networks of FSU immigrants in Israel

An important characteristic of the wave of immigration from the former Soviet Union (FSU) in the 1990s was its large scope, both in absolute terms (about a million people) and in relative terms (15 % of the entire population of Israel). Recent studies indicate that immigrants tend to have close relationships with other immigrants in their community while maintaining a social distance from the native-born Israelis, although we are witnessing the beginnings of processes that bring the two closer, including social and romantic ties between immigrants from the FSU and veteran Israelis [10, 16, 39–66; 17, 847–863]. Members of the immigrant community maintain ties of one kind or another with friends and relatives who remained in the FSU or who migrated to other countries¹ by means of reciprocal visits and telephone and internet ties [15, 515–530]. Therefore it may be reasonable to expect a high degree of variance in the size and closeness of the social networks of these immigrants.

Research hypotheses

The purpose of this study is to broaden the existing knowledge about the impact of the social network, as part of the ecological environment, on spousal influence strategies during a purchase decision process. The community of FSU immigrants in Israel can serve as an appropriate case study. For this purpose, we measured the closeness of FSU immigrants' social networks, and their tendencies to use spousal influence strategies of various kinds. A very close social network is assumed to provide the individual with greater social and psychological support. Accordingly, it can be expected that a weaker network would allow its members to include negative strategies in the repertoire of spousal influence tactics.

A very close social network is characterized by greater social control over its members. Frequent and intensive social interactions enable people to watch and control each other's behavior, both outside and inside the family nucleus. Some of these

¹ Today, there are probably no more than 400,000 Jews living throughout the former Soviet territories, about 230,000 of them in Russia itself; approximately 500,000 Jews live in the United States, and some 150,000 in the Federal Republic of Germany. http://daviscenter.fas.harvard.edu/seminars_conferences/diaspora/

behaviors may have negative interpretations. Accordingly, we assume that social network closeness would impact the use of *'negative'* and *'non-negative'* spousal influence tactics in a different manner. We expect that the use of *'negative'* tactics is likely to elicit a wide spectrum of social sanctions, ranging from gossip and criticism to group excommunication. Accordingly, we hypothesize that there is a negative correlation between the use of *'negative'* tactics and the level of social network closeness. The use of "expert power" as well as "reward" tactics does not challenge common social norms; therefore it is not likely to arouse any third party involvement. Conversely, we hypothesize a higher tendency to use a "legitimate" tactic in very close social networks because the persuader can rely on support from the close environment. Relatives of the same ethno-cultural background may re-confirm accepted norms of gender roles, thus increasing the persuader's tendency to rely on these cultural norms and expectations.

We therefore hypothesize as follows:

H1: The closer social network the immigrant has, the lower his tendency to use negative spousal influence strategies:

H1 (a) : The closer social network the immigrant has, the lower his tendency to use **coercive** strategy during the purchase decision process.

H1(b): The closer social network the immigrant has, the lower his tendency to use **information** strategy during the purchase decision process.

H1 (c): The closer social network the immigrant has, the lower his tendency to use **triangulation** strategy during the purchase decision process.

H1 (d): The closer social network the immigrant has, the lower his tendency to use **emotional** strategy during the purchase decision process.

H2: There will be no correlation between social network closeness and the use of **reward** strategy during the purchase decision process.

H3: There will be no correlation between social network closeness and the use of **expert** strategy during the purchase decision process.

H4: The closer social network the immigrant has, the higher his tendency to use **legitimation** strategy during the purchase decision process.

Methodology

Research population

We believe that the appropriate research population for an empirical examination of our research hypotheses is a population characterized by a relatively higher variance in the variable of 'closeness of social network'. We therefore chose the sector of Former Soviet Union immigrants for our study. There are some typical factors that contribute to the differences between individual's social networks, such as personality traits, place of residence, and place of work. The immigrants' social networks are influenced by many other factors. They had to part with their former social network and were faced with the challenge of building new networks in their new country. Some of them immigrated alone; some arrived to Israel with their extended family and friends; some of them had success in integrating rapidly into the new society and building a new social network, while others did not manage to do so and remained isolated. Another factor that contributes to the large variance in the closeness of immigrants' social networks

is the differences between the immigrants in the extent to which they maintain close social ties with friends and relatives who stayed in the FSU or immigrated to other countries [10].

Measures

Independent Variables

The independent variable of the study is the level of social network closeness of the respondent. In accordance with our definition of social network closeness, which we introduced earlier in this paper on p. 7, we applied an operational definition. To measure this closeness, we created an index which includes the following items:

Satisfaction with the quality of the relationship with the close family; existence of close friends; satisfaction with the number of friends one has; frequency of meetings/telephone conversations with friends; satisfaction with the quality of the relationship with friends; frequency of feelings of loneliness; ability to rely on the help of others in times of crisis or distress. The index range is from 1 = very weak to 5 = very close. Cronbach's alpha for this index is 0.74. We also took into consideration gender, educational level, income, level of religiosity, length of stay in Israel, and length of marriage as covariates.

Dependent Variable: Spousal Influence Strategy

The main study was carried out following a pilot study, aimed at exploring behavioral tactics used by individuals who wish to persuade their spouses (to be described hereafter in the 'procedure' section). Analysis of the data obtained in this preliminary phase yielded specific behavioral tendencies which, after being classified into categories, served as measures for each spousal influence strategy.

In order to evaluate the frequency of use of spousal influence strategies, the research questionnaire included items for each of the influence strategies. Questions regarding each of the strategies were formulated as: "When you and your partner disagree during a dyadic purchase decision, how often do you do each of the following?" Here we present some examples for items for each strategy :

(1) Coercion: Refuse to give my husband/wife things he requests; Make my husband/wife's life hard; Enforce my wishes physically.

(2) Information : I provide erroneous or partial information about the product.

(3) Triangulation : I ask my friend to influence my spouse.

(4) Emotional : I cry; I shout at my spouse.

(5) Reward : I buy my spouse a present; I help my spouse with various tasks.

(6) Expert power: I tell my spouse that I have professional information about the subject.

(7) Legitimization: I tell my husband that he should accept my recommendations about what products to purchase because I am his life partner.

Subjects were asked to state their own frequency of use of the strategies, on a five-point Likert scale, similar to the scale used in the pretest to be described hereafter. Internal consistency of each strategy was examined by calculating Cronbach alpha (See Table 1). Based on a previous study, which found a significant and positive correlation between subjects' self-report of their use of spousal influence strategies and

their spouses' report regarding the subjects' use of spousal influence strategies we considered self-reports as adequate sources of data for the present study.

Table 1. Internal consistency of influence strategies, by gender, Cronbach alpha values

Strategy	Items included in the strategy	Men	Women
Reward	Buy my husband/wife a present Propose that my husband/wife and I go out Give my husband/wife money for his/her personal needs	0.82	0.84
Coercion	Revenge if my husband/wife does not act as I want Expresses offensive criticism Refuse to give my husband/wife things he asks Make my husband/ wife's life hard Enforce my wishes physically	0.85	0.77
Emotional	I cry I get angry I am insulted/hurt I deliver implicit threats that I will leave my husband/wife I refuse to talk to my husband/wife for a few hours/days Sleep outside of home Shout at my husband/wife Insult my husband/wife	0.90	0.90
Expert	I say I know a lot about the subject I maintain that I have professional information about the subject I say that I can evaluate the products better than he/she can I say that I have the expertise to make a better decision	0.88	0.84
Legitimate	It is important to my spouse that the choice of the product reflects my preferences, because I have more to lose from the choice. My spouse feels that he should agree with me because the choice of the product will affect me more than him. My spouse has the right to expect that I will agree with him about the purchase of products. My spouse should not interfere in my purchasing decision. My spouse has no right to tell me what to buy. I should accept my spouse's recommendations about what products to purchase because he/she is my life partner	0.65	0.69
Triangulation	I ask my friend to influence him/her I ask my friend to influence him/her I ask our child/ren to influence him/her I ask a family member of his/hers to influence him/her	0.90	0.92
Information	My spouse hides information from me about the product My spouse provides erroneous or partial information about the product My spouse contends that the product I want is no longer available even though this is not true	0.88	0.88

Sample

The sample included 442 new immigrants from the FSU (respondents who immigrated from the FSU after 1989), aged eighteen to seventy-five. All the respondents were married or living with a permanent partner. Data set included answers only from one spouse and not from both. The breakdown of the samples according to gender and age were similar to the breakdown of this sector in the general population. In selecting the sample an effort was made to maintain geographical dispersal in accordance with the figures of the Central Bureau of Statistics [8, *Israel Census Bureau, Statistical yearbook of Israel, no. 58, retrieved on September 11.2007*]. The division of Israel into districts as used by the CBS was adopted in the survey.

Table 2 presents the main characteristics of the sample.

Table 2. The main socio-demographic characteristics of the sample

Gender	Male	50 %
	Female	50 %
	Total	100 %
Education	Secondary	15 %
	Post-secondary	21 %
	Academic	64 %
	Total	100 %
Income	Lower than the average	28 %
	Like the average	24 %
	Higher than the average	49 %
	Total	100 %
Age	Mean	42.0
	(S.D.)	(15.0)
	Median	38.5
	Minimum	22
	Maximum	75
Religiosity	Orthodox	1 %
	Religious	2 %
	Traditional	21 %
	Secular	76 %
	Total	100 %
Length of stay in Israel	Mean	14.9
	(S.D.)	(3.9)
	Median	16
	Minimum	1
	Maximum	25
Length of marriage / relationship	Mean	17.4
	(S.D.)	(14.0)
	Median	15
	Minimum	1
	Maximum	57

Procedure

Procedure: pilot study

A pilot study was conducted in order to formulate items for the research questionnaire. Sixty-four married or cohabiting subjects (34 female, 32 male) –immigrants from FSU answered four open-ended questions regarding the tactics they employ in order to convince their partner to get their way.

Their answers underwent content analysis and were rewritten as behavioral patterns which were then presented to the subjects of the main study in the following form: “When you and your spouse disagree regarding the purchase of a dyadic product, how often do you do each of the following?” The research questionnaire included items for each of influence strategies. Subjects were asked to state their own frequency of use of the strategies on a five-point Likert scale in which 1 represented “never” and 5 “always.” The reliability of the items to be included in the questionnaire was examined in a pretest study that included 88 married or cohabiting subjects (47 female, 41 male). The internal consistency of each strategy was examined by calculating the Cronbach’s alpha (See Table 1). Cronbach’s alpha values in the present study are similar.

Procedure: Main study

The field study was undertaken in Israel in 2011. The respondents were given a questionnaire in their native language (Russian) and asked to complete it by themselves. They answered the questionnaire in the presence of the pollster, who answered their questions and gave explanations on the basis of the briefing given by the researchers. The survey was presented to the respondents as relating to issues of “society and culture.” It was explained that there were no right or wrong answers to the questions, and that it was important to the researchers to hear what the respondents really thought and how they acted. The respondents were assured that the findings of the survey would be used for research purposes only. The questionnaire required approximately twenty minutes to complete and was filled out in the respondents’ homes.

Results

We begin the Results section with some descriptive statistics: The tables below present the average indices and variance measures of the main research variables:

Table 3. Social network closeness among total sample, means, (SD) and Standard Error of the Mean

	Mean* (SD)	S E of Mean
Total sample	3.56 (0.57)	0.03
Males	3.57 (0.55)	0.04
Females	3.55 (0.59)	0.04

* Range 1–5.

The findings indicate that the degree of closeness in the social networks was medium-high, with a relatively low variance. The level of closeness of the social networks was similar for men and women.

Table 4. Average indices of strategies among total sample, means* (SD) and Standard Error of the Mean

	Mean (SD)	S E of Mean
Coercion	1.72 (0.74)	0.04
Information	1.44 (0.77)	0.04
Triangulation	1.51 (0.79)	0.04
Emotional	2.12 (0.83)	0.04
Rewards	2.70 (1.12)	0.05
Expert	2.51 (0.99)	0.05
Legitimation	2.44 (1.19)	0.06

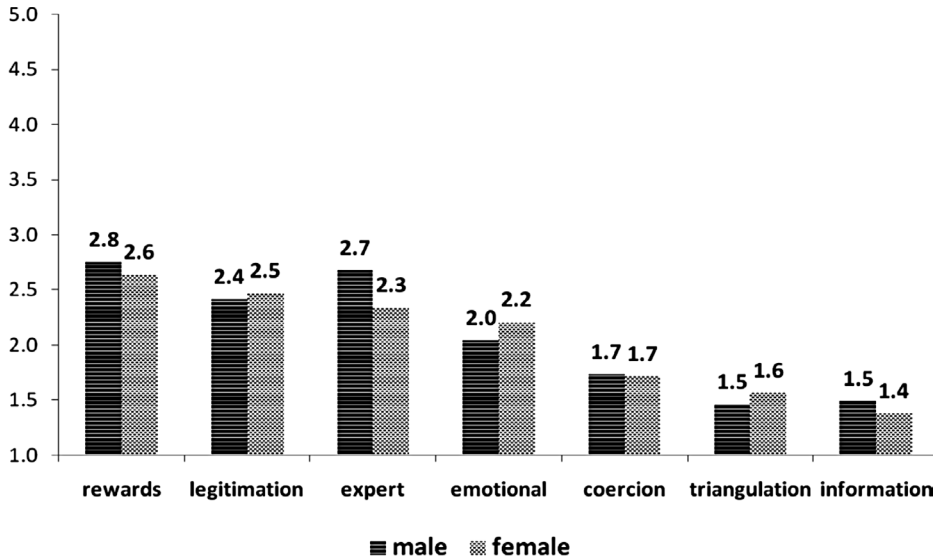
* Range 1–5.

The interviewees tend to report a relatively infrequent use of the various influence strategies. In sum one can see that the non-negative strategies (rewards, expert power, and legitimation) were ranked at a higher frequency of use as compared to the negative strategies.

The graphs below present the average indices for the seven strategies reported by the respondents.

It appears that the respondents tended more to use neutral strategies – the three most widespread strategies were rewards, legitimation, and expert. The negative strategies were used relatively less frequently. Men tended to use the expert strategy more than women, while women tended to use the emotional strategy more than men.

Although interesting, the descriptive data do not tell us whether and to what extent social network closeness affects strategy usage, nor what we want to know about the impact of background variables. In order to examine the research hypotheses regarding the effect of social networks on strategy usage, we applied multivariable analysis. Multivariate Anova variance tests were conducted for the seven strategies. The dependent variables were the usage of each of the influence strategies. Gender was included as factor. The model included both the main effect of gender and closeness of the social network and the effect of the interaction between the two. Although

not hypothesized a priori, we added the interaction between these variables because we sought to examine whether there are gender differences in the impact of network closeness on the use of spousal influence strategies. Covariates were education, income, level of religiosity, length of marriage, and length of residence in Israel. The age variable was not included in the analysis due to the strong positive correlation between this variable and length of marriage ($r = .90^{**}$).

The following table shows the findings of the MANOVA analysis that relates to a test of all of the seven research hypotheses.

H1 was: The closer the social network the immigrant has, the lower his tendency to use negative spousal influence strategies.

Hypothesis № 1 was corroborated: the closer the immigrant's social network, the lower that individual's tendency to use negative strategies, such as **coercive, information, triangulation, and emotional**. The interaction affect was not significant, i.e., social networks have the same effect on males and females.

Further, it emerged that income correlated negatively with the use of coercive strategy. Length of marriage correlated negatively with the use of information strategy. The level of religiosity had a negative impact on the use of emotional strategy – the higher the level of religiosity, the less the respondents tended to use this strategy. The rest of the socio-demographic variables were not found to have any significant effect on the use of negative strategies.

H2 was: There will be no correlation between closeness of the social network and the use of **reward** strategy during the purchase decision process.

Hypothesis № 2 was corroborated: the effect of social networks on reward strategy usage was not found. A weak but significant effect was found for income – the higher the income, the less the immigrants used this strategy. Other demographic variables were not found to influence the frequency of use of the reward strategy. The interaction effect was also not significant.

Table 5. Multivariate ANOVA for influence strategies

	H.1a: Coercion		H.1b: Information		H.1c: Triangulation		H.1d: Emotional		H.5: Rewards		H.6: Expert		H.7: Legitimation	
	F(8, 371)	Partial Eta Squared	F(8, 371)	Partial Eta Squared	F(8, 371)	Partial Eta Squared	F(8, 371)	Partial Eta Squared	F(8, 371)	Partial Eta Squared	F(8, 371)	Partial Eta Squared	F(8, 371)	Partial Eta Squared
Gender	1.06	0.00	0.02	0.00	0.08	0.00	0.32	0.00	0.24	0.00	5.50*	0.01	0.00	0.00
Religiosity	1.12	0.00	1.13	0.00	1.16	0.00	5.97**	0.02	0.04	0.00	0.17	0.00	0.22	0.00
Income	6.42*	0.02	2.00	0.01	0.38	0.00	3.41	0.01	3.93*	0.01	0.00	0.00	3.02	0.01
Education	1.04	0.00	0.17	0.00	3.50	0.01	1.29	0.00	1.41	0.00	2.02	0.01	0.00	0.00
Length of marriage	2.52	0.01	8.33**	0.02	1.28	0.00	0.59	0.00	1.58	0.00	6.83**	0.02	0.16	0.00
Length of residence in Israel	0.38	0.00	0.97	0.00	0.39	0.00	0.58	0.00	0.97	0.00	0.69	0.00	0.03	0.00
Social network	20.21**	0.05	18.11**	0.05	15.16**	0.04	12.91**	0.03	0.05	0.00	0.01	0.00	1.66	0.00
Gender * social network	1.06	0.00	0.09	0.00	0.00	0.00	0.05	0.00	0.12	0.00	3.27	0.01	0.03	0.00

* $p < 0.05$.

** $p < 0.01$.

H3 was: There will be no correlation between closeness of the social network and the use of **expert** strategy during the purchase decision process.

Hypothesis № 3 was corroborated. The closeness of social networks has no effect on expert strategy usage. Males tend to use this strategy more than females. The longer the marriage, the less this strategy was used. Other demographic variables were also not found to influence the frequency of use of this strategy. The interaction effect was also not significant.

H4 was: The more connected a social network the immigrant has, the higher his tendency to use legitimation strategy, during the purchase decision process.

Hypothesis № 4 was not corroborated: the effect of social networks on legitimation strategy usage was not found. The demographic variables were also not found to influence the frequency of use of this strategy. The interaction effect was also not significant, i.e., social networks have the same effect on males and females alike.

Discussion

The purpose of the present study is to examine the relationship between macro-level variables of the ecological environment of an individual and micro-level processes and phenomena that exist within his/her family nucleus, namely the marital relationships. According to Bronfenbrenner's theory [3, 4] in order to understand human behavior accurately, it is important to examine the ecological systems in which individuals participate. This theory recognizes the possible impact of family members and friends on behavior in various spheres of life. In addition to the dyadic interaction, social interactions and relationships have the potential to affect preferences for spousal persuasive tactics during a purchase disagreement. The findings of the present study support this view and highlight the social network as an ecological factor in the family decision-making process – an aspect not previously studied by family and network researchers. Our findings indicate that social networks impact spousal influence behavior during spousal negotiations on joint purchase decisions.

Generally, our findings seem to show a low level of use of spousal influence tactics among the respondents. It should be kept in mind that each spouse uses multiple strategies during a purchase decision, and not necessarily a single one.

The data regarding the frequency of utilization of the various tactics provide indirect confirmation of our suggested distinction between “negative” versus “non-negative” tactics – the latter are used more frequently than the former (see Figure 1 above).

The relatively lower use of “negative” strategies can be explained by two complementary considerations. The first pertains to the long-term impact of such strategies on the couple relationship. For example, emotional tactics such as implicit threats of separation or coercive attempts such as insults can cause psychological angers and frustrations that percolate into the common consciousness of both partners. Another possible result could be a loss of trust, as when the persuaded spouse finds out that his/her mate lied. The second consideration explaining the lower use of “negative” strategies might be the “social desirability” effect, as the respondents might have felt uncomfortable admitting their own use of the “*negative*” tactics.

We expected that the closeness of the social network would have a negative correlation with the use of each of the four “*negative*” tactics. Our findings support this hypothesis. Moreover, the only systematic and significant predictor of the use of each of the “*negative*” tactics was social network closeness. In addition to that, the social network variable did not appear to have any predictive value of “*non-negative*” spousal influence strategies. These findings imply that social control mechanisms can reduce behavioral tendencies that have the potential to threaten common social norms. Thus, these mechanisms are not “activated” when there is no potential damage to the prevailing behavioral patterns.

We also hypothesized no correlation between social network closeness and the use of ‘reward’ and ‘expert’ tactics; our findings support both these hypotheses. Using either of these tactics does not impose any requirements for any kind of resources and also does not violate any social norm.

The ‘legitimation’ tactic was expected to be positively correlated to the level of social network closeness but our findings did not provide empirical proof for this hypothesis. We believe that the unique characteristics of the population studied in this specific study may be the reason: our respondents are immigrants going through a continuous process of socio-cultural adjustment; some of them have retained an affinity to Soviet family patterns while others have adopted the Israeli patterns, and yet others are undergoing the adjustment process to this day [16, 39–66]. Immigrant couples interact with very different others in the social network and may adopt a variety of coping styles. Furthermore, Israeli society itself is highly heterogeneous in terms of family norms and patterns [9]. The immigrants are exposed to this large diversity and experience confusion, ambivalence, and even anomaly. Diverse family patterns may exert various influences, which may have been reflected in the empirical data regarding the legitimacy tactic. Therefore it is recommended to conduct future research among native-born respondents in their native land and in a more homogeneous society than the heterogeneous Israeli society.

Although this study enhances social scientists’ understanding of the impact of social networks, we should note certain limitations regarding interpretation of the data. Firstly, an implicit assumption was made in this study that the influence of the microsystem and the mesosystem is similar among all respondents. Individual differences, however, may moderate the impact of these ecological systems among individuals of different character types. Therefore, causal interpretations concerning the relationship between the composition of the social network and preference for a given influence strategy must be made with caution. Secondly, it should be noted that subjects were asked to report their own frequency of use of the influence strategies. Because participants were not asked to evaluate the frequency of purchase decision conflicts with their partners, it is unclear whether the reported frequency of use of influence strategies reflects the tendency to use a certain strategy, or the frequency of conflicts is reflected by the frequency of use of influence strategies. Therefore, future research should evaluate the “base rate” of these conflicts, and measure frequency of use of influence strategies relative to this base rate. Future research should also focus on the perceived effectiveness of each strategy. Furthermore, if multiple strategies are used in each purchase decision process, it would be interesting to reveal a chronological

order of use, i.e., which is used first, second, etc., and by whom. Another limitation is that our analysis is based on self-report, while an ideal research design should include corroboration from the spouse who is to be affected.

When coming to suggest some practical recommendations, one should bear in mind that applying one or more of the negative strategies may impede the harmonious relationship between the spouses as well as their marital quality and happiness. The tendency to use spousal influence tactics was not correlated to length of marriage, implying that the use of negative strategies can do damage to young as well as older families. Since immigrant families confront more social and cultural challenges and difficulties thus are characterized by a higher divorce rate [10], marital therapists who work with these families can obtain a wider perspective and arrive at a better diagnosis by identifying the closeness of network and tendency to employ various influence tactics by each spouse. Accordingly, practitioners can use our findings and recommend to their clients to avoid negative strategies. A closer social network diminishes the use of these strategies; therefore, couple therapists can consider this factor and try to benefit from it. For example, marital therapy can be enhanced if the counselor delves in more detail into the social network of each of the marital partners, using the operational measure proposed in the present paper.

In conclusion, this study has shown that during a joint purchase decision process, couples do not live in a social vacuum; either or both of the spouses may consider the social implications that can arise from using a specific influence strategy. Family and social networks researchers studying couple decision making should take into account that 'no couple is an island'.

-
1. *Bott E.* (1955). Urban families: conjugal roles and social networks // *Human Relations*. Vol. 8. P. 345–384.
 2. *Bott E.* (1957). *Family and social network; Roles, norms, and external relationships in ordinary urban families*. L.: Tavistock Publications.
 3. *Bronfenbrenner U.* (1995). Developmental ecology through space and time: a future perspective // *Examining lives in context: perspectives on the ecology of human development*. In P. Moen, G. H. Elder, Jr., and K. Luscher (Eds.), Washington, D.C.: APA Books.
 4. *Bronfenbrenner U., Morri, P. A.* (1998). The ecology of developmental processes // *Handbook of child psychology: In W. Denton (Series Ed.) & R. M. Lerner (Vol. Ed.)*. Vol. 1 Theory (5th ed.). N. Y.: Wiley. <http://demoscope.ru/acrobat/ps68.pdf> Demoscope, (200)
 5. *Felmlee D. H.* (2005). No couple is an island: A social network perspective on dyadic stability // *Social Forces*. Vol. 79 (4). P. 1259–1287.
 6. *Greene K.* (2009). An integrated model of health disclosure decision-making // *Uncertainty, information management, and disclosure decisions*. In T. D. Afifi & W. A. Afifi (Eds.). N. Y.: Routledge. P. 226–254.
 7. *Hanneman R. A., Riddle M.* (2005). *Introduction to social network methods*. Riverside, CA: University of California, Riverside.
 8. Israel Census Bureau (2007). Statistical yearbook of Israel, no. 58, retrieved on September 11, 2008 from: http://www.cbs.gov.il/shnaton58/download/st04_04.xls Israel Census Bureau, (2007), retrieved on September 11, 2008. from: http://www.cbs.gov.il/www/publications/household02_ussr/excel/t14.3.xls
 9. *Katz R., Lavee Y.* (2004). Families in Israel // *Handbook of world families* In B. Adams, & J. Trost (Eds). Newbury Park, CA: Sage.

10. *Lissitsa S.* (2006). Integration of immigrants from the CIS in Israel: the emergence of a transnational diaspora // Doctoral Dissertation submitted to Tel Aviv, University Hebrew.
11. *Mallalieu L., Faure C.* (1998). Toward an understanding of the choice of influence tactics: The impact of power // *Advances of Consumer Research*. Vol. 25. P. 407–414.
12. *Marsden P. V.* (1990). Network data and measurement // *Annual review of Sociology* / W. R. Scott & J. Blake (Eds.). Vol. 16. P. 435–463.
13. *Rainwater L.* (1965). Family design: marital sexuality, family size and family. Planning. Chicago: Aldine.
14. *Raven B. H., Centers R., Rodrigues A.* (1975). The Bases of Conjugal Power // *Power in Families*, In: Cromwell, R. E. & Olson, D. H. (Eds.), John Wiley & Sons, NY.
15. *Remennick L.* (2002). Transnational community in the making: Russian-Jewish immigrants of the 1990s in Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 28 (3). P. 515–530.
16. *Remennick L.* (2003). Generation of Russian immigrants in Israel: Between integration and sociocultural retention. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. Vol. 12, Iss. 1. P. 39–66.
17. *Remennick L.* (2005). Immigration, gender and psychological adjustment: a study of 150 immigrant couples in Israel, *Sex Roles*. Vol. 53 (11–12). P. 847–863.
18. *Sluzki C. E.* (1979). Network disruption and network reconstruction in the process of migration/relocation, *The Bulletin, a Journal of Berkshire medical center*. 3 (3). P. 2–4.
19. *Sluzki C. E.* (1992). Network disruption and network reconstruction in the process of migration/relocation, *Family Systems Medicine*. 10(4). P. 359–364.
20. *Sluzki C. E.* (1998). Migration and the disruption of the social network, In McGoldrick, M. (Ed.) *Re-Visioning Family Therapy: Race, Culture and Gender in Clinical Practice*. N. Y.: Guilford Press, 1998.
21. *Spiro R.* (1983). Persuasion in family decision making, *Journal of Consumer Research*. Vol. 9, № 4. P. 393–402.
22. *Walker M. E., Wasserman S., Wellinan B.* (1993). Statistical models for social support networks. *Sociological Methods and Research*. 22. P. 71–98.
23. *Wolfe Morrison E.* (2002). Newcomers' relationships: the role of social network ties during socialization. *Academy of Management Journal*. Vol. 45, № 6. P. 1149–1160.

Рукопись поступила в редакцию 31 августа 2014 г.

**Я. Бокек-Коэн
С. Лиссица**

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ СУПРУГОВ ПРИ ПОКУПКЕ ТОВАРОВ

Целью данного исследования является изучение влияния социальных сетей на использование тактик супружеского влияния среди иммигрантов из бывшего Советского Союза в Израиле. В анкетировании принимало участие 442 иммигранта из бывшего СССР, как состоящих в браке, так и сожительствующих, которым было предложено описать свои социальные сети и оценить использование стратегий влияния при совместном принятии решения о покупке.

Данные исследования проливают свет на отношения между переменными макроуровня экологической среды индивида и микроуровня процессов и явлений, которые существуют в его/ее ядре семьи, а именно динамики супружеских отношений. Нами также даны практические рекомендации для семейных психотерапевтов и практиков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: решение о покупке, социальная сеть, принятия решений парой, стратегии влияния, силовые тактики, иммигрант.

Важной характеристикой новой волны иммиграции из бывшего Советского Союза в 1990-х гг. являлась ее многочисленность как в абсолютном выражении (около миллиона человек), так и в относительном (15 % от всего населения Израиля). Последние исследования показывают, что иммигранты, как правило, имеют тесные связи с другими иммигрантами в их сообществе и дистанцируются от израильтян, родившихся в этой стране. Иммигранты также поддерживают связи с друзьями и родственниками, проживающими в бывшем Советском Союзе или иммигрировавшими в другие страны. Кроме того, они начинают взаимодействовать с израильтянами.

Еврейское население, которое проживало на территориях бывшего Советского Союза на протяжении веков, характеризуется моделями семьи, похожими на нееврейские семьи в России. Среди них также наблюдаются большое количество внесемейных лиц и высокий уровень разводов. Нестабильность семьи, высокая профессиональная занятость женщин также привели к низкому уровню рождаемости в странах бывшего СССР. Так, в 1997 г. уровень рождаемости составил 1,23 ребенка — в России, 1,4 ребенка — в Украине и 1,3 ребенка — в Белоруссии. Несмотря на то, что с коммунистической идеологией было покончено в России двадцать три года назад, в русской культуре по-прежнему доминируют коллективистские ориентации. Поэтому разумно предположить, что социальные сети иммигрантов из этих стран будут иметь большое влияние на отношения супругов в семье и их поведение.

Социальные сети имеют достаточно большое и многогранное влияние на стабильность интимных (близких) отношений. Семья и друзья могут повлиять на важные решения, принимаемые супругами, например, решение о наличии детей в семье и их численности, трате денежных средств и покупке товаров и пр. Современные семейные пары встроены в социальные сети, что также влияет на их отношения с другими людьми вне системы брачных отношений.

Однако на сегодняшний день недостаточно исследований, посвященных влиянию социальных сетей на семейные отношения. Практически все имеющиеся исследования учитывают один из важных факторов влияния социальных сетей на семейные отношения. Недостаточно исследований, посвященных проблеме роли социальной сети в рамках семейной ячейки (ядра).

Социальные сети иммигрантов находятся под влиянием многих других факторов. Расставшись со своими бывшими социальными сетями, они сталкиваются с проблемой создания новых сетей в новой стране. Некоторые из них эмигрировали в одиночку, некоторые прибыли в Израиль с расширенной семьей и друзьями; некоторые успешно интегрировались в новое общество и создали новую социальную сеть, в то время как другие не смогли сделать этого и остались изолированными в новой культуре. Другим фактором, который вносит вклад в дисперсию близости в социальных сетях иммигрантов, является разница между иммигрантами той меры, в которой они поддерживают тесные социальные связи с друзьями и родственниками, оставшимися в бывшем Советском Союзе или иммигрировавшими в другие страны.

Исследование нацелено на расширение имеющихся знаний исследователей о влиянии социальной сети на супружеские стратегии в процессе принятия

решения о покупке в рамках экологической среды. Сообщество иммигрантов из СНГ в Израиле послужило соответствующим кейс-стади. Для этого была измерена близость социальных сетей иммигрантов из бывшего СССР и их тенденции в использовании различных видов супружеских стратегий влияния.

Исследование проводилось в два этапа. Пилотное исследование осуществлялось для того, чтобы сформулировать вопросы для анкеты основного исследования. В опросе приняли участие шестьдесят четыре человека, состоящих в браке или сожительствующих. В дальнейшем их ответы подверглись контент-анализу. Полевое исследование было проведено в Израиле в 2011 г. В опросе участвовало 442 респондента — бывшие выходцы из СССР.

Материалы исследования продемонстрировали, что степень близости в социальных сетях оказалась средней и высокой с относительно низкой дисперсией. Уровень близости в социальных сетях был практически одинаков как для мужчин, так и для женщин. Респонденты показали относительно редкое использование различных стратегий влияния. В целом можно увидеть, что неотрицательные стратегии (награды, экспертизы и легитимации) чаще используются по сравнению с отрицательными стратегиями. Исследование выявило, что для большинства иммигрантов характерны широко распространенные стратегии: вознаграждение, легитимация и экспертиза. Негативные стратегии используются гораздо реже. Мужчины чаще используют стратегию экспертизы, в то время как женщины — эмоциональное воздействие.

Также интересно, что данные исследования не показали, в какой степени близость сети воздействует на используемые людьми стратегии, равно как и влияние основных переменных. Для изучения влияния социальных сетей на используемые людьми стратегии необходим анализ нескольких переменных. Гендер рассматривался в исследовании как важный фактор. Помимо гендера важными факторами в исследовании выступали близость социальной сети и взаимодействие между ними (переменными).

Исследование подтвердило, что важным фактором принятия решения семьи о покупке выступает экологический фактор. К сожалению, его действие практически не исследуется учеными при анализе проблем социальной сети и семьи.

Материалы исследования показали влияние социальных сетей на поведение супружеских пар во время переговоров супругов по поводу совместного принятия решений о покупке. Следует иметь в виду, что каждый супруг (пара) использует сложные стратегии во время принятия решения о покупке, а не какую-либо одну стратегию. «Не-негативные» (положительные) стратегии используются супругами гораздо чаще, чем «негативные» (отрицательные).

Относительно редкое использование «негативных» стратегий можно объяснить двумя причинами. Например, эмоциональные стратегии, такие как неявные угрозы, принуждения, оскорбления, могут вызвать психологический дискомфорт у обоих супругов. Другим возможным результатом может стать потеря доверия, уличение во лжи и пр. Вторая причина, связанная с редким использованием «отрицательных» стратегий, может стать эффектом «социальной целесообразности», когда у одного из супругов возникает чувство неловкости за использование данной стратегии.

Безусловно, что данное исследование расширяет понимание социальных ученых о влиянии социальных сетей на принятие супружеских решений, однако имеются определенные ограничения в отношении интерпретации данных. Во-первых, причинно-следственные связи, касающиеся отношений между составом социальной сети и предпочтениями супругов в выборе той или иной стратегии, должны быть сделаны с некой осторожностью. Во-вторых, не учтена частота конфликтов при принятии решений о покупке супругами. Таким образом, будущие исследования должны оценить основу этих конфликтов, измерить частоту использования влияния стратегии по отношению к ней. Последующие исследования должны также сосредоточиться на воспринимаемой эффективности каждой стратегии. Кроме того, если несколько стратегий используются в каждом процессе принятия решения о покупке, было бы интересно выявить хронологический порядок их использования. Еще одним ограничением является то, что данный анализ основан на самооценке, в то время как идеальный дизайн исследования должен включать подтверждение от супруга (супруги), участвующего в принятии этого решения.

В дополнение к материалам, связанным с Конвентом-2014, в этом выпуске журнала, в силу актуальности ее тематики, мы помещаем статью, посвященную вопросам публикации результатов исследований отечественных ученых в зарубежных периодических изданиях.

УДК 004.65 + 004.738.5:655.41

**Е. А. Вахрушева
А. В. Логинов**

ЧТО ОТ НАС ЖДУТ В ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛАХ?

Авторами выделены актуальные темы современного общественно-научного знания на материале статей социально-гуманитарной направленности, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Knowledge. Для этого из перечня журналов сформированы четыре кластера: «Социология и социологические науки», «Политическая теория и политическая философия», «Исследования в области международных отношений», «Психологические исследования». Отдельно рассматриваются российские журналы, недавно вошедшие в базу данных Scopus. На основе случайной выборки журналов по каждому кластеру (не менее трех журналов) с помощью методов количественного и качественного анализа обработаны абстракты статей, опубликованных в каждом журнале в течение 2013-го и в начале 2014 г. Результаты проведенной работы отражены в заключительной части статьи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: индекс, база данных, количественный и качественный методы, Scopus, Web of Knowledge.

С недавнего времени одним из критериев успеха российского ученого принято считать количество его публикаций в журналах, индексируемых престижными базами данных, — Scopus и Web of Knowledge. Требования, предъявляемые к журналам из этих баз данных, достаточно высоки [1], однако спор о том, насколько адекватен критерий «количество публикаций в Scopus» для оценки научного потенциала того или иного ученого, не утихает до сих пор [2]. Ситуация

осложняется тем, что журналов социально-гуманитарной направленности в этих базах изначально меньше, чем журналов, специализирующихся на проблематике естественных наук, а также проблемах и темах из области компьютерных наук, медицины, инженерии и т. д. В задачи нашей статьи не входит рассмотрение и решение спора о продуктивности самой идеи соотнесения научного ранга с публикациями в указанных выше базах данных. Задача статьи в том, чтобы на материале публикаций из баз данных Scopus и WoK выявить и артикулировать наиболее актуальные научные темы и проблемы, разрабатываемые в зарубежном общественном знании на современном этапе, а также наиболее авторитетные методы и подходы, обеспечивающие методологическую основу исследований, проводимых авторами принятых к публикации статей.

Методология исследования

Научным отделом ИСПН составлен перечень журналов по социальным, политическим, философским наукам, а также исследованиям в области международных отношений, входящих в Scopus и Web of Knowledge. Данный перечень регулярно обновляется и размещен в открытом доступе на сайте ИСПН [3]. Журналы, вошедшие в указанный перечень, в рамках исследования объединены по принципу дисциплинарной и тематической близости в следующие три кластера: «Социология и социологические науки», «Политическая теория и политическая философия», «Исследования в области международных отношений». Также дополнительно были рассмотрены три российских журнала, недавно включенных в Scopus. Очевидно, что выделение данных кластеров является достаточно условным, однако представляется, что это позволило осуществить более подробное и репрезентативное исследование. В каждом кластере нами выбрано не менее трех журналов, затем последовательно проанализированы абстракты статей, опубликованных в этих журналах за 2013 г., а также в первых выпусках за 2014 г.

В качестве ключевых методов исследования использованы качественный и количественный контент-анализ. Количественный контент-анализ был нацелен на определение частоты употребления ключевых слов, объединенных в категории анализа по принципу семантического и тематического родства. Так, например, в одну категорию анализа нами объединены такие понятия, как «колониальный», «колониализм», «постколониальный», «подчиненный» (subaltern), являющиеся базовыми элементами словаря постколониальных исследований. Такая стратегия позволила не только выявить наиболее часто повторяющиеся в статьях научные темы, но и выдвинуть гипотезы о наиболее востребованных на текущий момент методологиях исследования. Дело в том, что частота упоминания тех или иных теоретиков и исследователей в абстрактах (аннотациях к статьям) позволяет судить о методологической основе исследования или по крайней мере о точке референции, с которой автор статьи сверяет свой подход [4].

Наряду с количественным нами использован метод качественного контент-анализа, подразумевающий анализ и интерпретацию контекстов и выявление латентных смыслов, скрывающихся за статистическими единицами анализа, что, как кажется, позволило получить более надежные и достоверные результаты.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что категории анализа, которые стали единицами данного исследования, не могут быть заданы a priori, а потому релевантность результатов имеет очевидные временные ограничения.

Кластер «Социология и социологические науки»

В данном кластере в качестве объекта анализа методом случайной выборки были выбраны такие журналы, как «Journal of Historical Sociology», «Social Science History» и «European Sociological Review». Были проанализированы абстракты 60 статей, опубликованных в 10 выпусках за 2013 г. Данные, полученные с помощью качественного и количественного контент-анализа, позволяют сделать вывод о том, что наиболее часто тематика исследований, представленных в данных журналах, была связана с различными аспектами *проблемы идентичности* — этнической, национальной, расовой, гендерной, «постсоциалистической», «постколониальной» и т. д. Так, например, в статье П. Вербнер «*Матери и дочери в исторической перспективе: дом, идентичность и двойное сознание в миграции и возвращении британских пакистанцев*» проблема идентичности рассматривается через призму формирования двойного сознания у пакистанских мигрантов, обусловленного столкновением противоречивых правил, ожиданий и ощущения принадлежности и отчуждения, которое переживает субъект. В статье Д. Мишина «*“Анархия по всей Башчаршии”: новая социалистическая культура Югославии и поэтика локального у Новых Примитивистов*» на примере опыта нового культурного движения «Новые Примитивисты», возникшего в боснийском Сараево на закате социалистической эпохи и единой Югославии, анализируется стратегия противостояния моделям идентичности, навязываемым «сверху» в рамках «официальной культуры». Проблема национальной идентичности затрагивается в статье Н. Майера и М. Ляйтфатера «*Вкус к разнообразию” наконец появился? Национальная идентичность, потребительская дискриминация и мультиэтническая сборная Германии по футболу*», где она рассматривается в контексте отношения жителей Германии к факту мультиэтничности национальной сборной по футболу как одного из немногочисленных национальных символов страны.

Другая важная тема, которой посвящены многие из рассмотренных статей, связана с категориями «равенство / неравенство, дискриминация / сегрегация» и прочими семантически близкими понятиями. Например, в статьях Л. Сил «*Обозначая зависимость: “Социально неполноценные” в Соединенных Штатах в 1910–1940 гг.*» и П. Аспиналла «*Социальная эволюция понятия “полукаста” в Британии и его парадоксальное использование в качестве уничижительной расовой категории и самоописания*» анализируются истоки и особенности трансформации категорий «социально неполноценные» и «полукаста», которые, каждая в свое время, использовались в США и Великобритании для обозначения особых групп населения, воспринимаемых как расово, социально или физически неполноценные. В статье В. Хейрс «*Партии имеют значение: расовые ограничения в Соединенных Штатах Америки в XIX веке*» анализируется связь между формированием системы правового неравенства среди разных расовых групп в США в XIX в. и той партийной моделью, которая складывалась в стране в процессе

институционализации демократии. Различные аспекты социально-экономического неравенства косвенно или напрямую затрагиваются в таких статьях, как *«От этнического капитала к этническому образовательному неравенству: как ресурсы семьи и локальной этнической общины влияют на уровень образования второго поколения мигрантов в Бельгии»* Ф. Фляйшманн, П. Дебоосере, К. Нилса и К. Фалет, *«Неравенство доходов и доступность жилья в Европе»* К. Девильде и Б. Лансе, *«Объясняя этническое неравенство на немецком рынке труда: институты трудового рынка, контексты рецепции и ограничения»* Р. Р. Лутра.

Значительный блок статей в рассматриваемых журналах тематически и методологически связан с постколониальными исследованиями. Проблемы развития бывших колоний рассматриваются в статьях в культурном, социальном, политическом, историческом аспектах. Так, в статье Б. Мазумдар *«Гражданин или подданный? Размывая границы, отстаивая пространство: индийцы в колониальной Южной Африке»* на основе анализа практики применения индийцами, жившими в колониальной Южной Африке, дуальной категории гражданин-подданный автор приходит к выводу, что в условиях колониализма с помощью этого дуализма колонизированный мог заявить о своих правах, одновременно демонстрируя лояльность к власти. В другой статье, под названием *«Этика постколониального гражданства: опыт прочтения произведений индийских писательниц»* (Р. С. Раджан), рассматривается вопрос о том, как класс или гендер влияют на этические ценности постколониального субъекта.

Большой сегмент статей, особенно опубликованных в журнале «European Sociological Review», посвящен *актуальным социальным процессам* и рассматривает такие темы, как развод и факторы, влияющие на формирование отношения к разводу (например, М. Кальмийн *«Долгосрочные эффекты развода в отношениях родитель — ребенок: внутрисемейные различия между отцами и матерями»*; И. Сибен и Э. Вербакел *«Терпимость к разводу: влияние опыта переживания развода в трех социальных контекстах»*), пенсионный возраст и проблемы «раннего» и «отложенного» выхода на пенсию (например, Я. ван Бавелл и Т. де Винтер *«Переход к статусу бабушки и дедушки и ранний выход на пенсию в Европе»*; А. Е. Фазанг, С. Айзенбрей и К. Шоманн *«Пенсионный доход женщин в Германии и Британии»*).

В качестве важного показателя, свидетельствующего о степени востребованности тех или иных идей, концептов и теорий и их позитивном или негативном признании как значимых, также была проанализована частота упоминания / ссылки / цитирования того или иного теоретика. Наиболее часто в рассмотренных абстрактах статей упоминались М. Фуко (в трех абстрактах) и Ж. Деррида (в двух абстрактах), реже (в одном абстракте) Л. Альтюссер, П. Андерсон, П. Бурдьё, Ф. Бэкон, М. Вебер, Т. Веблен, А. Грамши, Г. Зиммель, В. И. Ленин, К. Маркс, М. Мосс, американский политолог и экономист Э. Остром, К. Поланьи, британский историк-социалист Э. П. Томпсон, З. Фрейд, Д. Харви, американский исследователь эколог Г. Хардин.

Полученные данные в целом коррелируют с результатами исследования Thompson Reuters, проведенного в 2007 г., цель которого состояла в выявлении уровня цитируемости авторов в гуманитарных исследованиях (в списке наиболее цитируемых авторов присутствуют М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Деррида, Д. Харви,

З. Фрейд, К. Маркс). Результаты этого анализа также позволяют сделать вывод о сохраняющемся влиянии в социальной теории постмодернистского и постструктуралистского дискурсов, а также дискурсов неомарксистских критических теорий.

Подводя итог анализу данного кластера журналов, необходимо отметить ряд закономерностей, присущих рассмотренным статьям. Во-первых, прослеживается четкая ориентация исследований на эмпирический материал локального характера; во-вторых, этот материал в большинстве случаев обязательно «сцеплен» с той или иной теорией; в-третьих, предмет исследования практически всегда формулируется довольно узко.

Кластер «Политическая теория и политическая философия»

В данном кластере в качестве объекта анализа методом случайной выборки были выбраны такие журналы, как «Journal of Political Philosophy», «Political Theory» и «Contemporary Political Theory». Были проанализированы абстракты 42 статей в 10 выпусках за 2013 г. Данные, полученные в результате контент-анализа, позволяют выделить две широкие темы, которые наиболее часто косвенно или напрямую затрагивались в рассматриваемых журналах, — *демократия и справедливость*. Проблемы демократии рассматриваются с позиций теорий делиберативной, процедурной, агонистической, радикальной демократии. Причем проведенный анализ позволил установить, что наиболее часто статьи, связанные с указанной тематикой, обращены к идеям делиберативной демократии в трактовке Ю. Хабермаса или их критике. Так, в статье Н. О’Донована «*Нужны ли делиберативной демократии сторонники делиберативной демократии? Пересмыслия аргументы Хабермаса в защиту дискурсивной этики*» предпринимается попытка опровергнуть критику в адрес концепции дискурсивной этики Хабермаса и его теории демократии в целом и таким образом обосновать возможность делиберативной демократии даже в тех обществах, где либеральная политическая культура еще не созрела. В статье Г. Хан «*Критический республиканизм: Юрген Хабермас и Шанталь Муфф*» теория Хабермаса рассматривается в сравнении с теорией агонистической демократии Ш. Муфф, сопоставляя которые, автор пытается доказать, что, вопреки широко разделяемым представлениям о противоположности этих подходов, их объединяют идеи о гражданской солидарности, конструктивной роли конфликта в демократической политике и важности самоуправления. Следует также отметить, что другие аспекты теории Хабермаса также широко представлены в рассмотренных статьях: «*Как не учиться у катастроф: Хабермас, критическая теория и “катастрофизация” политической жизни*» А. Васкеса-Арройо; «*Гердер об эстетическом воображении как источнике постнациональной демократической солидарности: дополнение к идее Хабермаса о конституциональном патриотизме*» М. Шобор-Лупп. Процедурная версия демократии рассматривается как лучшая «нормативная» защита для демократии в условиях современной политики в статье М. П. Саффон и Н. Урбинати «*Процедурная демократия как оплот равенства свобод*». В статье М. Прентаулис и Л. Томассена «*Политическая теория на площадях: протест, репрезентация*

и субъективизация» рассматривается влияние протестных движений 2011 г. и их дискурсов горизонтальной демократии и автономии на теорию демократии.

Различные аспекты теории справедливости Д. Ролза и их интерпретации рассматриваются в статьях С. Арнольда «*Правое ролианство: критика*», Ш. Нили «*Глобальная политика ролианцев*». Концепция процедурной справедливости рассматривается в статье К. Ландвер «*Процедурная справедливость и демократический институциональный дизайн при определении приоритетов в сфере здравоохранения*». Еще в одной статье под заголовком «*Общемировые ресурсы и справедливое распределение эмиссионных квот*» (М. Бломфилд) с позиций теории справедливости рассматривается вопрос о справедливом распределении между странами квот на выброс парниковых газов.

Целый блок статей, абстракты которых были проанализированы в рамках нашего исследования, посвящен анализу таких важных классических концептов, как «права человека», «доверие», «толерантность», имеющих центральное значение для либеральной социальной и политической теории: Р. Байефски «*Достоинство, честь и права человека: взгляд Канта*», Д. Баумголд «*Доверие в политической мысли Гоббса*», Л. Тендер «*Спиноза и теория активной толерантности*». Напротив, в статье Б. Баргу «*Живые щиты*» анализируется концепт уже иного, неклассического типа, а именно концепт «живого щита», значение которого для современной политики становится объектом анализа. Автор рассматривает фигуру «живого щита» в контекстах международного гуманитарного права и войны, основанной на принципах биополитики, доказывая, что «живой щит» является одновременно и симптомом, и имманентной критикой существующего положения дел.

Анализ частоты упоминания, ссылок и цитирования исследователей привел к следующим результатам. Наиболее часто упоминались имена таких теоретиков, как Ю. Хабермас (в пяти абстрактах, учитывая ключевые слова), Б. Спиноза (в двух абстрактах, учитывая ключевые слова), Х. Арендт, А. Бадью, Г. Башляр, Ж. Боден, Д. Вико, Л. Витгенштейн, И. Гердер, Ж. Делез, Ж. Деррида, В. Джеймс, С. Кавелл, И. Кант, Б. Латур, Э. Левинас, Д. Локк, Г. Маркузе, Ш. Муфф, А. Негри, Ф. Ницше, В. Пенн, Ф. Петтит, Ж. Рансьер, Д. Ролз, К. Скиннер, Д. Стиглиц, П. Уинч, З. Фрейд, М. Хайдеггер, Д. Юм (в одном абстракте, учитывая ключевые слова).

Полученные данные в целом коррелируют с результатами исследования Thompson Reuters 2007 г. (в списке наиболее цитируемых авторов из представленного выше перечня присутствуют Ю. Хабермас, Д. Ролз, Ж. Делез, Ф. Ницше, Х. Арендт, Э. Левинас, З. Фрейд, Б. Латур, М. Хайдеггер, Ж. Деррида, И. Кант).

Подводя итог, необходимо отметить ряд закономерностей, свойственных данному кластеру. Во-первых, в поле политической теории и политической философии наблюдается преобладание традиционных для данных направлений тематик исследования, связанных с проблемами демократии и справедливости. Во-вторых, сохраняется ориентация на традиционные для данных областей исследований подходы и методологии, в частности на критическую теорию и приемы из области аналитической философии.

Кластер «Исследования в области международных отношений»

В рассматриваемом кластере в качестве объекта анализа были выбраны такие журналы, как «Millennium: Journal of International Studies», «Journal of International Relations and Development» и «International Studies Perspectives». Были проанализированы абстракты 48 статей в девяти выпусках за 2013 г. Статьи, попавшие в выборку, отличаются широким тематическим разнообразием, что в значительной степени обусловлено шириной самого поля международных исследований. Тем не менее по результатам контент-анализа можно выделить несколько наиболее часто повторяющихся в представленных исследованиях научных тем.

Так, значительная часть статей посвящена проблемам *метатеории, теории и методологии исследований в области международных отношений*. К примеру, в статье Г. ван дер Рее «*Политика научной репрезентации в международных отношениях*» анализируется вопрос, коррелирующий с центральным вопросом второго «большого спора» в теории международных отношений — о необходимости и оправданности применения методов точных наук в международных исследованиях. Автор статьи рассматривает три способа репрезентации знания в науке о международных отношениях — числовые показатели, графические модели, а также метафоры, использование которых, по его мнению, ведет к объективации знания, оцениваемой им критически. В статье М. Курки «*Включая нормативное в экономическую науку: к анализу скрытых дискурсов демократии в международной политике*» предметом анализа оказываются латентные идеологические компоненты экономических теорий, а именно скрывающиеся за нейтральной позитивистской оболочкой экономической науки нормативные по своей природе идеи демократии, которые, как обосновывается в статье, влияют на международную политическую практику.

Целый блок статей, представленных в выборке, посвящен анализу *идей и методологий, разрабатываемых в рамках отдельных школ и направлений в теории международных отношений* и выявлению их скрытого эвристического потенциала. Так, в статье Д. Кенели и К. Костагианниса «*Реалистский взгляд на Европейский союз: Э. Х. Карр и интеграция*» предпринимается попытка расширить границы традиционного понимания классического реализма в теории международных отношений. В частности, автор пытается обосновать идею о том, что идеи теоретика-реалиста Э. Карра, вопреки сложившейся в теории привязке идеи интеграции к идеализму, рассматриваемому в качестве антагониста реализма, могут дать новый импульс исследованиям процессов европейской интеграции и раскрыть новые аспекты данной проблемы. В другой статье — «*Мысль за рамками международного общества: о перспективах концепций мирового общества Английской школы международных отношений*» (Д. А. Пелла) — сопоставляются две различные трактовки концепции мирового общества, представленные в рамках «английской школы» международных отношений, — классическая трактовка, связывающая мировое общество с космополитическим влиянием негосударственных акторов, и интерпретация современного авторитетного исследователя в данной области Б. Бузана, ориентированная на анализ различных взаимодействующих между собой негосударственных акторов. В ходе компаративного анализа данных

трактовок автор выявляет их недостатки и в итоге предлагает альтернативную интерпретацию мирового общества. Вопросы теории и методологии международных исследований рассматриваются также в таких статьях, как «*Зона перевода: между акторно-сетевой теорией и международными отношениями*» (Э. Берри), в которой исследуются возможности перевода акторно-сетевой теории — довольно популярного сегодня направления в социальных науках — в дисциплинарное поле международных отношений.

Целый блок статей посвящен *методике преподавания международных отношений*: М. А. Шнурр, Э. Де Санто, Р. Крейг «*Используя смешанный подход в обучении для моделирования многосторонних переговоров о соглашении в сфере экологии*», К. Тейлор «*Моделирование на занятиях по международным отношениям и за их пределами: сравнительный анализ*». В этих статьях рассматриваются различные варианты моделирования как метода, применяемого в процессе обучения международным дисциплинам. Использование визуальных средств и активных методик обучения рассматривается в статьях Р. Г. Блантона «*Зомби и международные отношения: инструкция по привлечению восставших из мертвых к вам на урок*» и С. Суимелар «*Визуализируя международные отношения: оценивание студентов с помощью фильма*».

В ряде статей, представленных в выборке, затрагиваются проблемы безопасности и секьюритизации. Так, в статье Б. Б. Ёзпека «*Securing Energy or Energising Security: влияние энергетической политики России на вступление Турции в Европейский союз*» вопрос об энергетической безопасности Европы рассматривается в контексте ее взаимоотношений с Россией и Турцией. Автор полагает, что сближение Европы с Турцией, учитывая вовлеченность последней в проекты по прокладке газо- и нефтепроводов, минующих Россию, может способствовать укреплению энергетической безопасности Старого Света. Концепция «общество безопасности» затрагивается в статье К. С. Браунинга и П. Ённиemi «*От братоубийства к сообществу безопасности: переосмысляя различие как элемент устройства Северного мира*». В статье М. К. Дэвис Кросс «*Военное измерение европейской безопасности: подход эпистемных сообществ*» анализируется влияние эпистемных сообществ на процессы интеграции стран Европейского союза в сфере безопасности.

Особенности функционирования отдельных международных институтов и организаций и их влияние на международные процессы рассматриваются в статьях М. Москеллы «*Формирование Совета по финансовой стабильности: теоретический анализ мандата, полномочий и членства*», М. Ёши «*Деятельность ООН по поддержанию мира, демократический процесс и сохранение мира после гражданских войн*».

Различные аспекты проблемы терроризма и борьбы с ним анализируются в статьях М. Галчински «*Старомодно и неактуально: "Война против терроризма" и право на правосубъектность*», Л. К. Вилльямс, М. Т. Коч, Д. М. Смит «*Политические последствия терроризма: террористические акты, жертвы и устойчивость власти*».

Анализ частоты упоминания, ссылок и цитирования теоретиков и исследователей привел к следующим результатам. Наиболее часто упоминались имена

таких теоретиков, как М. Фуко (в двух абстрактах, учитывая ключевые слова), Д. Агамбен, Э. Аптер, М. Арчер, Р. Бреннер, Б. Бузан, Т. Гоббс, А. Грамши, И. Кант, Э. Карр, Р. Кокс, Б. Латур, Д. Локк, В. Рёпке, Л. Троицкий, А. Сен, Ф. Чернофф (в одном абстракте, учитывая ключевые слова).

По результатам приведенного выше анализа можно сделать следующие выводы об особенностях данного кластера журналов. Во-первых, отмечается повышенный интерес ученых, работающих в области международных отношений, к проблемам теории и методологии исследования, что в значительной степени обусловлено разнообразием и новизной проблем и процессов, изучаемых в этом тематическом поле. Во-вторых, наблюдается плюрализм стратегий исследования и открытость к методологическим заимствованиям из других дисциплинарных областей.

Кластер «Психологические исследования»

В данном кластере в качестве объекта анализа были выбраны журналы «British Journal of Clinical Psychology», «Asian Journal of Social Psychology» и «International Journal of Psychology». Были рассмотрены абстракты 57 статей, опубликованных в пяти выпусках за 2013 г. Данные, полученные с помощью качественного и количественного контент-анализа, позволяют сделать вывод о том, что наиболее часто тематика исследований, представленных в данных журналах, была связана с темой *депрессий, депрессивных расстройств, факторов, их обуславливающих, и их лечением, а также влиянием социально-экономических и культурных факторов на поведение индивидов и групп.*

Так, в статье М. Барнс, С. Шерлок и др. «*Под лежащий камень вода не течет: опыт когнитивно-поведенческой терапии у пациентов, страдающих депрессией*» исследуются причины, по которым пациенты, страдающие депрессией, не проходят полностью курс когнитивно-поведенческой терапии, признаваемой эффективным методом ее лечения. В статье Р. Лангдон, М. Стилл и др. «*Атрибутивные стили, паранойя и депрессия в раннем психозе*» предпринимаются попытки установить корреляцию между депрессией и атрибутивным стилем. Проблематике, связанной с депрессивными расстройствами, посвящены также другие статьи: Ч. С. Карвер, Ш. Л. Джонсон и Ю. Йоорманн «*Большое депрессивное расстройство и импульсивное реагирование на эмоции: к анализу депрессии с позиции теории двойственного процесса*», Д. Берл и М. Л. Маулдс «*Экспериментальное исследование процессов эмоционального рассуждения в депрессии*». Факторы, влияющие на развитие депрессивных состояний, анализируются в статье Ю. Такагиши, М. Саката и Т. Китамура «*Влияние руминации и самоофективности на депрессию у японских студентов-медиков*». В статье предпринимается попытка установить связь между руминацией, самоофективностью и депрессией у данной категории студентов. Симптомы депрессий анализируются в статье Ё. Кавабата, Н. Р. Крик, Ё. Хамагучи «*Связь реляционной и физической виктимизации с враждебным атрибутивным стилем, эмоциональный стресс и депрессивные симптомы: кросс-культурное исследование*».

Блок статей, абстракты которых были рассмотрены в ходе исследования, связан с различными аспектами *эмоциональных проблем и расстройств*, например

статья П. Дж. Тейлор и А. М. Вуд *«Различие просоциальных характеристик в самооценках и оценках родителей способствует возникновению эмоциональных проблем у подростков».*

Влияние социально-экономических факторов на психологию индивида и группы рассматривается в статьях А. Хейдари, А. Теймури и Е. Ф. Хагиш *«Социально-экономический статус, воспринимаемый родительский контроль и авторитаризм: развитие авторитаризма в иранском обществе»*; Н. М. Нур и А. Алви *«Источники стресса и благополучие у малазийских подростков с низким социально-экономическим статусом: роль ресурсов устойчивости»*; Р. Бильгич и Н. Йильмаз *«Корреляты психологического здоровья среди безработных в Турции: психологическое бремя финансовой помощи в период безработицы»* и т. д.

В статьях Ч.-Л. Йен *«Наша судьба — умереть: влияние осознания смерти и культурных ориентаций на фатализм и веру в карму»*, К. Кима и А. Б. Маркмана *«Индивидуальные различия, культурные различия и диалектическое описание и разрешение конфликта»*, Д. Н. Хук, Э. Л. Вортингтон и др. *«Опыт сравнения культуры прощения в Китае и Новой Зеландии»* исследуется влияние культурных факторов на особенности мышления и поведения индивида и группы.

Ряд статей посвящен различным аспектам поведения, мышления, а также особенностям психологического развития детей младшего и старшего школьного возраста и студентов: В. Лу, Е. Далейден и др. *«Жизненные события и внутренние проблемы у китайских школьников: исследование модели когнитивного диатеза»*, К. Берти, С. Пассини *«Общее будущее и персональная ответственность: сравнение итальянских и бурундийских студентов»* и др.

Отметим, что в представленных статьях наблюдается повышенное внимание к влиянию на психологические процессы социально-экономических и культурных факторов, а наиболее популярной стратегией исследования, к которой обращаются ученые, является кросс-культурный анализ.

Российские журналы, индексируемые в Scopus

В настоящем исследовании представлены два журнала по проблемам истории: «Былые годы», издаваемый Сочинским государственным университетом, и «Новый исторический вестник» Российского государственного гуманитарного университета; и журнал по вопросам экономики, бизнеса и управления «Форсайт» Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Содержание этих журналов проанализировано по выделенным блокам.

В историческом блоке был осуществлен обзор абстрактов 44 статей, опубликованных в четырех выпусках двух журналов, на основе которого удалось выделить несколько наиболее часто повторяющихся тематик.

Значительное количество публикаций посвящено различным аспектам *политики, общественной жизни и культуры периода становления советского государства и начального этапа его существования.* Так, несколько статей посвящено анализу *процессов установления и институционализации большевистской власти.* Например, в статье В. П. Пашина *«У истоков номенклатурно-селекционной работы партии большевиков»* на основе анализа архивных документов 1920-х гг.

исследуется формирование системы рекрутирования руководящих кадров в создаваемом государстве. В статье А. Т. Царикаева «*“Лимиты на расстрел“: из истории Большого террора*» анализируются цели политики репрессий в Северной Осетии в период Большого террора и обосновывается тезис о том, что значительную роль в эскалации репрессий в регионе сыграло партийно-чекистское руководство самой автономной республики. Политика советской власти в отношении религиозных организаций рассматривается в статье А. С. Жанбосиновой «*Эволюция взаимоотношений советского государства и религии (1920 — начало 1950-х гг.)*».

Различные аспекты социальной и культурной жизни конструируемого новой властью советского общества рассматриваются в статьях С. Д. Багдасарян «*Культура чтения в повседневности южно-российского крестьянства в 1920-х*»; Ю. Барабаш «*Девиантное поведение различных социальных групп в регионе Донбасса, 1920-е гг.*»; Е. А. Кирилловой «*Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и “классовая линия” городских властей*».

Особое внимание привлекает статья К. Уль «*“Угнетенный и идеологически обработанный советский человек”, или “Заключенные советской сущности”? Последние концепции советской субъективности*», автор которой предпринимает интересные попытки обозначить теоретические границы концепта «советская субъективность», опираясь на разработки зарубежных и российских исследователей в этой области.

Следующая группа публикаций, выделенная в ходе анализа, посвящена различным аспектам истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. Среди них С. И. Белов «*Проблемные аспекты изучения темы боя 28 панфиловцев*»; Т. П. Хлынина «*Рассказы о войне: детские воспоминания людей взрослого возраста*»; Б. Фиаселер, Р. Марвик «*Тыл в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): борьба за выживание жен и семей красноармейцев в Ярославле*»; М. Шмигель, А. Черкасов «*14-я ваффен гренадерская дивизия СС “Галичина № 1” в Словакии (1944–1945 гг.): сражения и репрессии*».

Еще одной темой, к которой часто обращались исследователи в рассмотренных статьях, является гражданская война и сопряженные с ней процессы. Так, статья М. Ю. Черниченко «*“Спекуляция празднует свою вакханалию”: образы спекуляции и спекулянта в периодической печати Белого юга России (1919 г.)*» посвящена проблеме освещения этого экономического явления в периодике, издаваемой на территориях, подконтрольных белым. Ситуация на российском Дальнем Востоке и Сибири в годы гражданской войны анализируется в статье С. С. Ипполитова, В. В. Минаева «*От этого зависит вся судьба России”: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты*». Значительная доля статей посвящена политике царской власти в XIX — начале XX в., проводимым ею реформам, а также работе отдельных ее институтов и конкретных деятелей. Среди таких Ю. В. Тот «*Министерская реформа 1802–1811 гг. и проблема реорганизации местного управления*»; О. Г. Ларина, А. С. Емельянов «*Некоторые направления государственной деятельности Е. Ф. Канкрин*»; С. Н. Токарева «*Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX — начало XX в.)*».

Среди статей из журнала «Форсайт» были выделены только те статьи, которые тематически связаны с социально-политической и гуманитарной проблематикой.

Основная доля статей в данном блоке посвящена анализу *социально-экономических проблем современности и вызовов будущего*. Среди них О. Саритас «Технологии совершенствования человека: перспективы и вызовы»; И. П. Каминский, Л. М. Огородова и др. «Медицина будущего: возможности для прорыва сквозь призму технологического прогноза»; Д. Касти «Экстремальные события как детерминанты “шестой кондратьевской волны”»; К. Ахметов «Взаимодействие человека и компьютера: тенденции, исследования, будущее» и др.

Знакомство с отечественными журналами, недавно включенными в Scopus, показывает, что в большинстве случаев в эту базу данных сумели пробиться журналы, публикующие материалы узкой направленности, в нашем случае речь идет об истории Отечества советского периода.

В общем и целом проведенный анализ позволяет утверждать следующее.

Во-первых, практически во всех журналах (социология, международные отношения) прослеживается четкая ориентация исследований на эмпирический материал и выстраивание устойчивых и *прозрачных* связей между эмпирией и теорией. Во-вторых, предмет исследования в большинстве случаев формулируется довольно узко, статьи не имеют признаков глобального поверхностного «обзора» текущего состояния дел в какой-либо научной области. Знание этого состояния дел всеми участниками процесса является скорее условием публикации статьи. В-третьих, сама теория, опровергнуть или подтвердить которую с помощью «кейсов» и «локального» материала намерен автор, это преимущественно «западная» теория, которая в дальнейшем, конечно, может дробиться, допустим, на континентальную и англо-американскую, что отчетливо видно, в частности, по журналам философской направленности. Наконец, максимальную открытость к новым методам и темам демонстрируют статьи по международной проблематике, что связано с динамикой самого объекта исследований.

1. Кириллова О. В. О системе включения журналов в БД Scopus: основные требования и порядок представления [Электронный ресурс]. URL: http://health.elsevier.ru/electronic/scopus_ins_journals (дата обращения: 10.08.2014).

2. Стерлигов И. Симуляция науки как ответ на управленческий примитивизм [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/economics/simulyatsiya_nauki_kak_otvet_na_upravlencheskiy_primitivizm-1148735.xhtml (дата обращения: 10.08.2014).

3. Официальный сайт Института социальных и политических наук [Электронный ресурс]. URL: <http://ispn.urfu.ru/main/scieninn/> (дата обращения: 10.08.2014).

4. ГОСТ 7.9–95. См. также требования к авторскому оригиналу статьи (особенно требования к аннотации) в любом номере журнала «Известия УрФУ. Серия 3 : Общественные науки» с 2013 г. (раздел «К сведению авторов»).

Рукопись поступила в редакцию 8 сентября 2014 г.

Приложение

Кластер «Социология и социологические науки»**Journal of Historical Sociology**

1. *Aspinall P. J.* The Social Evolution of the Term “Half-Caste” in Britain: The Paradox of its Use as Both Derogatory Racial Category and Self-Descriptor // *Journal of Historical Sociology*. 2013. № 4. P. 503–526.
2. *Majumdar B.* Citizen or Subject? Blurring Boundaries, Claiming Space: Indians in Colonial South Africa // *Ibid.* P. 479–502.
3. *Mišina D.* “Anarchy All over Baščaršija”: Yugoslavia’s New Socialist Culture and the New Primitives Poetics of the Local» // *Ibid.* № 2. P. 169–199.
4. *Rajan R. S.* An Ethics of Postcolonial Citizenship: Lessons from Reading Women Writing in India // *Ibid.* № 1. P. 62–82.
5. *Seal L.* Designating Dependency: The “Socially Inadequate” in the United States, 1910–1940 // *Ibid.* № 2. P. 143–168.
6. *Werbner P.* Mothers and Daughters in Historical Perspective: Home, Identity and Double Consciousness in British Pakistanis’ Migration and Return // *Ibid.* № 1. P. 41–61.

European Sociological Review

1. *Dewilde C., B. Lancee.* Income Inequality and Access to Housing in Europe // *European Sociological Review*. 2013. № 6. P. 1189–1200.
2. *Fasang A. E., Aisenbrey S., Schömann K.* Women’s Retirement Income in Germany and Britain // *Ibid.* № 5. P. 968–980.
3. *Fleischmann F., Deboosere P., Neels K., Phaet K.* From Ethnic Capital to Ethnic Educational Inequality: How Family and Co-Ethnic Neighbourhood Resources Affect Second-Generation Attainment in Belgium // *Ibid.* № 6. P. 1239–1250.
4. *Kalmijn M.* Long-Term Effects of Divorce on Parent–Child Relationships: Within-Family Comparisons of Fathers and Mothers // *Ibid.* № 5. P. 888–898.
5. *Luthra R. R.* Explaining Ethnic Inequality in the German Labor Market: Labor Market Institutions, Context of Reception, and Boundaries // *Ibid.* P. 1095–1107.
6. *Meier H. E., Leinwather M.* Finally a ‘Taste for Diversity’? National Identity, Consumer Discrimination, and the Multi-ethnic German National Football Team // *Ibid.* № 6. P. 1201–1213.
7. *Sieben I., Verbakel E.* Permissiveness Toward Divorce: The Influence of Divorce Experiences in Three Social Contexts // *Ibid.* P. 1175–1188.
8. *Van Bavell J., De Winter T.* Becoming a Grandparent and Early Retirement in Europe // *Ibid.* P. 1295–1308.

Social Science History

1. *Hiers W.* Party Matters: Racial Closure in the Nineteenth-Century United States // *Social Science History*. 2013. № 2. P. 255–308.

Кластер «Политическая теория и политическая философия»**Contemporary Political Theory**

1. *Bargu B.* Human shields // *Contemporary Political Theory*. 2013. № 4. P. 277–295.
2. *Czobor-Lupp M.* Herder on Esthetic Imagination as a Source of Post-national Democratic Solidarity: A Contribution to Habermas’ Constitutional Patriotism // *Ibid.* № 1. P. 46–70.
3. *Khan G.* Critical Republicanism: Jürgen Habermas and Chantal Mouffe // *Ibid.* № 4. P. 318–337.
4. *Landwehr C.* Procedural Justice and Democratic Institutional Design in Health-care Priority-setting // *Ibid.* P. 296–317.
5. *O’Donovan N.* Does Deliberative Democracy Need Deliberative Democrats? Revisiting Habermas’ Defence of Discourse Ethics // *Ibid.* № 2. P. 123–144.

6. *Prentoulis M., Thomassen L.* Political Theory in the Square: Protest, Representation and Subjectification // Contemporary Political Theory. 2013. № 3. P. 166–184.

Political Theory

1. *Baumgold D.* “Trust” in Hobbes’s Political Thought // Political Theory. 2013. № 6. P. 838–855.
2. *Bayefsky R.* Dignity, Honour, and Human Rights: Kant’s Perspective // Ibid. P. 809–837.
3. *Saffon M. P., Urbinati N.* Procedural Democracy, the Bulwark of Equal Liberty // Ibid. № 3. P. 441–481.
4. *Tønder L.* Spinoza and the Theory of Active Tolerance // Ibid. № 5. P. 687–709.
5. *Vázquez-Arroyo A. Y.* How Not to Learn From Catastrophe: Habermas, Critical Theory and the “Catastrophization” of Political Life // Ibid. P. 738–765.

Journal of Political Philosophy

1. *Arnold S.* Right-wing Rawlsianism: A Critique // Journal of Political Philosophy. 2013. № 4. P. 382–404.
2. *Blomfield M.* Global Common Resources and the Just Distribution of Emission Shares // Ibid. № 3. P. 283–304.
3. *Nili S.* Rawlsian Global Politics // Ibid. № 4. P. 473–495.

Кластер «Исследования в области международных отношений»

Millennium: Journal of International Studies

1. *Barry A.* The Translation Zone: Between Actor-Network Theory and International Relations // Millennium: Journal of International Studies. 2013. № 3. P. 413–429.
2. *Davis Cross M. K.* The Military Dimension of European Security: An Epistemic Community Approach // Ibid. № 1. P. 45–64.
3. *Kenealy D., Kostagiannis K.* Realist Visions of European Union: E. H. Carr and Integration // Ibid. № 2. P. 221–246.
4. *Pella J. A. Jr.* Thinking Outside International Society: A Discussion of the Possibilities for English School Conceptions of World Society // Ibid. № 1. P. 65–77.
5. *van der Ree G.* The Politics of Scientific Representation in International Relations // Ibid. P. 24–44.

Journal of International Relations and Development

1. *Browning C. S., Joenniemi P.* From Fratricide to Security Community: Re-theorising Difference in the Constitution of Nordic Peace // Journal of International Relations and Development. 2013. № 4. P. 483–513.
2. *Kurki M.* Locating the Normative within Economic Science: towards the Analysis of Hidden Discourses of Democracy in International Politics // Ibid. № 1. P. 55–81.
3. *Moschella M.* Designing the Financial Stability Board: a Theoretical Investigation of Mandate, Discretion, and Membership // Ibid. № 3. P. 380–405.
4. *Özpek B. B.* Securing Energy or Energising Security: the Impact of Russia’s Energy Policy on Turkey’s Accession to the European Union // Ibid. P. 358–379.

International Studies Perspectives

1. *Blanton R. G.* Zombies and International Relations: A Simple Guide for Bringing the Undead into Your Classroom // International Studies Perspectives. 2013. № 1. P. 1–13.
2. *Galchinsky M.* Quaint and Obsolete: The ‘War on Terror’ and the Right to Legal Personality // Ibid. № 3. P. 255–268.
3. *Joshi M.* United Nations Peacekeeping, Democratic Process, and the Durability of Peace after Civil Wars // Ibid. P. 362–382.
4. *Schnurr M. A., De Santo E., Craig R.* Using a Blended Learning Approach to Simulate the Negotiation of a Multilateral Environmental Agreement // Ibid. № 2. P. 109–120.

5. *Swimelar S.* Visualizing International Relations: Assessing Student Learning Through Film // *International Studies Perspectives*. 2013. № 1. P. 14–38.
6. *Taylor K.* Simulations Inside and Outside the IR Classroom: A Comparative Analysis // *Ibid.* № 2. P. 134–149.
7. *Williams L. K., Koch M. T., Smith J. M.* The Political Consequences of Terrorism: Terror Events, Casualties, and Government Duration // *Ibid.* № 3. P. 343–361.

Кластер «Психологические исследования»

British Journal of Clinical Psychology

1. *Barnes M., Sherlock S., Thomas L., Kessler D., Kuyken W., Owen-Smith A., Lewis G., Wiles N., Turner K.* No pain, No gain: Depressed Clients' Experiences of Cognitive Behavioural Therapy // *British Journal of Clinical Psychology*. 2013. № 4. P. 347–364.
2. *Berle D., Moulds M. L.* An Experimental Investigation of Emotional Reasoning Processes in Depression // *Ibid.* № 3. P. 285–299.
3. *Carver C. S., Johnson S. L., Joermann J.* Major Depressive Disorder and Impulsive Reactivity to Emotion: Toward a Dual-process View of Depression // *Ibid.* P. 285–299.
4. *Langdon R., Still M., Connors M. H., Ward P. B., Catts S. V.* Attributional Biases, Paranoia, and Depression in Early Psychosis // *Ibid.* № 4. P. 408–423.
5. *Taylor P. J., Wood A. M.* Discrepancies in Parental and Self-appraisals of Prosocial Characteristics Predict Emotional Problems in Adolescents // *Ibid.* № 3. P. 269–284.

Asian Journal of Social Psychology

1. *Heydari A., Teymoori A., Haghish E. F.* Socioeconomic Status, Perceived Parental Control, and Authoritarianism: Development of Authoritarianism in Iranian Society // *Asian Journal of Social Psychology*. 2013. № 3. P. 228–237.
2. *Hook J. N., Worthington E. L. Jr, Davis D. E., Watkins D., Hui E., Luo W., Fu H., Shulruf B., Morris P., Reyna S. H.* A China–New Zealand Comparison of Forgiveness // *Ibid.* № 4. P. 286–291.
3. *Kawabata Y., Crick N. R., Hamaguchi Y.* The Association of Relational and Physical Victimization with Hostile Attribution Bias, Emotional Distress, and Depressive Symptoms: A Cross-cultural Study // *Ibid.* № 3. P. 260–270.
4. *Lu W., Daleiden E., Pratt S., Shay A., Stone B., Asaku-Yeboah M.* Life Events and Internalizing Problems among Chinese School Children: An Examination of the Cognitive Diathesis Model // *Ibid.* № 4. P. 307–319.
5. *Noor N. M., Alwi A.* Stressors and Well-being in Low Socio-economic Status Malaysian Adolescents: The Role of Resilience Resources // *Ibid.* P. 292–306.
6. *Takagishi Y., Sakata M., Kitamura T.* Influence of Rumination and Self-efficacy on Depression in Japanese Undergraduate Nursing Students // *Ibid.* № 3. P. 163–168.

International Journal of Psychology

1. *Berti C., Passini S.* Common Future and Personal Responsibilities: A Comparison between Italian and Burundian Students // *International Journal of Psychology*. 2013. № 5. P. 829–836.
2. *Bilgiç R., Yılmaz N.* The Correlates of Psychological Health among the Turkish Unemployed: Psychological Burden of Financial Help during Unemployment // *Ibid.* P. 1000–1008.
3. *Kim K., Markman A. B.* Individual Differences, Cultural Differences, and Dialectic Conflict Description and Resolution // *Ibid.* P. 797–808.
4. *Yen C.-L.* It Is Our Destiny to Die: The Effects of Mortality Salience and Culture-priming on Fatalism and Karma Belief // *Ibid.* P. 818–828.

Российские журналы, индексируемые в Scopus

Былые годы

1. *Багдасарян С. Д.* Культура чтения в повседневности южно-российского крестьянства в 1920-х // Былые годы. 2013. № 28(2). С. 29–36.
2. *Барабаш Ю.* Девиантное поведение различных социальных групп в регионе Донбасса, 1920-е гг. // Там же. С. 37–42.
3. *Белов С. И.* Проблемные аспекты изучения темы боя 28 панфиловцев // Там же. 2014. № 31(1). С. 26–31.
4. *Жанбосинова А. С.* Эволюция взаимоотношений советского государства и религии (1920 — начало 1950-х гг.) // Там же. 2013. № 28(2). С. 51–57.
5. *Ларина О. Г., Емельянов А. С.* Некоторые направления государственной деятельности Е. Ф. Канкрина // Там же. 2014. № 31(1). С. 73–76.
6. *Пашин В. П.* У истоков номенклатурно-селекционной работы партии большевиков // Там же. С. 86–93.
7. *Тот Ю. В.* Министерская реформа 1802–1811 гг. и проблема реорганизации местного управления // Там же. С. 103–109.
8. *Уль К.* «Угнетенный и идеологически обработанный советский человек?», или «Заключенные советской сущности?»: Последние концепции советской субъективности // Там же. 2013. № 28(2). С. 4–10.
9. *Фиаселер Б., Марвик Р.* Тыл в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): борьба за выживание жен и семей красноармейцев в Ярославле // Там же. С. 58–60.
10. *Хлынина Т. П.* Рассказы о войне: детские воспоминания людей взрослого возраста // Там же. 2014. № 31(1). С. 49–55.
11. *Царикаев А. Т.* «Лимиты на расстрел»: из истории Большого террора // Там же. С. 110–117.
12. *Шмигель М., Черкасов А.* 14-я ваффен гренадерская дивизия СС «Галичина № 1» в Словакии (1944–1945 гг.): сражения и репрессии // Там же. 2013. № 28(2). С. 61–72.

Новый исторический вестник

1. *Итполитов С. С., Минаев В. В.* «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты // Новый ист. вестн. 2013. № 37(3). С. 27–45.
2. *Кириллова Е. А.* Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и «классовая линия» городских властей // Там же. С. 72–97.
3. *Токарева С. Н.* Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Там же. 2013. № 38(4). С. 28–55.
4. *Черниченко М. Ю.* Спекуляция празднует свою вакханалию: образы спекуляции и спекулянта в периодической печати Белого юга России (1919 г.) // Там же. С. 70–87.

Форсайт

1. *Ахметов К.* Взаимодействие человека и компьютера: тенденции, исследования, будущее // Форсайт. 2013. Т. 7, № 2. С. 58–68.
2. *Каминский И. П., Огородова Л. М., Патрушев М. В., Чулок А. А.* Медицина будущего: возможности для прорыва сквозь призму технологического прогноза // Там же. С. 14–27.
3. *Касты Д.* Экстремальные события как детерминанты «шестой кондратьевской волны» // Там же. С. 58–71.
4. *Саритас О.* Технологии совершенствования человека: перспективы и вызовы // Там же. С. 6–13.

АВТОРЫ НОМЕРА

АНКИН Дмитрий Владимирович — профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: dmitryankin@gmail.com

БАТЮТА Екатерина Анатольевна — заведующая кафедрой психологии Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского федерального университета, доцент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук этого же университета, кандидат философских наук. E-mail: yekaterina-anat@mail.ru

БРИНК ван ден Берг — профессор Университета Утрехта (Нидерланды), доктор философии. E-mail: V.vandenBrink@uu.nl

БОКЕК-КОЭН Яарит — профессор департамента социологии Ариэльского университета (Израиль), доктор социологии. E-mail: sabinal@bezeqint.net

ВАЛИАХМЕТОВА Гульнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vgulnara@mail.ru

ВАХРУШЕВА Евгения Александровна — младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, документовед отдела организации научной и инновационной работы Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

ВИЛЬДАНОВ Ильфак Эльфикович — проректор по учебной работе Казанского государственного архитектурно-строительного университета, доцент кафедры строительной механики Института строительства этого же университета, кандидат педагогических наук. E-mail: vildan@kgasu.ru

ГАЙНУЛЛИНА Лиана Файбергзовна — доцент кафедры философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук. E-mail: lianagai@ya.ru

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ГУЗИКОВА Мария Олеговна — заместитель директора по образованию Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках,

доцент кафедры европейских исследований департамента международных отношений этого же института, кандидат исторических наук. E-mail: mariagu@mail.ru

КАМЫНИН Владимир Дмитриевич — профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: kamyninv@yandex.ru

КИММЕЛЬ Надежда Викторовна — маркетолог компании CS Travel Group (Мексика), кандидат социологических наук. E-mail: nkimmel@yandex.ru

КОВАЛЕВ Юрий Юрьевич — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ykowaljow@pochta.ru

КОПЫЛОВА Анастасия Олеговна — магистрант кафедры онтологии, логики и теории познания факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: a.o.kopylova@gmail.com

КОРЧАГИН Евгений Александрович — профессор кафедры профессионального обучения и педагогики Казанского государственного архитектурно-строительного университета, доктор педагогических наук. E-mail: bdoikea@rambler.ru

ЛИССИЦА Сабина — профессор департамента коммуникаций Ариэльского университета (Израиль), доктор социологии. E-mail: sabinal@bezeqint.net

ЛОГИНОВ Алексей Валерьевич — заместитель директора по научной и инновационной работе Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доцент кафедры социальной философии департамента философии этого же института, кандидат философских наук. E-mail: logwork@front.ru

ЛЮБИН Валерий Петрович — ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва), профессор, доктор исторических наук. E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

МЕЛЬНИК Наталья Борисовна — доцент кафедры философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: eco_nataly@mail.ru

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — директор департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, профессор, доктор исторических наук. E-mail: valermik@gmail.com

НЕСТЕРОВ Александр Геннадьевич — заведующий кафедрой зарубежного регионоведения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: agn1154@yandex.ru

НЕСТЕРОВА Татьяна Петровна — доцент кафедры зарубежного регионоведения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: tpnesterova@yandex.ru

САФИН Раис Семигулович — декан факультета инженерных систем и экологии, заведующий кафедрой профессионального обучения и педагогики Казанского государственного архитектурно-строительного университета, профессор, кандидат технических наук, доктор педагогических наук. E-mail: safin@kgasu.ru

СПЕРАНСКИЙ Андрей Владимирович — заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, профессор, доктор исторических наук. E-mail: avspersky@mail.ru

СЫЧЕВ Андрей Анатольевич — профессор кафедры философии Историко-социологического института Мордовского государственного университета (Саранск), доктор философских наук. E-mail: sychevaa@mail.ru

ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич — профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Екатеринбург), доктор исторических наук. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

ХИЗАНИШВИЛИ Давид Васильевич — ассистент кафедры философии Балтийского федерального университета (Калининград). E-mail: khizza@gmail.com

ЧЕРЕПАНОВА Елена Михайловна — профессор Кембриджского колледжа и Школы профессиональной психологии (США), доктор психологии. E-mail: elena.cherepanov@yahoo.com

ЧЕРЕПАНОВА Екатерина Сергеевна — директор Института по профессиональной переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Уральского федерального университета, заведующая кафедрой философской антропологии департамента философии Института социальных и политических наук этого же университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: director.ippk@yandex.ru

ЧУЛАКОВ Дмитрий Константинович — старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: chulakov@pspu.ru

ЯКОВЛЕВА Елена Львовна — заведующая кафедрой философии Института экономики, управления и права (Казань), профессор, доктор философских наук, кандидат культурологии. E-mail: mifoigra@mail.ru

SUMMARY

CONFERENCE “THE WORLD WAR I CENTENARY: WAR, SOCIETY, INTERNATIONAL RELATIONS”

- Lyubin V. P.* Modern Historiography of the First World War6
The article discusses the latest research on the history of the First World War in regard with its centenary. The author emphasizes that many works are devoted to the heroes of the war and, while focusing on analysis of the two major monographs, describes the main trends in world historiography of the First World War.
Key words: the First World War, national historiography, responsibility for starting the war, cost of war.
- Speransky A. V.* The Second Patriotic War: Myths, Realities, Historical Parallels20
The author examines persistent stereotypes concerning the role of Russian army, of its military leaders and political government, publicized through journalism and present in research literature. The study of historiography in comparison with current research on military history allows the author to draw historical parallels between the changes in the views of Russian public on the Patriotic War of 1812, on the First World War and on the Great Patriotic War of 1941–1945.
Key words: the First World War, myth, historical parallels, public consciousness.
- Mikhailenko V. I.* “The Defeated Among the Winners”: Italian Diplomacy after the First World War26
The author analyzes the impact of the First World War on Italy and its role in Mussolini’s rise to power, in particular. The formation of main trends in the Fascist Government’s foreign policy in the 1920s is explored. The academic debates on the extent of continuity in Italian foreign policy are discussed.
Key words: the First World War, Italy, Mussolini, foreign policy, continuity.
- Valiakhmetova G. N.* The Near East in the Great Powers’ Diplomacy during the First World War35
The author analyzes previously neglected aspects of the great powers’ oil rivalry in the Near East during the First World War. The author argues that the Entente’s secret agreements on partition of Ottoman Empire were based on oil interests. The main features of oil diplomacy that were formed at the earliest stage of its evolution are described. The article is written in the tradition of Ural school of the History of International Relations that was founded by Professor I. N. Chempalov (1913–2008).
Key words: oil diplomacy, the First World War, great powers, secret agreements, the Near East, the Ottoman Empire.
- Feldman M. A. V. V.* Polikarpov on Technical Equipment of Russian Army during the First World War ..41
A prominent historian of Russian defense industry and army supply V. V. Polikarpov argued that Russian army was neither technically nor economically prepared for the modern war, such as the First World War.
Key words: V. V. Polikarpov, Russian army, military training, the First World War.
- Kamynin V. D.* On Preparedness of Russian Industry for the First World War (the case of Ural region)....48
The author analyzes academic debates on economic and industrial preparedness of Russia for the war and assesses the impact of the war on the development of industry in Ural region. The possible grounds for diversity of the views are suggested. The article also comparatively analyzes various approaches to the problem of Russian economic development before the war.
Key words: the First World War, Ural industry, Russian and foreign historiography.

CONFERENCE “EUROPE IN THE CHANGING WORLD”

- Kovalev Y. Y.* Sustainable Development and the EU’s Policies for Its Implementation54
 The author analyzes the development of modern territorial systems and argues for a shift from “instability” paradigm to the concept of sustainable development. The basic tenets of sustainable development approach and their implications for planning or assessing evolution of territories are characterized. The main factors and causes of global environmental, economic and social instability are examined. Major trends in implementing policies of sustainability in the EU are described.
 Key words: economic growth, sustainable development, instability, strategy for stability in the EU.
- Nesterov A. G.* Duchy of Bukovina in an Integration Model of Austro-Hungarian Empire.....66
 The article explores the formation of a new electoral system in the Duchy Bukovina, a part of the Austrian-Hungarian Empire, under the framework of “Bukowiner Ausgleich” (1910).
 Key words: Bukovina, Austria-Hungary, Bukowiner Ausgleich, Landtag.
- Nesterova T. P.* Italian Policies on the Dodecanese Islands in 1912–194372
 The article explores the Italian policies in relation to the Dodecanese Islands in the Egean Sea, which were occupied as new colonies by the Italians in 1912. In the article, main trends of the Italian policies in social and cultural spheres on the Dodecanese Islands are analyzed.
 Key words: Italy, Italian Fascism, Italian architecture, Italian culture, Italian foreign policy, Italian colonial policy, Dodecanese Islands.
- Guzikova M. O.* Conceptualizing Sovereignty: Argentina and the US Official Statements on Compliance with the International Law in regard with Independence of Kosovo.....80
 The author examines the conceptualizations of the notion of “sovereignty” in the written statements of the US and Argentina at the UN International Court of Justice on the question of the accordance of the unilateral declaration of independence of Kosovo with the international law. The analysis relies on the methodology proposed by Michael Freedon for the study of political ideology. The viability of this methodology for the linguistic study of ideological texts and for the study of conceptualizations of political notions is demonstrated.
 Key words: sovereignty, Kosovo, conceptual analysis, concept, Michael Freedon.

CONFERENCE “TRAINING THE SECURITY FORCES OFFICERS
 AND VOLUNTEER PSYCHOLOGISTS
 FOR ASSISTING PEOPLE IN CRISES AND EMERGENCY SITUATIONS”

- Cherepanov E.* Community-Based Psychological Recovery in Complex Emergencies:
 Focus on the Community89
 Expansion and diversification of field MH (mental health) programs transformed the landscape of relief work and underlined the need in conceptual framework and evidenced-based practices. Recognition of accomplishments is offset by controversies surrounding understanding MH needs in complex emergencies. Incorporation of recovery-oriented paradigms shifts emphasis to community recovery, where the success of individual psychological recovery largely determined by quality of community supports providing secure sense of self, supportive relationships, empowerment, social inclusion, and meaning (SAMSHA, 2004). Proposed model of Community-Based Psychological Recovery in Complex Emergencies aims to facilitate the sustainable community-level impact by strengthening community supports and recovery resources and by sensitizing community to the needs of vulnerable groups.
 Key words: disaster, complex emergency, mental health systems, community trauma, psychological recovery, role of volunteers, sustainability.

CONFERENCE “MODERNITY JUNCTURES:
MORAL GRAMMAR IN LATE MODERN SOCIETIES”

Brink van den B. Struggle for Visibility: On Moral Grammar of Documentary Photography 100

The moral grammar of photojournalistic and documentary photographs is explored in the article. A moral grammar can be understood as the set of structural rules that govern the social struggles over the moral legitimacy of recognitive patterns of expectation and evaluation in any given social constellation. The author focuses on the study of normative-aesthetic mechanisms that enable documentary images of social conflict elicit our empathic engagement. The author argues that documentary photographs of social conflict and violence speak to us because they empathically engage our human concern for the integrity of social relations and the wellbeing of the vulnerable and needy others.

Key words: theory of recognition, A. Honneth, documentary photography, visibility, justice, social conflict, normative-aesthetic appeal.

Sychev A. A. Environmental Justice: Distribution, Recognition, Participation..... 113

Environmental risks (polluting industries, toxic wastes, etc.) are concentrated today in the areas inhabited by ethnic minorities and low income population. In this regard, special attention should be paid to the problem of environmental justice, which combines the issues of social equality and environmental protection. The author demonstrates that fighting the environmental injustice, if conceived of as a redistribution of benefits, is, in fact, the struggle against consequences rather than causes. It is the structural injustice caused by the lack of recognition which is to be the focus of reform efforts.

Key words: environmental justice, distribution, recognition, participation, equality.

Chulakov D. K. Self-realization as a Moral Imperative in the Societies of Late Modernity 124

Self-realization is approached from the perspective of the notion’s intellectual and cultural history. Ubiquity of claims for self-realization is construed as a manifestation of self-culture, which is a product of individualization of the late modern societies. Theories of individualization raise the problem of ambivalence of self-realization as a social ideal and address its compulsive and repressive character in the societies of institutionalized individualism.

Key words: self-realization, individualization, late modernity.

CONFERENCE “uAnalytiCon-2014: INFORMATION — LANUAGES — KNOWLEDGE”

Ankin D. V. R. Notion of Ontological Commitments in R. Carnap and W. Quine’s Philosophy of Language 132

The author compares the ontological implications that are derived respectively from R. Carnap’s and W. Quine’s philosophy of language. The notion of ontological commitments is examined; the impact of “linguistic turn” methodology and the role of particular approaches to semantics and ontology each of these authors adheres in interpreting this notion are explored. The different understanding of the relationship between science and philosophy is highlighted. The advantages of each of these approaches within philosophy of language are evaluated.

Key words: linguistic turn, ontological commitments, philosophy of language, R. Carnap, W. Quine, reference, semantics, ontology.

Kopylova A. O. Veracity of Modal Propositions in W. Ockham’s Logic 144

The article reconstructs W. Ockham’s approach to the analysis of veracity conditions of modal propositions. General features of the semantics of modal propositions are explicated. The author argues that they are semantically similar to the propositions about the past and the future and that the contingency of the propositions *cum dicto* and *sine dicto* is incorrect.

Key words: medieval modal logic, *sine dicto* and *cum dicto*, *de re* and *de dicto*, supposition, nominalism.

Khizanishvili D. V. Cognitive Approach to Argumentation: The Key Aspects and Modeling..... 155

The main aspects of cognitive approach to argumentation are considered, the latter is understood as cognitive processes of a certain individual or individuals. The author arrives at a conclusion that a cognitive notion

of argument is explicitly present only in two theories of argumentation, one by D. Hample and another by V. Bryushinkin. The problem of argument modeling within V. Bryushinkin's cognitive approach is analyzed. The method of argument modeling is put forward by the author who claims that model of argument should be based on the ontology of the recipient of persuasion.

Key words: argumentation, cognitive approach, D. Hample, V. Bryushinkin, argument modeling, ontology.

CONFERENCE "LIFE LONG LEARNING:
MAIN INTERNATIONAL TRENDS IN THE RUSSIAN EDUCATION"

Gaynullina L. F., Yakovleva E. L. Inclusion in Continuing Education 164

The authors analyze inclusive education in its relation with continuing education. The inclusive education that implies that various students grow and learn together should be conceived of in a more general way and not only limited to education of the disabled people. The concept of inclusion may be expanded onto other groups of people differing in other aspects of their personality and behavior. As the Salamanca Statement (1994) emphasizes, the diversity among the people is normal. Inclusive education that values individuality and dignity of all is the most effective anti-discrimination policy and a way to establish the society of equal opportunity. The article recommends to combine various approaches within inclusive education, such as systemic, team-based, community-enhancing, conductive, approaches, however, the priority is given to a personalized approach fostering creativity.

Key words: continuing education, inclusive education, adaptation and integration of persons with disabilities, personalized approach.

Cherepanova E. S., Batiuta E. A. Gifted Children's Social Competencies: World Trends
in Educational Methods..... 170

The studies on gifted children's social competencies, as a rule, postulate that it is the professional adults who should counsel children on their vocational choice. The authors argue that this idea neglects young instructors' potential in developing gifted children's social competencies. The authors, approaching the issue from the perspective of cultural and philosophical anthropology, explore the role played by the younger people in encouraging children's success-oriented behavior and adequate career choice. The article compares two projects—"Successful Enrollee School" in Russia and "Academy of Schoolchildren" in Germany, which both offer an opportunity for gifted children to reflect on their life prospects and to develop their social competencies through communication with undergraduate and graduate university students as well as young instructors.

Key words: social competencies, gifted children, vocational guidance, teenager, self-determination, psychological and social development of a child.

Melnik N. B. Ecological Culture in the System of Ecological Education..... 180

The author discusses shifts in understanding the purpose of ecological education and argues that ecological culture is the most significant goal for ecological education. The analysis of the potential that further and additional education has for advancing ecological values is offered.

Key words: ecological education, ecological culture, structure of ecological culture, mechanisms of formation of ecological values, additional education.

Korchagin E. A., Safin R. S., Vildanov I. E. Interconnection of Training and Industry As a Basis
for Continuing Professional Development in Education Cluster 188

The article highlights the relationships between educational cluster as a continuing education structure and industry. The authors identify the areas of synergy between educational institutions and enterprises comprising the education cluster; they then determine the grounds for interaction of vocational training and production facilities in the cluster and, further, outline the opportunities for creating education cluster. The cluster functions concerning social-economic, geographical, national, sociocultural characteristics of the region have been defined.

Key words: education cluster, educational institutions, production, integration, continuing professional development.

CONFERENCE “IDENTITY AND MIGRATION IN THE CHANGING WORLD”

Grunt E. V., Kimmel N. V. Formation of Russian Diaspora on Bali193

The authors discuss the theory of diaspora in social sciences and suggest criteria for its analysis. The article focuses on the formation of the Russian-speaking diaspora on Bali Island. The authors demonstrate that the process of its formation was spontaneous and still continues. The analysis of the main characteristics of Russian diaspora is presented.

Key words: diaspora, Russian-speaking immigrants, diasporic consciousness, corporativity, assimilation.

Bokek-Cohen Y., Lissitsa S. The Impact of Social Networks on Spousal Influence Strategies during Couple Purchase Decisions201

The purpose of this study is to examine the impact of social network closeness on the use of spousal influence tactics among immigrants to Israel from the Former Soviet Union (FSU). A survey questionnaire was completed by 442 FSU immigrants, either married or cohabitating, who were asked to describe their social networks and to evaluate their own use of seven influence strategies during a dyadic purchase decision. Our findings shed light on the relationship between macro-level variables of the ecological environment of an individual and micro-level processes and phenomena that exist within his/her family nucleus, namely, the marital dynamics and relationships; we also provide practical recommendations for family therapists and practitioners.

Key words: purchase decision, social network, couple decision making, influence strategies, power tactics, immigrants.

Vahrusheva E. A., Loginov A. V. What Do the Journals Indexed in Scopus and Web of Knowledge Expect from Us?221

The authors outline the key topics of contemporary social science by analyzing journal articles, indexed in SCOPUS and Web of Knowledge. For this purpose, the journals have been divided into three clusters: “Sociology and social sciences”, “Political theory and political philosophy” and “International studies”. An additional cluster is considered, which contains Russian journals recently included in SCOPUS. In each cluster several journals have been randomly chosen (at least three) and abstracts of all the articles published in these journals in 2013 have been analyzed by methods of quantitative and qualitative analysis.

Key words: Index, Database, Social Sciences and Humanities, Content-analysis, Theme, Subject, Theory, Scopus, Web of Knowledge.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2014
№4 (134)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 9.12.2014. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 19,81. Усл.-печ. л. 20,09. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 1725.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817–7174;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, международным отношениям** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 82415.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).

3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5. Поля – все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество – полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук – философских, социологических, политологических, культурологических или экономических – они выступают соискателями ученого звания;

- в) инициалы и фамилия автора на русском языке;
- г) заголовок статьи на русском языке;
- д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

- конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;
- научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;
- основные этапы анализа или аргументации;
- главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шацлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например: [1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Сулову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: urgufo2005@yandex.ru